

БАЧЕБАЊЕ АНУНИ

Исстари лет на землях Древогорья живёт множество народов: берегины, карлы, славные люди Заповедья, потомки древних арихейцев. Но кроме этих племён необъятные пространства Древогорья населены земнородными сынами — лесовиками и водяниками, русалками и могучими богатырями. Боги и божичи также не покинули эти земли. Славный князь Заповедья Митрапирн затевает пир в честь праздника Изобилия, на который являются его подданные. Но никто еще не знает, что всем грозит опасность — в горах, благодаря стараниям коварного и неведомого врага, пробудился ужасный огнедышащий змей. Трое витязей во главе с Белениром отправляются в путешествие, чтобы спасти свой край и свой народ от неминуемой гибели и снискать себе славы и золота. Чем оно закончится, известно только богам.

Вячеслав Ларин

Былина железных душ

Благодарственный лист

Хочу выразить особую благодарность

Сергею Андреевичу Гловову — *за помощь в редактировании и улучшении сюжета;*

Денису Андреевичу Корягину — *за помощь в редактировании.*

Сказ долгий я сейчас поведаю, многое поведаю о древних временах и далёких землях. А более всего расскажу о лесистом крае, который с седой давности лет назывался Древогорье. Назывался он так неспроста, ибо было там много лесов, что росли вблизи разных гор. И в дни давние, когда нынешний мир был молод и юн, когда таково было и Древогорье, вот тогда-то и происходили великие события. Но, как уже поняли слушатели верные, я не буду утомлять их слух долгими рассказами об одном только Древогорье, иначе и не начал бы этот сказ.

Ведь в Древогорье жили разные племена и даже целые народы, в том числе и Земнородные сыновья. Ну вот, теперь придётся сказывать и о Земнородных сынах, хозяевах тогдашней природы, хотя хотелось бы уже поскорее начать свой сказ. Земнородные дети были сыновьями и дочерьми Земли сырой и огнистого Солнца, и от родителей им были дарованы чудесные дары... Хотя, стойте, больше вам знать о Земнородных детях ничего не надо. Пока. Ведь так вы сразу узнаете всё интересное и наверняка заткнёте уши от моей повести, потому я расскажу о них как-нибудь потом, при случае, а такой случай, уж поверьте мне на слово, будет.

И вот, наконец, я поведаю речь о тех самых древних временах. Времена те были на самом деле не столь древними, как, наверное, многим показалось. Тогда уже произошли многие великие свершения и наступила та славная пора, когда не было ни великих войн, ни общей угрозы. И люди жили тогда почти безбедно, считай что, не заботясь о защите своих княжеств и домов. Ведь они думали, что им ничего не угрожает. Хотя жили тогда не одни только люди. На просторах Древогорья обитали упомянутые уже Земнородные дети, великаны-асилки, карлы, берегины и даже поганые змеища.

Берегины были многочисленным народом, встарь прибывшим в лесистое Древогорье из заморских земель. Как сказывают старцы мудрые и как поют вещие сказители, берегины появились в благословенной земле, в беловодном Буяре. Но из-за козней они покинули этот край и, скитаясь по разным землям и оседая в некоторых, многие из них, преодолев долгий путь сквозь туманы Великих Морей и окованные льдом северные воды, в итоге достигли Древогорья. Берегинами, кстати, их кличут за то, что они всегда селятся около рек или бурных стремнин, потому, как говаривают те, кто встречал их, даже в их голосах порою проскальзывает пение ручьёв.

Карлы же исстари жили в заснеженном Засеверье. Там они работали в горах, углубляясь всё глубже и глубже в недра той земли, ища самоцветные камни и радуясь их сверканью как своему счастью. Оттого они, наверное, и стали коренасты, что долго ползали в рудниках, годами не показываясь на белый свет. Так бы и нынче ковырялись они в своих копях, но вскоре на их землю на ладьях пеногрудых приплыли скитальцы-берегины и в итоге карлы вместе с ними ушли по замерзшим морям в Древогорье, спасаясь от ужасного холода и распоясавшихся асилков и змеищ.

Асилки же были исполинами могучими выше леса стоячего, порой ходили они вровень с горами, но то было давно, и такими высокими и сильными были лишь самые первые асилки, но даже их потомки были велики и внушали страх и бывалым воинам.

С такими соседями и жили славные люди Заповедья. Они были потомками древних арихейцев, властителем над которыми встарь был великий государь Керн. Теперь его имя

осталось лишь в памяти старых сказителей и преданиях седых о былинном прошлом. Но когда-то государство Керна — Арих — было одним из самых грозных и могущественных. После того как пала его столица — Белогаст — люди Ариха бежали. Кому-то удалось увести народ в Смарагдовые горы — там люди стали звать себя горцами. Кто-то прошёл через степи южные, выйдя к огромному озеру, чьи берега были не населены. Это озеро уцелевшие нарекли Озером Тихих Вод или Великим. Остальные арихейцы, что выжили в ужасной битве за свою столицу, последовали в укромные долины, названные ими Заповедным Краем, или Заповедьем. Там возникло несколько княжеств, в которых потомки арихейцев стали жить и процветать.

А теперь, если вас не утомил мой зачин сбивчивый, пришло время для самой повести.

Глава 1. Пир во гриднице

Жил-был во славной земле, во Заповедном Крае, витязь Беленир. Отец его, доблестный Кресибор, погиб в давней морской битве и его он толком не знал, а мать умерла три года тому назад, и о ней удалец очень печалился. Братьев и сестёр у Беленира не было, были лишь братья по оружию — друзья и соратники. Что важно, сам Беленир был статен и высок ростом и жил на свете уже как двадцать лет и семь годов отроду, и был молод и могуч — воистину достойный витязь! Но не в этом была ему похвала от князя, а в том, что был он духом крепок, и его мудрое слово часто помогало самому князю в важных делах. Но и силы было достаточно у Беленира, хоть не так, как у некоторых из его соратников, ибо иные из дружины князя могли даже на своей спине удержать коня богатырского.

И по взору лазоревых очей Беленира люди, как смерды, так и князя, могли сказать, что этот человек умудрён годами, пусть ещё и недолгой своей жизни. Но сам Беленир, слушая про себя хвалу, лишь нахмуривал свои брови и не вникал в эти разговоры.

И однажды князь, имя которого, кстати, было Митрапирн, созвал всех своих воинов с их жёнами, богатырей, верных советников, даже старост деревенских и селян с поселянками, дабы устроить почестный пир во славу древнего праздника Изобилия. Когда все эти люди прибыли в княжьи чертоги, Митрапирн наконец закатил во гриднице своей высокой долгожданное пиршество. Среди пришедших, конечно же, оказался и Беленир. На пир наш витязь явился в сапогах червлёных, расписанных красивыми узорами, в новых штанах, в кольчуге серебристой и в злачёном шеломе с заострённым верхом да с расписным наносником и золотыми ободками для глаз. Не только Беленир — все витязи приходили в броне, показывая тем самым своё богатство и удаль, и лишь за столами по старому обычаю снимали шлемы и вкушали трапезу с непокрытой головой.

Гридница же, в которой должен был отгреметь народный пир, была просторной: она располагалась на первом этаже чертога и занимала его считай что полностью. На двадцать сажений она протягивалась в длину и в высоту доходила до двух. Всего в ней стояло три дубовых стола, стеленных белой, серебристой и золотистой скатертями, и один сосновый, за которым восседал сам Митрапирн. Скатерть на сосновом столе была изукрашена самыми разными узорами красного и золотого цвета, вышитыми самой княгиней и её служанками. И князь удалый, гордо восседая на своём деревянном престоле с дивной резьбой да поглядывая на эту скатерть своими изумрудными очами, молча сравнивал её с другими. «И вровень они ей не годятся!» — думал он про себя, хмуря густые седые брови, в которых кое-где всё ещё виднелись русые волосы. Да и не только княжеская скатерть была хороша — сам Митрапирн был одет богаче всех. На плечах у него было княжье корзно, на которое спускались кудреватые седые волосы. Опоясан славный правитель был широким золотистым кушаком, а грудь его защищала злачёная бронь. Около него сидела княгиня-жена, холодная как зима, пусть поблёкшая от годов, но не растерявшая величия и гордости. Она была чем-то даже похожа на самого князя: нос её был не длинен и не короток, но в самую меру, и словно бы выточен из камня; щёки её, хотя и пронизанные морщинами, всё ещё сохраняли бледно-розовый оттенок, да и очи её пепельные были живы как никогда. Одета княгиня была ничуть не хуже своего славного мужа, но если князь был весь злачёный, как солнце, то княгиня, напротив, серебрилась, словно месяц в своём новом дивном платье. А сын Митрапирна, многосмелый княжич Хедор, сидевший около отца, напротив, роскоши гнушался и был одет

как самый обычный воин. И лишь по виду его гордого лица можно было сказать, что он сын своего отца. Волосы его были цвета каштана, брови были потемнее и слегка прикрывали зелёные очи, глубокие как омут, а русая борода спускалась чуть ли не до самой грудины. Однако было видно, что княжич ещё молод и неопытен. Время его подвигов ещё не пришло.

И хмельной мёд тек рекою, и пир шёл горою. Витязям подавали напитки крепкие; осушали они кружки пива хмельного да звонкие чары со старым вином; иные черпали ковшами мёду из скобкарей, проливая его на усы, а кто и на бороду. Брага-напиток был в изобилии, и жареные кабаны, пойманные князем и его дружиной на охоте, лежали на столах, а столы тихо потрескивали от их тяжести. Также были тут гуси лакомые, вкусные куры и окуни крутогорбые, жареные. Заедали всё это красной малиной, сладкой клубникой, кислой черникой, морковью, репой и другими плодами здешней земли. Также на столах лежали яблоки наливные, синие сливы, груши, вишни и иные дары дров. И сколько бы ни съедали люди, всё вновь пополнялось ловкими слугами.

Между тем воины пели песни ратные, мерились силою, пили из рогов турьих сладкопенное вино и пиво, и радость была на их лицах. Селяне же, угрюмо посматривая на витязей, пытались съесть как можно больше и не меньше того унести домой. Они напихивали целые мешки яств, чтобы опустошить их по дороге или в своей избе. Пиво и брагу эти крестьяне не пили, предпочитая им вино, потому что оно было дорого, а нынче его разливали бесплатно. Но никто не обращал внимания на селян, и напитки хмельные лились на столы с той же силой — люди веселились, а собаки под столами обгладывали то, что им доставалось, и неприветливо рычали в сторону своих сородичей, боясь, что те отнимут у них кости или куски мяса. По счастью еды было столь много, что даже все псы наелись досыта. Также на пированье проводились состязания в метании копья и стрельбе из лука, в них принимали участие все, кто этого не гнушался. Даже один деревенский староста, с трудом натянув лук, попал почти в цель. Тем временем чудным звуком, нежным, словно утренний бриз на синем море, звучали по очереди яровчатые гусли, цевницы и арфы, ибо Митрапирн пригласил в свой чертог музыкантов, среди которых были и берегины, и те, ударив по струнам вещим, заиграли дивно-волшебную музыку.

Беленир на этом пиру был очень весел, пусть и пил мёд и пиво в меру. Ведь ему было приятно общество друзей, в числе которых был и Хедор, Митрапирнов сын, и не менее приятна хорошая музыка. Да и сам воздух сей гридницы словно поднимал веселье.

И сквозь окна в чертог князя пробивался лучистыми струями свет солнца. Но вскоре свет этот стал тускнеть, затем небо за окном заалело, будто золото, раскалённое докрасна, и в гридницу пробился напоследок один лучик и исчез. Смерклось. За окном застрекотали сверчки.

Но почестен пир продолжился при свете огней. Веселье шло дальше, воины продолжали устраивать поединки друг с другом, но не кровавые, а дружеские, шуточные. Когда же поединки утихли, сам князь Митрапирн затянул протяжную песнь под звучание гусель яровчатых и его и без того длинное лицо с острой седой бородкой заметно вытянулось. Брови его нахмурились, а глаза в свете огней загорелись как прекрасные малахиты. Такую песнь пел Митрапирн:

В тёмный час, когда темень всюду
И нет просвета в небе чёрном,
Когда солнце дикие тучи крадут
От взора ясного, от всех существ,

Могучий Стриор, гордый владыка,
Под небесами почерневшими немо стоит.
Смотрит он вдаль, мудро взирает
На горы, на реки, на леса и поля.

И борода его рыжая дико колыхается,
Длинная, по колено ему, лик его страшен:
Брови косматы растут буйно и сильно,
Глаза словно кладезь золота яркого,

Пылают они, лик украшая,
Одежда его подобна кольчуге,
Копья серебряные, колья могучие,
На поясе его висят, пёстро сверкая.

Князь закончил, все, заслушавшись, молчали ещё некоторое время, пока тишину не огласили ободрения Хедора, а затем и радостные возгласы всего чертога. В песне речь шла о Стриоре, могучем властителе ветров и буранов, который являлся перед людьми в облике сердитого и грозного рыжебородого богатыря.

Вскоре пир вернулся на круги своя, и вновь зазвучал его медленный шум. Выслушав песнь князя, Беленир собирался уже уйти и отправиться в свой терем светлый: его уже начал одолевать сон, и он думал только о том, как бы поскорее добраться до кровати. Но вдруг в дверь гридницы постучал кто-то, вернув Беленира из царства полусна. Да так постучал, что двери зашатались. Полупьяные и уже совсем одолённые мёдом и брагой витязи вскочили со своих мест. Некоторые попадали на пол, другие даже не смогли встать. Сам Митрапирн обнажил свой меч и приготовился к битве, подумав, что так ломиться сюда может только враг. Никто не решался подойти к воротам, и тут слышался звук рога удивительной мелодичности, какого не помнили даже старейшие того края. Словно гул из бездны годов заголосил этот горн. И, хотя все по-прежнему страшились неведомого гостя, звук рога был благороден и притягателен. Митрапирн, так и не поняв, зачем кто-то воспользовался горном после того, как уже постучал в дверь, спросил, решив соблюсти обычай старины:

— Кто ты, могучий человек, пришедший на пир ко мне, князю Митрапирну? Ежели ты старец, будь нам советником мудрым, если молодец, стань моим дружинником, если же ты девица красная, златокудрая, то входи и поведай нам о себе! — не стоит удивляться: в те времена Земнородные дочери не уступали в силе многим витязям.

Не дождавшись ответа, князь приказал Белениру пойти посмотреть, кто это там ломится. Витязь чуть не окостенел от такого приказа. Ведь времена те были пусть и не грозными и ужасными, но всё же невесть кто мог быть за этой дверью. Однако Беленир всё равно — делать нечего — встал со своего стула и, подойдя к дверям тесовым, снял запор и отворил их настежь.

Тут же увидел он перед собой, за порогом, низкого деда с длинной бородою цвета колосистой ржи, испещрённой седыми волосами, но оттого не потерявшей своего золотого оттенка. И очи старика, освещённые огнями чертога, сверкали, словно блещущая в вышине молния. Одет дед был в рубаху серую, подпоясанную серебрястым кушаком, сиявшим словно

звезда небесная, а на ногах у него были лапти лыковые. И взгляд его был суров и заключал в себе море мудрости.

— Кто ты? — удивлённо вымолвил Беленир, забыв об учтивости, да и вряд ли при виде такого необычного старца у него могло слететь с уст что-то более учтивое.

— Я тот, у кого много имён, а вы, люди, прозываете меня Всеведом за мои познания да Солнцедедом за мою золотоволосую бороду! — надменно ответил старик, проходя в чертог, и отголоски его громового голоса повторились в конце гридни. — Правда, вы уже совсем и позабыли меня, ведь несколько сотен лет не выходил я из Стоячего Леса, ибо познавал там мудрость тишины, беседовал с природой и пытался постичь языки зверей лесных.

— И зачем явился ты сюда, на наш пир? — продолжал спрашивать Беленир.

— Пришёл я неспроста, ибо песни похвalebные затмились плачами да хулами, ибо лежит слава в тени ужаса, ибо стоном горьким стонет сыра-земля да гнутся дубы кроковистые от тоски и печали. Ведь зловоние распространилось уже и в Заповедном Крае, смрад окутал деревни и поля: коварный змей ползёт в ваши земли, вознамерился их подчинить, местный люд в полон взять, — и старик ненадолго замолчал, а в гриднице все так и ахнули. — И ползёт змеище, приговаривая, как сожрет всех князей Заповедья и всех витязей сильномогучих да овцами закусит! О том мне от птиц ведомо! Готовься, княже Митрапирн, к походу ратному, к боевым подвигам.

— Кто ты, старец древний? — изумился Митрапирн. — Откуда ты, такой умный, явился в мои светлокняжьи хоромы?

— Я уже рёк вам своё имя! — грозно отвечал старик. — Я тот, кого вы прозываете Всеведом, а истинное моё имя на моём родном древнем языке вам знать ни к чему. Серебристым кушаком я подпоясан, лаптями обут, земли я сын и ветра внук, солнце светозарное — отец мой. Земнородный я сын, борода длинна до пола увита — вот, кто я. Пришел я из Стоячего Леса, что в Заповедном Краю. Там я рождён с бородою, ветром взлелеян с усами да солнцем согрет с седыми волосами.

— Но добры ли твои помыслы? — задал вопрос Беленир, увидев, что князь до того удивлён, что не может вымолвить ни слова. — И что это за змей лукавый собирается взять людей в полон?

И Всевед молвил:

— Добр я или зол — решайте сами, ибо сотворён я премудрым, появился знающим, и о зле да о добре не больно думаю, так что им не служу и не служил никогда. Но служу я мудрости превеликой, оттого вы, люди, и звали меня Всеведом с усами в локоть, с бородою в три локтя, с очами огненными, в серую рубаху одет. Таков я, витязь, знай. А прежде, чем про змея коварного спросить, усадите меня за стол дубовый, подайте мне жареного баранчика, накормите да попотчуйте, браги хмельной и пива пьянящего, вина зелёного и мёда крепкого налейте мне да не скупитесь. Затем я и расскажу вам о змее коварном. С дороги во мне голод дюжий пробудился.

Беленир удивился словам деда, но всё-таки велел усадить старца за стол да к тому же не за дубовый, а за сосновый, рядом с князем, и распорядился, чтоб подали ему баранчика жареного, оленину да гусей и вепря, а также зелёного вина и мёда крепкого и всего остального, чего он ни желал. И всё уплёл голодный старик, бороду в пиве вымочил, усами губы утёр, носом в стакане с мёдом поводил.

Пир тем временем продолжался, все уже и забыли и про деда, и про страшную весть, начали есть, пить, веселиться. Было ли это желанием гостя, его колдовством, было неведомо,

но пока он ел и пил, тревога и страх почти всех оставили. Гуслиеры заиграли на гуслиях яровчатых, и зазвучала, освежая мысли пирующих, сладкая музыка, звонкая и текущая со струн как ручей гремющий с голых камней. На улице, тем временем, стало ещё темнее прежнего, но Беленир, несмотря на это, уже нисколько не хотел спать — уж очень поразил его дед и к тому же он хотел узнать, что за подлый змей собрался захватить его родную землю.

Окончив ужин, Всевед встал из-за стола и благодатно изрёк:

— Спасибо за сытную еду, славно же я поел — давно так не уписывал жирного вепря. Наверное, так я не ел с тех времен, как могучий Дед взял в жены себе прекрасную Денницу Солнцеву Сестрицу, вот тогда была свадьба так свадьба, кушанье так кушанье, правда потом всё испоганил коварный леший да и матох с ним! Отвлёкся я что-то.

— Поведай же нам, старик-старинушка, о змее, что вознамерился пленить наш народ! — воскликнул Беленир, выйдя из терпения, но на этот раз он не забыл об учтивости.

На это старик седобрадый сказал:

— Где это так принято спрашивать путника о том, что творится в мире, не выпарив его в бане? Наверное, только дикари из южных гор способны принимать человека, затем спрашивать его и по своему глупому обычаю ещё и угощать его ударами дубины. Так со мной дела не ведут! Был я как-то в гостях у дикаря, да той дубиной его и пришиб.

— Ты что серьёзно в баню собрался? — спросил Беленир, думая, что гость шутит.

— Да, хочу попариться, — отвечал дед. — Бороду вымыть.

— Собирайся тогда, пойдём! — изронил витязь, но голос его звучал твёрдо и настойчиво.

— Что, вздумал меня затащить в свою баню? — воскликнул Всевед недовольно. — Чтобы меня там банник какой за ногу тяпнул? Да к тому же я хочу, наверное, и на пир посмотреть, и с витязями поговорить, да и на князя поглядеть. Неси баню сюда!

— Баню? — усмехнулся Беленир. — Может бочку?

— Ладно, давай бочку, — согласился дед.

Беленир повернулся к мужикам знакомым и сказал им:

— Несите сюда бочку да поскорее и про воду не забудьте!

— Водицу погорячее сделайте! — заметил Всевед.

— Кипятка налейте! — пошутил Беленир. — Очистим старика от грязи, а заодно и от кожи!

Князь Митрапирн всё время слышал дедовы речи и дивился его обычаям, но, желая отдохнуть, не стал ему возражать, ибо понял, что Всеведа не переспоришь, потому общение с ним оставил Белениру.

Вскоре мужики принесли для Всеведа огромную бочку и наполнили её чистой водой. Нежданный гость вначале отпил из неё зачем-то — наверно, чтобы узнать, какова вода. Затем уже он снял кушак, сбросил с себя серую рубаху и прямо в лаптях прыгнул в бочку.

— Горяча! Хороша! Чиста! — приговаривал он, парясь, а весь народ в гриднице тем временем над ним посмеивался.

Вымывшись, Всевед выпрыгнул из бочки, обтёрся, выжал бороду и довольно присел на скамье. Однако Беленир догадался, что все эти дурачества — вовсе не от старчества, а дед не так прост, как желает показаться, пусть и непредсказуем будто ветер. Витязь с грозным видом вновь подошёл к нему и сказал:

— Расскажи же нам об ужасном змее, наконец! — голос его был громок и пронёсся по

гриднице, словно гром по воздуху.

Беленир вышел из себя не просто так, а потому, что всякие змеища были очень опасны и порой уничтожали целые государства, а значит дед тянул с рассказом в деле необычайной важности. Да и наглость Всеведа тоже могла разозлить. Но после сказанных слов Беленир сдержался и ничего более не вымолвил, а только подумал: «Нет, наверное, никакого змея. Дед просто поесть да помыться пришёл, а нас в дураках решил оставить!».

— Рассказать, значит! — посмеиваясь себе в бороду, изрёк старец. — Нет уж! Где это видано, чтобы после бани не одетого толком деда заставляли что-то говорить. На мне одни только лапти да какое-то дрянное полотенце. Оденьте меня, как подобает, в княжьи одёжи, тогда и расскажу вам о том змее лютом!

Князь Митрапирн, услышав просьбу Всеведа, хлопнул в ладоши и молвил громко:

— Принесите для моего славного гостя мои наилучшие одёжи. И дайте почтенному старцу кубок вкусного вина да похолоднее, чтоб сошёл с него банный жар, а то смотрите какой он красный.

Тут же слуги князя принесли одежды и с уважением вручили их древнему деду. Тот радостно улыбнулся и не спеша стал наряжаться. Видно было, что он всем доволен. Нарядившись, наконец, в украшенные золотом и серебром одежды, перекинув через плечо плащ расписной, обув на ноги сапоги червлёные да подпоясавшись кушаком с драгоценными камнями, Всевед изрёк:

— Знатное одеяние, давненько я в таком не хаживал! — и он заносчиво прошёлся мимо княжьего стола, приблизившись к Митрапирну. — Исполнили вы мои желания, ведь с дороги я хотел наесться-напиться, в бане выпариться и нарядиться в новую одёжу. Так уж и быть, молвлю я вам о коварном змее, что собирается полонить ваш народ.

— Наконец-то! — воскликнул Беленир от нетерпения. — Говори же поскорее, какая напасть ждёт нас.

— Хорошо! — возгласил старик, поглаживая окладистую бороду и отпивая вина, которое ему принесли. — Я, как ни как дедушка золотая головушка, серебряная бородушка, а иначе — Всевед, нынче в одёжу знатную одет, в сапоги красивые влез, корзном плечо покрыто! А про тебя, князь светлый, могу сказать, что ты своё обещание исполнил.

— Какое такое обещание? — удивился князь.

— Я уже был в твоём чертоге, — держал ответ улыбочиво Всевед. — Несколько веков провёл я в отшельничестве в Стоячем Лесу, изучая языки птиц и зверей. И недавно понадобилась мне трава колдовская, что растёт за Легкотечной Рекой.

— Зачем она тебе понадобилась? — спросил Беленир. — И как это связано с каким-то обещанием?

— Затем и понадобилась, чтобы изготовить зелье, крайне нужное для моих дел! — продолжал Всевед. — Именно за ней я отправился на юг и по пути зашёл в этот чертог. Быть может, князь Митрапирн, помнишь ты неприметного странника, укутанного в плащ, который попросил крышу над головой во время дождя. В тот день ты принимал гостей с севера, каких-то князей или княжичей и сказал во всеуслышанье, что всякому гостю здесь будет оказан поистине царский приём! Вот теперь слово ты сдержал. Действительно, по-царски меня здесь приняли.

— Так что со змеем? — задал вопрос Митрапирн. — Помню я какого-то странника в своих чертогах в день приёма князя Вадира, но это не столь важно. Расскажи же, что тебе известно о чудище проклятом!

— Слушайте же мой рассказ! — воскликнул тогда Всевед. Тут все глаза в гриднице устремились на деда и всякие голоса смолкли, и сам князь, нахмурившись, с ожиданием стал взирать на мудрого старика. Гость же помолчал немного и продолжил:

— Перешел я Легкотечную Реку и там в долине нашёл то, что искал. Вдоволь сорвал я там колдовской травы для своего снадобья, как вдруг вдали услышал я приглушенный рёв неистовой силы. Меня то не обрадовало, а потом и вовсе донёсся до меня от птиц слух, что пробудился под горами стылыми лютый змей именем Идогурн, и именно его голос, донёсшийся из глубин, я и слышал. От этого рева и бежало прочь зверье и птица, разнося слух о приближающейся напасти. Идогурн выполз из гор и направляется сюда!

— Всего лишь слух! — воскликнул кто-то в гриднице. — Да ещё и от птиц! — и многие оттого засмеялись.

— И я так сперва подумал, — согласился Всевед, — подумал я, что слух этот пущен просто да пусто и потому пошёл я проведать, правда ли пробудился змей огнедышащий, и дошел до самых гор! И увидели мои глаза как из пещеры валит дым, предвещающий рождение жестокого пламени! Но не успел я отыскать того вертепа, как прилетел ко мне ворон и сказал, что чуть не задохнулся от дыма, что исходил от той пещеры и посоветовал уходить. Я внял его совету, и опосля ворон добавил, что до этого видел, как сам Кошевит из Черного Крома заходил в пещеру дабы пробудить проклятое змеучудище! И вскоре оно явится сюда, но не просто сжечь всё дотла, а взять в плен людей, чтобы те трудились на него и добывали ему богатства — так сказал мне каркун. Готовьтесь к бою со змеем. В Заповедный Край он может нагрянуть скоро, если будет очень быстр, и тогда травы пожухнут от горя и почва побагровеет от крови. Но давным-давно его крыло было повреждено, потому он, скорее всего не полетит, а поползет. Даже если его искалеченное крыло вернулось в прежнюю форму — после столь долгой спячки он не станет тратить силы на полет, поэтому у нас в запасе может быть примерно полгода, ибо к югу от вас в Заповедье есть еще княжества, а в них он может веселиться весьма долго. К тому же я их предупредил об этой беде, а значит они будут готовы. И всё же лучше окончите пир и отходите от вина и пива. Таков мой совет.

Тут со стороны витязей и всех пирующих донеслись неодобрительные крики и возгласы. Некоторые даже захотели прогнать Всеведа, но князь светлый всех утихомирил и, выпив чару, решил вместе с Белениром дослушать совет вековечного старца. Всевед продолжал:

— Так вот! Лучше всем разойтись по домам и скорее уходить на север, иначе змей лютый может застать всех врасплох. Более того, известно мне, что Кошевит сговорился и с асилками, которые также могут напасть на Заповедье! Но пока главной заботой является Идогурн. Потому есть у меня к тебе, княже Митрапирн, ещё один совет: отправь нескольких воинов в путь, дабы нашли они богатырского коня, такого, какого нет в твоих стойлах — разумного и мудрого и до того сильного, что побивал он прежде целые полки! Сей конь ретивый поможет в битве со змеем: он может дать совет дельный, а может и своим копытом пособить. Не стоит смеяться! Ведь именно сидя на этом коне встарь удалыцы былинные били коварных змеев.

— Ты что, старик, с ума сошёл? — возмутился князь Митрапирн, грозно нахмурился густые седые брови. — Неужели ты думаешь, я из ума выжил? На нас ползет ужасный Идогурн, а ты хочешь искать какого-то коня!

— Пойми, княже, это не какой-то конь, он не простой: мудрости ему и у меня не занимать! — ответил старик, важно крутя свои длиннющие седые усы. — Он много

знает про разных змеечудищ, знает их слабые места, ведь на нем богатыри этих змиев и убивали! Он всё смотрел да запоминал. Моих знаний о змеях мало! — но Митрапирн на эти слова лишь улыбнулся, потому Всевед, поняв, отчего весело князю, заявил:

— Если ты, Митрапирн, подумал, что я выжил из ума, выставив себя глупее какого-то коня, то ты понял всё неправильно. Конь этот знает всё о змиях, а я о них знаю мало, но всё равно я мудрее его! Я умнее коня! Хотя и конь сей тоже умён и мудр...

— Мудрый конь! — рассмеялся Митрапирн, думая, что дед совершенно спятил.

— Да! — изронил старец. — Мудрый конь. Он так стар и мудр, что, говорят, у него даже борода седая есть — не иначе как от долгих лет выросла!

— Но как мы спросим что-либо у коня? — поинтересовался Беленир, вмешавшись в беседу князя и деда, видя, что она заходит в тупик. — Неужто ты говоришь на языке коней? — толпа в зале засмеялась, слушая эти речи, хотя Беленир не хотел её смешить, а задал совершенно серьёзный вопрос. Старик же, насупив брови, обвёл всех в GRIDнице своим прозорливым взглядом и сердито шмыгнул носом.

— Что-то мне подсказывает, что ты, старикашка, умеешь ржать как конь! — добавил, посмеиваясь, кто-то из толпы, и в чертоге вновь поднялся хохот.

— Нет, я не говорю на языке коней и ржать как конь не умею — природа меня таким даром обделила, но тот конь говорит на языке людей! — пробурчал старец, глянув в сторону князя невесть отчего загадочным взглядом.

— Всё, что ты говоришь, так удивительно, что сойдет за правду! — молвил Митрапирн, разрываясь от сомнений. — Думается мне, ты говоришь правду, иначе не стал бы стоять здесь после того, как над тобой посмеялся весь чертог. Но поверить тебе трудно!

— Да, это так! — рёк мудрец. — Но у меня нет времени говорить боле о коне. Надо решить, кто пойдёт в поход, дабы отыскать сего богатырского скакуна. Если есть добровольцы, пусть поднимут руки, — в чертоге воцарилась тишина, никто не решался. Беленир колебался, ибо, с одной стороны, давно мечтал о подвигах, а с другой, не хотел искать каких-то коней. Рука его не поднималась. Но вдруг тогда, когда наш витязь уже поднял руку, князь Митрапирн воскликнул:

— Сундучок золота и ларец серебра каждому, кто отправится в это путешествие!

Услыхав такие речи, Беленир, понимая, что золото ему не повредит, стал держать руку увереннее. Выступили также ещё двое витязей. Один был невысокий, но широкий в плечах, в доспехе кожаном, на ногах у него были обычные башмаки, штаны были старые, затертые. За спиной у него был топор боевой, сам он был прост собой и только стальное лезвие его топора, нынче убранное в чехол, блистало ярче серебра. А в карих, словно осенние деревья, очах того воина сверкала доблесть дюжая. И прямой нос удальца, словно бы выточенный из гранита и его длинные русые волосы, спускавшиеся до плеч, почти неухоженные, говорили о его неприхотливости, что и было нужно в этом нелёгком походе.

Второй воин, напротив, был высок и богат своей одеждой и доспехами. Грудь его защищала серебристая как лунный месяц кольчуга, звенящая, словно тысяча маленьких колокольчиков. На шее у этого воина была гривна золотая, изображавшая змея, на руках — налокотники, украшенные замысловатыми узорами. В ножнах у него лежал длинный стальной меч: крыж этого меча был покрыт серебром, на яблоке переплетался, точно дубовые корни, дивный узор, а черен был обвит кожей. Подпоясан витязь был красивейшим ремнем с узористой медной бляшкой, а рядом с ним лежал его новый дорожный плащ. И зелёные как изумруд глаза этого воина были спокойны и неколебимы. Видно было, что он

суров и силён. И его волосы светло-русые были не столь длинные, как у первого воина и были хорошо убраны. Очевидно, этот человек любил свою внешность.

— Назовитесь, сильномогучие витязи! — прокряхтел Всевед, почёсывая затылок. — Я должен знать ваши гордые имена.

— Я Беленир! — проговорил чётко наш герой, глянув на деда.

— Я рекусь Всесвятлир! — назвался богатый воин, обнажив меч из ножен. — Имя это многие знают, ибо много врагов сразил я этим мечом, и слава моя гремит по всему Заповедному Краю.

— Моё имя Брисинор, — сказал бедный витязь, доставая топор из-за спины, — этот топор тоже сразил многих, но пусть он не так хорошо украшен, как меч Всесвятлира, не думайте, что оттого он хуже в деле! — и таинственный огонёк сверкнул в его карих очах.

Всевед улыбнулся и, оглядев Беленира, Брисинора и Всесвятлира, изрёк таковые слова:

— Утро вечера мудренее, ведь ночь — время коварства, а утро — время мудрости. Пусть все расходятся, а эти трое пусть ночуют здесь, надо им как следует подготовиться к завтрашнему пути, изучить стезю предстоящую, а ты, княже, дай им всё, что требуется для похода — нечестно требовать с них и этого. А я, Всевед, в княжью одежду одет, мудростью воспитан, знанием обучен, пока тоже останусь тут и словом своим просвещу трёх соратников.

Князь Митрапирн свистнул могучим посвистом, и все поняли, что пиршество окончено. Бояре, воины и селяне — все стали расходиться, бедняки и скряги ухватили с собой жареных куриц, а один утащил на спине целого вепря, над чем от души посмеялся Всесвятлир. Поднялся страшный шум: люди, уходя из гридницы высокой, начали говорить меж собою и обсуждать приключившиеся события.

Когда все разошлись, Всевед откланялся князю удалому и удалился вместе с тремя воинами в светлицу — на второй этаж. Туда вела длинная дубовая лестница с широкими ступенями, которая находилась прямо за княжеским престолом. Пройдя по ней, Беленир вместе с Всеведом, Всесвятлиром и Брисинором, оказались в обширной комнате с узкими оконцами. Посреди этой комнаты стоял стол крепкий, вокруг которого красовались четыре скамьи с подлокотниками в образе вставших на дыбы коней. Справа и слева от стола находились кровати со спинками, на которых были вырезаны быстроногие кобылы и чудесные звери. Все четверо расселись по скамьям, Всевед посмотрел на Беленира и молвил:

— Вы отправитесь втроём, сильномогучие витязи! Я же пойду обратно, в Стоячий Лес, там мой дом и его должно мне оборонять от змея, ежели тот сунет туда свой нос!

— Но справимся ли мы втроём? — удивился Беленир. — И где нам искать того богатырского коня?

— Надеюсь, что справитесь! — пробурчал старик, мотая ус на палец. — А где схоронен этот конь я не ведаю. Потому и не иду я с вами, что толку от меня будет мало. Ваш путь лежит на север Заповедного Края — до обширной рощи: в ней живёт мудрая колдунья, она вам про коня всё и расскажет. Правда, есть у нее и другие дома, но они в Брегокрае, а мне туда нельзя... Надеюсь, что она будет сейчас в том доме, что стоит на севере Заповедья. Думаю, всё важное я вам поведал, а теперь я удалюсь из этих чертогов княженецких. Туда явлюсь я, где рождён, туда, где появился, туда, куда хочу идти, туда явлюсь я, знайте вы!

И старец вековечный, пропев последние слова, неожиданно вскочил со скамьи, прыгнул с лестницы и, отвесив поклон князю, вышел вон из широкой гридницы, распахнув двери. Тут же в храмину задул сильный ветер, и тьма за дверями, хотя проникнуть в чертог, словно

заколебалась. Князь Митрапирн встал со своего престола резного и поднялся в светлицу.

— Что приключилось? — спросил он, сев на скамью у стола, где ещё сидели трое витязей. — Горе или нет?

— Горе или нет — скажу, как вернусь, — удручённо отвечивал Беленир, — но Всевед ушёл и сказал, чтоб шли мы к вещи колдунье, что живёт на севере отсюда, в какой-то роще. Она и поведаёт нам, где искать коня богатырского.

— Вижу, лихо выпало на ваши судьбы! — изрёк князь важно. — Худо будет вам, ибо путь к той роще лежит через опасные земли, в этом вы сами убедитесь. Вам предстоит пройти через Дикий Лес, а там уже давно поселилась нечисть и не даёт проходу добрым людям, отчего тропы в лесу уже давным-давно заросли. К тому же север нашей страны — не самые дружелюбные места, ведь там живут другие князья и стоят другие княжества. Люди там, говорят, якшаются с берегинами, а некоторые и вовсе стали ведунами, хотя про колдунью вашу я не слыхал, — и князь, почесав ухо, встал и ушёл.

Беленир, Всесвятлир и Брисинор ещё долго сидели за столом и обсуждали речи деда и князя, затем приготовили они к походу мешки дорожные и вскоре отошли ко сну.

И во сне Белениру привиделось, будто бы сидит он на камне возле чертога Митрапирна: ярко светит солнце, поют птицы певчие, и ветер тёплый приятно играет в волосах. Но вдруг слышится звук рога, человеческие крики, и откуда ни возьмись, появляются толпы людей: кто-то с обгоревшими телами, у кого-то с головы сочится кровь, и глаза у всех испуганы. Тем временем облака заволакивают солнце. «Идогурн!» — говорят несчастные люди и тянутся руками к Белениру со всех сторон. Лес их рук все нарастает и нарастает, едва не укрывая витязя с головой. Он пытается образумить их, говорит им что-то, но сам себя не слышит: губы открываются, но голоса нет. Тогда Беленир встаёт на камень, и тут видит, что в небе над самым чертогом уже летит змей, а вместе с ним тьма облекает землю. Витязь смотрит вокруг себя: никого уже нет в живых, все валяются мертвые, и падальщики чернопёрые с жадностью клюют человеческую плоть. Змей уже близко. Змей уже здесь. Беленир уже ощущает его взгляд на себе.

И вдруг из леса вылетает верхом на коне красавица в белом одеянии с мечом в правой руке. Грудь её закована в бронзовую бронь из тысяч чешуек в виде ястребиных перьев, а волосы развеваются на ветру словно золотая сеть. Но чудеснее всего выглядят её глаза: они излучают какое-то чудесное синее сияние. И вот дева кричит Белениру: «Держи меч, витязь Ариха, не страшись!», и тут в руках у него сам собою оказывается меч. Страх исчезает из груди, и невероятное спокойствие разливается по венам. Воин готовится к бою, а змей становится всё ближе и ближе. Но на этом сновидение закончилось, и Беленир проснулся посреди ночи. Не веря, что всё это был сон, воин подскочил к окну и, открыв ставни, выглянул из него на улицу, ожидая увидеть там какое-нибудь подтверждение увиденных во сне событий. Но все было тихо: ни змея ужасного, ни толпы народа, ни чудесной девы. В раздумьях Беленир снова лёг спать.

Глава 2. Мал-стар Дедок

Взошло огнистое солнце, озарив окрестности и всё небо самыми разнообразными оттенками. Было похоже, будто небосвод покрыло золотистое одеяло. И вот, выглянув из-за крон деревьев, красно солнце осветило чертоги князя: лучи пробились в светлицу широкую сквозь щели между ставнями и стали будить витязей. Слышно было, как проснулись собаки, первыми встретив утро. Витязям же пора было собираться в поход.

Проснувшись, Беленир встал с кровати и, отворив ставенки дубовые, глянул в окно. Там он увидел знакомую с детства дубраву, окружавшую чертоги князя: все дубы в ней были зелены, ибо середина лета была уже не на носу, а на самой переносице. Между деревьями словно бы покрывало стелился легкий туман, а в цветах сонных беззаботно порхали бабочки, белые как ходячее облако. Поля широкие позади дубравы были усеяны одуванчиками, так что казалось, будто это вовсе не поля, а золотые россыпи. Ко всему прочему, голосистые птицы распевали свои чудные трели, свища и чирикающая на разные лады. Солнце взошло недавно, не успев согреть сырую землю от ночного холода, и потому тени ещё не укоротились. Но природа уже пробуждалась, и вскоре должен был наступить солнечный день.

Беленир отошёл от окна, разбудил своих товарищей, все они оделись, облачились в свои доспехи, сверху набросили длинные плащи и вышли из светлицы, неся в руках дорожные мешки. Всесвятлир с Брисинором уже начали обсуждать, какой дорогой лучше ехать. Спустившись в гридницу, витязи встретились с князем.

— Доброе утро, светлый княже! — промолвил Беленир, улыбаясь, и все трое отвесили своему князю поклоны, князь тоже поклонился (в те старые времена даже князья кланялись хорошим людям!) и изрёк:

— И вам утро доброе! Вам предстоит далекое странствие, так что уходите лучше побыстрее, ибо чем раньше вы выйдете, тем меньше придётся идти в сумерках или в темноте до ближайшей деревни. К тому же утро — хорошее время для пути и для раздумий, а вечером лучше спать, а не томить тело и разум. Да, и в дороге помните, что лучше лаптем черпать воду на родине, чем серебряной ендовой мёд, да на чужбине. Не сбейтесь со своего пути, — и Митрапирн, попрощавшись, сел на свой престол и взглядом проводил путников до двери. Словно бы знал князь, что нелёгким будет их путешествие.

Трое витязей вышли из княжеской храмины, оседлали коней добрых, а ноги у тех коней были точно бревна, гривы вились по ветру и лоснились словно шелк, и копытом кони притопывали, глазом примаргивали — веселили воинов. И вот пустились они в путь-дорогу. Чертог каменный с деревянным балконом прямо над главным входом и соломенной крышей, стал понемногу удаляться из виду.

— Имели дело со змиями? — спросил Беленир своих спутников. — Видели ли живую этих тварей мерзких?

— Не доводилось, — ответил Всесвятлир. — Обычные змеи же не в счет? Беленир улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Я имел дело с этими чудищами, — внезапно молвил Брисинор. — Давно это было.

— В самом деле? — удивился Беленир. — Не шутишь ли?

— Да не до шуток тут! — продолжал Брисинор. — Давно, еще в детстве, жил я на юге. И в одну из злых ночей, которых немного выпадает на долю человека, проклятый змеёныш

спустился с гор, ища добычу, и напал на селение, где я жил. Многих он спалил дотла и многими насытился. Пали от его огня и когтей и отец мой, и мать... После этого меня взял на воспитание дядя.

— А что со змеёнышем стало? — поинтересовался Всесвятлир.

— Вовремя подоспела дружина князя и змеёныша мелкого забили копьями. Воинам повезло, что он был слишком молодым — наверно, будь змей постарше и побольше, никто бы не выжил.

На этом разговоры утихли. Вскоре перед очами витязей предстали деревни и селения Заповедного Края: были они просты собой и ничего удивительного там не было. Дома были деревянные, кров тоже, правда, иногда встречался соломенный. В таких домах было тепло зимой и прохладно летом. Часто на крышах возвышались князьками узорные головы коней или петухов. Богатые терема были в редкость — везде были избы, в которых жили сильные и гордые семьи оратаев.

Путь на север вел через три подобных поселения, и благодаря совету князя, путники добрались до первого до наступления темноты. Но они не спешили, и прошла долгая седмица, полная длинных и солнечных дней, прежде чем они оказались в последней из этих деревень, пройдя по Ущелью Белого Камня — узкому ущелью, через которое вела самая быстрая дорога на север. Другие дороги вели через Старые Валы, которые отделяли северные княжества от княжества Митрапирна. Но дороги эти были ненадежны и запросто могли завести в болото.

Оказавшись в деревне, Беленир, довольный хорошей погодой, сошёл с коня удалого и решил спросить у селян, как пройти через Дикий Лес к той северной роще, к которой они держат путь. Тотчас встретился ему староста здешний — невысокий и худощавый мужичок с острой бородкой и бегающими черными как смоль глазами. Одет он был приличнее всех в той деревне: на нем была чистая белая косоворотка, новые сапоги, лёгкая шапка да штаны неношенные, потому видно было, что сума его всегда полна собранного с крестьян добра и не всегда это добро уходит в княжью казну.

— Привет тебе! — сказал Беленир старосте с улыбкой. — Скажи мне, добр человек, куда надо держать путь, чтобы пройти на север к роще, что растёт на границе с землями берегинов. Мы трое держим туда путь! — и Беленир обвёл рукой бывших с ним Всесвятлира и Брисинора. — И есть ли путь через Дикий Лес?

Староста поклонился и тоже поприветствовал их, а затем изрёк:

— На севере много рощ, не знаю, какая вам нужна. Если же хотите вы попасть на север, то туда дорога только через Дикий Лес. Я могу вас проводить — сами вы из него не выберетесь! А могу и до самой рощи вас довести, только расскажите о ней побольше — до неё вы тоже без помощи не доберётесь.

— Отчего не доберёмся-то? — изумился Всесвятлир. — Неужели наша земля расширилась с тех самых пор, как я три года назад охотился в той роще на вепрей вместе со Стрезибором? Пусть, не помню я туда дороги, но добраться туда не так-то и сложно, тем более мне, Всесвятлиру, потомку благородных родов Ариха!

— Не знаю, не знаю! — прокряхтел важно староста, покручивая пальцем свою бородку, а Всесвятлир только удивился, отчего он не знает его славного имени. — Я сказал своё слово — могу вас проводить. Не хотите, я не буду, — и староста уже собирался уйти.

— Стой! — окликнул его Брисинор. — Нам не нужен проводник до рощи — сами найдём путь, это будет нетрудно, ибо там, говаривают, живет колдунья, а они не в каждой

роще проживают. Так что путь туда нам укажут. Но в Диком Лесу нам проводник не помешает. Если не хочешь, найди нам другого.

— Эти деревенщины не согласятся даже близко подойти к этому лесу, — заметил староста, — они думают, что лихой это лес, думают будто там всякие лешаки да водяники водятся или кто-нибудь ещё почище! А северная роща на границе с берегинами, куда вы держите путь — та вообще место злое, и никто вас туда не поведёт, раз там живёт колдунья. Если вы говорите о той роще, то через неё к тому же течёт заколдованная река — Синегривка. Не знаю её силы, но, говорят, через неё не перейти! Если вам надо на другой берег, то вам туда не попасть даже с моей помощью.

— Ладно, веди нас через Дикий Лес, но прежде назовись — я должен знать имя того, кто будет нас вести, — сказал Брисинор, недоверчиво глядя на старосту.

— Имя моё Борим, — гордо произнёс тот, нахмурившись, — но какова плата за мои услуги?

— Доброе слово и место в песне о наших подвигах, пройдоха! — засмеялся Всесвятлир, но глаза старосты стали так ужасны и злобны после этого, что смех витязя как-то сам собой прекратился, не оставив на его лице даже и легкой ухмылки.

— Если проводишь нас верной дорогой, путём правильным, то заслужишь нашу благодарность и червонное золото! — сказал Беленир, и староста спросил, насупившись:

— И сколько платите?

— Не поскупимся, — ответил Беленир. — Дадим тебе десять золотых.

— Пойдёт, — буркнул староста, но хоть он и согласился, видно было, что он немало рассержен на шутку Всесвятлира.

— По рукам, — заключил Беленир.

Староста удалился, поговорил с одним селянином, чтобы тот занялся его делами на время отлучки, привёл свою пегую кобылу, сел на неё и вместе с воинами храбрыми пустился в путь. Он поехал первым, ведя за собою всех остальных, следом за ним поехал Беленир на своём могучем коне, затем Всесвятлир, а самым последним Брисинор. Путники покинули деревню и вышли в поле — селение вскоре скрылось из виду. Но они долго ещё ехали полем среди ярко-красочных цветов, и над их головами три часа или больше синел голубой небосклон с белыми, что пена морская, облаками. Солнце было высоко и припекало путникам спины. Впереди замаячил коричнево-зелёным пятном лес.

— Это Дикий Лес! — промолвил староста, обводя рукой высокие сосны вдалеке.

— Я знаю, что это Дикий Лес, деревенщина! — недовольно сказал Всесвятлир, и воинья посмеялись. — Можно подумать, мы на собственной земле никогда не езживали! За кого ты нас держишь? Но сколь хорошо ты знаешь этот лес, мы посмотрим! — староста смолчал и ничего не ответил, а в груди у него забурлил яд ненависти и злобы — теперь он обозлился уже на всех путников. Ведь, засмеявшись, они, не подумав, его сильно оскорбили. Ко всему прочему удалцы ещё и говорили о сундучках золота и ларцах серебра, посуленных им Митрапирном, а у Беленира в суме побрякивали червонцы. Это ещё больше разожгло ненависть и жадность Борима. Вот уже много лет подряд дела старосты шли неважно, и он успел озлиться на жену, которая убежала с другим, на собаку, потому что та лаяла по ночам, а в конце на весь свет. Лишь угаиваемое добро селян было ему утешением.

Но пока Борим вёл витязей по верной дороге. Скоро путники вошли в лес, и их окружили сосны стройные, подступавшие к самой дорожке и впивавшиеся в серую почву узловатыми корнями. В верхушках этих сосен щебетали суетливо певчие птицы, заливаясь

умильными песнями, и Всесвятлир тоже свистел вместе с ними, наверное, пытаясь привлечь их или подразнить, а Брисинор глядел вверх, на небо чистое, теперь уже бывшее без единого облачка, такое же голубое, как волны морские, накатывающиеся на скалистые береги. Беленир же следил за белками рыжими, что сновали туда-сюда по сучкам высоких деревьев, прячась от неожиданных гостей, и радость теплилась в его сердце. Лишь один староста-проводник, потупив свой взор, сидел, мрачный и хмурый, на своей кобыле и не хотел смотреть ни на буйство зелени, ни на прекрасный небосвод.

Вскоре Борим свернул с прежнего пути и повёл путников по узкой стежке: то была тропа неторная — почти никто не ездил по ней даже когда в лесу было безопасно, а теперь по ней даже медведи бурые не шастали. Вокруг этой тропинки росли густо брусника и спутанные когтистые заросли ежевики. Сосновый бор уже кончался. Иногда тропка была не видна вообще, и староста часто останавливался и смотрел, верен ли выбранный им путь.

И вот начался тёмный ельник, сырой и влажный, вся почва в нём была усыпана мёртвыми иголками, а деревья покрыты мхом. К тому же ветви елей кустистых спускались так низко, что всем пришлось слезть с коней — даже кобыле нужно было нагибать голову, проходя под этими ветвями. Скоро тропка совсем затерялась под ногами, и староста повёл путников по засечкам на деревьях. Исчезли цветы разнovidные, радовавшие глаз, и высокие травы. И пусть был ясный день, но в ельнике было сумрачно и даже птицы там не пели. Так прошли путники около четырёх часов, Всесвятлир начал жаловаться на то, что проводник завёл их в неведомую глушь, чтобы затем их бросить, на что Борим лишь посмеивался.

— Глупец! Ты даже не знаешь дороги! — воскликнул Всесвятлир.

— А ты, видно, много здесь знаешь! — язвительно передразнил его Борим.

— Ты ещё получишь у меня, пройдоха, если будешь пререкаться с тем, кто сильнее, знатнее и к тому же выше тебя! — сказал ему Всесвятлир.

— Ты что угрожаешь мне? — спросил его Борим. — Да я могу завести вас куда-нибудь и бросить, если будешь надоедать! Попробуйте-ка без меня выбраться — глядишь, на медведя скорее напоритесь, чем из лесу выберетесь.

Всесвятлир хотел продолжить, но Беленир, смекнув, что с Боримом лучше не ссориться и видя разгоравшийся спор, остановил его и сказал:

— Подобные споры ни к чему не приведут, кроме ссор! Думаю, на сегодня ты наговорился. Будь мудрее, не сей крамолу в наших рядах.

Борим же, услышав речи Беленира, исподтишка посмеялся себе в бороду, оскалив гниловатые желтые зубы.

Солнце приготовилось к заходу и с каждым мгновением всё сильнее косилось к западу. Небеса голубые стали краснеть, словно бы созревая, чтобы затем истлеть. Луч солнца напоследок пробился сквозь кущи елей, и Беленир, увидев его, возрадовался, ибо давно не видел толком света в густом и мрачном ельнике. Между тем солнце приблизилось к пушистым вершинам деревьев и скрылось за ними, обагрив весь небосвод полыхающими цветами. Сгустились сумерки, и вскоре тьма заволочла ельник до того, что не стало видно даже земли под ногами.

— Старик негодный! — закричал Всесвятлир, угрожая тому кулаком могучим. — Ты завёл нас в самую гущу леса! Я так и знал, что нельзя было тебе доверять, я убью тебя прямо сейчас и тем буду доволен, даже если придется умереть здесь с голоду. И то я не умру здесь, я Всесвятлир — умелый охотник и мне не страшны твои угрозы.

— Пстой! — молвил Беленир. — Удержи свой пыл, друг мой, нам предстоит найти

верную дорогу, а не убивать никчемного старика. У нас итак мало времени, чтобы тратить его на пройдоху-деда

— Кто это тут пройдоха-дед? — возмутился староста деревенский, совсем выйдя из себя, и выхватил из сапога нож, напоминавший клык кабана.

— Он хочет нас убить! — закричал Брисинор и достал из-за спины топор боевой.

Тут бы и пришла к старосте смерть, но он вовремя бросил засапожник наземь и молвил: — Не заводил я вас в глушь, убивать вас не хочу я, просто разозлили вы меня. Простите! Здесь недалеко есть лесничья изба, там переночуем, а затем через три дня выйдем из этого леса! — В голосе его чувствовалось коварство, которое нельзя было скрыть, но никто из витязей его не заметил, наверное, потому что они были взволнованы поведением старосты и засапожником, который тот неожиданно достал. Что уж говорить, если они забыли даже зажечь факелы.

Между тем, Беленир оглянулся и увидел недалеко огонь: то горела лучина в окне какого-то дома. «Не соврал», — подумал витязь, и путники, присматривая за старостой, пустились к огню. Приблизившись к нему, они разглядели в темноте старый могучий сруб — избу крепкую, бревенчатую, крыша которой немного покосилась набок, словно от усталости. С трудом, чуть ли не на ощупь, отыскали они дверь дубовую и, привязав своих коней добрых на улице у толстого дубового столба, вошли в дом и зажгли там ещё пару лучин. «Не врали толки про дом этот, — подумал про себя Борим. — Хорошо, хоть нашли... Раз дом есть, то и он точно есть — главное, что б не сыскал!».

Обстановка в избе была не бедная, хотя и не богатая. Пол был дубовый, как и дверь, в углу уютилась печь, посреди горницы стоял стол, стелёный белой скатертью. Но, что удивительно, на нём лежали различные яства: круглые калачи, хлеб белый, ягоды сладкие и наливные яблоки, кроме того стояли там бутылки и енды с разными напитками: с пивом хмельным, с квасом хлебным, с кислым вином и с пьянящим мёдом. Вокруг стола были расставлены крепкие скамьи, по стенам уютились длинные лавки. Жилище это явно не пустовало и было обитаемым. Пусть и не богат излишне был быт бревенчатой избы, но тот, кто жил здесь, видно, не голодал.

Тотчас витязи налетели на сахарные яства да на вкусные напитки, ибо с дороги утомились, к тому же собственные кушанья они не хотели тратить столь рано да и не были они так вкусны. Всесвятлир осушил кружку мёда крепкого, Брисинор принялся уплетать калачи, а потом и яблоки, а Беленир наполнил кубок, что был на столе, стоялым вином, немедля его осушил и потом уже принялся за яства. Один лишь староста почему-то жался у порога и не спешил заходить в избу. Пока удальцы ели-пили, он незаметно подошёл к сумке с монетами, — в глазах его блеснул воровской огонёк, — и медленно, стараясь не шуметь, взял её в руки. «Не видят вроде», — подумал воришка и покинул избу, и даже Беленир не заметил это, так как был занят едою и к тому же сильно утомился.

— Хороши яства! — воскликнул благодатно Всесвятлир. — Надеюсь, хозяин не сильно рассердится на нас за то, что мы тут отведали его кушаний. Ну а кушанья просто божественны.

— Ничего не скажешь! — добавил упоённо Брисинор.

— И всё-таки как вы правы! — согласился Беленир. Тут все подумали, что скажет слово староста, но тут же заметили, что его здесь нет.

— Сейчас вернется, старый пройдоха! — сказал тогда Всесвятлир. — Небось пошел на коней поглядеть — таких скакунов он сроду не видывал, — все успокоились и продолжили

пировать.

Наевшись да напившись, славные воины устроились по разным углам избы: их зеницы стали тяжкими как камни, и самих их потянуло в сон. Беленир лёг на печь, Всесвятлир расположился на лавке, спяну забыв, что это место по местным обычаям не больно почётно, а Брисинор лёг на скамье. Скоро сон сладкий сомкнул их очи, и они погрузились в сновидения под тусклый, но приятный свет лучины. В полусне Белениру мерещились тени и голоса, словно сам лес ожил, но несмотря на это вскоре он крепко заснул, как и соратники. Да только не удалось им толком выспаться: внезапно кто-то с громом распахнул дверь настежь. Он сразу же спихнул Беленира с печи, и тот с грохотом свалился на пол и ушиб ногу. Брисинора он опрокинул прямо вместе со скамьёй, и лишь один Всесвятлир остался нетронутым. Быть может, неведомый проказник не тронул его из-за того, что место на лавке было не почётно, а значит лежавший на ней уважал хозяина.

— Хозяин пришёл, дедок явился! — крикнул пришедший. — Мал-стар, да удал старец с три локтя, борода седа, но не то беда — кручина то, что усы по земле тащатся. Гости-гости на горе явились, на печаль пригодились, лихо вас одолеет, худо исколотит — Мал-стар Дедок вас измолотит. Но, не узнав горя, не узнаешь и радости, так что благодарите!

Тут увидел Беленир деда кряжистого с длиннющей седой бородою, выпачканной в саже, с усами предлинными, спускавшимися чуть ли не до пола. На голове у старика сидела берестяная шапка. Кроме того, на нём был кафтан простой, вымазанный печной копотью. Обут же дед был в лапти лыковые и одет был в чёрные штаны. И очи его были зелены и гневны. Более ничего не видел Беленир, ибо погрузился в беспокойный сон, навеянный невесть чем. И даже если бы он не уснул, то не удивился бы имени старика — Мал-стар Дедок, ведь Земнородные сыны любили подобные имена, потому что из них легко можно было выудить рифму, настоящие же их имена были сложены на древнем языке и звучали куда лучше.

А теперь стоит молвить о еде. Неспроста на столе дубовом стояли яства: их приготовил Мал-стар Дедок, хозяин избы, естественно для себя. Но на всякий случай некоторые из них он вымочил в сонном зелье да и в напитки подлил того же зелья, чтобы незваные гости, пришедшие в его дом бревенчатый, отведав еды и питья, уснули и не остались безнаказанными за вторжение. На самого хозяина зелье это не действовало, ибо был он Земнородным сыном. О путниках же дед узнал едва они вошли в лес. Ведь всякий зверь был ему друг и верный слуга, а особенно те пушистые рыжие белки, что бегали по соснам — их он любил как детей родных.

Тем временем Мал-стар Дедок начал дубасить бедных витязей: кого по бокам, кого по рукам да по ногам, кого и по голове хватит. Всесвятлир же до того погрузился в сон, что ничего не слышал, мирно возлегая на своей лавке. И, когда Мал-стар Дедок поколотил двоих: Беленира и Брисинора, сказал, громко вздохнув:

— Получили, наглые гости! Хорошо, что остались при вас кости, а иначе бы и уйти отсюда не смогли! На своих двоих! — и язвительно посмеиваясь, Мал-стар Дедок удалился из избы. Он вышел во двор, отвязал коней добрых, богатырских и зарычал звериным рыком: те с испугу и разбежались в разные стороны.

Первым проснулся Беленир, он открыл глаза и увидел, что красно солнце уже светит в небольшое оконце избышки, озаряя её темные прежде углы. Лишь потом он вдруг осознал, что лежит на полу, около печи, и что все его тело болит и ломит. В голове у воина было

мутно, и он не помнил, что было вчера. Рядом с ним лежал Брисинор, сброшенный со скамьи, и один только Всесвятлир пребывал на лавке. Вскоре все путники проснулись и кое-как уселись за стол, ибо страдали от могучих ударов и пинков, а Всесвятлир из-за того, что отлежал бока. С минуту они сидели молча, потому что в головах бродило, и лишь потом заговорили.

— Вы помните что-нибудь? — спросил первым Беленир, трогая болевшие ногу и руку. — Неужели мы до того напились мёда старого, что поколотили друг друга?

— Но у меня ничего не болит, только вот бочину отлежал на этой проклятой лавке! — сказал недовольно Всесвятлир.

— А вот я почти руки не чувствую! — пожаловался Брисинор.

— Нет, не могли мы друг друга избить, — молвил твёрдо Беленир, — помню я какого-то старика, деда старого, наверное, он пришёл сюда и нас избил.

— Какой позор! — воскликнул Всесвятлир. — Лучше бы вы тогда поколотили друг друга сами, чем вас избил старик!

— Я тоже помню! — провещал Брисинор, не обращая внимания на слова Всесвятлира. — Это был, верно, хозяин леса, о котором часто говорят. И мы его чем-то прогневили. Надо сегодня караулить друг друга: в путь мы такие избитые не тронемся — для боя ратного совсем негодны.

— А где староста-проводник? — изумился Всесвятлир, оглядываясь. — Он тоже здесь, этот прохвост?

— Нет, его нет, — отвечивал Беленир, — а ещё у меня нет сумы с золотом! Он, наверное, украл её и убежал, оставив нас здесь одних. Наверняка, он знал, что в этой избе треклятой что-то не так!

— Да, иначе, почему я провёл в беспамятстве эту лихую ночь? — согласился Всесвятлир, догадываясь о приправленной сонным зельем еде. — Наверное, дело в яствах и напитках, неспроста они тут стоят.

Беленир неспешно подошёл к окну и выглянул в него. На дворе и в лесу было свежо, уже высоко висело огнисто солнце, одаряя землю сырую своими игривыми лучами. И сети, сплетённые умелыми пауками над окном, блестели на свету серебром, а ели, подступавшие к дому на три сажени, тихо качались на ветру. Шёл дождик крупенистый, и в утлых и сырых лощинах, что лежали вокруг избы, растекались широкие лужи. Но не было видно ни деда, ни следов на мокрой почве, ни даже столба, к какому привязали они коней. «Видно он с другой стороны» — успокоил себя Беленир, взял кружки и бутылки с вином да пивом, и не таясь выплеснул их в окно. Закрыв ставни, он промолвил:

— Не место на столе этому коварному пойлу!

— Да, трезва должна быть голова воина, особенно, в лихие времена, — заметил Брисинор. — Зря мы отступились от такого правила. За это и поплатились.

По предложению Беленира путники решили оглядеть своих добрых коней и узнать, не причинил ли гневный дед им худа. Но, выйдя из избы бревенчатой, увидели они, что нет во дворе их скакунов, а стоит лишь один-одинёшенек столб дубовый.

— Лихой дед отвязал наших жеребцов и загнал в дремучие дебри! — воскликнул Всесвятлир. — Даже моего красавца!

— Хорошо, если он их не съел, — заметил Брисинор. — Так хоть живые останутся. Может, какому доброму человеку достанутся. Авось и сгодятся, авось и службу сослужат.

— Служба службой, — рёк Всесвятлир, — а старчище ответит за свои дела — теперь он

даже меня разозлил!

Вернувшись в избу, воины стали ждать старика-лиходея. В конце концов, уехать отсюда они не могли да и хотели отдохнуть. Остатки тех яств путники упрятали в погреб, чтобы, придя, дед подумал, будто они их съели да выпили. Затем достали они собственную еду, хотя она была скудна, и питьё, хотя оно было не больно вкусно, и стали есть да пить. Но ничего дельного за время этого пиршества не произошло, потому и сказывать об этом я не буду. Стоит лишь сказать, что витязи сидели до глубокой ночи, и лишь когда проглянули звёзды, они, открыв окно, поняли, что скоро явится дед — ведь в прошлый раз пришел он, когда на небе уже воцарился рогатый месяц.

Беленир лёг на лавку, а Брисинор на печь, и, устроившись поудобнее, они прикинулись спящими. Всесвятлир, будучи на дозоре, сделал вид, будто тоже уснул. Наконец разверзлись двери избы, свирепым ветром задуло в них. На пороге показался Мал-стар Дедок: борода его дико колыхалась, а очи зелёные сверкали во мраке. Посмеиваясь, дед хозяйским шагом вошёл в избу, в сруб бревенчатый, и закрыл за собою дверь, оставив тёмную ночь и светлый месяц, светивший сверху серебром, за стенами. Думал он, что вновь удалцы наелись да напились его яств и напитков, оттого стали сонными и слабосильными.

Но тут вскочил Всесвятлир, обнажил из ножен свой меч и крикнул зычно:

— Пришёл, пакостник!

Вслед за Всесвятлиром вскочили все остальные и обхватили деда за руки, не давая убежать. Но не так прост оказался Мал-стар Дедок: тряхнул он руками, хлопнул в ладоши — тут молодцы и упали на пол. Слишком силён оказался для них дед. Тогда Беленир, видя, что силой не победить старца, открыл погреб избы и воскликнул:

— Гоните его в погреб — будет знать, как бить воинов хоробрых! — остальные витязи, услышав это, воспряли духом и вскочили на ноги.

— Я Мал-стар Дедок, ныне в шапке берестяной, в лаптях лыковых, борода седа! Не вам меня убить, не вам меня полонить! — и дед, сказав это, дунул на Брисинора и Всесвятлира. Так сильно было его дуновение, что на головы воинов обрушился ветер лютый. Стало их самих сдувать в погреб, но Всесвятлир, будучи на самом краю, ухватился за длинную бороду коварного деда и, свалившись вниз, в подпол, потянул за собой и лихого старца. Но Мал-стар Дедок уцепился за скамью дубовую, тяжёлую, и не упал вместе с витязем. Так Всесвятлир повис на бороде в подполе избышки!

— Срубим ему бороду, — воскликнул Беленир, увидав, что удача на их стороне.

— Пусть знает, каково это — шутки лихие шутить с честным народом! — согласился Брисинор, и тут Беленир поднял меч.

— Нет, только не бороду, — взмолился Мал-стар Дедок, — не буду я вас боле колотить! Это я не со зла творил, а что б вас проучить и себя повеселить! Для увеселения!

— Для увеселения? — вскрикнул Брисинор и тотчас схватил глиняный кувшин, бывший в горнице, и разбил его с силой об голову деда. — Я это тоже для увеселения!

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Мал-стар Дедок. — Боль мне не страшна!

— Кто ты, старчище? — спросил тогда Беленир. — И зачем ты живёшь здесь?

— Я Земли и Солнца сын, Дикого Леса хозяин, Мал-стар Дедок — шапка берестяная лапти лыковые, в кафтан серый одет! — отвечив громко и чётко старец. — Вас я для веселья колотил и что б проучить чужое не трогать, так что бороду мне не рубите.

— Хорошо отпустим мы тебя! — сказал Беленир. — Но нам дорогу не переходи более и коней наших добрых верни.

Тут Всесвятлир взобрался по бороде старика навверх и молвил:

— Нет уж! Дед коварен и хитер, с ним никак не сладишь, как только обрубив ему бороду, иначе зачем он так сильно опасается за этот грязный отросток?

— Эй ты, дроволом, это тебе не грязный отросток! — крикнул грозно Мал-стар Дедок, обратившись к Всесвятлиру. — Борода моя, значит, с рождения росла, века росла, а тут взять и отрубить?

Всесвятлир взял свой меч, и приготовился отрезать деду бороду, если тот попытается бежать. Мал-стар Дедок опасливо и злобно глянул на мечи, что блистали впотьмах и сплюнул.

— Ага! — возрадовался Всесвятлир, и сердце его затрепетало от радости. — Смотрите как испугался. Значит, вправду вся его сила в бороде, я сразу понял в чём суть!

Витязи переглянулись. Беленир не знал, что ему делать. «Если отпустить старчище, то он непременно вернется с новыми кознями, — думал он. — А коли отрубить ему бороду, то можно нажать себе опасного врага, да к тому же силы в бороде, может, никакой и нет». И вот Беленир, наконец, решил:

— Ты сын Земнородный, потомок природы, — дед посмотрел на него, — я не могу отрубить тебе бороду длинную, иначе наживу себе ворога опасного да и лес останется без попечения, ежели пропадёт твоя сила. Коли она у тебя, конечно, в бороде. Но если я её не отрублю, ты сотворишь против нас какую проказу. Значит, ты должен дать священную клятву на Солнце и на Землю, что не будешь делать нам худо.

— Хм, хм! — пробурчал Мал-стар Дедок. — Пожалуй, я подумаю над этим! — и дед замолчал, наступила тишина неслыханная, прерываемая лишь шумом ветра за окном.

— Что ж, ты поступил мудро, — изронил наконец дед, глядя на Беленира, — и за то я тебя уважаю, за то тебя благодарю. Спасибо, что не срубил моей бороды! Что ж... Даю вам клятву, клянусь именем Солнца и Земли, что не буду творить против вас происки злокозненные и не буду мешать вам в пути через Дикий Лес, а то не видать мне боле света белого да не ступать по мягкому чернозёму.

— Вот и хорошо! — промолвил Беленир. — Станем друзьями! — и витязь протянул деду руку: дед её пожал и невольно улыбнулся.

— Дружба лучше вражды, — заметил Беленир. — Зачем же ты напал на нас, неужто врагов тебе мало?

— Ради веселья, сказал же, — отвечал дед. — Да и проучить вас было неплохо... Давно я уже не выхожу из этого леса. Раньше, бывало, селян пугал, гонял их по чащобам, на болота скотину загонял, иногда рыбарей пинками из лесу выпроваживал, раз даже целую дружину выгнал — её послали меня усмирять, а я её сам усмирил. Теперь сюда никто не ходит — боятся. Вот и соскучился я, а тут представился случай повеселиться, вспомнить старое. И я с вами четырьмя повеселился знатно.

— И со старостой? — усмехнулся Беленир.

— Со старостой я побольше чем с вами повеселился, — заявил Мал-стар Дедок. — Как только он из избы выскользнул, я за ним пошёл. Он почувствовал, что за ним следят и припустил по лесу. Да от меня не оторваться, тем более ночью и тем более на моей земле. Так что, как он ни бежал, от меня он не ушёл.

— И как же ты его пугал? — спросил Всесвятлир.

— Волком выл, медведем ревел, филином ухал, несколько раз подножки ему ставил, и он так свою рожу испачкал и разодрал, что невесть на кого похож стал. То ли на чёрта, то ли

на болотника. Раз я его даже в спину ногою ударил, он обернулся, а ему впотымах в лоб — кулаком! Он чуть ноги и не отбросил. Вот как я его! Он еле ноги до своего села приволок — больше сюда не сунется. Ха-ха-ха!

— Так ему и надо, пройдохе, — согласился Беленир. — Он у нас золото украл!

— Я золото у него отобрал, — сказал дед, нахмутив брови.

— И что же, где оно? — разом спросили путники.

— Я его по лесу разбросал, — ответил Мал-стар Дедок. — Уж больно красиво оно при луне блестело — я его бросал, на блеск смотрел да радовался. Теперь его уже не собрать — где только ни бросал.

— Да зачем же ты его бросал? — огорчился Брисинор.

— На что оно мне ещё нужно? Вот, хоть повеселился. Да и вы без него обойдётесь.

— Что ж, — продолжал Беленир, — обойтись-то обойдёмся, но с ним было бы легче. А ещё легче было бы с конями, так что, коли мы друзья теперь, возврати нам коней добрых, иначе не выберемся мы из этого леса. Ведь идём мы спасать Заповедный Край от змия, которой хочет взять людей в плен, леса выжечь да скотину всякую поест!

— Леса выжечь? — изумился Мал-стар Дедок. — Такого я не слыхивал, но ежели это чучело сунется в мой лес, я покажу ему, как проказничать в моих владениях. Здесь только я могу проказничать! И где этот змей? Если он поблизости, я его выпотрошу как карася!

— Он ещё далеко, — изрёк Беленир, улыбнувшись, видя, что не напрасно сохранил деду бороду, — но ты можешь нам пособить: прекрати пугать люд и дай ему проходу через Дикий Лес, покажи нам путь из этого леса на север да самый верный и скорый! И не забудь про коней.

Мал-стар Дедок кивнул головой и тотчас выбежал из избы. Вскоре он вернулся, приведя во двор всех коней, которых до этого разогнал по чаще лесной, привязал их к столбу и снова вошел в дом.

— Спасибо тебе, Мал-стар Дедок! — сказал Всесвятлир.

— Не за что, не за что! — насупившись пробурчал старчище, точно стыдясь за то, что сделал. — Давненько я благодарностей не слыхивал в здешних краях, медведь, он-то не говорит по-человечьи!

— Медведь, он только по-медвежьи ревёт, а доброго слова от него не услышишь, — согласился Всесвятлир. — Да и от меня бы не услышал, если бы коня моего не вернул.

Дед кивнул головой и сел на скамью, подвинув её поближе к столу.

— А знаком ли ты с Всеведом? — спросил Беленир, оглядывая Мал-стар Дедка, видя некоторую его схожесть с мудрым стариком. — Беседовали мы с ним не так давно.

— С Ауэртеналером? — переспросил старец, уши же витязей, не привыкшие к языку Земнородных сыновей, ничего толком не поняли. — Это мой брат, люди называют его Всеведом да Солнцедедом за его золотистую бородищу, меж людьми сам себя он называет также, ибо вы вечно не понимаете наших настоящих имён! Но его я давненько уже не видывал — стал он отшельником да не выходит из своего леса уже долго. Странно, что вы встретили его.

— И каков Всевед, мудр ли? — вновь спросил Беленир.

— Да, он мудр, мудрее меня, он многое знает, ибо многое постиг, живя в Буяре среди богов да божичей. Они и научили его великой мудрости и познаниям, но его гордость помешала ему стать великим! Должен он был отдать поклон их повелителю, да не захотел и оскорбил там всех, не признав мудрость их владыки. За то изгнали его с Буяра и запретили

возвращаться, пока не попросит прощения. Кроме того, теперь и в Брегокрай Всевед попасть не может. Ведь реки те под властью Государя Волн, который приходится братом повелителю Буяра! Так что даже к берегинам Всевед наведаться не может, не пройдет он через реки, да и берегины его считают отступником. Вот и живёт теперь Ауэртеналер здесь, среди людей, в Стоячем Лесу.

— Скорее среди зверей! — прервал Всесвятлир.

— И среди них также, — продолжил Мал-стар Дедок, — но там ему не скучно, зверей он любит. Да и кроме него полно у меня родичей, в том числе в заморских краях, — и старец задумчиво перечислил их имена, — Яр, Маланьница, Кручина, Малахитница Каменноголовый Волот и Белобород. Но хватит бесед на сегодня! У меня в лесу есть дела и мне пора.

— Но можем ли мы переночевать у тебя в избе? — спросил Брисинор у деда.

— Можете, хм, хм! — молвил тот. — Раз уж дал я вам клятву не мешать и против вас козней не творить, то сдержу её. Как ни как я Мал-стар Дедок в шапке берестяной, властитель леса зелёного, повелитель ровных лугов да цветов полевых! — и старчище удалился, скрывшись за дверью, в тёмном лесу. Беленир, Брисинор и Всесвятлир, оставшись одни, ещё довольно долгое время обсуждали беседу с дедом, а затем легли спать. Их сон был спокоен и тих, лишь Брисинор не доверял древнему хозяину избы и всю ночь ворочался и ждал, что Мал-стар Дедок вернётся и непременно поколотит его. Но этого не произошло, потому что старец вековечный был верен своей клятве и никогда не посмел бы её нарушить, ибо клялся Солнцем и Землею.

На следующий день Мал-стар Дедок поднял всех путников попозже и потому сказал, чтобы они скорее уходили, чтобы меньше пришлось идти по лесу ночью. «Прямо как наш князь, — подумал про себя Беленир. — Такие же советы даёт». Когда путники вышли из избы, дедок показал им нить серебряную, что была привязана к столбу во дворе, и тянулась в лес, сказав:

— Пусть эта нитка серебряна покажет вам путь-дорогу прямо из Леса Дикого, из бора ярого! Я её натянул отсюда и вдоль деревьев до самой опушки, так что вы не заблудитесь.

— А если порвётся? — спросил Беленир.

— Если порвётся она где — не страшно, — ответил дед, — она ведь от дерева к дереву идёт и к каждому из этих деревьев надёжно привязана, так что если где-то порвётся, вы путь найдёте! И спасибо, что пощадили мою бороду...

Попрощавшись с Мал-стар Дедком, воины на своих молодых жеребцах пустились вслед за нитью, натянутой от дерева к дереву. Ехали они ровно три дня, и все эти дни погода была хорошей, даже ветер не задувал: светило ослепительно-яркое солнце, а облака ходячие, словно белые лебеди, скромно плыли по синеве небес. И со всех сторон свистели и пели разные лесные птицы, ибо ехали путники уже не через чёрные ельники, где не слышать птичьих голосов, а через сосняки светлые, потому со всех сторон чирикали птахи и было просторно и свежо. Тьма будто осталась за спинами или вовсе сгинула. Кроме того, за эти три дня Беленир и его товарищи, пока шли пешими, ведя коней под уздцы, — ведь порой ветви деревьев не позволяли ехать верхом, нашли несколько монет, которые дед разбросал по лесу и не встретили ни волка серого, ни могучего медведя, ни даже свирепого кабана, что бродили по округе, ибо утихомирил их Мал-стар Дедок, властитель Дикого Леса.

Наконец, они вышли из бора старого, нить закончилась на одном из деревьев, и путники оказались на залитом солнцем лугу.

Глава 3. Дары берегинов

Долго ехали витязи по просторам: два дня минуло, прежде чем случилось что-то значимое в этом походе. И когда это самое значимое должно было уже случиться, все были к этому не готовы: Беленир, понутив свою голову под палящим солнцем, доверил выбор дороги своему коню доброму, а Всесвятлир дремал, сидя в седле, и лишь один Брисинор был бодр и, возможно, готов к некоторым трудностям.

Впереди завиднелась роща небольшая — то были сосны хвойные с ветвями, обрамлёнными свежей зеленью игл и увешанными коричневыми шишками. Но сосны эти были не высокие и стройные, а, напротив, подобные дубам кроковистым: с широкими кронами и толстыми стволами. В некоторых стволах чернели дупла.

Витязи зашли в эту рощицу и уселись под корнями сучковатыми, что извивались из-под сосен. Около деревьев, радуя глаз, рос какой-то бело-синеватый лютик, покрытый пухом, и было его там очень много, отчего роща становилась ещё краше, а путники веселее. Свежесть проникла удалцам в утомленные груди и наполнила лёгкие, и до них донеслись журчащие звуки. Эти звуки были песней для их ушей, и так умильна была эта песнь, что витязи невольно ею заслушались, подпав под её чары.

— Криница! — воскликнул Беленир, прислушиваясь. — Рядом родник! Наберём-ка воды для похода.

— И попьём прямо из гремячего ключа! — обрадовался Всесвятлир.

Витязи подошли к источнику тех вод прозрачных и глянули на него. Он был невелик и бил прямо из-под земли, изливаясь кристальной струёй на песчаную почву, кое-как укрытую травой. Тонкой нитью текла эта струя на север вдоль всей рощи светлой, затем, через много вёрст, расширяясь и впадая в Синегривку. Уставшие путники наклонились и стали с жадностью умываться в том ручье, пить из него и насыщаться. Водичка эта студёная, свежая, показалась им самой вкусной на свете, а вкус её для них был словно бы сладок и ярил грудь словно огонь.

— Что-то я утомился! — заметил Всесвятлир, испив довольно много той воды. — Долга была наша дорога. Надо поспать.

— Нет, — прервал Беленир, — я думаю дело в источнике, он навевает сон.

— И впрямь, — согласился Всесвятлир. — Не к добру это.

— Пробуждайтесь, друзья, не смыкайте очей! — воскликнул тогда Беленир. — Опять мы попались на ту же удочку!

— На какую удочку? — спросил Брисинор, зевая.

— Опять заснём и попадём в какую-нибудь ловушку! — ответил на то Беленир, трогая руки и лицо, которые отчего-то сильно чесались. — Наверное, из этого ручья и брал Малстар Дедок воду да из неё и готовил сонное зелье! — тут витязь замолчал и прислушался. — Вы чувствуете? За нами наблюдает кто-то!

Тут из-за сосны вышел огромный-преогромный словно гора медведь, весь лохматый как чудище лесное, с зубами острыми да с налитыми кровью красными глазами. Испугались его путники, обомлели. Беленир поднял меч, но тут почувствовал боль в голове и сильное першение в горле, и потому невольно его опустил. Между тем медведь стал подходить всё ближе и ближе, а шёл он неспешно, на двух лапах, переваливаясь с бока на бок, сам в высоту был сажень с половиною, голова что пивной котёл, меж глаз стрелу можно положить.

Но тут на пути у медведя встал Брисинор, приготовив к бою топор боевой и укрывшись деревянным щитом. Но медведь поднял лапу, по щиту ударил — щит и треснул, а Брисинор наземь пал. Тогда, видя, что соратник в беде, Всесвятлир собрался с силами и закричал голосом зычным:

— Прочь, чудовище! Сгинь, злодей! — захотел он устрашить медведя, но медведь сам в ответ так зарычал, что с головы воина даже шелом злачёный свалился, а сам Всесвятлир опешил и испугался пуще прежнего.

— Лезьте на дерево, там зверь нас не достанет, — молвил тогда Беленир, влезая на раскидистую сосну.

Вслед за ним на сосну полезли и остальные витязи. Вскоре они уже взобрались высоко, и солнце золотистое бросило им в очи приветные лучи, а ветерок прохладный защекотал лица. Медведь остался внизу и, казалось, с ним остались там все беды. Перед ними же во всём своем великолепии раскинулась на севере равнина, окаймлённая длинной и широкой полосой реки Синегривки, а чуть к востоку завиднелись туманные очертания Срединного озера. Далеко-далеко на юге же, за густым и тёмным Диким Лесом, всё ещё курились небольшие деревеньки. Но пусть и были им милы эти деревни, но красивей было море, что лежало на западе, над которым в буйстве носился северный ветер и чайки морские. С ним в красе могли поспорить лишь снежные горы, что грядою грозной тянулись на востоке с юга на север. Да только не было у витязей времени разглядывать их пики и отроги, ведь вспомнили они про медведя дикого и испугались, что он их достанет, и потому стали глядеть вниз. А медведь вправду мог бы их достать: он же был непростой.

Но зверь коварный не полез на высокое дерево, чего ожидали испуганные воины. Он, подойдя к сосне вековой, потёр о неё брюхо лохматое, навалился на неё всей своей тяжкой тушею и стал раскачивать. Вначале никто не ощутил этих толчков, но затем дерево раскачалось и вскоре Беленир, Всесвятлир и Брисинор уже с трудом удерживались на суках. Зато они расхотели спать, а у Беленира перестала болеть голова и прекратилось першение в горле. Но вдруг хрустнуло что-то. Путники с испугом переглянулись, но прежде чем они поняли, что это было, сук под Всесвятлиром треснул, и витязь вместе с ним, пытаясь ухватиться за другие ветки, свалился наземь, ушиб ногу и выронил меч из рук. Медведь перестал раскачивать сосну и глянул на упавшего ратника. Ратник же, видя, что не может встать, закричал:

— Пошёл прочь, мразь, прочь, вымесок! Беленир! Брисинор! Помогите!

Беленир, поняв, что Всесвятлиру грозит смерть, стал спускаться с дерева другу на помощь. Но, судя по тому, как быстро подбирался к знатному витязю хищник ужасный и как спускался Беленир, Всесвятлир пропал бы — съел бы его чёрный зверь медведь.

И тут прогремел протяжный и голосистый рог: звучал он словно быстрое течение горной стремнины, точно гул водопада, как пение птиц певчих, были в этом звуке и ветра буйного шум, и моря рёв, и музыка звонкострунных гуслиц. Это звучание наполняло сердце блаженством, пробуждало старые силы и давало новые.

Внезапно в медведя, просвистев в воздухе, вонзилось копьё — зверь лютый пал наземь неподалёку от Всесвятлира. Беленир, уже спустившийся с сосны, удивился, как так маленькое копьё свалило с лап огромного медведя, но не успел он и рта открыть, как увидел берегина высокого.

Да, то был берегин, с длинными волосами светлого цвета, русой бородою и с очами глубокими, полными мудрости нажитой. На нём были доспех кольчатый, шлем островерхий,

а в ножнах у него прятался железный меч. Вслед за одним берегином показались и другие. Всего их была дюжина или чуть больше, и все были в шлемах златоверхих и в крепких кольчугах, в руках кто с рогатинами, кто с мечами, а кто и с секирами. Но вооружены они были достаточно легко, ибо угнаться за зверем этим было не так просто, а доспехи тяжелые тому бы помешали.

— Медведь Железная Шкура! — громко провозгласил один из берегинов и повлѣк за собой всех остальных. Всесвятлир встал на ноги и, хромая, отошѣл от зверя подальше.

Медведя, поднявшегося за это время на лапы, стали пугать рогатинами и иным оружием, чтобы он зашѣл в расставленную сеть, но тот лишь разъярился пуще прежнего, встал на две лапы и обрушился всем весом на одного из берегинов, повалив того наземь. Остальные охотники тотчас обступили зверя лютого и, защищая товарища, стали бить зверя древками копий по морде. Не стерпел того медведь и отошѣл от несчастного берегина. Тут-то он и понял, что почти угодил в западню и потому захотел скрыться от погони. И впрямь, едва берегины подошли к нему вновь, он рванул от них к соснам и наверняка бы вновь скрылся. Но Беленир преградил ему дорогу и со всей мочи ударил его щитом по твердой голове. Медведь был ошеломлен и в мгновение ока свалился на землю песчаную, мордой прямо в ручей. Там он нахлебался воды, выпив сразу несколько вѣдер, и, раненый и утомленный, уснул. Тут-то ловкие берегины набросили на него сеть и связали.

— Смотрите! — вдруг со смехом сказал один из берегинов и показал рукой на дерево. — Витязи нынче гнездятся на ветках, точно птицы пернатые! Вот диво так диво! — и берегины в шутку засвистели по-птичьи.

Брисинор, все ещё сидевший на дереве, тотчас слез и встал рядом с Белениром и Всесвятлиром, отыскавшим в траве свой меч.

— Приветствую тебя! — промолвил тот берегин, которого Беленир увидел первым, сохранив серьёзность несмотря на шутки своих соратников. — Я Явор Охотник, а то мои гриди! Назовите же вы свои имена.

Славные молодцы назвали берегинам свои имена и получше оглядели Явора. Он был не очень-то и высок, чуть повыше Брисинора, одет был в кольчугу бранную, в левой руке держал шишак островерхий, позолоченный, а в деснице острый железный меч. Волосы Явора были светло-золотого цвета, длинные и спутаны, ничем не собраны. Борода его короткая была русого цвета и в ней была заметна проседь. Но из-за этого Явор не выглядел хуже, напротив, седость прибавляла ему величия и показывала, что он не так молод, как это кажется на первый взгляд. Глаза же его были голубы, брови темны и густы и навешивались ветвями пушистыми прямо на очи. Судя по виду, берегин был истомлен походом, даже взор его был устал и отрешѣн. И вот Явор заговорил, и его говор был немного старомоден для наших витязей, потому что их язык изменился с тех пор, как его выучил этот берегин:

— Я охочусь за сим лютым зверем уже несколько седмиц, ибо очень он опасен. Рекут его все Медведь Железная Шкура, и он наводит ужас в хуторах к северу от сих мест. Многих он убил. Окромѣ вас никто, кто столкнулся с ним лицом к лицу, не выжил. Сказать честно, явился аркуда из Брегокрая, сбежав из зверинца, съев четверых берегинов и перепрыгнув Синегривку!

Брегокрай! Неужели я ещё не успел сказать о нём ни слова? Что ж, раз не успел, тогда самое время. Брегокраем называлось государство берегинов многомудрых, что лежало к северу от Заповедного Края. Его жители на ладьях бороздили моря и торговали с заморскими купцами, а башни и терема в городах этой земли возносились чуть ли не к

небесам и были так красивы, что ни словом сказать, ни пером описать. Во всяком случае так казалось людям, жившим в Заповедье. Но о Брегокрае Белениру мало было известно. Все берегины же прекрасно знали эту страну, а слава её государя Гелена, правителя доблестного, к тому же очень мудрого, гремела даже за морями. Он уже несколько веков правил в Брегокрае сильной рукой и твёрдою волей, и потому берегины в его государстве были светлы духом и не темны сердцем и мудрее они были иных во много крат. К слову, именно в Брегокрае, государстве подлунном, крае подсолнечном, за рекою Синегривкой, и жила колдунья мудрая, знающая, где схоронен конь, на поиски которого витязи и отправились.

— Спасибо, что спасли моего друга, я вам в том очень благодарен, — молвил Беленир.

— Не за что, — отвечал берегин. — Но мы не ожидали встретить здесь путников и не думали спасти твоего друга, ибо даже не видели его. Но пусть мы спасли его невольно, мы тому рады. Куда же вы держите путь, славные удальцы?

— Мы идём на север, — ответил Всесвятлир.

— Мы как раз оттуда, — заметил Явор. — И интересно нам знать, что же ведёт вас туда?

— Долгим будет объяснение, но связано это с Идогурном, — ответил учтивым говором Беленир, стараясь не показаться в глазах берегинов неотёсанной деревенщиной. — Верно, знаете вы, что этот проклятый змей пробудился в горах и угрожает нашей земле.

— Да, весть эта дошла и до нас, — рёк Явор. — А вернее мы дошли до неё. При дворе Стрезибора нам поведали о случившемся. Хорошо лишь то, что не слишком поздно узнали и вы, и мы об этой напасти. Пробуждение древнего огня — это не шутки! Долгое время во тьме и мраке спал Идогурн и, думается мне, голод и злоба в нём только увеличились.

— Потому мы и держим путь на север — ищем мы помощь, — продолжал Беленир. — Не знаете ли вы, где там живёт колдунья великая, премудрая волшебница? Мне сказали, что она живёт в роще на севере у границ с Брегокраем, действительно ли это так? Мы ищем её, чтобы спросить у нее совета.

— Нет, в Заповедном Крае волшебниц нынче не сыскать, — отвечал берегин. — Есть у одной дом в Заповедье как раз в роще, что с юга вплотную подступает к Синегривке, но и она уже живёт в Брегокрае, на границе с вашей землею, вместе со своим мужем в другом доме. Должно быть, давно вы не были на севере.

— Тогда нам надобно попасть в Брегокрай, чтобы встретиться с этой многоведающей волшебницей, дабы она нам поведала, как одолеть ужасного змия Идогурна, что угрожает нашей земле, — продолжал Беленир как можно более учтиво и велеречиво. — Не знаете ли вы, каков путь к ее владениям?

— Путь несколько, и вам предстоит избрать, по какому пойдут ваши ноги! — ответил Явор, беспокойно поглядывая на связанного медведя. — Главное, чтобы ваших стоп не касались воды Синегривки. Но время не ваш союзник. Если верно желает змей ползти в ваши земли, скоро хлынет на них пламя, которое нелегко будет погасить.

— Да, мы слышали, что та река зачарована и не позволит перейти себя никому, кроме берегинов. Но неужто нельзя построить переправу или перебраться на лодке? — вновь вежливо задал вопрос Беленир, но на то рече ему Явор:

— То могут сделать только берегины из нашего народа или сыны Земли. Ведь в давности лет заключили наш государь и повелитель всех вод, текущих по земле-матери, хозяин волны морской, договор что на этой реке мосты можно возводить лишь с их разрешения и по их воле. А вброд перейти пеногривую реку нельзя: лишь коснётся вода

ваших ног, как вас унесёт на дно без всякой жалости. Лодку же, если она перевозит незваных гостей, тотчас разобьёт о камни.

— И как же попасть нам туда, куда зовёт нас долгий путь? — спросил Всесвятлир, немного огорчившись: он не хотел возвращаться с позором обратно и к тому же хотел получить сундучок золота и ларец серебра, обещанные Митрапирном.

— Всегда есть другой путь, по нему и попадёте туда, — молвил ему на это Явор, — но знайте, из всех путей выбирать надо наилучший, а если такого нет, то идти по проверенному или по тому, по которому советуют мудрые мужи. Всегда есть выход, правда вы, люди, часто об этом забываете, вспомнить только вашего древнего государя Керна, гордого и великого, но не спасшего своё государство — славный Арих!

— Это было давно! — прервал Всесвятлир, вспомнив давнюю историю о том, как из-за Керна пала от змиев великая страна его предков и стольный город Белогаст.

— И, тем не менее, — продолжил Явор, — я вижу в твоих очах то же, что и в очах Керна — гордость, так что будь осторожнее как бы она не превратилась в тщеславие.

— Неужели ты зрел наяву лицо Керна? — поразился Беленир. Удивление его было так велико, что глаза его заблестали, словно утренняя роса, освещённая диском солнца, едва прорезавшим туманы.

— Я видел и более древних, нежели Керн! — сказал Явор. — И я также намного древнее многих, о ком вы можете упомянуть. Видел я Бора и Ясеня в пору их юности. Видел я и Роха Конедара и даже Кленовита!

— Сколько же лет тебе, берегин древнерождённый? — вновь удивился Беленир, и его очи стали ещё более изумлёнными, потому что поистине всей душой поразился воин — не доводилось ему общаться с настолько старым собеседником.

Явор же ответил ему вполголоса, хотя показалось, будто говорил он во всю силу:

— Родился я так давно, что не поверите вы мне, и, родившись, видел я лица наших прародителей и помню это по сию пору. И сердце моё содрогается, когда вспоминаю я давние времена, когда благостно жил я в земле безбедности и крае счастья... В Буяре беловодном. И журчащие воды наполняли слух мой чудесными звуками, зрел я величие и красоту премудрых богов и божичей. Но вам не представить такого блаженства, и счастья, и радости, ибо не видели вы этого и не чувствовали, а если бы увидели и почувствовали, то за сон бы приняли такую жизнь, ибо время тогда течёт медленно, но словно мгновение скоро. Но люди умирают быстро и, будучи в Буяре, вы бы просто не успели порадоваться вволю, — и все заметили, что синие как небесная лазурь глаза берегина заслезались, но лицо его осталось прежним, ни одна жилка не дрогнула, потому никто не понял, были это слезы радости воспоминаний, счастливых грёз или печали по утраченному.

— Мы и не стремимся к Буяру! — продолжил разговор Беленир. — Для нас дорога туда закрыта. К тому же мы сейчас исполняем поручение своего князя. Но, как я понял, для нас открыта некая дорога в Брегокрай, поведай же, что это за путь.

— Это не путь — это пути, — начал Явор, подняв взор к небесам и почесав длинные спутанные волосы, — но они неторные, ведь это стежки тайные и тропки неведомые, неизвестные вам. Они ведомы лишь нам да диким зверям.

— Говори же, мудрый Явор, нам будет в радость послушать тебя, — сказал Всесвятлир, — А то мы уже заждались и к тому же нас что-то клонит в сон.

— Есть для вас несколько дорог, несколько путей, — продолжил берегин, поглаживая свою остроконечную бородку, — и, как я говорил, следует выбирать путь наилучший из

возможных, самый верный. В любом случае вам предстоит тот путь, куда дорожный камень не указывает, но про который ворон черный каркает, что надобно туда идти, тот путь, о котором в своих песнях сладкозвонких воспевают перепел да о котором дрозд многомудрый краснохвостый пощёлкивает клювом. Внемлите, друзья! Таковы советы мои, и они мудры, и они дары. Первый таков: реку нельзя перейти только вброд, но воздух над нею свободен: птицы летают над Синегривкой звонко-журчащей, и утки покрякивают в небе над ней. Послушайте, други, мой второй совет: Синегривка берёт начало из гор, а исток воды в скалах берется. Исток тот мал — его можно обойти как лужу. Есть и третий совет: воды реки текут с гор, но втекают в море — это издревле известно рыбам подводным. Нельзя пересечь только реку, а в море власть хозяина вод пусть и велика, но море это уже не река. Понятно ли вам, о чём мой намёк? Попасть в Брегокрай можно морем. Но сразу скажу: под водою, в пучине глубокой обитают страшные чудища, и они могут вам помешать. Поэтому неслучайно корабли наши не плавают ныне далеко в море или плавают с великой осторожностью — грозные силы пробуждаются не только в корнях земли, но и в пучинах морских.

— Это все советы? — спросил Беленир.

— Нет, — ответил Явор, — вот последний, по мне наиболее мудрый: я уйду из этих земель обратно в Брегокрай и чрез три недели буду в палатах вещего Гелена и попрошу его позволить вам перейти реку. Думаю, он не будет против, и вы скоро ступите на каменный брод через Синегривку. А теперь я уйду, советы мои — дары для вас — выберите свой путь сами, ибо я не волен решать за вас вашу судьбу. И не загубите свои жизни: Митрапирн тому будет недоволен. И, Беленир, держи сей рог, — и Явор протянул витязю большой красивый рог — тот самый, чей чудесный голос удалыцы недавно слышали.

— Спасибо, — поблагодарил Беленир берегина, взяв рог. — Но откуда знаешь ты Митрапирна?

— Мне многое известно, а Митрапирн не скрывается в лесах и не плещется окунем в море — о нем я многое знаю! — ответил берегин, — к тому же вы сами сказали, что вас к волшебнице послал князь, и пусть на вашей земле несколько князей — Митрапирн самый мудрый и только он мог принять такое решение.

— Рог воистину чудесный, — вставил Всесвятлир, осмотрев его поближе из рук Беленира. — Никогда не видывал я таких. И узоры на нем занятные: осьминоги, какие-то чудища морские, и все переплетается дивно. Не похоже на узоры берегинов.

— Ты прав, — возгласил Явор, — это не узоры берегинов. Этот рог — мой трофей. Его я нашел в желудке морского чудовища! Наведалось в наш город мерзкое чудовище и мы сразили его из своих могучих луков, забросали его копьями. Так оно и погибло. Мы распоролы его брюхо и в желудке огромном нашли этот рог. Уже потом только понял я, что звук его несёт великое воодушевление и пробуждает всех, кто его слышит. Думаю, вам он пригодится больше, тем более что ваш путь будет полон опасностей. А про змея, что грозит вашей земле я передам государю, и он, полагаю, вам поможет.

— Спасибо на том, — улыбнулся Беленир. — Надеюсь, ваш государь будет не против пособить своим соседям.

— А знаешь ли ты, Явор, — спросил вдруг любопытный Брисинор, — отчего вода из этой криницы наводит сон?

— С чего вы взяли, что она наводит сон? — усмехнулся берегин.

— Ну, как, — отвечал Брисинор. — Мы ею напились, и нас в сон потянуло.

— Тому виною ваша усталость и сон-трава, что здесь растёт, — и Явор указал на белоголубые цветы, что здесь росли. — От них и голова болеть может и кожа чесаться, — и тут Беленир понял, что это с ним недавно было.

— Но вкус этой воды был какой-то особенный, — заметил Всесвятлир.

— Вы, наверное, просто долго не пили, вот вам так и показалось. К тому же этот ручей чист как слеза, посему водица из него и впрямь вкусна. Вы просто себя обманывали, не разобравшись толком в чём же дело — так часто бывает с людьми, к тому же с теми, кто не знаком с природой. Вы наверняка всю жизнь проводили на охоте, в боях да на весёлых пирах и потому вам мало известно о тайнах мира.

Затем воины и Явор попрощались, и берегины, волоча медведя по земле, пошли своим путём. И солнце светило им в спины. Так они и ушли, скрывшись вдали, держа путь в свою землю.

Трое витязей же, уставшие от боя с медведем грозным и сонные от усталости и чар сон-травы, стали готовить себе ночлег, выбрав место для него подальше от тех цветов. Вскоре солнце уже стало клониться к заходу ярому, и огненные всполохи озарили небо, словно лучина озаряет избу. Беленир собрал сухих дров и веток, и Всесвятлир развёл костер. Брисинор же, устроившись на пенёчке сучковатом, затянул перед сном веселую песню.

Глава 4. Бой на Лукоморье

На следующий день, когда солнце уже взошло высоко-высоко, влекомое неведомой людям силой, а серебристые паутинки упорных в своем труде мизгирей уже успели просохнуть от кристальной росы, Беленир отомкнул очи. Полежав немного, он встал, взял свой рог могучий, подаренный Явором, и дунул в него что было мочи. Так витязь решил подшутить над друзьями. Звук рога оказался так громок, что, казалось, это дунули в свой горн первородные великаны. Тут же Всесвятлир и Брисинор подскочили, будто увидели призрак медведя, которого вчера повстречали, и воскликнули, выпучив глаза:

— Что с ума сошёл? Так и сердце лопнет!

Укорив Беленира, оседлали витязи своих коней и снарядились в путь. Но прежде чем пуститься в дорогу, они решили обговорить, какую же стезю им избрать.

Беленир предложил:

— Надо выбрать не лёгкий путь, но и не тяжёлый. Лёгкий — всегда с подвохом, а тяжёлый всегда труден, а нам некогда отвлекаться на лишние трудности.

— Только не по морю, в нём только сгинем, — молвил Всесвятлир.

— Значит, выбираем путь в горы, там реку и обогнём, — заявил Брисинор, поглядывая на восток, где серыми неприветливыми вершинами высились Смарагдовые горы, укутанные в снег и пелену туманов. То были горы асилков, вотчины высоких великанов и владенья лютого мороза.

— Нет, больно труден этот путь! — сказал Беленир, посмотрев на суровые горы. — Сложно будет задобрить исполинов: пирогом их не попотчуеть.

— Да, ты прав, — согласился Брисинор. — Асилки суровы, лбы у них как камень, а у некоторых и сердце твердо как гранит.

— Тогда найдём того, кто перенесёт нас через Синегривку по воздуху, — предложил Всесвятлир, поглядывая на юг, далеко за Заповедье, туда, где по миру бродили кудесники старые, творя перед людом чудеса. — Авось и какой ковёр-самолёт найдём.

— Это не наш путь! — изронил Беленир, важно почёсывая бороду. — Пока найдём мы кудесника седовласого или твой ковёр-самолёт, поганый Идогурн сожжёт нашу землю, а мы сами состаримся и за годы поисков поседеют наши бороды и отрастут на целый локоть!

— Что ж, скажи сам, как думаешь! — разом воскликнули Брисинор и Всесвятлир.

— Сам я вот как думаю да гадаю. Бессмысленно ждать просьбу Явора к Гелену, так как ему предстоит долгая дорога, прежде чем дойдёт он до государя и обратно. Через горы мы тоже не пойдём: с асилками нам не совладать. Кудесников искать мы тоже не будем, я уже сказал почему. Значит, у нас остаётся два пути.

— Разве два? — удивились воины.

— Да, два! Один — это пройти через Синегривку. Думается мне, это самая обычная река и ничего она с нами не сделает.

— А вдруг сделает!?! — воскликнул Всесвятлир.

— Тогда остаётся второй путь: идти на запад к побережью, к взморью крутому, где живут моряки-рыбари, и оттуда перебраться в Брегокрай.

— Но ходят слухи, что в пучине пенных вод живёт чудище морское, — заметил Всесвятлир, боявшийся пути через море.

— Да, — согласился Брисинор. — Кличут это чудо горбом подводным, и, говорят, оно

топит ладьи и лодки и сжирает моряков!

— И берегин тоже говорил об этих чудищах, — заметил Всесвятлир. — Так что, видно, слухи не пустые.

И вправду слухи про это чудо морское, про горб мосальный, были правдивы. Оно жило в глубине, на дне океана, и, бывало, повергало целые суда в пучину, и даже берегины боялись его, зная его коварство и ярость. Но витязи всё же решили отправиться к морю и именно морским путём попасть в Брегокрай. Дорога их лежала на запад, ведя через несколько небольших сосняков. Вскоре путники вступили в их пределы и повеселели. Ведь свет, обильно проникавший между пушистыми кронами сосен наливал все эти сосняки чудесным сиянием, ибо смола, что чуть ли не струями текла с дерев, блистала на нём точно самоцветы. К тому же кругом пели птицы сладкоголосые и весело жужжали лесные пчелы, занятые работой в своих ульях.

Вскоре дорога стала крутой, поднялась вверх и вокруг неё появились заросли медового вереса и всяких кустарников. Трава залегла к востоку: туда с моря дул ветер. Но прошла ещё пара дней, прежде чем славные витязи узрели вдали морскую синь. И когда они увидели её, то их сердца молодые объял немой трепет и все они даже замерли на мгновенье. Море волновалось, колыхались его бурливые воды, над его беспокойной лазурью носился ветер могучий и напевал свои издревле сложенные песни.

И тут, пока воины глядели вдаль, на запад, перед ними появился, откуда ни возьмись, какой-то дед. Борода его отливала мёдом и вилась до самого пояса. Была она ухожена и всем своим видом показывала состоятельность и мудрость своего хозяина. Брови деда цветом были, как и борода и были очень густы и кустисты, прямо как листва хмурого вяза. Сам он был весьма велик ростом и широк в плечах, и позади него развевались на ветру его плащ и длинные седо-медовые волосы. И оттого его вид был грозен и внушал всем трепет. Когда же старик приблизился к Белениру и его спутникам верным, они увидели, что его очи яркие были не карего и не серого цвета, но цвета, подобного желтому, но более тёмного и золотого, будто бы медового. К тому же глаза деда были грозны, как и он сам, и в них блистала его мудрость, накопленная долгой жизнью. Одет старец был в рубаху мужицкую и коричневый плащ, застёгнутый серебряной фибулой. Подпоясан он был широким кушаком и обут в лапти. Дед отвесил путникам поклон и улыбнулся.

— Гой еси, славные богатыри! — промолвил он громко, соблюдая обычаи святой старины. Белениру притом показалось, что голос старца был самый могучий и сильный из тех, что он слышал.

— Почто вы приветствуете меня поясными поклонами? — спросил дед, увидав, что путники поклонились ему до пояса. — Меня уже тысячи лет все приветствуют поклонами земными! — и тут воины поклонились ему до самой земли, ибо поняли, что перед ними сын Земли и Солнца. — Вот так-то лучше! — и старец заметно подобрел, поклонился сам и улыбнулся, оголив белые зубы.

— Но кто ты? Давай сперва познакомимся! — воскликнул Беленир удивленно, и почувствовал запах мёда крепкого и хмельной медовухи.

— Я землёю рождён, рождён благодатной, — ответил дед, — я не из бездны пришёл, не из пропасти, солнце меня породило, яркое сотворило, лучами согрело и оживило!

— А я, — начал было Беленир, но дед продолжал:

— Мои кости — от камня гранитного, кровь-руда моя — от воды свежей, пот — от вешней капли, жилы от корней дубовых, а волоса от высокой травы. Меня знают все.

Неужели никогда не слышали вы о том, кого берегини рекут Фрерин, а карлы Ободрин? Люди же называют меня Дед-Пасечник, — и он рассмеялся так, что смех его подхватили все путники, — вы думали, небось, что все сказки про меня всего лишь сказки и всё?

Сказок про Деда-Пасечника в народе ходило много, поговаривали, что когда-то он столкнулся с Лешим Старцем и победил его с помощью своей великой силы и тем спас древнюю землю, на которой располагался теперь Заповедный Край.

— Здравствуй вековечно, могучий дед, властитель пчёл и боярин мёда! — наконец вымолвил Всесвятлир, тогда как все остальные стояли, поражённые, и не знали, что им делать, ведь встретили они того, про кого раньше слушали сказки.

— Но зачем ты встретил нас, — вновь сказал Всесвятлир, видя, что его товарищи молчат, — и знаешь ли ты наши имена?

— Да, знаю, — ответил дед-весельчак, — ведь в ваших руках судьба Заповедного Края! А это земли не только людей, но и моих братьев, которые живут там в тенистых лесах, солнечных полях, в скалах гранитных да в светлых сосняках. Быть может, мы и уйдем когда-нибудь в другие земли, не тронутые рукой человека, но не сейчас. Так вот. Я вас не искал, а встретил случайно. А раз встретил, так одарю кое-чем. Ведь хотите вы отыскать коня, по бокам у которого часты звезды, во лбу светел месяц, а под сердцем красное солнце, а это трудное дело. Потому я дам вам напиток медвяный — мою медовуху живую, чтобы сдобрили вы ею ретиво сердце, кровь горячу и буйну голову, с моей медовухой не страшно будет бороться даже с любым чудищем! Но без веры и она не может помочь. Верьте в победу и победите, ибо вера и гору сдвинет!

И Дед-Пасечник достал из-за пазухи три бутылки и молвил:

— До встречи, друзья, скоро встретимся, буду ждать вас у себя дома — найдите меня в Брегокрае! — и он на своих резвых ногах вскоре скрылся в зарослях вереса и оттуда крикнул: — Пусть скатертью белою стелется вам путь-дорога через поля и моря, через горы и леса. И шершень пусть не тронет и пчела не ужалит!

Удивленные, но не испуганные, путники продолжили свой поход, представляя, что дорога будет стелиться перед ними и впрямь скатертью. Но затем их умы поглотили сладкие грёзы о том, как они сидят у очага и пируют вместе с друзьями и вскоре они совсем позабыли про весёлого деда.

До самой ночи и ещё полночи шли путники, и на следующее утро, едва лучи пали стрелами на сыру землю, они завидели издали крыши рыбацких избушек. Над их головами пролетели чайки белогрудые, а в лицо задул морской бриз и оживил всё тело. Трава же под резвыми ногами витязей стала пышна. Но она по-прежнему была расчёсана ветром на восток.

Однако, воины добрались до деревни лишь когда проглянули очи звёзд, а месяц сребророгий засиял ярче самоцвета, осветив зыбучее море, что крутыми волнами вспенивалось вдали и отражало небесные хороводы. Так вот, как я сказал, лишь тогда, когда наступила глубокая ночь, предвестница утра ясного, молодцы добрались до изб смелых рыбаков. Но чтобы прийти в эту деревню, путники проделали немалый путь, спустившись с холмов по витой тропке в прибрежную низину, где и стояли на песчаной почве сосновые избы рыбаков вразброс с лодками и ладьями, чьи паруса изо дня в день обитатели этих мест расправляли по вольному ветру.

Беленир постучал в дверь первой попавшейся избушки. Вскоре хозяева отворили её, и из дома в уличные потёмки проник свет лучины, пав на суровые лица воинов. Беленир вежливо

попросил ночлега, и хозяин тотчас впустил его и его спутников в свою избу, не желая нарушать издавна чтимые всеми законы гостеприимства. Путники, привязав коней крепкими узлами к столбу дубовому, вошли в избу.

— Здравствуй, человек! — воскликнул гордо Беленир, поглядывая на хозяина избы. — Спасибо тебе, друг мой, что приютил нас на эту ночь. Может статься, скоро меж облаками разразится гроза! — и, действительно тучи уже собрались в небе, предвещая страшную бурю. — Будь так добр, приготовь нам кушанья, какие есть, да постели нам где-нибудь спать! — и тут Всесвятлир снял шлем боевой, в котором всегда ходил, а Брисинор шапку, и вместе они уселись за стол, что стоял в горнице.

Хозяин же был человек добротный, довольно увесистый, одет был в рубаху, и вся одежда его пахла копчёными окунями, да и изо рта его веяло какой-то рыбой. У него была окладистая жёсткая борода, чёрная как смоль, и он всё время трогал волосы, отчего они были покрыты жиром и очень грязны. Но не успел хозяин закрыть дверь, как вдруг в ночи тёмной, разрезая воздух холодный, ярко-серебристой стрелой пала наземь молния, озарив все окрестности, и море всколыхалось вслед за ней, освещённое ею. Серебряные блики на мгновенье заиграли на бурных волнах. Разразилась гроза буйная, пошёл дождь проливной, и рыболов закрыл дверь.

— Моё имя Бодин, — прокричал рыбак, надевая шапку, — ваши имена мне некогда выслушивать — надо бежать в холмы! — вслед за тем хозяин разбудил свою жену и двоих малолетних сыновей, спавших за перегородкой, и велел им одеваться.

— Нельзя, глупец! — вскрикнул Беленир. — Ты их погубишь, старый невежда, упави тебе на голову небесный молот. Всем ведомо, что оружие Маланьицы метит в гору, там вы обретете смерть или останетесь калеками!

— Ты не понимаешь, утопить тебя в море мало! — огрызнулся Бодин, с силой дёрнув за свою бороду. — Все здесь знают, что как громыхнёт гром-то, так проснётся в хлябях морских подводная страшила и скоро поползёт на берег. Бегите за мной, хотя вы, небось, и бегать-то не умеете — заелись совсем! И не отставайте, может быть, тогда-то, авось, и выживем-то.

— Так значит правда живёт в море чудо, — сказал Всесвятлир. — Тогда лучше не выходить из избы — ещё раздавит или сожрёт!

— Чудо-то уже по земле, небось, ходит-похаживает-то, ходуном с боку на бок переваливается, клювом-то своим пощёлкивает, хоботами подеёргивает, а вы расселись здесь будто безногие и даже уходить не хотите! — ответил Бодин. — Оно учует вас и раздавит мою избу вместе с вами в блин! Так что бегите! — и рыбак открыл дверь и увёл свою семью так быстро, что витязи даже не успели разглядеть лица его жены и детей.

Несколько мгновений Беленир его друзья сидели в избе, а затем, словно подстёгнутые кнутом, сорвались со своих мест и побежали вслед за Бодином. К тому времени быстроногий рыбак убежал уже чуть ли не к самому холму. Но молния белоокая осветила на мгновенье его измоченную хлещущим ливнем спину, и Беленир его тотчас увидел. Хотя едва свет погас, витязи снова оказались слепы: тьма была хоть глаз выколи. Зато Беленир слышал крики и чьи-то стоны, слышал, как бежит толпа. И вдруг среди всей суматохи услышал он пронзительный рёв, и сердце нашего витязя дрогнуло, сжалось, будто его обхватил кто-то и сдавил железною ладонью. Беленир прилёг наземь за кочкою небольшой и вслед за ним прилегли его товарищи. Всесвятлир, видя, что его друзья испуганы, подшутил:

— Что за деревенщина воеет здесь? Мои предки сражались с чудовищами более великими,

чем деревенское чудо-юдо! — Беленир и Брисинор засмеялись, но их смех был притворен.

Тем временем, блеснув серебром, в море вновь ударила молния. Бодин уже совсем скрылся из виду, затерявшись в густой толпе рыбаков, выбежавших из своих изб и хижин. И вот приникшие молодцы узрели у самого берега чудище огромное, покрытое илом, ростом выше любого дуба. Оно под рокот грома выползло из пучины морской и распугало людей своим страшным видом. И Беленир тоже ужаснулся: было это чудо велико словно змей, хотя впотьмах нельзя было оглядеть всё его тулово, и имело с боков какие-то отростки, подобные лапам. Оттого наш молодец испугался пуще прежнего и перестал смотреть на окаянное чудище. А оно разинуло пасть, усыпанную зубами словно острыми кольями, и громко заревело, и от того рёва у витязей заколотились сердца и захватило дыхание. Со всего люда честного слетели шапки. Но на том чудо страшное, многомощное не остановилось, а стало своим хвостом огромным крепко охаживать все избы, подняв великий шум. В темноте не было видно, какие дома оно ломало, но отовсюду летели брёвна деревянные да крепкие балки. Блеснули молнии, и Беленир увидел, что чудовище поганое вырвало столб, к которому были привязаны их кони, и жеребцы разбежались во все стороны. Но одного коня чудо подхватило своими лапками и тотчас унесло в свою утробу.

— Это уродище проглотило моего скакуна! — воскликнул Всесвятлир и смолк, видя, что уродище собирается уже подползти к народу и сожрать его.

Беленир же стал думать, как спастись от этой подводной твари и избавиться от неё рыбаков. Слышал он, как кричат позади: «Мосальный Горб, бегите!». Но не знал он, как можно уйти от такой громады великой. «Вмиг эта тварь настигнет тебя и раздавит», — думал он. И тут вспомнил Беленир про напиток пьянящий, дарованный Дедом-Пасечником. Немедля он откупорил бутылку и выпил пять глотков, а затем дал выпить и всем остальным путникам. Вкусен был напиток медовый, и скоро он нагнал невесть откуда в руки и ноги воинов великие силы. Они позабыли свой прежний страх и поднялись во весь рост перед чудом, покинув своё укрытие за уютной кочкой. Злобное уродище уже было от них лишь в десяти сажнях. Молнии заиграли на их лицах серебристым светом, и зарницы засветились вдали, осияв проклятое чудище.

Сдивовался Беленир над уродищем подводным и, почуяв, что в нём во много раз увеличилось силы и смелости, изрёк: «Дайте мне копьё крепкое!». Тотчас Всесвятлир подал ему свою сулицу, и Беленир, разглядев в свете молний глаз чудища, не зная даже, сколько всего у него очей, бросил сулицу прямо в него. Никогда Беленир не славился своей меткостью, но сулица полетела ровно и угодила чудищу в его единственное око, не прикрытое зеницей. Тут взревело чудо и извилось, будто пораженная змея: из его глаза обильными потоками хлынула кровь. Но скоро оно смолкло и опрокинулось обратно в пучину. Послышались всплески морские, и белая пена поглотила чудище в свои объятия, в глубину неизмеренную. Так окончилась первая битва с Мосальным Горбом.

Тотчас со всех сторон к обрыву в море сбежался народ, и люди, словно тени чёрные, зашныряли по камням. Тут и наши молодцы подошли посмотреть, не вылезет ли чудо вновь, не появиться ли оно из морских пределов, влекомое жаждой мести. Но сколько ни ждали его, оно не появлялось. С час стояли люди около самого обрыва, ропща и негодуя, и вслух размышляя, отчего не смогли они вовремя скрыться. Вместе с ними молчаливо стояли и витязи, потупив взоры в бушующие зыби. Через час люди наконец вспомнили своих избавителей и сыскали в толпе Беленира, Всесвятлира и Брисинора. Какие-то могучие рыбаки тотчас подхватили их на руки и, подкидывая в воздух холодный, стали кричать что-

то невнятное. Но Беленир не радовался, он был скромн и молчалив, так как ещё не отошёл от всего случившегося. Всесвятлир и Брисинор, напротив, веселились, как только могли, выкрикивая победные речи и угрожая глубине морской своими кулаками. Но тут откуда ни возьмись явился Бодин и заговорил, перебив восхищённые возгласы толпы:

— Каждый-то год приходит в грозу это вот чудище зверское, дабы забрать из нашей-то деревни пять человек себе во чрево. В этот-то год вопреки моим советам, вы отказались отдать кого-нибудь чудовищу в дар. Вот и пришло оно так нежданно-то из глубин морских. Едва разразилась гроза — оно уже появилось, хотя прежде-то так быстро не являлось. Оно пришло, чтобы нам отомстить и нас наказать. И придёт ещё! — тут Бодин обратился к Белениру. — Мы-то не можем покинуть нашей деревни, ведь это одно место за сотни вёрст, где меж обрывов в море есть пологий берег, где мы-то можем выходить в море и черпать сетями из него-то рыбу! А вы уйдёте, оставив нас с нашими-то бедами, пуще прежнего разозлив Мосального Горба. Победа над чудовищем — не конец нашим страданиям!

Беленира перестали подбрасывать в воздух и он, твёрдо встав на землю, ответил Бодину:

— Да, ты прав — это не конец вашим страданиям, и я сразу скажу, что слепое чудовище немногим слабее зрячего. И поверьте мне, оно ещё вернётся из пучины в пене, и иле, и тине морской и втройне злое! Поэтому готовьтесь и вы к бою. Вот так!

— Тогда вы будете жить здесь до тех-то пор, пока оно-то вновь не появится, и убьёте его уже навсегда! — весело подхватил Бодин. — А теперь давайте-ка пойдём в горницу и выпьем пива и закусим сельдью!

Вся толпа радостно подхватила слова Бодина и пошла в большой дом, нетронутый чудищем, чтобы немного выпить или же, напротив, напиться до повалу. Никто из рыбаков и знать не хотел, что воины не могли долго оставаться в деревне.

Трое витязей же остались на берегу под покровом ночного неба. К тому времени небосвод прояснился, и месяц уже бледнел над их истомлёнными головами. Они сели у края отвесных скалистых берегов и огляделись: слева от них тянулся вниз пологий спуск к пляжам, а справа невыразимыми громадами высились голые скалы, впереди было море необъятное, позади деревня бревенчатая. Между тем Беленира стали посещать тёмные, словно зимний вечер мысли. Даже мерцание звёзд, которые в невиданном танце плясали на небосводе, не могло отвлечь его от них. «Пьяницы, дураки, — думал он. — И неужто всем людям только того и надо, чтобы выпить и отвернуться от своих дел и своей жизни? Неужто никому из них жизнь не нужна? И таких людей я иду спасать».

— Да, глупые люди, глупцы! — сказал вслух Беленир. — Они пошли пить, тогда как надо готовиться к обороне. Бодин! Он тут похоже староста. Неужто все старосты так паршивы? — но тут Беленира перебил Всесвятлир:

— Вряд ли, но лихо на головы тем пастухам, которые пасутся сами, а за овцами не приглядывают. Бодин, коли он староста, видно, один из таких пастухов!

— Но как нам теперь перебраться в Брегокрай? — воскликнул Брисинор, и очи его пыхнули жаром. — Надо сказать им, чтобы сряжали ладью и везли нас к берегинам! Мы не можем ждать, когда уродище вновь нападёт. Оно, может, вылезет через месяц или даже год!

Но Беленир, подумав хорошенько, сказал:

— Нет! Мы не можем уйти отсюда, ведь из-за нас чудище теперь пусть и слепо, но ужасно зло и наверняка скоро вернётся докончить начатое. Мы должны остаться и каким-то образом положить этому конец. Митрапирн далеко отсюда и не ведает горя этих людей и не может им помочь. У нас же есть чудесная медовуха: она прибавит сил, и мы одолеем

вражину. Да и не поплывут никуда рыбаки, пока ненасытное чудовище будет бороздить морские просторы. Я обезглавлю его, а поганую голову насажу на кол! Тогда избавим мы людей от напасти, а сами уплывём в Брегокрай, снискав помощь благодарных жителей и немного славы.

«Как жаль, что я не могу победить и другого врага этих рыбаков — пьянство», — подумал про себя Беленир и опечалился.

Всесвятлир и Брисинор же согласились со словами своего друга и разожгли костёр трескучий. Они не пошли в горницу, где всюду шло веселье, а отдохнули на свежем воздухе: откушали свои запасы и так просидели до утра под подозрительное колыхание волн, пока не рассвело.

Когда же чистые слёзы утренней росы заблестали на траве-мураве и когда красно солнце золотым клубочком выкатилось на небеса, тогда-то вот приготавились удалыцы к бою. После долгих споров они решили, что чудовище должно было появиться на рассвете, раз не появилось за все это время, ведь оно наверняка горело злобой и хотело скорой мести. Тем временем густой лиловый туман заскользил пеленой по долинам на востоке, поднявшись до самых гор, а море зардело румяным блеском. И путники, сидя на траве, невольно услаждались всеми красотами природы. Ведь даже скалистые берега, тянувшиеся отвесно над золотистыми что пшеничный колос пляжами, блестели в солнечных лучах. Вокруг царило блаженство. Гуляния рыбаков уже, наверно, кончились, и они, пьяные, не видя прелестей этого утра, заснули в затхлой горнице.

И вдруг разверзлись воды морские, зашумели сильно: явился из них Мосальный Горб, головою тряхнул, шевельнул хвостом и зарычал страшно. Блики радужно заиграли на его чешуе, с боков он зашевелил своими лапками-отростками и вскоре как змей извился в воздухе. Почуввав своих врагов, чудовище взревело что было мочи, и воины будто околели на время. А уродовище морское стало всё ближе и ближе подбираться к ним, рассекая волны высокие и стремясь к берегу.

Но вот Беленир, преодолев замиранья своего сердца, сказал своим соратникам на ухо:

— Сулицу мне, сулицу — не видит нас чудо, слышать лишь может и чувствовать, — замысел витязя заключался в том, чтобы бросить копье в колокол, что находился в колокольне, вырубленной в скале — в этот колокол били встарь рыбаки, встречая гостей или недругов. Беленир рассчитывал, что уродовище подумает, что в колокольне спрятались витязи и бросится на скалу, где разобьёт свою неразумную голову, вместо добычи отыскав острые камни.

Всесвятлир подал Белениру сулицу. Витязь прицелился метко, размахнулся да и забросил её прямо в колокол. Зазвенел тот звучно, затем и вовсе сорвался и полетел вниз. Шум поднялся приличный: небольшая часть скалы прибрежной, по которой скатился в воду тяжёлый колокол, с грохотом упала на золотопесочный пляж. И внезапным порывом своего длинного тела чудовище устремилось прямо на камни, рассчитывая схватить там жертву. Ударилось оно очень крепко, и скала сотряслась с ещё большей силой. Казалось будто первородный великан упал где-то вдалеке и вызвал тем землетрясение. Но вскоре послышался оглушительный рёв, и чудовище оцепенело, затем извилось в судороге и рухнуло прямо на пляж. Тут со скалы прямо на него осыпались камни да валуны и придавили его. Самый большой из них упал прямо на извивавшийся хвост. Рёв и вой смолкли, наступила звонкая тишь.

Тут из горницы высыпали люди добрые, с пьяных глаз не понявшие, что же происходит.

Кто-то прихватил с собой кружки с пивом или медовухой, а иные выбежали с рогами, полными браги. Впопыхах Беленир увидел, как некоторые люди вытащили из горницы дома, в котором пировали, медвежью шкуру и весьма знатную — украли подлецы! Но никто этого не заметил: народ честной побежал вновь встречать своих славных спасителей.

Беленир сразу понял, что без пира званого тут не обойдётся, а на этом пиру не обойдётся без пьянящих напитков. Всесвятлир же, заметив это, явно не огорчился, рассчитывая отдохнуть в застолье, слушая как селяне расхваливают его молодецкую удаль. Брисинор же воспринял это безропотно, хотя и не хотел пить.

Подбежав к обрыву и узрев чудище, лежащее на пляже и заваленное горами серых камней и стылых валунов, рыбаки возликовали и захлопали в ладоши да так громко, что казалось хлопает в ладоши не сотня человек, а целая тысяча. Затем рыбаки всей толпой, просто-напросто подхватив и витязей хоробрых, отправились в горницу большого дома, самую обширную в этой деревне, чтобы там как в гридне распить мёд сахарный да хмельное пиво. И, хотя Беленир думал ускользнуть из толпы, его вместе со спутниками, затолкнули в двери.

Горница была длинна и узка, с высоким потолком, в ней стоял стол длиною две-три сажени. Кроме того, была она темна: свет ещё не успел в нее проникнуть, ибо солнце взошло ещё не очень высоко. Внутри были зажжены лучины и свечи, и их огни дрожали между согбенными тенями людей. Тёмная и мрачная, горница была наполнена пьяным людом, который производил в ней невыносимый шум. То был не славный пир у Митрапирна-князя, а грубая и бестолковая попойка. Но Белениру и его друзьям пришлось разделить стол с рыбаками, как пьяны бы они ни были — ведь именно их деревню они спасли уже во второй раз.

Удальцы присели на самые почётные места длинного стола, кое-где стелённого белыми скатертями, и принялись за небогатую еду. Но потому что они довольно сильно хотели есть, то съели всю рыбу, которую им предложили, и выпили весь квас хлебный и прочие напитки, которые им налили. Беленир и Брисинор кроме кваса ничего выпить не успели, ибо по большей части набивали рты едой; лишь Всесвятлир отведал несколько глотков медовухи да кружку пива солодового. Не считая этого, он ещё осушил кубок браги. Но и от этого он не сильно опьянел.

Однако путникам не удалось отдохнуть как следует: не удалось вволю отведать квасу и наесться рыбы. Ни с того, ни с сего послышался писк, пронзающий даже кости, затем загрохотали камни, и в дверь горницы ударило что-то.

— Чудо ожило! — послышались голоса в зале, и люди начали роптать на витязей.

Но тут из-за стола встал Всесвятлир и молвил гордо:

— Глупые люди! Почто вы на нас хулу сказываете? Мы вам ничего худого не сделали, а, напротив, уже дважды Мосального Горба отсюда прогнали!

— Так прогоните ещё раз, если вы не трусы! — отвечали ему люди.

— И прогоним! — опрометчиво заявил Всесвятлир.

— В этот раз мы можем не выстоять, — сказал Беленир товарищу потише, чтобы рыбаки его не слышали. — Надо воодушевить людей на борьбу. Что они расселись словно утки на взморье? Пусть тоже готовятся к бою, — последние слова он произнёс с дрожью в голосе, потому что понимал, что враг их силён, а сил у них мало и нет с ними рати, местные же о ратном деле мыслили на уровне пьяной драки на кулаках.

— Беленир прав, — подтвердил шёпотом Брисинор. — Я, например, устал от тревоги и

рука уже не так тверда.

Всесвятлир, выслушав советы друзей, поглядел на народ, что суетливо толпился в горнице, ожидая своей кончины, и сказал:

— Люди добрые! Дважды мы уже побеждали это чудо, но оно вновь возвращалось. Значит, троих недостаточно, чтобы его сразить. Готовьтесь и вы к отменной битве, вместе встретим его.

— Мы погибнем! — воскликнул кто-то. — Как назло ещё не допил медовуху!

— Кто-то сложит головы, — согласился Всесвятлир, — но, знайте, вместе мы бесспорно победим, а о вашей смелости, о вашей мощи будут говорить годами! И даже все сородичи этого окаянного чудища устроятся нашей доблести!

Люди приободрились, позабыв даже, что недавно Всесвятлир называл их глупыми, и заговорили о битве. Кто-то взял палки дубовые, другие взяли стулья, многие притащили гарпуны, топоры и рыбацкие ножи. И вдруг горницу вновь огласил шум ударов чуда морского. Послышались испуганные голоса, но тут солнечные лучи проникли внутрь, и народ честной вновь приободрился и забыл о трусости. Всесвятлир обнажил свой могучий клинок, и все его товарищи тоже изготовились к битве. Беленир, держа меч, чувствовал, как дрожит его рука и как сердце колотит жестокими ударами его внутренности. Но он не поддался страху и остался стоять там, где был.

Чудище ещё раз ударило в двери своей твердокаменной головою, и ворота с треском разломались. Пробилось оно в чертог, словно в закупоренную бочку, набитую едой, — несчастными рыбаками. Словно слизень огромный уродище вползло в горницу. Из глазницы пустой и его переломанных лапок обильным ручьём сочилась кровь. Тут же чудовище кольцом обвило одну из десяти подпорок, что в два ряда высились вдоль горницы и подпирали ветхую кровлю, и сломало её без всяких усилий. Рыбаки, увидев, что чудище портит дом, понеслись на него кто с чем в руках. Стали они его бить-колотить, но чудо вмиг их отбросило, и они рассыпались по стенам. Тогда Брисинор, почуяв силу в своём сердце, подбежал к морде чудовища и всадил топор ему прямо в пустую глазницу. Почуяв боль, уродище поганое извилось и своим длиннющим хвостом сломало ещё три подпорки. Беленир меж тем смекнул, что надо делать, и, отбросив всякие сомнения, крикнул:

— Рушьте подпорки, крыша обвалиться и придавит его! — на этот раз его голос не дрожал: в нём звучали зычно мощь и мужество.

— Но мы сломаем дом, — заметил недовольно какой-то мужик.

— Новый постройте! — рявкнул на него Беленир. — Жизнь спасти надо, а не эту гниль!

Мужики деревенские не стали пререкаться и быстрехонько разрушили подпорки своими топорами. Но несколько подпорок они оставили и выбежали вон из горницы прямо через выбитые двери. В доме не осталось никого, кроме трёх витязей и кучки перепуганных пьянчуг. Беленир велел им уходить через другой выход, бывший в горнице, и остался со своими верными товарищами. Но и чудо тем временем не дремало и не лежало просто так, пока друзья совещались: оно пожирало нескольких селян, которых успело сцапать. Съев их всех без остатка и забрызгав пол мужицкой кровью, оно обрушилось на Беленира, услышав звук его шагов. Но он прикрылся своим крепким щитом и выдержал удар. Всесвятлир и Брисинор тем временем обрушили другие подпорки, оставив только две, отчего крыша сильно накренилась. Затрещал свод, над головами витязей раздались скрип и скрежет. Беленир, поняв, что кров скоро и неминуемо обвалится, велел друзьям убежать и рванул к

выходу из горницы. Но прямо около выхода лежало само чудовище. Кое-как проскочил витязь мимо хвоста, что был у него на пути, и с трудом перепрыгнул грозное тулово, споткнувшись о скользкие бока, и ушиб ногу. Но воин всё равно смог выбежать из дома. В лицо ему приятно подул свежий ветер. Лишь затем он заметил, что поранил ногу о острые шипы торчащие из тулова чудища.

Вслед за Белениром побежали Всесвятлир и Брисинор. Но если Всесвятлир выскочил на вольный воздух, то Брисинору не повезло. Чудо случайно схватило его своими лапками-отростками, и, поняв, что это человек, потянуло его в свою пасть. Воин закричал. Он приближался к пасти червечудища, над которой красною кровью сочился выколотый глаз. Брисинор хотел бросить топор ему прямо в глазницу, но выронил его из рук и остался один на один со своим врагом: без оружия. Беленир и Всесвятлир, увидав что приключилось, побежали ему на помощь. Но тут треснули остальные подпорки, и крыша обвалилась. Чудище завалило вместе со славным удальцом. Над ними взгромоздилась огромная груда балок и досок и горою пали на них длинные брёвна от обрушенных стен.

Беленир вздрогнул: ужас прокатился волнами по его телу. Он застыл на месте, не смея шелохнуться, и вперил взгляд в разрушенный домище. Всесвятлир вскрикнул от злости: как никак Брисинор стал ему уже другом и ему нынче было очень горько. И едва замолк молодецкий крик, чудо произвело писк и подняло голову из-под завалов. Тогда, не робея, Беленир подбежал к нему и трижды по самую рукоять всадил ему меч в голову — теперь чудище было убито наверняка. Рыбаки, стоявшие плотным кольцом в нескольких саженьях от обрушенного дома, попятились назад, иные ушли к своим старым хибарам, разбросанным по лукоморью.

В небесах же пролетала утка серая, кряква-гоготунья. Крякнула та утка со всей мочи, крякнула еще раз, крякнула в третий раз, и в ушах у Беленира зазвенело, а в глазах потемнело, и он рухнул наземь в беспамятстве. Так окончился третий бой с Мосальным Горбом.

Глава 5. Удар за ударом

Очнулся Беленир уже ясным утром на полотах в избушке Бодина. Нога его ещё ломилась, а рана была воспалена. Поодаль от него, на сосновом тёсаном стуле сидел и ворчал себе в бороду сам Бодин, совсем недовольный случившимся. Он то и дело посматривал на Беленира и в его взгляде был виден упрёк. На лавке, в тёмном углу комнаты, сидел Всесвятлир и грозно глядел на хозяина.

— Что с Брисинором? — тихо спросил Беленир, но его голос был слаб, и никто не расслышал, что он спросил. Только Бодин прокряхтел в ответ, ковыряя свой лапоть:

— Ишь, проснулся-то, приспешник Митрапирна! Давно было пора чудо-то сразить-то, странно, что не Вадир прислал вас, а Митрапирн... Да толку — все равно ничего не смыслите в своей работёнке! Лучше вообще бы не присылали никого. Лучше бы отдали-то чуду людей как раньше. Всегда отдавали и оно уходило. А вчера оно вдвойне обычного съело: жены плачут, старики грустят, дети-то теперь в кручине. Почто вы сюда-то явились, мрази негодные?

— Ах так, глупый дед, ты хвалишь избавителей? — оборвал Бодина резкой речью Всесвятлир, и его глаза засверкали. — Пусть погибли сегодня люди, но зато впредь никто не будет погибать от уродища ужасного. Ты глуп как пень сучковатый, а голова твоя что дупло. Наверняка там уже дрозд гнездо свил... Волк ты в овчине! Вот кто!

— Молчи, глупец! — воскликнул толстоватый рыбак, и из его рта вылетела слюна. — Когда я уже ловил рыбу-то — ты ещё лепетал! Вы мне ненавистны, жители чертогов, опьянённые похвальбой за свои подвиги, сидите только-то и слушаете, как воспевают ваши деяния, а сами никогда мечи ни с кем не скрещивали! Лишь в вепрей копья метали, а потом ели их, тучных и жирных, на пирах! Заливаете-то вы в глотку вино да пиво, не зная предела и не ведая границ! — Бодин сам границ этих не ведал, но все равно бросил такой упрёк. — Теперь из-за вас погибло мерено-немерено рыбаков и без того бездольных. Впору вас сбросить со скалы.

— А твой язык впору вырвать и скормить волкам! — вскрикнул Всесвятлир. — Ты провёл всю свою жизнь только в море да в своей избе, более нигде ты не бывал, а вот я битвы видел и зрел, как вороны собираются на бранные поля. Ты же только плавал да ловил рыбу под парусами. Это дело рыбацье, а моё дело — дело воинов. Вот и не суй свой тупой нос в нашу жизнь, пока я не треснул тебе хорошенько! — и тут удалец встал и собирался уже подойти к Бодину и проучить его, как тут же упал на лавку: сил у него было мало.

Беленир тем временем произнёс:

— Что с Брисинором, выжил ли он? — на этот раз его услышали.

— Выжил! — ответил Бодин, опередив Всесвятлира. — Ему досталось правильно, получил по заслугам. Глупец! Пошел на чудище с топором, будто по дрова, будто лес рубить! Взят бы ещё нож-то, тогда точно чудо бы его устрашилось.

— Тебе впору стоять на базаре, Бодин, и невесть что говорить! — хрипло молвил Беленир.

— Он нас хотя бы приютил, здесь мы отлежимся, а он пусть треплется сколько хочет, — заметил Всесвятлир.

— Почему ты приютил нас? — спросил тогда Беленир у хозяина.

— Заставили, мрази, — ответил злобно Бодин. — Домов-то в деревне толком не

осталось: сплошь одна гниль да развалины. Никто не мог вас взять, и они заставили меня.

Тут где-то в другой комнате простонал Брисинор:

— Воды! Воды мне!

— Сейчас! — злобно рявкнул Бодин.

Беленир закрыл глаза, немного передохнул, а затем спросил у Всесвятлира, буйно стучавшего ногой по полу, видно от негодования:

— Чудище мертво? Повергли ли мы Горб Мосальный?

— Да! — с тяжестью в голосе ответил Всесвятлир, глядя в окно косящатое. — Мы одолели его, но Брисинор чуть от того не погиб... Да и самый богатый в селении дом мы развалили! — и гордый витязь усмехнулся. — Они сейчас пекутся больше о том доме, чем о павших товарищах. Их бедность сжирает их души. Но будь они побогаче, было бы и того хуже: золото в их руках бы зачерствело, и они умерли бы на золотом троне от голода, боясь потратить и полушки!

— Думаю, ты говоришь лишнее! — молвил Беленир. — Будь у них богатство, они бы его или растранили, или же просто жили бы так, как живут сейчас — мелочно и жадно, только в более богатый деревне с более богатыми домами.

Тут вошёл Бодин, он странно посмотрел на двух витязей и посмеялся себе в бороду: на его лице была видна злая ухмылка. Но Беленир не хотел больше бороться с этим глупцом словами, потому ничего не сказал ему. Всесвятлир после того, как Бодин ушёл, посмеялся над его нечёсаной бородой и тупыми речами.

— Этот Бодин вдвое глупее всех остальных, — заметил Беленир. — Если те, как ты говоришь, пекутся о разрушенном доме, то этот горюет над новым счастьем. Пусть и омрачено оно смертями, но это счастье. Раньше они отдавали людей чуду на съедение и, как видно, не горевали, а теперь, когда кто-то погиб в битве, этот дурак недоволен.

— Пожалуй, лучше было бы для этих дураков-рыбарей, если они покинули бы это проклятое место, — сказал Всесвятлир. — Но слишком долго они жили здесь, пока запах протухшей рыбы не въелся в их души. Теперь они никчёмны! Глупцы слишком привыкли к этим хижинам и этому берегу, что не смогли бы оставить эти избы, даже если бы явился сюда Вадир-князь или благородный Митрапирн и сказал бы что даст каждому по новому дому в своих землях.

Спустя пару недель жизни в весьма негостеприимном жилище, путники попросили у селян, чтобы те доставили их в Брегокрай. К тому времени Беленир оправился от борьбы с чудищем, а Брисинор уже почти выздоровел после ушибов и ран, полученных от чудища и от рухнувшего дома. Рыбаки, уже науськанные Бодиным, над ними посмеялись и лишь некоторые, видя, какой подвиг совершили витязи, им в этом не отказали. Ведь даже среди такого захудалого и видом, и духом народа находятся хорошие люди.

Такие добрые люди в благодарность за победу над чудищем и избавление их от кровавой дани, и решили доставить витязей туда, куда им надобно — в Брегокрай. Вскоре был снаряжён и корабль: ладья из крепкого дуба. Главой на ней стал один из рыбаков — Судак, человек бывалый, с загорелым лицом и мозолистыми руками.

Наконец настал день отплытия. До этого дня, скажу честно, Белениру и его друзьям жилось не очень хорошо. Их постоянно осыпали насмешками и недовольными речами, бранили и один раз даже собрались побить, но Всесвятлир всех разогнал своим мечом, а Судак топором. Как потом догадался Беленир, этим рыбакам заплатил Бодин, отдав им пару возов с рыбой. Ведь на следующий день несколько бочек исчезло с его двора. Кроме того,

некоторых Бодин даже убедил, что чудище было посланником Государя Волн и наказывало за грехи, шадя праведных, и потому витязи совершили не подвиг, а богохульство.

Так вот, в день отплытия, когда корабль был готов, удальцы и добрые рыбаки, что были с ними, спустились на пляж. Тёплые волны достигли их ног и с отливом укатились в белопенное море. Тем временем на горизонте алом под крики чаек разгоралась заря и с запада веял бриз. Беленир, увидав этим утром морские красоты, почувствовал непреодолимую тягу к странствиям, захотел, чтобы ветер дул ему в лицо, чтобы шторм хлестал воду молниями прямо перед носом их корабля, чтобы в ладью бил град и чтобы его сердце упивалось грозой. Но затем он ощутил, что скоро удалится от земель родных, от своего дома и затосковал по своему краю. С небосвода горошинами полились капли: заморосил крупенистый дождь. Витязь оглянулся назад и увидел скалы высокие, на вышине которых, на травянистых лугах, стояла полуразрушенная деревня рыбаков — её витязи уже успели возненавидеть. Справа и слева от деревни тянулись вниз крутые спуски к пляжу. То были поросшие мхом и кустарником дорожки из камней серых. Кое-где камни были так огромны, что для того, чтобы спуститься, надо было с них прыгать. Пляж же, к которому эти дорожки вели, распростирался длинной жёлто-золотистой полосой на север и юг, оканчиваясь где-то там, далеко-далеко. Эти места, пусть и жило здесь много глупых людей, были отчизной для витязей: это была их земля.

— Пора в путь! — сказал, наконец, Всесвятлир Белениру, зазевавшемуся на пляже.

— Сейчас! — ответил Беленир. — Подожди, мы ведь уходим с родной земли!

Беленир еще некоторое время постоял на берегу, прощаясь с родиной, то глядя вдаль, то потупив взор в землю. Затем он вместе с Всесвятлиром и Брисинором взошёл на судно, и корабль отбыл от берега.

Ладья была не очень большая: семь саженой в длину; но внушала своим видом доверие, ибо была крепка и прочна. На единственной мачте раздувался парус, наполненный могучим ветром. На нём не было никаких рисунков и узоров, какие бывают на боевых ладьях, ведь эта ладья ныне была рыбацкой.

— В прежние времена, — начал вдруг Судак, — этот корабль был боевым. И мне довелось даже быть в походе на нём. Ух, и славен был поход... Вон — в этом шлеме и с этим мечом я и побывал в нем, — и рыбак указал на шлем, лежавший на борту и меч, покоившийся в ножнах у него на поясе. — Сейчас уже ладью приспособили под рыбацкое ремесло. Но смотрите: она осталась так же стройна! Ух! Словно лебедь белокрылый рассекает она волны, взмучивает морскую пучину. Ух!

— Она и впрямь была боевой, — согласился Всесвятлир, знавший кое-какой толк в ладьях.

— Да, — согласился Беленир. — Вон и палатка осталась.

Вправду около мачты была сооружена палатка небольшая — такие в ту пору бывали только на боевых ладьях, ибо на ней были изображены сцены из жизни морских воинов и вольных рыбаков, а также смелых охотников. Все эти рисунки некогда были золотыми, но сейчас нити вышивки поблёкли и уже не радовали взор. Беленир оглядел палатку и тут же заметил, что в ней кто-то есть.

— Бодин! — воскликнул он. — Он пробрался на корабль!

Судак и рыбаки выволокли спящего Бодина из палатки и разбудили его.

— Какого чёрта ты сюда явился, прохвост? — спросил его Судак.

— Не твоё дело, — ответил Бодин.

— Мы уже далековато от берега и возвращаться не будем, — молвил тогда Судак. — Выкинем его в море. Пусть идёт на корм подводным жителям!

— Нет, — прервал его Беленир. — Не стоит. Как никак, он нас приютил недавно. И может от него будет какой толк, — Бодин ухмыльнулся. — Но, если ты, пройдоха, что-то вычудишь, я тебя сам брошу в море и не пожалею об этом! — ухмылка сама собой исчезла, и толстяк замолк.

Ладья, тем временем, плыла на север. Навстречу дул суровый ветер, поэтому парус пришлось опустить и плыть на вёслах. Тут рыбакам славным хорошо помогли Всесвятлир и Беленир (Брисинор ещё не совсем окреп после боя): они подналегли на вёсла длинные, когда некоторые из гребцов утомились. Бодин же всё время мешал кому-нибудь: донимал горемычных рыбаков или витязей, отчего получал от них пинков. Сам же он почти ничего не делал и отлёживался в палатке больше других. Всесвятлир подозревал, что он что-то задумал и постоянно за ним следил. Ему казалось к тому же, что этот рыбак сошёл с ума.

Ну а море было всё так же изменчиво, как его и описывают бывалые моряки: ветра дважды меняли свое направление, и приходилось то опускать парус, то поднимать его. Так прошло несколько дней, и каждый вечер витязи созерцали пляску бликов на водной глади, а вздымавшиеся волны светили им в очи золотистыми гребнями. Ночью же море белопенное было ещё красивее, чем во время царствования солнца: оно отражало мириады небесных звёзд, и иные отражения, казалось, разгорались ярче, чем их двойники на небе. Порой и серебряная луна смотрела вниз с вышины, освещая волны своим бледным сиянием. Утром же путников приветствовал новый рассвет, и порой Беленир даже вставал раньше обычного, чтобы его увидеть. Любовь к свету тогда была велика в народе Заповедья.

Берег песчаный был всё ещё виден. Ведь им не надо было отплывать очень далеко — они просто плыли вдоль знакомых земель до края берегинов. К тому же в те годы мореходы из Заповедного Края не решались ходить слишком далеко от берега, боясь потерять из глаз свою родину. Но им это можно простить, ибо они были не столь искусны, а их плаванья как правило заканчивались обычной рыбалкой. Иной народ был берегины, вот они плавали далеко и торговали даже с такими странами, о которых Беленир никогда не знал. Но вернёмся к путешествию.

В один день облака седые заволокли небо и случилась ужасная гроза. Ни с того ни с сего молнии разрезали воздух, послышался могучий гром. Беленир встал на носу ладьи и упоённо стал глядеть вдаль: как это было ни странно, он желал грозы. Крупный град раздёрнул воздух, стал бить по воде, тревожа морские волны. Белениру попало прямо по голове, и его сковала боль. Тотчас для него вокруг всё смолкло на несколько мгновений, и он увидел, как молния чуть не угодила в нос ладьи, ударивши в воду впереди корабля. Голова вскоре перестала болеть, и вместе с болью из неё ушла и охота до грозы.

— Ух, не выдержит ладья, развалится негодная! — вскрикнул Судак, держа в руке весло рулевое, тут в весло угодила градина и разбила его в щепки — давно не было такого крупного града. — Весло сломано! — добавил Судак. — Подгнило наверно. Несите запасное!

Мореходы побежали за запасным рулевым веслом, но не нашли его.

— Нет весла!

— Как нет? — удивился Судак, надев свой шлем. — Поищите ещё.

— Нету!

Судак глянул на Бодина: тот корчил из себя невинного. Видно, он и выбросил запасное

весло.

— Теперь мы не можем управлять ладьей! — воскликнул Судак, в замешательстве позабыв, что судно можно развернуть без рулевого весла. — Точно разобьёмся!

Воины, с трудом противясь буйному ветру, прошли к палатке, взмокшей от дождя и порванной кое-где градом, и вошли в неё — в ней лежали их шлемы и их они как раз и надели, чтобы уберечь головы. Было слышно, как сильно бьются три сердца. Ведь страх подогревал души воинов. А куда без страха? Неужто, вы думали, что витязи бесстрашны?

— Что будем делать? — спросил Всесвятлир. — Мы утонем, если будем сидеть сложа руки!

— Надо прыгать в море и самим плыть к берегу! — пробормотал Брисинор. — Иного выхода нет!

— Всегда есть иной выход! — сказал Беленир. — Надо снять парус и на вёслах идти к земле.

— Но рулевое весло сломано, — напомнил Всесвятлир. — Мы не сможем развернуть корабль.

— Тогда нужен другой выход! — изрёк Беленир. — Иначе зачем мы шли в путь, если погибнем в волнах, даже не раздобыв коня?

— Хотя можно попробовать развернуть судно без рулевого весла! — догадался, наконец, Всесвятлир. — Надо просто ослабить греблю с правого борта. Пойду скажу Судаку. Странно, что он сам не додумался.

Буря, тем временем, заметно усилилась и свистала так, что уши глохли. Молнии и зарницы стали сверкать так часто, что в глазах всё вокруг блекло. И ветер сдувал людей к бортам, будто пытаясь сбросить их с корабля и накормить бушующую пучину, а волны широкошумными валами набрасывались на судно, и оно колебалось под их натиском, словно утлая лодка. Три вала один за другим накатились на ладью, словно грозные кони морского царя, едва не опрокинув её в пучину. Судак по совету Всесвятлира меж тем уже пытался развернуть судно к земле без рулевого весла — скал на берегу как раз не было. Но пока это плохо получалось из-за страха и путаницы, что царили на корабле, и из-за неумелости рыбаков. Бодин же бегал по судну и выкрикивал:

— Это из-за них мы погибнем, море жаждет их крови, сбросим их в воду, тогда буря утихнет! — но никто не обращал на него внимания — видно, он и вправду тронулся умом. — Государь Волн заберёт нас всех на дно! За то, что они убили его сына!

Когда же буря стала завывать самым отчаянным воем, Бодин взял молот, бывший на судне, и стал пробивать им дно ладьи. Удар за ударом он приближался к своей цели, и никто этого не видел. Но вот заметил это Всесвятлир и прыгнул с разбега, и сшиб его с ног. Завязалась драка, которую в смятении никто не увидел, и Бодин, как оказалось, был весьма силён, пусть и толст. Он почти одолел Всесвятлира и уже стал душить его своими короткими жирными пальцами. Ветер выл, и дождь хлестал, молнии кричали в поднебесье. Но вот гордый удалец собрал все свои силы и одним могучим ударом вырубил Бодина и сбросил с себя его грузное тело.

Но паршивец успел пробить дно, немного, но успел. Вода неспешным потоком стала затекать в судно. Рыбаки совсем растерялись и перестали слушать голос Судака, который пытался направить ладью к берегу. Все стали затыкать дырку чем попало, но не получалось. Воды затекало всё больше и больше. Так бы и погибли люди в глубоком море, в пучине безмерной, но Беленир придумал кое-что. Пока он думал, ладья наполнилась водой по

щиколотки, а его соратники почти потеряли надежду. И вот Беленир с важным видом провозгласил:

— Несите хлеб добротный, мните его и заткните им дыру! — это странное решение было пока единственным, что могло спасти тонущий корабль.

Рыбаки рванули к мешкам с хлебом и стали мять его, что было довольно трудно. Ведь ветер могучий всё дул, а буря свистала, и молнии сверкающими копьями обрушивались то в море, то на берег, смутно видневшийся вдаль на востоке. И, хотя град прекратился, но даже без него дело это было не из лёгких. Но люди справились со своим заданием: они размяли хлеб ржаной и вручили его Белениру. Корабль меж тем ещё более наполнился водою. Но славный Беленир всё равно смог заткнуть пробоину куском размятого хлеба, что тоже было не так-то и просто. Вода, наконец, перестала затекать. Молодцы щитами и шлемами вычерпали воду, бывшую на судне, и радостно вздохнули. Так и был спасён корабль. Но буря продолжалась, всё более и более она усиливалась, и никто не знал, как можно с ней совладать. И взмолился Судак:

— Ух! Боже морской, хозяин приливов и отливов, государь под водой, и ты, владыка молний, небесный ковач, богатырь рыжебородый! Помогите нам: умерьте гнев грозы и бури, спасите нашу ладью крепкодубовую!

Беленир же лишь надеялся. Век живи — век надейся, как говорит пословица. И надежда никогда не затухала в сердце Беленира. Он не молился сейчас. «Это не поможет», — думал он, вспоминая о своём крае, о доме, даже об отце, которого никогда не знал и который сгинул в морской пучине и о многом другом. И так много было мыслей в его голове, что он сам потом не смог все их вспомнить. Однако, никакие воспоминания, никакие мысли не вогнались его в отчаяние.

После мольбы Судака ничего не произошло, и дикая буря мотала корабль по шумным волнам ещё несколько часов. Но он не разбился, не потонул. Судак же, как ни старался заставить рыбаков налечь на вёсла, ничего не смог сделать. Ведь половина рыбаков валялась побитая градом, слава богам, что не насмерть, а другие обессилели да и страх сковал их умы. Так что на вёсла пришлось налечь самому Судaku и витязям: град не повредил их головы. Им-то и удалось направить ладью на верный путь. Однако, после буря утихла, а ветер умерил свой пыл. Потухли огненные стрелы молний, умолкли раскаты грома. И сердца Беленира и всех, бывших на корабле, тоже умерили свой бой. И как только гроза совсем утихла, рыбаки тотчас заделали понадёжнее дыру, используя имевшиеся на ладье доски и смолу, и затем все легли спать: так утомились наши мореходы. Лишь немногие остались следить за берегом, от которого их отнесло: мало ли ладья удалится от него; и за беспмятным Бодином: мало ли опять учудит что-нибудь.

Беленир спал как будто впервые за всю жизнь или будто хотел выспаться за всё будущее житьё. Во сне он ничего не слышал и не ощущал, даже того, как уже проснувшиеся рыбаки ходили около палатки, во весь голос сетуя на побитые головы и спины. Зато, пока витязь спал, он видел чудесные сновидения. Виделось ему, будто он встретился с богами. И они говорили с ним: рекли мудрость из своих уст сладкоречивых, голос их при этом был так прекрасен и велик, что проникал в самое сердце. Как мелодичные звуки срываются со золотых струн арфы и образуют музыку, так слова слетали с языка богов и соединялись, сплетались невообразимыми предложениями в единую и цельную песнь. Но во сне Беленир не понимал, что они поют или не хотел понимать. Для него важна была лишь красота. Но вместе с услышанными во сне звуками и песнями в сердце его влилось много того, чего там

прежде не было или что улетучилось оттуда со временем. Он понял, что ему ни к чему золото Митрапирна за свои труды, что награда его гораздо выше — спасение народа, долгая слава и сила в своём сердце, настоящая сила, а не глупости, какие обычно выдумывают. Такая сила, которая делает труса отважным, а витязя великим, которая словно ручей чистый бьёт изнутри и освежает душу, которая возносит человека. И вдруг Беленир почувствовал жжение у себя в груди, будто сердце переполнилось до краев, и тут он проснулся.

Был уже яркий и солнечный день. Красное солнце катилось по небесам словно бронзовый щит, и лазурь небес, сливаясь воедино с синевой вспененных волн, окружала ладью, плывшую на север. Курчавыми овечками паслись на небосводе белейшие облака.

— Мы спаслись, — пробормотал Беленир, — Всё благодаря нашей хитрости, смелости и силе, — тут он шутливо посмотрел на товарищей и улыбнулся. — К тому же мы ещё не спасли свой край, чтобы так просто умирать в доме у старого Земнородного деда, чтобы погибать в пасти у Мосального Горба, или чтобы пропадать в пучине!

— Да, нам рано погибать! — подхватил Брисинор, глядя в небо и следя за белыми, что снег, чайками, кружившими над кораблём. — Но вот Бодин вряд ли так считает. Готов поспорить, он ещё выкинет какую-нибудь злую шутку, прежде чем мы сойдём. Если только он не сойдёт раньше.

— В смысле? — спросил Беленир.

— Ты знаешь, что я имею в виду! — ответил сухо Брисинор.

— Тогда отправим его в море, — вмешался Всесвятлир, посмотрев на Бодина, который связанным лежал на палубе, как на навоз. — Пусть носится себе по волнам, считая преодолевшие гребни, пусть пьёт морскую пену! Какой толк держать здесь сумасшедшего?

Никто не стал спорить с Всесвятлиром. Рыбаки сколотили по-быстрому плот из досок, что были на корабле и, посадив на него ненавистного им Бодина, отправили его скитаться по волнам, не забыв дать ему бочку пресной воды. Как никак, убивать его они не хотели. Так доблестные витязи расстались с Бодином. Неизвестно, как именно он добрался до дома: больше ли пешим ходом или только по волнам, но его углый плот через месяц прибило к родным берегам, и на нём люди нашли худого и заросшего деда, который окончательно сошёл с ума, а дети Бодина — те и вовсе поначалу не признали своего отца.

Глава 6. Оковы векового сна

Путь по морю белопенному продлился ещё два дня. На исходе второго Судак увидел, что Синегривка впала в залив, а значит начались земли Брегокрая.

— Река впала в море! — крикнул он, указав рукой на побережье, синее вдали. — Можно сойти на землю.

— Наконец-то! — пожаловался Всесвятлир. — А то меня качает в этой ладье словно кусок мяса на вертеле. Давно пора бы уже стать на землю.

— Скоро наши ноги вволю пройдутся по ней, — сказал Брисинор, — потому надо бы подготовиться к походу.

— Скорее бы уже оказаться в Брегокрае! — стал мечтать Всесвятлир. — Там нас примут берегины, и мы попируем на славной пирушке!

— Мы уже достаточно напировались! — вставил Брисинор. — Сейчас не время думать о пирах, нам бы наоборот было бы хорошо миновать берегинов, пока не доберёмся к колдунье. Думаю, слухи о нашем подвиге, об убийстве Мосального Горба, ещё не дошли до государя Гелена, и сомнительно, что нас ждут там на застолье.

— Почему? — спросил Всесвятлир.

— Я думаю так, — ответил Брисинор. — Если мы встретим берегинов, то они поведут нас к своему государю как преступников, а не героев. У нас нет на это времени. Ведь путь к их повелителю займёт неделю или даже месяц! Суровы стражи границ Брегокрая и не скоро разберутся, друзья мы их государю или соглядатаи врагов.

Беленир не стал вмешиваться в споры своих друзей, так как Всесвятлир итак понял, что Брисинор был прав.

Корабль повернул к берегу: за это время моряки уже успели сделать весло рулевое, которое было сломано при буре, так что ладья стала ещё поворотливее, чем прежде. Вскоре синий берег взморья посерел, и ладья, влекомая веслами, оказалась у самого побережья. Беленир и его друзья сошли на землю, и мореходы попрощались с ними.

— Пусть дорога ваша будет легка и просторна! — сказал Судак, стоя на корме и поглаживая свою бороду. — Ух! На этом прощайте, быть может, ещё свидимся!

— И вам желаем быстро и легко вернуться к родным берегам, — молвил Беленир, — хотя для вас возвращение будет не очень радостно, потому что там вас наверняка поджидают рыбаки, недовольные вашим поступком!

— Ничего! С ними мы совладаем, прощайте и будьте осторожны! — с этими словами бывалый рыбак повернулся, и ладья отбыла от берега.

Ещё долгое время Белениру было видно, как судно уходило в синеву моря, подальше от берегов, чтобы не сесть на мель. Казалось, оно хотело удалиться подальше от витязя, чтобы оставить его и его друзей здесь одних. Отойдя же на достаточное расстояние, ладья расправила парус точно крыло и понеслась напрямиком на юг.

Места, в которых высадили витязей были далеко не живописны. Поблизости от берега, в водах, мутных словно негодный квас, копьями торчал рогоз. Трава была суха и шелестела под ногами. Почва же, напротив, была влажной и грязными комьями оставалась на подошве сапог. Но всю неприглядность этого места скрашивало необъятное море, синее-синее. Его тихая лазурь была так же сочна, как голубизна небесных лугов, на которых нынче паслись овцами кудрявыми ходячие облака и серыми волками рыскали мрачные тучи.

И в это свежее утро на этом некрасивом берегу витязи решили поспать, выставив Беленира на дозор. Они долго не спали без качки, потому для них это было роскошью, да и не могли они продолжать путь: их тошнило. Ведь не привыкли витязи к волнующимся водам моря, а привыкли к прочной земле под ногами. Тем не менее, вскоре они соорудили небольшой шатёр и, улёгшись в нём, вмиг уснули.

Беленир остался сидеть около берега. Но он глядел не на море синее, не на волны широкие, но в другую сторону — на восток, на землю Брегокрая. Там, недалеко от витязя, буграми каменными один выше другого вздымались холмы, за ними, в дали голубой, виднелся сосновый лес. Оттуда, с востока, светило солнце и оттуда же ползли неторопливо густые туманы. Они были белы, словно парное молоко и оттого на душе у Беленира становилось отчего-то нехорошо. Вскоре туманы заметно приблизились, взобравшись на курган плоский, бывший в половине версты от походного шатра, и преодолев его, протянули свои сырые пальцы к путникам. Персты эти оставили на листьях и траве чистую росу, морозную как зимний вечер и заволокли всю округу. Мгла просочилась даже к морю синему, словно бы хотя сказать, кто главнее в этих местах.

Так бы и просидел Беленир в седом тумане, но вдруг раздался вопль. То был не молодецкий посвист, не крик мужа, не бабьи стоны, но вопль древнего и могучего богатыря. От такого вопля сильного, оглушительного как грохот молнии, Белениру аж заложило уши.

— Вставайте! — крикнул он, но его друзья уже встали и выскочили из шатра.

— Что это? — ужаснулся Брисинор.

— Я не знаю, но оно опасно. И может придётся биться!

— У меня ещё бока поламывают после схватки с морским чудищем. Я не смогу сражаться во всю силу!

— Откуда этот туман? — удивился Всесвятлир. — Недавно его совсем не было.

— С востока налетел. И он слишком густ, чтобы разглядеть что-либо вдали!

Не успел Беленир и речи закончить, как витязи вновь услышали крик, на сей раз заунывный, словно волчий вой. Все до единого содрогнулись, не зная, кто это кричит и что им делать.

— Надо продолжать путь, иначе нас могут найти, — предложил Всесвятлир. — Идёмте! Думаю, мы не заблудимся среди трёх сосен!

— Ты прав, нам нельзя оставаться на месте, — согласился Беленир. — Приберите шатёр да готовьтесь к походу.

Вдвоем витязи стали складывать шатёр, а Беленир стал на стороже: мало ли приблизится какая-нибудь тварь. Когда всё было готово, путники отправились в дорогу. Но тут их обуяла страшная усталость: ноги не хотели идти, а глаза сами собою смыкались. Как никак, они так и не отдохнули после морского похода. Тут бы витязям и уснуть без памяти, но Беленир вспомнил Деда-Пасечника и его бодрящую медовуху. Тотчас нашёл он свой бутыль, откупорил и выпил все, что оставалось. Также поступили и его друзья, и к ним вернулась прежняя бодрость и сила.

На пути тут да там — всюду — лежал молочными сгустками туман. Беленир даже подумал в ту пору, что эта мгла похожа на огромную седую-преседую бороду, укутавшую всё кругом своими волосами. Было прохладно, и в воздухе крупенистыми капельками летала ещё не осевшая роса. Впереди толком ничего не было видно, кроме сосновых стволов, и путники брели наугад и то и дело спотыкались. Спустя час вновь послышался то ли крик, то ли стон, то ли рёв — непойми что — какой-то гортанный гул. На этот раз он был совсем близко,

ближе некуда. Казалось, витязи вплотную подошли к неведомому хозяину столь могучего голоса.

— Ха, ха, ха! — кто-то громко засмеялся, воины застыли на месте, будто их обдуло морозящим ветром и они окостенели. — Пожаловали, негодные людишки! — и голос затянул песнь на стародавнем языке, на каком говаривал ещё Рох, благо, витязи его знали:

Выше леса я стоячего,
Древнее нежели горы!
Пониже облака ходячего
Явился в стародавние поры!

Внемлите моему гласу,
Речи вы мои выслушайте.
Предолго я не молвил слово
Давно хотел порассказывать!

Путники всё ещё стояли как вкопанные, боясь шевельнуть пальцем. Никто из них даже не вымолвил словечка, опасаясь, что неведомый обладатель голоса осерчает и что-нибудь с ними сделает. Туман тем временем немного рассеялся, и витязи узрели очертания огромного великана, сидевшего на холме и упирившегося ногой в поваленный дуб. Но мгла ещё не сошла, потому лица его не было видно. Зато была видна его голова и она была величиной с котёл пивной, а между его глаз, что сверкали в тумане как угли, можно было положить меч от яблока до острия. Но руки великана были худы и костлявы, а ноги пусть и велики, но слабы. И тем не менее исполин был тёмн и страшен и даже грозен. Сейчас он сидел и сдирал с себя мох, лишайник, почву и траву — всё, чторосло на нем, пока он спал.

— Хм, хм, хм! — продолжал исполин, почёсывая затылок. — Тысячи слов могут слететь с моего языка и сплестись в изречения премудрые. Знаю я начало гор твердокаменных и помню день, когда великаны пошли противу Яровинде. Знал я всех прародителей и живал с ними в одно время. А теперь, когда вы, люди, имеете обо мне хоть какое-то представление, скажите, по доброму обычаю, откуда вы держите путь?

— Из Заповедного Края! — онемелыми губами пробормотал Беленир. — Из земли людей!

— Что ж, о такой я и слыхом не слыхивал: уже много лет я скован проклятием страшного сна! — громовым гласом проревел великан. — Проклятие это нашло на меня, когда я бежал от богов, а мою душу терзал ужасный страх и грызла дикая злоба. Ха! Ха! Ха! Давно же это было...

— А кто такие Яровинде? — спросил Брисинор.

— Божичи да боги — старшие братья всяких водяников, леших, полевиков да дедов. Мало кто знает, как они явились в этот мир. Я вот не знаю. Да и вы не узнаете. Ведь вам люди, предстоит испытание. Давненько хотел я кого-нибудь испытать таким вот образом. Вам предстоит ответить на мои вопросы премудрые, всего я их задам три по доброму обычаю. Так что вам повезло. Что ж!

— А если мы откажемся? — попытался выкрутиться Всесвятлир, поднимая голову вверх, где высилась как сосна голова худого великана. — У нас очень мало времени, и могут нагрязнуть берегины!

— Если вы откажетесь или же не разгадаете мои вопросы хитроумные, хоть один-

единственный, то я по доброму обычаю сделаю с вами нечто ужасное. Я вас съем! Я ведь голоден, так что бойтесь меня!

Воины смолкли и, ожидая вопроса, уставились в лицо великана, черты которого были неясны в тумане. Однако, им было заметно, что тот злорадствует, оскаливая свои хищные зубищи. Так Беленир и его друзья простояли под грохот своих сердец минуту, затем великан вновь заговорил:

— А теперь отгадывайте мои вопросы и загадки, иначе вам не сдобровать!

— Но дай клятву, что, если мы всё отгадаем, тыпустишь нас восвояси! — успел вставить Брисинор, прежде чем асилк сказал что-то ещё. Это было очень хитро, и воин сказал это во весь голос, нисколько не боясь исполина.

— Ещё и дерзить мне смеешь! — злобно прорычал асилк, сжав в кулаках худые руки: он позабыл, что удаль былая его оставила и вспомнил о том лишь когда по рукам пробежала дрожь. — Что ж, хорошо, коли отгадаете все вопросы, я поклянусь, что пушу вас на вольный свет! Начинаем!

— Нет, нет! — вскрикнул Беленир. — Как это мы начинаем? Клянись сейчас! Решил нас провести, а после своих дрянных вопросов убить или чего хуже — съесть, да?

— А вы, люди, стали не так просты за то время, пока на мне лежали тяжкие оковы векового сна. Но я их сбросил! И всё равно ныне люди не умнее меня, не хитрее меня да и не мудрее меня, ха, ха, ха! Ладно клянусь собою, что пойдете вы на вольный свет, коли ответите на вопросы, и будете живы! — и великан засмеялся таким хохотом, будто разверзлась подземная утроба. Но затем его смех превратился в тяжкий кашель, и асилк замолчал.

— Он слишком уверен в себе, а на этом ничего не зиждется, — сказал тихо Брисинор, видно было, что надежда пыхнула в нём жаром. Её горящие искры запали и в сердца двух его друзей, и они приободрились. Между тем хитрый Беленир увидел, что прямо на одной из ног исполина вырос дуб высоченный, раскинув свои ветви подобно короне над великановой головою. Видать, пока асилк спал, корни узловатые как верёвка оплели ему ногу. Беленир толкнул своих товарищей верных и тихонько указал им на этот дуб.

— Даже если мы ответим неправильно, мы сможем спастись, — прошептал он. — Пока этот тощий асилк вырвет дуб, мы уже будем далеко.

— Начнём! — разразились как гром среди ясного неба слова великана. — Первый мой вопрос: что всего в мире жирнее?

— Не бывает таких коров, чтобы были жирнее других коров, а толще коров я никого не видывал! — молвил Всесвятлир спутникам. — Хотя один раз мне на охоте попался страшно толстый вепрь — не мог от нас даже ноги унести, до того зажрался!

Но Беленир был достаточно мудр и умён и по природе догадлив, чтобы найти ответ на этот вопрос.

— Сыра земля всего жирнее, так как, что на ней ни есть живого — всё она кормит! — огласил он разгадку.

— Да ты хитёр! — прорычал асилк. — Но ничего, и не таких я побеждал в подобной игре, побеждал и лешаков! — и он начал хвастаться, кого он только не побеждал. — Было дело, даже самого Всеведа одолел я загадками. Да он ускользнул от меня, сказав, будто идёт за выкупом, а сам схоронился в Стоячем Лесу. Ладно, вопрос второй, а он посложнее первого: что крепче — железо или камень?

Беленир пораскинул мозгами, да ничего у него не вышло. Тогда принялся гадать Всесвятлир. Очень упорно пытался он постичь смысл вопроса и постиг, при том довольно

быстро.

— Камень крепче для защиты, — ответил он, — крепость из него век стоит, а железо ржавеет и становится трухою! Железо крепче для войны — каменный топор тяжёл и может сломаться, а железный остёр и выдержит многие битвы. Что, великанище, думал мы так глупы, что не найдём ответ на такой лёгкий вопрос? Твои знания — не тайна для нас.

— Это ещё только разминка для ваших ушей, — рассмеялся злобно асилк, хотя было видно, что он неприятно удивлён догадчивостью витязей, — а теперь я задам самый отменный вопрос. Повторять его я не буду, посему слушайте сейчас повнимательней. Ежели его не разгадаете, то вам будет худо. Что ж, вот он, третий мой вопрос: у деда моего прадеда был отец, у того отца внук, у внука правнук, кто тот правнук мне? — притом всё это асилк произнёс как скороговорку.

Этот вопрос ошеломил всех витязей: они в изумлении переглянулись и стали думать да гадать, но ответ не приходил им в головы, не являлась разгадка хитроумная.

— Сложно, сложно! — покачал головой Всесвятлир, пытаясь потянуть время для дум.

— А вы думали, что третий вопрос будет так же лёгок, как и первые два: первые два обнадёживают, а третий лишает надежды! — проворчал хрипло асилк, покачивая своей огромной головой. — Я очень хитёр, потому по доброму обычаю решил поиздеваться над вами. На этот вопрос ещё никто не нашёл ответа, ведь ответ на него можно искать только полчаса. Время уже давно идёт и треть срока улетела будто птица, а вы ничего так и не придумали! И сразу хочу сказать, чтобы вы не горевали на свою глупость — ни один человек не познает больше, чем ему отмерила природа. Ваши познания не могут быть безграничны, потому не печальтесь, если не найдёте ответ и окажетесь моим обедом!

— Мы его найдём! — заявил Беленир и собрался с мыслями. Через пять минут он выговорил:

— Дед моего прадеда — это, — он замолчал на несколько мгновений в раздумьях, — мой прапрапрадед.

— Уже хорошо, — одобряюще молвил Брисинор.

— Но что было в вопросе дальше, вы запомнили? — спросил Беленир: он страшился, что не только он, но и его товарищи славные позабыли вопрос.

— По-моему у деда моего прадеда был дед! — сказал Всесвятлир.

— Не дед был у деда прадеда, а отец! — перебил его Брисинор, видно, более внимательный.

— Да, отец! — подтвердил Всесвятлир.

— Отец прапрапрадеда — это прапрапрапрадед! — молвил Беленир уверенно.

— Но кто тогда внук прапрапрапрадеда? — спросили вдвоём Всесвятлир и Брисинор, а асилк тем временем засуетился: никто прежде не отгадывал этот вопрос, а Беленир был на верном пути.

После недолгих раздумий он выговорил, на этот раз менее уверенно:

— Это прадед, вроде бы.

— Нет, не прадед! — прервал его речь Всесвятлир, гордо подняв свою голову, уже мня себя спасителем своих друзей. — Это прапрадед, ведь сын прапрапрапрадеда прапрапрадед, а внук тогда прапрадед! — после этих речей в головах у всех витязей словно бы помутилось и их накрыло таким же туманом, как тот, который простыней седою скрывал лицо злобного великана. И только после того, как муть усталости сошла с лиц витязей, а великан уже отсчитывал последние мгновения, Брисинор сказал:

— Кто же мне правнук прапрадеда? А мне правнук прапрадеда будет отцом! — воцарилась тишина: великан не знал, что сказать, ведь он поклялся, что пустит живыми всех витязей на волю, а нарушать клятву он не желал, ибо это было в те времена тяжким позором, и клятвы уважали даже великаны. Только лишь некоторые жестокосердные змии могли их презирать.

Седина тумана, тем временем, рассеялась, оставив от себя лишь приятную дымку голубого цвета. Тут-то путники наши и увидели, что находятся на небольшой поляне, а всюду мелькают как каменья цветы пёстрые, словно бы разбросанные в спешке по полю неведомым хозяином зелёных лугов. Поляна со всех сторон была укутана в сосновые рощи. И сосны взметались в синь неба пушистыми кронами, а их стволы рдели как драгоценные яхонты. На западе, за этими соснами, был всё ещё слышен беспокойный говор волн; на юге журчали потоки порожистой Синегривки, сбегавшие водопадами в самое синее-пресинее море. Асилк всё сидел, подперев свою голову тяжкую худыми руками. Он был напряжён. Наконец он вымолвил своё слово:

— Больше, чем камней у гор, больше, чем цветов в воде цветущих — вот столько много лет проспал я, ежели не больше. Ожидал я, что не отгадаете вы вопросы и смогу я насытиться вволю! — и тут воины потянулись к своему оружию. — Как видно вы, люди, поумнели. Задайте мне загадку, хочу испытать свои силы, но только одну загадку, не иначе.

Беленир, недолго думая, загадал первую попавшуюся на ум:

— Стоит дед над водою, колыхает бородою!

— Хороша загадка, не слыхивал такой! — прокряхтел асилк. — Надо подумать как следует. Хм, хм, хм, хм! Наверное, много загадок набралось, пока я спал...

— Быстрее, мы спешим! — молвил Брисинор.

— Камыш-ш-ш-ш! — зашипел великан. — Что ж, угадал я вашу загадку: не больно уж и хороша она оказалась. Но я голоден, так что убирайтесь с моих очей, пока я не передумал отпустить вас. Вы победили меня в состязании по доброму обычаю: теперь должно поискать мне другой пищи. Оленя или вепря надобно попробовать. Пока я спал они хоть не перевелись на белом свете?

— Нет, не перевелись! — ответствовал Беленир настороженно. — Их, должно быть, полно в этих лесах! — и он обвёл рукой боры сосновые да еловые заросли.

— Хорошо! — сказал спокойно великан, почесав затылок. — Что ж, уходите и быстрее, покуда голод не взял надо мною верх! — и он обхватил руками дуб столетний, давным-давно появившийся в краю сосен и елей, и, собрав все силы, выкорчевал его, ибо тот оплел своими корнями его ногу.

Распрощавшись с асилком, путники поспешили на восток, ибо посчитали, что туда им и надобно, ведь на севере стояли уже города берегинов, к югу и западу же Брегокрай кончался.

— Худое видели, хорошее увидим! — сказал Всесвятлир.

Глава 7. У хозяина полевого золота

Под ногами путников как скатерть бранная стелилась стежка, бережно протоптанная обитателями здешних мест. Она была неширока, так что приходилось идти гуськом. По краям тропки рос верес, густой и пушистый. Он разросся почти повсюду, однако за его обширными кущами высились молодые сосенки. Они, распушивши хвою на тонких ветвях, стояли так, будто знали, что им предстоит вырасти могучими деревьями. Путники прошли ещё два дня, прежде чем за этими сосенками выросли высокие, но одинокие сосны. Постепенно эти одинокие сосны перешли в сосновый бор, а бор этот и был той рощей, в которую стремились витязи, ища премудрую колдунью. Она распростиралась и на юг, переходя Синегривку и останавливаясь в землях Заповедного Края. Дорожка тем временем всё шла и шла, разворачиваясь всё шире: воины приближались к тем местам, где их обитатели были крупнее, чем берегины.

— Ещё, наверное, долго топтать до того дома, где проживает премудрая колдунья, — заметил Всесвятлир. — А ведь тот великан наверняка привлёк внимание местных. То-то они удивятся, когда кроме асилка найдут здесь незваных гостей.

— Пока местные берегины смекнут что произошло, — молвил догадливо Брисинор, — незваные гости станут зваными.

— Но это страна Гелена, — сказал Беленир. — И, как мне кажется, он здесь решает, кто званый гость, а кто нет. Если нас схватят, то за нарушение границ Гелен наверняка заключит нас, иноземцев, в тёмную-претёмную да в сырую-пресырую темницу. Так что поспешим.

И тут, когда витязи того совсем не ожидали, появился тот, кого они не думали сейчас встретить. Те, кто внимает мой сказ, известный древле, наверняка его не припомнят, так как он промелькнул пока что как личность не очень важная. А он, скажу я, был личностью очень многозначительной и уважаемой не только в Брегокрае трисветлом, но и в других землях и даже за морем широким.

Прямо по тропе проторенной, ставшей уже три локтя в ширину, прямо навстречу Белениру твёрдой поступью шёл древнерождённый Дед-Пасечник. Путники тому немалое подивились и подумали: «Как можно встретить Деда-Пасечника так близко от дома колдуньи?». Да вот так и можно его встретить, коли он уверенно и бодро да к тому же с гордостью шагает тебе навстречу! И вот дед оказался уже в нескольких шагах от витязей, и его борода седо-медовая заколыхалась на встречном ветру. Казалось, лицо старца стало ещё суровее с тех пор, как путники видели его в прошлый раз: ровные и гордые черты остались прежними, но лохматые белые брови с отливом золота нахмурились, и глаз стало почти не видно — лишь два ярких огонька сверкали из-под этих бровей, густых как ветви кроковиста дуба. Одет дед был по-мужицки, как и в прошлый раз: в широкие штаны и рубаху-косоворотку. Рукава на ней были закатаны по локоть, так что были видны его могучие загорелые руки. Казалось бы, чем не мужик? Да только больно уж суров и горд был он для простого мужика-работника и даже в таком образе мало на него походил.

— Приветствую вас, добрые путники, пойдёмте, хлеб-соль отведаем! — сказал добродушно Дед-Пасечник, подняв брови и поклонившись своим новым гостям поясным поклоном.

Воины тоже поприветствовали его поясными поклонами (им было некогда раскланиваться до самой земли, знаете ли, у них было важное дело), и Беленир, выступив

вперед, молвил:

— Здравствуй, Дед-Пасечник! Не ожидали мы тебя здесь встретить, отведи же нас в свой дом, если он не далеко, накорми, напои, да помоги нам в важном деле, — с вековечным старцем Беленир говорил точно и по делу, но стараясь не отступать от обычаев приветствий, существовавших с далёких времён.

Дед-Пасечник хотел было что-то ответить, как вдруг из сосновой рощи на тропу вышло трое берегинов-лесников в обычных рубахах и с красивыми луками.

— Привет, пчельник! — сказал один из них: самый высокий и худощавый, со светлыми глазами, точно сделанными из хрусталя.

— И вам здоровья! — ответил дед.

— Эти люди, — начал берегин, — пробрались в наше государство без всякого дозволения и приглашения. Если бы не асилк, что проснулся в округе и встал из кургана, из того, что с плоским верхом, мы бы о них и не узнали, пока не нашли б их в рощах Святобора.

— А что с асилком? — спросил пасечник. — Что с ним сделали?

— Накормили и отправили к государю, — ответил высокий берегин. — Пусть перед ним держит ответ. А эти люди должны отправиться в темницу. Как никак, Фрерин, они нарушили границу, тайно вступив на нашу землю, — витязи молчали, зная, что лучше не вмешиваться.

— Отчего же тайно? — усмехнулся Дед-Пасечник. — Я их пригласил! Сейчас пойдём выпьем светлого мёда да накатим по кружке медовухи. У вас часом не закончилась? А то у меня как раз с собой есть лишний бутыл.

— Как раз закончилась, — улыбнулся берегин, и дед, вытащив из своей сумки бутылку, сунул её ему в руку.

— Благодарю, — промолвил берегин. — Бутылки потом принесу. Хах! Не знаю, как бы мы тут, Фрерин, и жили без твоей медовухи. А раз ты пригласил этих людей, то по закону я не могу бросить их в темницу. Они гости на нашей земле, но тебе должно известить о том верховного стража границ Дановита и поскорее, — и лучники отвесили деду поклоны и ушли в лес к своей сторожке, поспешая попить ароматный и слегка креплённый дар Фрерина.

Но лесники не схватили витязей не потому, что дед вовремя сунул им бутылку. Ведь он раздавал им бутылки чуть ли не каждый день, и они возвращали ему их уже пустыми — для наполнения. Лесники не схватили витязей оттого, что берегины уважают всех, кто древнее их, коли те мудры и не коварны. Да, да, пчельник был древнее любого из берегинов, но сейчас я не хочу на это отвлекаться. Как никак, у меня здесь Дед-Пасечник всю разговаривает, а мне приходится говорить, что он очень стар! Так вот, поскольку дед вековечный, был уважаем берегинами, они оставили его и его гостей, то есть наших витязей, в покое и ушли подобру-поздорову.

— Ещё вам привет, удалыцы, — изрёк дед. — Вы сказали вам нужна помощь? Значит, всё будет. Пошлите же ко мне, отведаем моей медовухи, сыты медвяной или каких медоварных напитков, вместе за столом посидим, обсудим ваши делишки, как они у вас заладились али не заладились!

— Да только далеко ли твой дом? — спросил Беленир.

— Не далеко, но и не то, чтобы прям уж близко! — ответил дед.

Он повёл витязей по прежней тропе. Она вдруг резко изогнулась на северо-восток и пролегла среди кустов ежевики. Верес остался позади: путь ему преградили журчащие ручьи довольно приличной ширины. Сосны тоже исчезли, словно боясь переступить эти потоки.

Ведь за этими ручьями находились земли, подвластные Деду-Пасечнику. Видать, он не желал, чтобы на его земле росли верес и сосны, потому своей могучею силой запретил им там появляться.

Так витязи оказались на открытой поляне, довольно большой, ибо от одного конца поляны до другого было версты две. С неба на неё лился целый водопад ярких лучей, поливая светом пышное разнотравье и диковинные высокие синие да красные цветы, самые лучшие из медоносов во всём северном крае, а может и во всём Древогорье, и с них пчёлы без устали собирали нектар, затем делая из него мёд для своего хозяина. Поляна была окружена со всех сторон сосновым бором, только с юга подступала к ней, как стеною, дубовая роща. Но ни одна сосенка и ни один дубок не росли на самой поляне. И даже не было на почве того луга ни одной хвоинки и листа — такова была сила Деда-Пасечника: он не позволял на своей земле лежать даже хвоинке, не говоря уже о листьях! Зато цветам разноцветным хозяин полей был рад, потому и росли они там на каждом шагу. Были на поляне также и громоздкие деревянные ульи для пчёл-медотворцев в виде изваяний могучих богов. Их построил сам дед. И вся почва около этих ульев была усеяна пёстрыми цветами, душистыми как дуновение ранней весны, и яркими как небесные светила.

В самой середине луга зелёного стояли красивые хоромы. Нетрудно догадаться, что хоромы эти были домом Деда-Пасечника. Они были сложены из камня и дерева в два яруса. Нижний был каменный, очень крепкий, его для пущей надёжности подпирали дубовые балки, верхний же был сделан из толстых дубовых брёвен. Окна были как на первом ярусе, так и в тереме, правда на первом они были узкие и длинные, как в твердокаменном замке, а на втором широкие, как в жилых избах. Сами хоромы имели продолговатый вид и простирались в длину на четырнадцать сажень. Двери в храмину были широки и могучи и держались на кованых петлях. Нынче они были распахнуты настежь. Крыша хором была соломенной и венчалась головою могучего змея.

И, не успел Беленир толком поглядеть на дом, как увидел кого-то в дверях — у входа мелькало какое-то белое пятно. Но витязь не решился спросить кто это у хозяина хором: мало ли ему показалось. И вот путники, ведомые пчельником бодрым, подошли к его дому, и он молвил:

— Это моя жена, Берёза! Знакомьтесь!

В дверях, под каменным сводом с высокой аркою, стояла прекрасная жена деда, самая прекрасная из всех жён, которые когда-либо попадались Белениру на глаза, стройная и на вид молодая. Её каштановые волосы были очень длинны и спускались до самых колен, извиваясь, словно ствол молодого деревца. Ко всему прочему, волосы красавицы были свободны и вольны и вились так, как хотели: ничто их не связывало, кроме одной единственной налобной повязки. Брови Берёзы были того же цвета, что и волосы, а под бровями переливались, словно смоляные слёзы дерев, распрекрасные задумчивые очи. Они были такие синие, что, казалось, были выше небосвода и глубже пучины морской и синее и того, и другого вместе взятого. Стоило лишь глянуть в них, как сразу на душе становилось весело. И черты лица дедовой жены были так ровны, бледны и строги, что внушали всем умиление. Одета же она была в белейший сарафан, а стан её был тонок и красив. «Она словно наливное яблоко, — подумал Беленир. — А пчельник так стар. Как это так у него такая молодая и красивая жена?».

— Здравствуй, повелитель пчёл, мой муж! — сказала Берёза и широко улыбнулась, оголив ровные белые зубы. Белениру её голос показался самым мягким и спокойным.

— Привет, жена златоустая! — промолвил дед. — Ты всё хорошеешь... А вот мои друзья! — и дед указал на витязей, которые все как один смотрели на бледнолицую красавицу.

— Здравствуйте и вы, мои гости, — ответила она, и все путники ей тотчас поклонились.

— Сейчас будем обедать, друзья мои, — воскликнул дед. — Какой мёд вам приготовить?

— А неужели он бывает разным? — удивился Всесвятлир, а дед, нахмурившись, принял очень серьёзный вид, даже больно суровый.

— Есть мёд тягучий аки смола, есть как слеза прозрачный, а есть точно янтарь солнечнойсный! — ответил он с важностью. — Некоторые думают, что он всегда одинаков на вкус, но ошибаются крепко! Не всегда то, что одинаково на вид, одинаково и на самом деле. Хотя он и на вид не одинаков. А если вы не хотите самого мёда, из него я могу приготовить удивительные по вкусу напитки и пищу! Возьмите хоть мой хмельной медовый квас, сваренный из пчелиного мёда и верескового нектара. Его можно пить хоть целый день и всласть не напьёшься!

— Хватит глаголить про мёд! — сказала вдруг Берёза, и, хотя голос её прозвучал тихо, он был настойчив. — Пора бы уже завести гостей в дом и посадить их за стол.

Дед-Пасечник согласился со своей женой и пропустил её и витязей в дом, а сам зашёл следом. Тут Беленир заметил, что поступь Берёзы была легка и красива, как лебязья, а плечи её высоки и стройны. «Да, — подумал он. — Какая красота расцвела для деда». Хозяева и гости прошли через сени и оказались в горнице. Горница была на удивление обширной и светлой, посреди неё стоял дубовый стол: сработан он был грубо, но на века. Вокруг того стола были расставлены деревянные скамьи, а во главе него друг подле друга стояли три резных сосновых стула тонкой работы. Кроме того, стол был накрыт скатертью белой с золотистыми узорами: её выткала Берёза и тем очень гордилась. Ещё в зале около стен стояли крепкие очень красивые лавки да кое-где висели на стенах ковры.

Путники, уставшие с дороги, уселись на скамьи вокруг стола и стали ждать обеда. Берёза ушла готовить, а Дед-Пасечник сел во главе стола на сосновый стул. Он нахмурился и обвёл взглядом, сверкавшим искрами живости, всех своих гостей.

— Что ж, Беленир! — сказал он. — Ты уже знаешь, что Фрерином рекут меня берегины. Но ты не ведаешь и не гадаешь, как ещё зовут мою верную жену Берёзу, верно? — тут пчельник улыбнулся. — Слыхивал, что вы одолели Мосального Горба. Славный подвиг, скажу я, братцы! Так вот, вы наверняка не знаете, как ещё называют мою жену Берёзу.

— И как же? — спросил Беленир.

— Сейчас скажу. Помните, я молвил вам, что вы должны найти меня в Брегокрае? Но, как видите, я сам вас здесь нашёл. Ведь время, оно не ждёт, а течёт, так что вам надо за ним наблюдать, ибо ваши жизни коротки. Это я могу не наблюдать за ним вовсе, а вам надо. Я неспроста вас здесь нашеёл и неспроста дом мой стоит прямо в сосновой роще, во бору светлом, куда вас послал Митрапирн!

— И кто же такая Берёза? — вновь спросил Беленир, начиная догадываться.

— А Берёза, ясное дело, дочь Земли сырой и жаркого Солнца, — ответил вежливо дед, поглаживая свою бороду, — к ней вас Митрапирн и послал, её называют люди колдуньей! А вы думали, зачем я встретился вам на той дорожке? Ежели бы я не встретился вам, то вас бы закрутили лесники-берегины, а так явился я, а меня они уважают, и вам помог. Всё для того, что чтобы сюда вас и привести.

— Но ведь ты знал, куда мы идём, когда встретил нас в Заповедном Крае и одарил медовухой, почему не отвёл сразу к своей жене? — спросил Всесвятлир.

— Тогда я ходил в Заповедный Край по своим делам — навестить родичей, — ответил дед. — О том, что вас послали на поиски коня в Брегокрай, я узнал от князя Стрезибора, потому не мог помочь вам и пригласить вас в государство берегинов. Для этого пришлось бы возвращаться обратно и идти к верховному стражу границ Дановиту или самому Гелену, что было бы очень долго. Иначе не прошли бы вы Синегривку даже со мной. Вас я встретил случайно и не знал, что вы держите путь к моей жене. Я думал вы уже знаете, где искать богатырского коня. Ведь Стрезибор, северный князь, сказал мне, что по слухам вы идёте именно за конём. Это уже потом я побывал у Митрапирна и всё узнал.

— Вот откуда ты знаешь, что Митрапирн послал нас к твоей жене, — рёк Брисинор. — Ты и с ним поговорил. Но неужели он всё так и рассказал?

— Да, рассказал. Я пришёл в его чертог, во терем светлый, да и молвил ему всё как есть. Митрапирн поведал мне, что приходил к нему Всевед и сказал, что надо искать коня доброго, богатырского, а где тот конь знает вещая колдунья, что живёт в роще на севере Заповедного Края. Должно быть, Всевед предупредил вас, что дом в той роще не единственное её жилище. Ведь дома у нас есть по обеим сторонам Синегривки, и сейчас моя жена и я живём в Брегокрае, а не в Крае Заповедном. Уверен, что Всевед пошел бы с вами, но не стал этого делать по двум причинам.

— По каким же? — спросил Беленир.

— Ну если бы я с женой был сейчас на другой стороне реки, в Заповедье, то вам никакой трудности меня отыскать бы не было. Но я сейчас живу в этом доме, а в Брегокрай Всеведу дороги нет. Он же отступник! Отказался в свое время признать власть богов и божичей! Вы уже знаете, что Синегривку нельзя перейти без ведома государя берегинов, и, как я сказал Митрапирну, что колдунья-то моя живёт на другой стороне, тот аж и ахнул. Но я его успокоил, что есть другие пути и ушёл из его чертогов, перешёл реку и оказался здесь.

— Но как ты перешёл Синегривку? — спросил Беленир. — Реку ведь нельзя переходить без ведома государя берегинов. Ты сам сказал!

— Я ведь Земнородный сын, друже! — ответил пчельник. — Берегины нас уважают, и воля государя светлого, что правит Брегокраем, позволяет нам свободно переходить Синегривку. А если бы он и не позволил, я бы что его спрашивать стал? Взял бы да и перешёл! Это на Всеведа бы всех натравили...

— Как так? — втроем воскликнули молодцы. — И кого всех?

— Легко и просто, — усмехнулся дед. — Ведь никакого речного колдовства нет!

— Я так и знал! — заметил Беленир. — Надо было идти вброд через реку.

— Нет, не надо было, — изрёк пасечник. — Колдовства хоть и нет, но дно речное по указу Государя Волн неусыпно стерегут водяники, зыбочники и водяницы. И, едва ты ступишь на подводный камень или спустишь лодку на воду, как тебя завлекут на дно и утопят, а лодчонку разобьют на части! Со мной водяные и их подруги не совладают, но с вами запросто.

— А как ты опередил нас? — задал новый вопрос Беленир. — Мы же по-любому достигли бы этих мест первыми.

— Ох, — вздохнул пчельник. — Я скор на ногу и, зная, что вы можете обогнать меня, спешил как никогда.

— А жена твоя в самом деле колдунья? — спросил уже Брисинор.

— Ещё какая! — ответил дед и улыбнулся. — Всем колдуньям колдунья!

Тут в горницу вошла какая-то светлокосая красавица, не Берёза, и походка у неё была как у лебедя, но сама она была не очень высока. Щёки её были украшены веснушками, нос весело вздёрнут, а губы сложены в задорную улыбку. Её зелёные глаза тоже, казалось, смеялись, а тонкие брови была приподняты, на одной из них виднелся небольшой шрам. На лбу были едва заметны неглубокие морщины. Одета красавица была в темноватое платье, через плечо у неё была перекинута толстая коса, а в руках она держала поднос с едой. «Должно быть дочка, — подумал Беленир. — Тоже недурна, хотя на вид будет постарше Берёзы. Странно».

— Привет, Весняна! — промолвил вдруг дед, и Весняна поставила поднос на стол. — Вот, друзья, знакомьтесь с моей второй женой.

Беленир так и открыл рот. «Тут деду весело живётся», — подумал он и вслед за пчельником и своими друзьями поздоровался с Весняной.

— И вам привет, добры молодцы, — весело ответила красотка. — Давненько не было у нас гостей.

— Отчего же? — перебил её дед. — Совсем недавно были: в окно как-то такой большой шмель залетел, что прям будто самый настоящий гость!

Весняна засмеялась, и её звонкий смех разнёсся по горнице. Путники все как один улыбнулись. Она вскоре ушла, но в их ушах всё ещё звенел её смех.

— А третьей жены нету? — спросил Всесвятлир.

— Нет, — ответил пасечник. — Может, присмотрю как-нибудь.

— А зачем тебе две? — продолжал свои шутки Всесвятлир. — Поделится бы с нами хоть одной.

— Ты ещё юн для них. Они пусть и выглядят молодо, но живут на свете уже очень долго. Да и я, смотрите, на вид молод, — Беленир поглядел на деда и заметил, что старила его только борода, а кожа его была молода и на ней не было ни единой морщины. — Если я сбрею бороду, так стану и того моложавее. А эти красавицы мне ровесницы, и я взял их в жены тогда, когда не было зазорно иметь и четыре жены.

— Но разве это правильно? — спросил Всесвятлир. — Разве им не горько так?

— Хах! — рассмеялся дед. — Это тебе, я смотрю, горько: весь уже сохнешь по моим женам! А им не горько, а наоборот весело вместе. Это вы придумали всякие глупости: один муж — одна жена и никак иначе. Да и женщины себе в голову вбили, что муж только для одной сделан. Мы вот с жёнами счастливы и живём душа в душу. Тут дело не в том, одна у тебя жёнушка или две, а в том, как ты к ним относишься и как они относятся друг к другу. Мои вот совсем не знают ревности, потому что жили ещё до того, как возникли всякие правила, разрушающие согласие между добрыми душами. Да и зависти не ведают Земнородные жёны, а по хозяйству им наоборот вдвоём легче. Но также скажу я, что большинству людей такое устройство семьи будет вредно! А ежели одна жена будет жить с двумя мужьями, так это и вовсе будет супротив всякого порядка!

Тут вошла Берёза и была она как утица белая, лишь ланиты румянились. Следом за ней вошла и Весняна. Разговор тотчас прекратился, а жены расставили на столе разные блюда. Каждому хозяйки принесли тарелку с доброй едой и стакан с питным мёдом, но я уже устал описывать яства. Достаточно будет сказать, что они были очень вкусны и просты — обычные дары северной природы. Берёза села по правую руку от пчельника, Весняна по левую, и начался пир. Истомлённые путники принялись есть и на некоторое время даже

забыли, что им надо было расспросить Берёзу про коня доброго, про носителя славных богатырей. Пока же витязи ели-кушали, голубые очи прекрасной колдуньи неотрывно за ними следили. Но они были устремлены не сколько на самих воинов, сколько в их души, потому вскоре Берёза перестала глядеть на гостей и уже поглядывала в сторону своего мужа. А муж тем временем пил большущую кружку мёда и всякий раз ставил её на самый край стола, точно лентясь протянуть руку и поставить подальше. Беленир тому удивился и, совсем позабыв о коне, спросил у деда:

— Отчего ты ставишь ещё недопитую кружку на край стола? Ей так и упасть будет недолго. Отчего ты поступаешь так беспечно?

— Зачем мне думать, прольётся ли мне кружка сладкопенистого мёду на седую бороду или же нет? — изумился Дед-Пасечник. — Что толку будет в том, прольётся она или нет? Мне без разницы! Для меня — что мёд в кружке, что в моей кустистой бороде. Даже если он и прольётся на меня, то сдобрит мою бороду и вырастет она дюжинно крепко. Да к тому же, авось и выстоит кружка на краю, — и дед весело рассмеялся раскатистым хохотом, и эхо гулкое разнеслось по всему его дому.

— Но это беспечность! — заметил неуступчиво Беленир.

— И что с того? — заспорил весело дед, понукаемый своим добрым нравом и желанием объяснить несмышлёным людям свою мудрость. — Беспечность бывает разная. Она опасна, если человек, на котором лежит ответственность, беззаботен, но она совершенно безвредна, если на тебе нет ответственности. Сам подумай, коли упадет кружка и прольётся, ничего плохого не станется — тряхну я своей вековечной бородою и стечёт с неё мёд сладкими потоками.

— Но что стоит тебе поставить кружку подальше от края? — вновь спросил Беленир.

— А мешает мне, — ответил дед, совсем не устав отвечать на вопросы своего гостя, — мешает мне не что иное, как блаженство, некая отуманенность сердца, когда ты беззаботен. Вот сейчас я хочу быть блаженным, потому и не забочусь о каких-то глупых мелочах вроде кружки на краю стола!

— Но если кружка упадёт, то придётся поработать твоим жёнам, — заметил Беленир.

— Если бы они не работали, то давно бы уже зажирили, — шутливо ответил дед и обнял обоих жён. — Да и полы эти надо уже помыть.

— Не знаю! — рече Беленир, не совсем понимая мудрость деда.

— Хватит жужжать аки шершень, пока не испортил моего блаженства, — рассмеялся Дед-Пасечник, — настанет день, и ты поймёшь мою великую мудрость!

— А я понял её и сейчас, — сказал Брисинор, до времени молчавший, дед взглянул на него и улыбнулся.

— Но также ли ты поступаешь со злом, как с кружкой, если хочешь быть блаженным? — спросил Всесвятлир.

— Зло — злом, а кружка — кружкой! — вспыхнул дед, устав от вопросов. — Никогда не сравнивай кружки и иные безделицы с чем-то вроде зла. Лучше вообще не говори о зле без надобности, чтобы не омрачать своё блаженство. Ведь то, что вы разумеете под злом, бывает весьма мерзко. Так что лучше молча противопоставляй себя этой мерзости, а когда придёт час возднать свой меч против неё. Но хватит вопросов, вам ещё про коня узнавать надобно, так что узнавайте, а я пока поем да попью!

Тут Беленир вспомнил, что им и впрямь надо было узнать у Берёзы, первой жены деда, о добром богатырском коне и промолвил:

— Госпожа Берёза! — он обратился учтиво, с долей восхищения, ведь прекрасная колдунья того заслуживала. — Премудрая дочь Земли, поведай же нам, где сыскать коня, на котором встарь богатыри бивали змиев?

— Поведаю, — ответила мягко Берёза. — Конь тот уже очень стар, но наверняка ещё крепок и для того, чтобы его найти, вам надо иметь в сердце доблесть, в голове ум, а в руках отменную силу! Обладаете ли вы этим?

— Уж мы-то обладаем! — сказал за Беленира Всесвятлир.

— Конечно, обладаем, — подтвердил Беленир, — а почему ж и не обладать бы нам, сильномогучим удальцам, храбростью, силой и смекалкой?

— Мало ли чего в свете белом не бывает, — изронила Берёза. — Теперь же послушайте сказ стародавний о том богатырском коне, имя которого кстати Космач. Так вот, встарь был один витязь славный, сын Земли и ясного Солнышка — Витагор. Был он из нашего древнего рода и разъезжал по лесистым склонам Древогорья на своём Космаче в те давние времена, когда ещё не явились сюда ни люди, ни берегины с кряжистыми карликами. И Витагор-богатырь расчищал наши земли от страшных змиев, которые в те времена народились здесь, как в проклятом Каугриме, а конь его помогал ему и запоминал, где у змиев уязвимые места. Коня-Космача послали Витагору Богорожденные Яровинде — те, кого все называют богами и божичами. Своим мечом, мечущим искры, подобно ярким молниям с звёздно-усыпанных небес, Витагор бивал всех чудищ и змиев, которые находили в Древогорье приют. И однажды Витагор-богатырь вызвал на бой самого могучего змея, какой когда-либо бывал в этих краях — чернобрюхого Хороста. Страшна и грозна была та битва, и жаль, что мало, кто её слышал, ибо одни только Земнородные дети и были в ту пору во всём Древогорье. Я была одной из тех, кто видел эту битву своими глазами, но себя явить я в тот час не осмелилась, ибо помочь Витагору ничем не могла. И богатырь великогомучий одолел лютого змея, срубил ему голову, а сердце чёрное вырвал из груди. Но его тело омыли потоки змеиной крови, и ему сделалось дурно.

— Отчего? — изумился Беленир.

— Дело ясно как день! — продолжала Берёза. — Змеева кровь ядовита, вот и сделалось дурно тому витязю великому. Понял Витагор, что умирает и тогда усыпил чарами Космача на долгие века — он ведь был сыном Земли и Солнышка! Я не успела вовремя явить себя, и чары сонные сомкнулись над чудесным конём: едва он успел сказать мне пару слов. В итоге Витагор положил Космача в подземелье глубокое, дабы конь тот добрый, богатырский ещё сгодился другим поколениям — там он был в безопасности. Подземелье то он закрыл дверью, а сверху ещё и задвинул камнем. Смерть Космачу не грозила, ведь он был не простой. Его род породила Земля, мать зверей, взлелеял его ветер буйный, воспитали горы стылые, тёмные кручи, согрело его Солнышко красное, а море синее научило мудрости.

— Ты говоришь очень туманно! — молвил Беленир, прервав рассказ.

— Мгла скрывает истину от тех, кто может её изувечить, пусть будет так, как я сказала, — ответила Берёза и скромно улыбнулась. — А если хотите знать, Космач — потомок Искрогрива-коня, принадлежавшего Роху, а значит в его жилах течёт сходная сила! — воины ахнули, ведь Рох был первым вождём людей и великим богатырём, а его конь Искрогрив — величайшим конём, бродившим по земным склонам. Берёза продолжала:

— Вот вам совет: не судите ни о ком и ни о чём понаслышке, даже о коне! Есть люди и даже кое-кто похуже, которые куют страшные ковы своими лживыми речами, сея их среди простого люда. И никогда не отступайте от правого дела, коли оно действительно таково,

так что найдите коня и спасите свою землю.

— И где же его искать? — спросил Беленир. — И как его разбудить?

— Я скажу, — ответила Берёза, в то время как Дед-Пасечник осушал свой стакан. — Не вся беда в том, что не знаю я, как его разбудить, возможно, он сам должен проснуться. Более того, не знаю я, как отворить к нему путь... Но мы решим эти проблемы.

И только тут Берёза заметила на поясе у Беленира чудесный рог, подаренный Явором. На лице ее тотчас витязи прочитали удивление и радость.

— Невероятно, — прошептала она еле слышно. — Сколь быстрым оказалось решение нашей задачи. Не иначе как судьба благоволит нам! Ведь у тебя на поясе рог, что принадлежал самому Государю Волн!

Витязи поразились такой новостью. Ведь они и не подозревали, что вещь эта принадлежала самому Государю Волн, повелителю вод. Но о том как раз говорил узор, что покрывал чудесный рог и изображал осьминогов, сплетённых друг с другом щупальцами, морских чудовищ и неведомых рыб. Великой честью и благодатью было держать в руках вещь, что побывала в руках Богорожденных.

— Этот великий рог обладает чудесной силой, — продолжала Берёза. — Он пробуждает все спящее, воодушевляет дух и даёт новые силы.

— Явор нам так и сказал, — молвил Беленир. — Его силу он уже изведаль, хотя не знал он, чей это был рог. Но посчитал он, что нам он будет нужнее в нашем походе и потому подарил его мне.

— Благородство и щедрость Явора сослужили нам добрую службу, — улыбнулась Берёза. — Теперь есть у нас то, что разбудит коня богатырского.

— Но вправду ли сможет этот конь помочь нам? — вставил слово Всесвятлир.

— Сможет! — ответила Весняна, угадав, что ответит Берёза. — Конёк ведь непростой, а богатырский.

— Да, — согласилась Берёза, — Космачу Идогурн не страшен, но за этим змием стоят силы более древние и коварные. Хотя сейчас, думается мне, это не столь важно. И без того до самого Брегокрая летят слухи о том, что Идогурн всю гуляет по вашей земле и уже выжег одно южное княжество. Хорошо хоть, что крыло его так и не восстановилось после ранения, поэтому для длительных перелётов не годится: сам Витагор то крыло и рассёк! Правда, Идогурн в итоге убежал с поля боя, и Витагор так и не смог его прикончить. Наверняка, змей ещё и отъедается скотом и людьми, чтобы набраться сил перед тем, как обрушится на другие княжества. Более того, есть догадки, что целью змея является не ваша земля — она лишь средство, чтобы набрать силы и мощь после долгого сна, а цель — Брегокрай...

— Но где же государь, где державный князь и его войско? — поразился Беленир, неприятно удивлённый слухами.

— Удельные князья не хотят его слушать и не откликаются на его призывы! — ответила Берёза. — Только Митрапирн и еще пара князей готовы действовать. Другие властители, особенно на севере, наотрез отказываются от затеи выступить на юг супротив змея. Кто-то пустил злые слухи, что берегины хотят напасть на Заповедье с севера, если князья вместе с дружинами отлучатся из княжеств. Думаю, это дело рук Коцевита. Кроме этого я слышала, что в горах собираются асилки по наущению коварного врага. Но остановить асилков не твоя цель, ею займётся мой муж, — пчельник кивнул головою. — А змей этот не очень-то и силен в сравнении с другими своими сородичами и, коли бы князья удельные не погрязли в

усобицах, его бы уже остановили.

— Да, нехорошие дела творятся у вас на родине, друзья, — заметил Дед-Пасечник.

— Мне и самому становится тяжело на душе, когда я такое слышу, — сказал Беленир и глубоко вздохнул.

— И на меня кручина давит, — признался Всесвятлир.

— И что же нам делать, если наше государство трещит по швам? — спросил Брисинор.

— О государстве пока не беспокойтесь, о нём пусть печётся державный князь, — ответствовала Берёза, поправив свои длинные русые волосы. — А вам нужно беспокоиться о своём народе — вам надо спасти его. Так что необходимо скорее добыть коня доброго, богатырского и остановить Идогурна, иначе многими жизнями расплатится мирный пахарь за глупость князей.

— Где же нам искать того коня? — воскликнул Беленир. — Скажи!

— Запряган Космач недалеко отсюда! — держала ответ Берёза. — В лесу Фельнудир многоствольном есть курган, который зовется Мёртвым, под ним скакун и покоится богатырским сном. Вас к нему проводит мой муж. И когда вы найдёте коня и убьёте змеище, тогда только предстоит сковать княжества в одно и сплотить народ. Это уже могут сделать другие, но можете и вы, — красавица замолчала и опустила свои синие очи.

— Вот и всё, что вы хотели знать, — сказал Дед-Пасечник. — Когда вы отдохнёте здесь, я провожу вас к Мёртвому Кургану.

Витязи кивнули головами и продолжили пировать. Застолье продлилось ещё час, хотя путники уже давно насытились. Все хотели подольше поглядеть на красу дедовых жён и вволю ими полюбоваться. Весняна за столом часто шутила и ещё чаще смеялась, и её белоснежные зубы почти всегда были открыты напоказ. Но в её смехе или шутках не было ничего глупого, напротив, шутки её были умны и смешили всех, даже Берёзу.

— Как-то кукушка убила потомство одного змеища, подкинув ему в гнездо своё яйцо, — говорила она, — неплохо было бы такое яичко и нашему Идогурну в логово подсунуть, авось у него там пара яиц осталась и дохлая жена, — и все смеялись, в то же время любуясь её красотой.

Вскоре Дед-Пасечник вместе со своими верными женами удалился наверх по резной лестнице, и за пустым столом остались только воины. Посидев недолго в тишине, они принялись обсуждать будущие действия и события.

— Думаю, что коня мы найдём только через неделю! — сказал угрюмо Брисинор, ковыряя ложкой в пустой тарелке. — А змей-поганец уже рыщет по нашей земле и остановить его никто не в силах, и государство рушится...

— Это верно! — вздохнул Беленир. — Но, думаю, ещё рано судить, успеем мы помочь Митрапирну или нет. Да если мы и вернёмся на родную землю к сроку, то, боюсь, проку от нас будет немного. Трое — это не войско!

— Но мы ведь победили Мосального Горба! — заявил Всесвятлир. — Отчего же не свалить змеище? Тем более, хозяйка сказала, что он даже слаб по сравнению с другими змиями.

— А тебе должно быть известно, что даже слабый змий в десять раз сильнее того пучинного чуда! — заявил Беленир. — Как ты думаешь избежать огня, который змей мечет направо да налево?

— Космачу это будет раз плюнуть! — сказал Всесвятлир. — И он поведаст нам змееву тайну: скажет, где более всего уязвим коварный ящер, где его слабое место. Да, я бы с

удовольствием отрубил бы Идогурну его змеиный язык, а затем и мерзкую голову!

Через час дед и Берёза спустились вниз. Красавица шла скромно и тихо, но величественно как государыня, а её муж, напротив, шёл громко и гордо как удалый князь. Он был весел и на его лице светилась улыбка, а его каре-золотые очи сверкали как два огонька. «И не поверил бы, что им тысячи лет!» — подумал про себя Беленир. Дед, тем временем, изрёк:

— Что ж, друзья мои! Когда вы будете готовы, я пойду с вами в Фельнудир и попробую помочь отворить вам дверь в подземелье, где спит по сию пору конь. А сегодня мы поспим и властью отдохнём в моём славном доме! — и, сказав это, дед взял секиру узорную, стоявшую в углу, и начал её начищать.

— Отдыхайте! — добавила Берёза. — Мой муж не даст вас в обиду на своей земле.

— То-то он чистит секиру! — заметил Брисинор. — Да только кого нам здесь бояться? Кому он не даст нас в обиду?

— Настали лихие времена, — молвила Берёза, — так что бояться надо не сколько самих людей, а вероломства, малодушия и глупости, которые живут в их сердцах. А здесь вам бояться считай некого, ибо здесь нет людей, а берегины — славный народ.

— Но кому он не даст нас в обиду, раз берегины славный народ? — настойчиво продолжал Брисинор, хотя Беленир и Всесвятлир не томились жаждой узнать это.

— Любому врагу, — ответил дед за жену. — Как сказала моя Берёзка, времена наступили лихие и потому даже на благодатной земле может появиться какая-нибудь тварь с сердцем, кипящим яростью как котёл на огне, а то и вовсе без сердца! Ведь здесь мёдом намазано, — подшутил пчеловод.

— Значит ты заостряешь секиру для боя?

— Я заостряю секиру, чтобы рубила дерево, как нож режет масло, а вычищаю, чтобы сверкала в бою как пояс Маланьицы. Если и не сейчас, то потом нам встретятся враги, не беспокойтесь. А против кучи недругов тот без сил, кто без секиры! — и дед протяжно рассмеялся, словно вспомнил давнюю историю.

Для всех троих путников в тереме нашлись уютные места. Дед-Пасечник был очень гостеприимен и любил давать приют путникам под своею соломенной крышей — вот и было у него пять свободных кроватей. Беленир и его товарищи были очень рады, что им не придётся коротать ночь на земле и они будут сладко спать на пуховых перинах. Лёгши в кровати, все быстро заснули, ибо их очи сомкнула усталость, да и темнота, сгустившись вокруг, наводила сон. Даже луна не глядела в окна, и блистающие звёзды померкли в вышине в эту ночь. Беленир заснул раньше всех, но ему полночи снились тревожные сновидения, наутро он не смог их вспомнить и не стал над этим стараться.

Глава 8. Конь

Путники провели у пчеловода в гостях три дня и за это время набрались сил, наточили мечи и даже попарились в бане. На третий день они и даже вековечный дед легли пораньше, ибо хотели выспаться перед грядущим походом. Выспались они замечательно, и Беленир очнулся ото сна, когда уже взошедшее солнце стало светить ему в очи. Он встал и оделся. Видя, что его друзья всё ещё погружены в сладкий сон, он спустился вниз. За столом не было ни жён, ни самого Деда-Пасечника, иначе он бы уже с весёлой улыбкою выбежал навстречу удальцу и повёл разговор о мёде, шершнях и пчёлах. Но Беленир был даже доволен, что горница была пуста и что в воздухе висела приятная тишина. Он бережно отодвинул от стола крепкого стул и сел на него подождать пробуждения друзей или прихода пчеловода.

Сразу надо сказать, что Дед-Пасечник явился раньше, чем встали гордый Всесвятлир и Брисинор. Внезапно он настезь распахнул входную дверь и, обдуваемый сквозняком игривым, сказал Белениру:

— Пора, пора! Дорога свободна — договорился я с лесниками, чтоб нас не трогали. Буди этих лентяев, заснули раньше всех, так ещё и спят допоздна! Пусть поднимаются, а не то я натравлю на них шершня с таким жалом, что прям будто меч кладенистый!

Не успел Дед-Пасечник окончить свою речь, как Всесвятлир и Брисинор, уже одетые, показались на лестнице. Дед густо рассмеялся, будто подумал, что это его слова о шершне с острым жалом заставили их встать, и шмыгнул носом. Лица двоих витязей были серьезны и даже суровы и, видать, они и слыхом не слыхивали ни о каком шершне. Перекусив, обмолвившись несколькими словами и уложив нужные вещи в мешки дорожные, удальцы отправились в путь-дорогу. К слову, пчельник снова наполнил их фляги своим чудесным напитком. Дедовы жёны проводили их и своего мужа до порога, и Берёза молвила на прощанье:

— Счастливого вам пути, и пусть не стуситесь тень над вашими челами!

Все путники раскланялись им и удалились из добротного дома. Путь их лежал на восток, где в тумане синем стоял сосновый лес — многовековой Фельнудир. Сперва дорога пролегла по володеньям седовласого деда, по его вотчине, наполненной ульями. Пчёлы дедовы были добры и уважали своего хозяина и его друзей, потому всё обошлось без укусов. Воздух на пасеке был чист и свеж, и словно бы наполнен медовым духом. Путникам в спины дул ласковым теплом ветер. Шумели, пригибаясь к земле, разные травы-муравы.

— Медка не хотите отведать? — спросил пчеловод. — Пока мы ещё в моей волости, надо бы смочить горло медовою сладостью. Ведь когда чувствуешь на устах медок али какое-нибудь питьё медвяное, идти сразу становится легче и веселее.

Тут дед подошел к одному из своих деревянных ульев и поднял его крышу — тотчас послышалось пчелиное жужжание. Тогда пасечник схватил конец своей бороды широкой, издревле растущей, и стал ею помахивать направо да налево, разгоняя пчёл и приговаривая:

— Ловись, мёд сладкий да ещё слаще, не осиный и не шмелиный. Ведь осы живут в ульях диких, шмели, мёд творя в чертогах своих, жужжат громко и звучно и только пчёлки живут в ульях моих и мёду мне никогда не жалеют! — и дед вытащил соты и стал пить из них мёд несмотря на то, что там ещё оставались пчёлы. Но ведь дед-то был не простой, а был он великий повелитель мёда, государь шершней, седовласый властелин золотых пчёл и суровый владыка шмелей. Потому и мог он пить мёд прямо из сот: пчёлы не смели перечить

ему и мешать. Отпив мёду, дед щедро предложил его и путникам, но те отказались, так как не хотели весь путь ощущать у себя во рту сладость. Старец на то покачал седою головою и продолжил лакомиться. Когда же он насытился всласть, то повёл путников дальше. Вскоре они покинули пределы его владений, переступив деревянную межу, — Святобор остался позади, а перед ними уже недалеко расстелился лес Фельнудир, облечённый в лёгкие туманы. Под ногами резвыми приятно шуршала росистая трава, а всё вокруг приветливо зеленело.

— Сколько нам идти до Фельнудира? — спросил Беленир.

— Шесть дней, — ответил с улыбкою дед. — Али все семь, если спешки у нас не будет, и мы будем наслаждаться путешествием, как и подобает истинным путникам.

— Хотелось бы быть там дней через пять! — воскликнул Всесвятлир.

— Но тогда вы раньше на целый день или даже два лишитесь моих баек и сказок про пчёл да шмелей, — заключил Дед-Пасечник, — а за один день я ой как много могу вам поведать о мёде!

Все засмеялись. Что удивительно, дед часами мог говорить о том, как он готовит медовуху или питный мёд, хотя путникам это было не вполне интересно. Но пасечнику было без разницы интересны кому-то его рассказы или нет — он рассказывал их только бы лишний раз молвить про мёд. Тут он чинно погладил свою бороду и начал петь:

Мёд янтарный, мёд прекрасный,
И золотая медовуха,
Сбитень как три солнца ясный,
Сладкая сыта для духа,

Всякое питьё медвяно,
Сахарные яства пряны,
Мёд чудесней яра-золота,-
За труды мои — то плата!

Роги полнятся напитком,
Скобкари томятся полны.
Ложки уж во злате жидком,
В кружках плещут мёда волны.

Кружку — раз! Кружку — два!
Кружку выпью я до дна.
Ложку — пять! Ложку — шесть!
Полевого мёду несть!

Жёлты пчёлы раным-рано
Уж работают на славу
Всё жужжат крылами громко,
Я точу секиру звонко!

На меня находят грёзы:
Полчищем стоят берёзы,

Белые что молодницы
Головы клонят к земле.

Но в дупле каком-то древнем,
Поселился шмель и нудит.
Он жужжит как витязь гневно.
И меня от грёз уж будит.

Бочку — раз! Бочку — два!
Бочку выпил я до дна.
Ковшик — пять! ковшик — шесть!
Лугового мёду несть!

Грудной зычный голос деда замолк, и витязи глянули на него: он довольно улыбался.
— Как вам мои песенки? — воскликнул он.

— Хороши, — ответил Беленир, кивнув головой. На его лице невольно проскользнула улыбка.

— Правда, мёду в песнях многовато, — заметил Всесвятлир.

— Мои песни на то и сложены, чтобы в них было много мёду, — молвил пасечник. —

Они воспевают его!

Через шесть дней путники добрались до леса. Несмотря на то, что он был сосновый и сосны были оченно высоки, а потому в него проникал свет, лес был подозрителен. Какая-то невидимая тень ложилась на него. Даже дед медотворный воскликнул:

— Странно очень! Помню я, прежде этот лес внушал мне доверие. Может, зарос просто. Хотя стойте. Здесь присутствует некто, кто не пивал моего мёда!

— Что ты имеешь в виду? — спросил у деда Беленир.

— А то и имею в виду, друг мой, — ответил дед, словно бы прощепетав соловьём, — весь Брегокрай уже испробовал мой мёд и даже за его пределами Земнородные сыновья пьют его, ибо я щедр. Даже за морем, славный Яр, муж Маланьицы и отец Лебедицы наслаждается им, расхваливая моих пчёл! А в этот лес нынче закралось что-то, что не пило мой мёд, ибо всех, кто его пьёт я чую издалека по запаху. Знамо, подлая тварь сюда закралась, коли от неё не веет моим напитком, а веет недобрым духом.

Оглядевшись, пчеловод повёл путников торной тропой. На пути не попадалось даже коряг, будто дорогу расчистили им на особицу. И лишь колючие хвоинки, иглы сухие приятно шуршали под ногами. Оченно красив был бор, но Беленир чувствовал, что здесь деется что-то неладное. Стежка пролежала среди невысоких кустов, и путники едва поспевали за дедом, ибо шагал тот быстро и размашисто. Солнце светило ярко, но благодаря нему было место и для теней. Лишь кое-где были заметны небольшие светлые полянки. Вскоре тропа побежала уже между стоячих камней, вышиною с самого Деда Пасечника. Таких камней там было меренно-немеренно и потому путники их даже не считали.

И вдруг из-за валуна стоячего, поросшего мхом и лишайником с изумрудно-седою бородою, появилась чёрная тень. Беленир оторопел, у него аж сердце ёкнуло! Все остолбенели, и только один Дед-Пасечник продолжил свои размашистые шаги, но и он вскоре остановился, не доходя до тени чёрной три сажени.

— Решили избавить Заповедье от змея? — прошипел невесть откуда возникший голос,

по всей видимости, исходивший от тени. — Нет! Не бывать сему никогда, ибо моё змеище уже почти сожгло его!

— Почти не считается! — вскрикнул Дед-Пасечник. — Если даже на пепелище останется одна семья — из неё вновь возродится целый народ.

И тут Беленир увидел, что тень, говорившая с дедом, оказалась вовсе не тенью, но мужем, закутанным в чёрную одежду. И только успел он это заметить, как вдруг этот человек откинул плащ, и перед путниками предстал воин в остроконечном шеломе, выкованном из чёрного булата, на наноснике которого горели руны, написанные на неизвестном языке — на нём уже никто не говорил и язык этот считался мертвым, пусть витязи того не знали. Кроме того, лицо чёрного воителя закрывала серебристая маска. И видом своим она была ужасна до такой степени, что даже деда передёрнуло от мерзости. Из-под маски спускалась, как столетняя паутина, перепутанная борода, а из-под шелома выбивались длинные серебристые волосы. Тело же того воина было заковано в бронь булатную, и её кольчужины блестели на солнце. И этот странный витязь был до того высок, что возвышался над престарелым медоваром на пять вершков.

— Ха! — засмеялся он грубым, но манящим голосом. — Я вижу ты постарел, мой старый дружище! — и тут на мгновение Белениру показалось, что пчёлник умалился в размерах. — С тех давних пор, как мы последний раз встречались ты был моложе да и в твоей головушке было меньше мёда, а нынче, видно, он там всё заполонил. Только о мёде и говоришь! Ха! Да ты вообще, не сошёл ли с ума? Не сбежали ли от тебя твои жены?

— Меня твои речи нисколечко не задевают, ведь я блажен, а благодать во мне вечна! — молвил дед сурово. — И я не намерен выслушивать всё это, да и на что мне оно? А мёд — очень хорошая тема для разговора! — и дед обратился к Белениру, сказав уже шёпотом: — Обнажи свой меч верный и будь готов к схватке. Я могу не одолеть Кощевита, тогда, возможно, с ним придется биться тебе, а это — нелёгкое дело.

Беленир кивнул головой и подумал: «Вот он какой коварный Кощевит, мрачный колдун, прислужник всякой тьмы. Как бы не закостенеть нам от его чар!».

— Вы ищете коня? — спросил Кощевит, обратившись к Белениру и желая таким образом позлить Деда-Пасечника. Не дождавшись ответа, подлец продолжил:

— Неужто вы думаете, что все эти деды ещё не сошли с ума? Может, как только они родились, в их головах был какой-то толк, но теперь их головы лишь жалкое украшение плеч, пустые котелки, внутри лишённые чего бы там ни было! А я умён и насыщен величием, и я побудил змея напасть на Заповедный Край, и я знаю его мощь! Так что запомни раз и навсегда, человеке: я корень всякой силы и всего великого. Моей волей был пробуждён Идогурн и он уже обратил в золу два ваших княжества. Из-за меня двинулись вы в поход — то моя воля. Я — главный зачинщик этого похода. Теперь вы видите, что воля моя сильнее воли даже Идогурна, и моя воля может дать вам великую награду. А что вам дал этот обманщик кроме мёда? Но послушай меня, друг, я вижу — ты смышлён. Так что ты понимаешь, что так же, как вся вода собирается в необъятный океан, так и вся власть по крупицам соберётся в моих руках. И не будет больше князей, а Земнородные придут ко мне, властелину золота, на поклон к чёрному трону. Берегины и люди, оставшиеся в живых, будут вращать колёса несокрушимого царства и послужат укреплению его мощи. Всё своё время они отдадут службе. К чему им свобода и столько времени, коль оно пропадает без пользы? Тот, кто будет служить мне, останется невредим. И более того — вознаграждён, я уже говорил об этом. Моя власть подарит вашей земле великое процветание и изобилие, каких

никогда не было в вашей истории. Вы забудете про нужду, междоусобные склоки и всякие болезни. Вы вернёте себе земли Старого Ариха, утраченные встарь. И вы трое станете моими главными полководцами, моей опорой.

— Зачем нам служить тому, кто уже уничтожил южные края Заповедья? — воскликнул Беленир. — И с чего нам верить твоим словам?

— Да, я послал Идогурна напасть на Заповедье, — ответил Кощевит. — И я бы не стал этого делать, если бы мог. Змей — мой вассал, но ему нужно было насытиться и восстановить свои силы. Теперь, когда он снова обрёл прежнюю мощь, я могу отозвать его и ваши дома, ваши родные и друзья останутся живы. Вам нужно лишь отправиться со мной в Заповедье и помочь мне склонить князей, в том числе верховного державца, принять мою власть. В моих речах нет лжи, поэтому вы можете им верить.

— Что будет, если мы откажемся? — спросил Беленир. — И если наш народ не примет твою власть?

— Если вы откажетесь от моего предложения, но не будете продолжать свои происки против меня, то ничего с вами не случится, — ответил Кощевит. — Я не злопамятен, поэтому не стану вас преследовать. Если же вы продолжите свой поход против меня, то станете моими врагами и будете уничтожены. Что касается народа, хм... Одно царство я уже обратил в камень, а ваши земли обращу во прах. Если ваш народ откажется от того великого блага, что я готов ему предложить, и не признает мою власть, то узреет силу и гнев змея, силу и гнев моей воли! В общем, не думай, что конь глупый спасёт твою родину от Идогурна, не обнадёживай себя! Спасти её могу только я...

— Конь хоть поможет, а ты уж точно нет, раз навлёк на мою землю такую напасть! — изрёк Беленир. — Неужели ты и впрямь думаешь, что твой язык поганый имеет власть над моим вольным сердцем? Твой язык впору вырвать и скормить свиньям, да и те от него отворотят свой пятак.

Тут послышался густой смех Деда-Пасечника.

— Ты рано приобрёл врага в моём лице! — молвил на то Кощевит. — А я очень опасный враг, лучше откажись от своих речей и извинись передо мною, иначе скоро встретишься со смертью.

— Посмотрим, кто встретится раньше! — вскрикнул Беленир, не желая слушать дерзкие слова Кощевита: они, казалось, цепляли за что-то внутри и хотелось тотчас ответить на них.

— Мой дух бессмертен! — воскликнул коварный колдун. — И нет такого оружия, которое способно было бы сокрушить моё тело! А ты, глупец безрассудный, сейчас своею яростью сжигаешь себя изнутри к моей вящей отраде. Меня нельзя запугать ничьей речью, какой бы грозной она ни была. И, ежели ты будешь и впредь с такой ненавистью говорить со мной, то вскоре заплатишься за это. Так что говори осторожнее и, быть может, я позволю тебе стать моим рабом.

— Держи свой язык там, где ему место, иначе, говорю тебе, вырву его голыми руками из твоей глотки!

— Не трать на него своих сил, мой друг! — вмешался Дед-Пасечник. — Сейчас я разберусь с ним и никому из вас не придётся утруждаться.

— Ты думаешь, что у тебя хватит сил, чтобы совладать с моей мощью, каковою наделил меня Чёрный Государь? — спросил Кощевит. — Я в один миг могу повести пальцем, и ты закаменеешь, словно кусок льда, глупец!

— Я сын Земли и Солнца, ты не можешь подвергнуть меня земным морозам, ибо сама

Земля меня породила! — рассмеялся Дед-Пасечник. — Я несокрушим, а мой мёд и добрая медовуха наливают мои руки такой силой, что я могу задушить тебя одной левой!

— Ха! — расхохотался Кощевит. — Опять про мёд! И ужели ты не знаешь, что я один из Яровинде, а сыны Земли вряд ли могут тягаться с ними в силе.

— Ещё как могут! — прервал его Дед-Пасечник.

Кощевит хотел ещё что-то вставить, но тут дед свистнул посвистом молодецким и перебил его. В ушах у Беленира загудело. Дед снова свистнул, но как-то по-другому, и даже птицы, молча наблюдавшие за происходящим, сорвались с деревьев и полетели прочь. И на сей свист с великим шумом крыльев вскоре явились все дикие пчёлы и лесные шмели. Они в танцах воздушных закружили вокруг тропы и взяли пчеловода в кольцо. Видя это, Кощевит немало удивился, а затем вымолвил:

— Я закован в броню из булата: твои пчёлы мне не страшны, старый болван!

— Ты постарше меня будешь, вот ты-то и старый болван! — поспешно прервал Кощевита дед. — А про бронь твою я слыхивал. Но ведь всегда под неё есть тайный путь, закрытый одеждой, а у пчёл моих жала острее клинка.

— Ну укусят они меня и что станется? — язвительно захохотал Кощевит, обратив свой взгляд в очи деда.

Тут пчельник схватил один из камней стоячих и бросил его прямо во врага, но тот увернулся, и камень пролетел мимо. Витязи подивились, как так дед мог поднять тяжёлый валун, и хотели уже идти в битву, как вдруг на Кощевита понеслись пчёлы и шмели, а дед сказал:

— Конь сокрыт в трёх вёрстах отсюда на восток. На Мёртвом Кургане будет стоять огромный серый валун, отворотите его и добудьте коня. А я и мои пчёлки да шмели пока разберёмся с Кощевитом, если, конечно, он нас не осилит.

Беленир хотел остаться и пособить деду в битве с Кощевитом, но тот молвил:

— От тебя будет больно мало проку: я Земнородный сын, а ты лишь человек! Если я слабее Кощевита, ты не поможешь. А если я сильнее, ты не понадобишься! Вам предстоит другая битва.

Тогда Беленир подтолкнул Всесвятлира и Брисинора, и они устремились на восток, скрывшись в зарослях кустарника. Когда витязь оглянулся, чтобы посмотреть, возможно, в последний раз на пчеловода, то увидел, что тот уже схватился с Кощевитом, а пчёлы и шмели забрались вору под броню и стали его жалить. Беленир отвернулся и повёл своих товарищей на восток, через высокие сосны Фельнудира, и вскоре жужжание пчёл и грохот битвы остались позади. На сердца всех витязей лёг тяжкий камень, ибо они опасались, что дед не выстоит в борьбе. Беленир успокаивал себя тем, что его родина была в опасности и он не мог проявлять безрассудство.

Путь на восток, к Мёртвому Кургану да к валуну стоячему, под коим покоился конь, был недолог, ведь витязи спешили как никогда. Вначале туда вела извилистая стежка, пробежавшая между густыми зарослями вереса, а затем каменистая тропа, сложенная из маленьких камешков и обрамлённая пушистыми ёлками да бледными листовницами. Всех вёл Беленир, и он всегда был начеку, опасаясь, что Дед-Пасечник не выстоял и погоня уже началась. Местность с каждым шагом заметно повышалась, а сосны высоковетвистые редели, дарствуя солнцу красному больше простора для лучей.

Путники взбрели на Мёртвый Курган, голый, что макушка асилка. Все подступы к нему, кроме южного, с которого они и пришли, были опасны: с севера курган резко обрывался

крутояром, а с востока и запада переходил в овраг, но менее обрывистый и глубокий. Трав на холме почти не росло, на нём господствовал зелено-седой мох. Косматым одеялом он покрывал почитай каждый булыжник, а на самой вершине холма гордо высился камень стоячий, взмывая в небо толстенным копьём. И был он так неколебим, что его вряд ли бы сдвинул и древний богатырь, приложив все силы и немало усердия.

— И как мы отворотим этот проклятый валун? — поразился Всесвятлир. — Я, конечно, силён, но, знаете ли, не настолько, чтобы сдвинуть такую вот незыблемую громадину!

— Да даже если мы приложим все силы, этот валун останется стоять так, как стоит здесь уже тысячи лет! — молвил Брисинор, толкая руками нагретый за день на солнце камень. — Нет, его даже целая дружина не сдвинет. Зря мы послушали деда и ушли, надо было помочь ему в битве, тогда бы он был сейчас здесь и сдвинул этот валун!

— Возможно, вы правы, — сказал Беленир, оглядывая камень со всех сторон. — Но, наверняка, есть другой способ сдвинуть его, иначе Дед-Пасечник бы нас предупредил, что нам понадобится сила невиданного богатыря. Так что давайте лучше думать, что теперь делать. И к тому же сам дед нас и отправил от себя, значит, у него не было сомнений, что мы сдвинем этот камень.

— Наверное, — согласился Всесвятлир. — Да только как нам его отворотить?

Тут путники стали думать да гадать и истомили себя мыслями, но, как они ни старались, ничего дельного в их головы не явилось. Так они просидели до вечера, пока блески янтарные не залили небосвод, а золотой щит не достиг края небес. На востоке уже яркими светильниками возгорались звёзды, посылая на сырую землю алый блеск, иные уже засветили голубым заревом, самым прекрасным из всех цветов звёзд, а путники всё сидели у камня. Тени совсем удлинились, а вскоре и вовсе исчезли; солнце скрылось за лесами стоячими и перестало дарить лучи здешней почве. Деревья, окружавшие курган, злобно нависли над ним, словно пытаясь схватить витязей своими корявыми цепкими перстами и затащить их в глубину своей чащи. Особенно зловещими путникам показались ели тёмные, точно протянувшие к ним из густого мрака колючие руки.

— Мы так с ума сойдём и просидим так вечно, до тех пор, пока у нас не отрастут бороды или пока нас не найдёт Кошевит, если он, конечно, расправился с пасечником! — вскрикнул от негодования Беленир и отошёл от камня стоячего. Тут его нога коснулась небольшого выступа и вдруг провалилась вниз, в почву. Это был рычаг, который и отпирал-отворачивал стоячий камень. Тотчас земля заходила ходуном под ногами, и валун с грохотом повалился наземь, впившись глубоко в мшистую почву. Беленир сквозь темноту сумерек осторожно пробрался к упавшему камню и заглянул туда, где он прежде высился. Там открылся путь вниз по ступеням, вырезанным в твёрдой скале. Куда вели эти ступени удалцы не знали. Восторженно восклицая, они заглянули туда, полные радости, и замолчали: путь вёл в непроглядную темноту.

— Там и должен быть конь! — сказал Беленир.

— Так давайте попробуем его разбудить, — предложил Брисинор. — Рог при тебе, дунь же в него.

— После этого надо будет поспешить, — добавил Всесвятлир. — Звук рога услышат все вокруг, услышит его и Кошевит. Если он одолел Деда-Пасечника, то непременно явится сюда!

— Выбора у нас нет: надо дунуть в рог, — заключил Брисинор.

Беленир снял с пояса рог Государя Волн, поднёс его к губам и дунул что было мочи.

Тотчас прозвучал чудесный звук, превосходивший по своей красоте звуки других горнов. Шумом ручьев и криниц, грохотом водопадов и рёвом морской волны прогремел он, и путники тотчас почувствовали прилив сил и бодрости. Эхо повторило среди деревьев прекрасный звук, наполнив лес жизнью и пробудив спящих зверей.

— Теперь спускаемся! — рёк Беленир. — Огни не зажигайте — вдруг привлечём кого.

Путники стали решать, кто первым должен спуститься, но так толком ничего и не решили, потому, отбросив прежние думы и обнажив оружие ярое, они все вместе ступили на каменную лестницу. Долго они шли вниз, но не потому, что ступени вели в самую глубину, под курган, но потому, что сами воины вели себя осторожно. Несмотря на то, что опасались они, что Кошевит услышит звук рога и придёт сюда, спешить они не могли, ибо не знали, что может поджидать их внизу помимо коня.

Наконец, витязи доброславные оказались на краю последней ступени, они сошли с неё и пошли далее, в сырую темноту — ни свода, ни двери, ни ещё чего-то подобного не было видно, ибо никакой свет сюда не проникал. Разве что зыбкий свет звёзд, что хрустальными россыпями лежали над головами путников, светил во тьму, но правда от него было мало проку. Потому Беленир и его друзья пошли наощупь, трогая влажные стены и так угадывая путь. Вскоре все услышали вдали могучий храп, от которого стены будто вздрагивали, а сердца подпрыгивали в груди.

— Небось, конь похрапывает! — заметил Брисинор, прислушиваясь к храпу. — Видно, ещё не проснулся.

— Да если этот конь так храпит, то он, небось, дубы под себя как травку подминает! — подшутил Всесвятлир. — Неужели это и вправду наш конь? Может, здесь, кроме коня доброго положили спать вместе с ним ещё какое-нибудь чудо?

— Вряд ли, — молвил Беленир. — Нам бы Берёза сказала, что тут что-то неладно. Скоро уже, наверняка, дойдём до этого храпуна. Слышите? Храп усиливается, значит приближаемся.

Тут в непроглядной темени путники наткнулись на странную дверь. Была она холодна точно лёд и сделана будто из стекла. Но тверда и прочна она была будто сталь. К сожалению, не разглядели путники, какие прекрасные рисунки птиц райских и дивных зверей на ней были. Между тем Беленир ощупал всё вокруг и понял, что других ходов, кроме этой двери, нет и, что она закрывает собою туннель с высокой аркою, по которому они шли.

— Другого пути нет! — сказал он уверенно. — Надо её как-то открыть, иначе мы вернёмся не на родину, а на пепелище...

— Хватит говорить! — воскликнул Всесвятлир, прервав речь Беленира. — Надо думать про дверь, у нас нет времени для разговоров.

— Ты прав, — поддержал Всесвятлира Брисинор.

— Может, тогда попытаемся выбить эту дверь? — предложил Беленир.

Те, не ответив ничего, со всей силой навалились на неё, но все их усилия оказались тщетны: удаль здесь была бессмысленна. Оружие дверь также не брало и ни один удар меча и топора не отколол от неё даже кусочка. Нужен был ум.

— Поищи ручку дверную, — посоветовал Брисинор, — она должна быть здесь. Может, на неё надо нажать особым образом, и она откроется. Я слышал, что карлы делают такие двери.

Удальцы стали искать ручку дверную, но не нашли её, потому что её и не было или же она была деревянной и за века сгнила. Так бы и не дошли они до коня богатырского,

премудрого, но тут Всесвятлир предложил:

— Дуньте в рог еще раз, может одного раза было недостаточно, чтобы конь проснулся!

Беленир снова взял рог и тут же в него подул. Он сделал это с такой силой, что лицо его побагровело и на лбу появилась вена. Снова прозвучал прекрасный звук рога Государя Волн. Сие же мгновение за дверью заржал конь богатырский. Подивились тому ратники, а Беленир и вовсе рот открыл. Ржание было очень громким и протяжным, словно бы восхищённым. И вот конь борзый стал своим искромётным копытом стучать по двери: стала поддаваться чудесная дверь, вот она уж треснула и тут же рассыпалась на сотни тысяч осколков, словно созданных из алмазов, которые разлетелись по туннелю, но не причинили путникам никакого вреда. Тотчас из тьмы вылетел скакун, похожий на сумрачную тень и, высекая по полу искры, пронёсся меж ними и, взбежав по лестнице, вышел на холм.

Беленир, радостный и восторженный, вместе с витязями добросмелыми пустился вслед за конём. Но они увидели его лишь тогда, когда вышли на курган. Конь уже стоял там, серебрясь в свете звёзд и луны, и его грива длинная причудливыми космами заплеталась по широкой шее. И хвостом скакун подёргивал да потряхивал, а хвост был у него длинен и пышен, что грива у льва. Путники даже поначалу лишь на хвост и смотрели. Сам конь был велик и прекрасен, и когда он обернулся к витязям, они увидели, что во лбу у него звезда — пятнышко белое о семи концах, а по бокам часты звёзды и под сердцем ясное солнышко. Также они заметили, что очи скакуна пронизательны и умны. Ведь прозревал Космач многое в душах и сердцах и в далях, сокрытых туманом, ибо был он вещь и мудр. Вещих птиц на свете — и тех немного осталось, а коней таких и вовсе можно было на пальцах пересчитать. И с подбородка у него и впрямь свисала борода седая длиной в пол-локтя. Она была не заплетена, но распущена, и росла так, как будто к ней никто никогда не прикасался. И потряс конь бородою и сказал:

— Здравствуйте, добры молодцы! — голос его был немного неразборчив и низок, и разговор вёлся на старом говоре, какой имел хождение ещё во времена первого государя Роха, но путники всё равно всё поняли. — Очень долго я пробыл во сне богатырском, очи мои были сомкнуты несколько веков, а подчас и тысячелетий — сам не ведаю. Скажите же, неужели вновь горе али лихо постигло обширное Древогорье, неужели вновь разродилась беда над землями благодатными?

Беленир и витязи стояли, раскрыв рты, и не решались ответить что-то.

— Вы что, впервые видите пред очами коня говорящего, премудрого очень? — спросил Космач гласом громовитым. — Можно подумать, нет больше в Древогорье коней вещих, чтобы устремлять на меня столь неприлично свой взор!

— Привет тебе, конь! — изронил Беленир и более ничего не смог вымолвить, кроме этих трёх слов.

— И вам привет. Но я не люблю говорить, так что спрашивайте меня, и я отвечу! — заржал громогласно конь и стукнул копытом своим твёрдым о мшистую землю.

— Я Беленир! — рёк витязь молодой и вслед за тем представил всех своих спутников. — Мы потревожили твой сон не просто так, иначе бы навлекли на себя твой гнев и гнев Земнородных сыновей, что разъярились бы от бессмысленного твоего пробуждения. Нынче собираются тучи тёмные над нашей землёю — Идогурн, змей лютый, выжигает поля, а людей в полон хочет увести.

— Идогурн, значит! — пробормотал конь, встряхивая своею седою бородою. — Помню я такого змия. Он не очень силён, но броня его крепка, закрывает она все его уязвимые места

— под сердцем, на шею и на брюхе, но кое-где Витагор пробил брешь и наверняка она не залатана до сих пор — ведь броня та откована из звездного металла — вряд ли Кошевит нашёл ему замену. Чтобы победить, силу змея — броню, надо превратить в его слабость. Он наверняка ленив и медлителен...

— Но что с того, если он медлителен? — изумился Беленир. — Пусть его и одолевает лень, но тем увереннее он движется, ибо сжигает всё тщательно, а не кое-как.

— Нет, змеиная лень — не человечья! — заржал конь громко. — Змии бывают настолько ленивы, что засыпают в пещерах беспросветных на долгие тысячелетия и там каменеют! Лень появляется у змиев из-за тяжести их наростов роговых, и она нам союзник. Но для начала нам нужно оружие, которое сможет пробить его броню, а такое оружие может сделать только старый Каукис из Вутирна.

— Кто? — переспросил Всесвятлир, удивлённый причудливым именем, о котором никогда в жизни не слыхивал.

— Каукис из Вутирна! — ответил конь. — Вы разбудили меня, чтобы спрашивать меня про разных Каукисов или чтобы я спас вашу землю?

— Но кто такой этот Каукис? — спросил Беленир.

— Каукис из Вутирна, — сказал Космач, — то умелец великий, сын Земли и Солнца, карлик премудрый и гордый, что куёт булатное оружие, лучшее, что ни есть.

— Неужели это оружие способно пробить броню Идогурна? — снова спросил Беленир.

— Да, — продолжал конь. — С силой Витагора можно было бы пробить и новые бреши в броне, но тебе лучше бить в уязвимое место, где брони нет, и то пробьёшь ты роговые наросты змея лишь если твои руки очень сильны.

— Насколько сильны?

— Настолько, чтобы ты смог одним ударом рассечь слой роговой, — ответил туманно конь. — Ибо богатыри второй раз не бьют и времени у тебя на это не будет! — Беленир покачал головою и более не задавал вопросов.

— Что ж, садитесь на меня, — заржал конь и потряс гривой, — и я принесу вас к Каукису из Вутирна, если, конечно, он ещё жив и до сих пор в Вутирне! Быстрее.

Тотчас все трое сели на коня, (Космач был конём богатырским и был больше обычного коня), скакун притопнул ногой и понёсся вскачь через лес да холмы. Была ночь, и путники толком ничего не видели, кроме звезд и серебристой луны, а сосны от быстрой скорости исчезали из их очей так же быстро, как и показывались. Так стремительно нёсся скакун, что Беленир не успел даже понять, куда он их несёт — на запад ли на восток, на север ли на юг. На самом же деле конь скакал на юго-восток, к Смарагдовым горам и скакал очень быстро.

Тем временем в глазах у Беленира помутилось: все светила небесные для него сплелись в чёртовом круговороте, а деревья, мелькавшие с боков, скрутились в один клубок. Не привык витязь к такой быстрой езде. Целый день скакал конь, и лишь на второй остановился отдохнуть. Но и тогда он остался неразговорчив, словно бы с печалью вспоминал свою былую жизнь. И даже вопросы Всесвятлира о том, что снилось за столь долгое время, хотелось ли есть и просыпался ли он иногда, Космач оставил без ответа. Другие витязи же то и дело наблюдали за лесом, опасаясь появления Кошевита — о том предупредили они и Космача.

— Жив ещё подлец! — сказал он на то. — Значит он наострил на все это Идогурна?

— Да, — ответил Беленир. — Надеюсь, он нас не догонит.

Конь на то лишь фыркнул.

На второй день путники пересекли пределы леса, Беленир с опаской оглянулся и, увидев, что сосны высокие также стройны, как и прежде, и никто за ними не гонится, успокоился. Свежий ветер дыхнул всем в лица и защекотал их волосы. Перед путниками открылась поляна, ровная что ладонь и голая как горы. Вот где был коню простор! Соскучившись по воле, Космач подскочил чуть ли не до неба и заржал. Ездоки едва не свалились с его спины! Затем Космач разогнался во весь опор, отчего Беленир пуше прежнего вцепился в конскую гриву и закрыл глаза. Скакал конь целый день и полночи — он полагал, как видно, что не стоит давать Кошевиту шанса догнать их. Вскоре уже завиднелась какая-то река. В то самое мгновение, когда Всесвятлир и Брисинор почувствовали, что не вынесут больше скачки, Беленир крикнул:

— Стой!

Конь остановился у самой воды и замер, словно вкопанный. Путники, утомлённые такой скачкой, сползли с него и грохнулись наземь.

— Какой ты неуклюжий! — вскрикнул Всесвятлир. — Неужели не мог потише остановиться?

Конь ничего не ответил и поглядел на реку, что шумела прямо у его копыт и называлась Синегривкой. Её брызги уже омочили ноги витязей, а сама она, струясь меж камней прекрасными прядями, серебрилась под луною. Стрекотали сверчки, и Космач, давно не видавший водицы, захотел напиться и искупаться в прекрасной реке. А река и впрямь была прекрасна. Широкой лентою она простиралась в своём русле, проложенном древле, и журчала самыми разнообразными звуками, окаймляя Брегокрай. Воистину было в ней нечто очаровывающее не только взор, но и слух. Белениру даже показалось, что воды издают тонкий запах, полный свежести.

Запыхавшийся Космач зашёл в речные воды, а витязи даже и не подумали, что это и есть Синегривка, которую нельзя пересекать вброд. Ведь конь нёсся так быстро, что путники оказались уже на границе Брегокрая, о чём они и не знали. Космач весело тряхнул гривой и стал плескаться в ещё тёплой воде. Витязи тоже решили искупаться и уже сняли доспехи, как вдруг конь заржал:

— Помогите, меня тянут на дно!

Беленир схватил свой меч и прыгнул в реку, вслед за ним нырнули Всесвятлир и Брисинор, тоже с оружием. Витязи открыли под водой глаза и увидели, что коня за ноги держат четыре бледных нагих красавицы с распущенными русыми волосами и тащат его прочь от берега. Видно, это были водяницы, речные русалки, и они влекли Космача на дно. Заметив витязей, они отпустили коня и стали подплывать к ним, быстро шевеля под водой своими стройными ногами. Всесвятлир тотчас вынырнул и, выпучив глаза, выскочил из реки на какой-то островок. Вместе с Всесвятлиром выскочил и конь, а следом за ними выплыл Брисинор. Беленир же не успел вынырнуть. Две водяницы ухватили его и захотели увлечь на самое дно. Но витязь схватил за ногу выбравшегося на островок Брисинора, и тот подал ему руку. Но как ни силился Брисинор вытянуть друга, ничего не выходило. В одной руке у Беленира всё ещё был меч. «Сейчас я их порублю на куски!» — подумал витязь, вспомнив про него, но тут к нему подплыла ещё одна русалка, и, схватив за кисть, отняла клинок и бросила на дно. Обхватив грудь воина своими руками, красавица посмотрела ему в глаза своими нежно-зелёными очами и, загадочно улыбнувшись, прильнула к его губам. «Зачем мне наверх? — подумал вдруг воин. — Отпусти меня, Брисинор, я уйду на дно вместе с этими девицами и буду рад. Давайте, утопите меня!».

Брисинор тем временем что было сил ухватился за хвост коня, а Космач уже стучал копытом о землю: они собирались вытягивать Беленира.

— Пошёл! — крикнул Всесвятлир, и конь рванул вперёд, Брисинор поволочился вслед за ним и вытянул Беленира. Вместе с Белениром он вытянул и русалку. Всесвятлир уже выхватил клинок и хотел обезглавить её, как она вдруг вскочила и, укутанная длинными мокрыми волосами, с разбега нырнула в воду.

— Иди ко мне, усталый ратник! — воскликнула она манящим голосом.

Беленир, выплюнув воду, которой наглотался, встал и посмотрел на русалку. Высунув голову и плечи из-под воды, она глядела прямо на него, и её мокрая грудь серебрилась в свете месяца, что висел над рекой. «Нет уж, — подумал теперь Беленир. — У меня ещё будут красавицы, но не водяницы, что туманят голову своими чарами».

— Если надо, иди сама, — передразнил русалку Всесвятлир. — Не разочаруешься в моём клинке! — и тут витязь потряс мечом в своей руке.

— Иди же ко мне! — вновь воскликнула русалка, не слушая Всесвятлира: её зелёные очи глядели на Беленира.

— Эх, чаровница! — сказал тогда Беленир. — Не в этот раз, плыви себе на дно. Меня тебе под водой не видать.

Хитрая водяница поглядела ещё на витязей и вскоре скрылась, сначала по шею, потом по нос, а затем и вовсе исчезла, оставив на воде одни лишь полосы. Витязи тотчас рассказали Космачу про то, что эти русалки охраняют реку и кроме них там есть водяные. Это следовало рассказать раньше, но никто не думал, что они окажутся у Синегривки так быстро.

— Как же мы преодолеем реку? — спросил тогда Брисинор.

— Её мы преодолеем по островкам, — ответил конь, глядя в сторону другого берега. — Это один из них, впереди ещё три.

Когда все отдохнули, поев и немного поспав на илистом островке, а сверчки перестали стрекотать, будто готовясь увидеть нечто невиданное, на небе уже загорелась утренняя заря. Беленир и его друзья глянули на её прелесть и вскоре отворотились от красна солнца. Да и конь отвернулся, ибо был очень долго под землею и спал сном глубоким, богатырским, потому не привык он к ярким лучам. И вот, когда посветлело, путники увидели, что в русле реки один за другим лежат ещё три маленьких острова — чёрные пятна среди залитой солнечными лучами речной хляби.

Но некогда описывать красу природы: воины уже уселись на коня богатырского, и тот, стукнув оземь копытом могучим и взяв разбег небольшой, какой было возможно сделать, прыгнул через волны речные прямо на следующий островок. У Беленира аж сердце захватило: так высоко и так стремительно прыгнул Космач! Преодолев пятнадцать сажень и благополучно приземлившись на островок, конь заржал, а Беленир посмотрел вниз через его холку. Островок был покрыт дёрном зеленым и был красив с виду, хотя все ожидали, что он будет скалистым камнем.

— Осилили! — сказал Всесвятлир. — Думаю, что и до тех двух тоже допрыгнем.

— Думаешь? — начал Беленир. — Тогда был разбег, а теперь и разогнаться негде — остров в полторы сажени длиною!

Тут Брисинор хотел сказать, что следующий остров достаточно близко, чтобы перепрыгнуть на него без разбега, но он не успел. Конь борзый в мгновение перенёсся на другой островок, на этот раз каменистый и скользкий, кое-где поросший мхами

изумрудными и невысокими травами.

— Вот и этот осилили! — молвил Брисинор, ничуть не сомневавшийся в силах Космача. Беленир почувствовал, как ветер тёплый играет у него в волосах. «На этот раз прыжок будет против ветра! — подумал он. — Но ничего, конь осилит». И тут, когда Космач снова собирался прыгнуть, его схватил кто-то. Беленир глянул вниз и увидел: коня за ногу левой рукой держала русалка, та самая. На сей раз взгляд её не был нежен, а, напротив был яростен и страшен, брови её были нахмурены. В деснице у неё сверкал меч — она подняла его со дна.

— Прыгай! — взревел Беленир, видя, что водяница хочет обрубить коню ноги. Космач прыгнул и рука русалки отцепилась. Она ударила мечом по воздуху: конь исчез.

— А! — взвыла она протяжно. — Вернись!

Между тем Космач уже летел через синеву волн, и его грива развевалась по ветру. Беленир и Всесвятлир зажмурились, боясь глядеть на злосчастную воду, и лишь Брисинор с волнением в груди глядел перед собой. Он верил, что и в этот раз конь осилит. И конь осилил. Четвёртый островок оказался словно бы из ила вязкого, и почва под копытами Космача оказалась мягка. Конь стал вязнуть в ней, словно в болотной жиже и скоро погрузился на несколько локтей.

— Проклятый ил! — воскликнул Беленир. — Мы увязнем в нём и нас утопят русалки!

— Замолчи! — крикнул Брисинор. — Не накликай беды своими словами!

— Сам молчи! — ответил ему Беленир. — Надо выбираться отсюда, а не ссориться. Если мы совсем увязнем, то я лучше попробую вплавь добраться до берега

— С ума сошёл? — воскликнул Брисинор. — Если ты и отобьёшься от русалок, так выплывет водяник и тебе будет несдобровать. У него лапы как крючья, он тебя живо утопит — и глазом даже не моргнёт.

— Коли увязнем, так лучше попытаться, чем сидеть и тонуть, — согласился Всесвятлир. — Готов поспорить, я доберусь до берега и никакой водяник меня не сцапает.

— Не уходите с острова, — заржал конь. — Я вас вытяну.

К тому времени Космач увяз по крутые бока, и жижа подкралась к ногам витязей. Всесвятлир вскрикнул и случайно стукнул коня по бокам. Тот, почуяв удар и вспомнив своего прежнего хозяина, тотчас выпрыгнул и из жижи, и с этого острова. И едва он оторвал копыта от земли, из воды вынырнули водяницы и попытались поймать его. Но он был уже высоко, и они не смогли даже схватить его за копыто. И вот Космач ступил на твёрдую почву. Вмиг все путники спрыгнули со скакуна и повалились с ног, словно мешки с картошкой. Брисинор даже обнял камни серые, точно был с ними в давней разлуке, а Всесвятлир счастливо сгрёб землю в горсть и развеял по ветру. И лишь Беленир был спокоен и тих, ибо прыжки через островки остудили его пыл, и он даже побледнел. Он глянул на реку, но там уже не было прекрасных русалок: они ушли под воду. Тогда витязь посмотрел на небо, залитое солнечными лучами, и подумал: «Совсем недавно под неведомыми чарами я был готов отправиться на дно из-за той красавицы-водяницы и умереть, а теперь готов взлететь к небесам ради жизни. Стоила ли та русалка моей смерти? И стоит ли моей смерти жизнь других людей?».

— Благодарю тебя, Космач, — вымолвил вдруг Всесвятлир, — что не угробил нас и не отправил на дно речное на радость проклятым русалкам и рыбам.

— И я благодарю тебя, — рек Брисинор коню. — Долго ты заставил надежде и вере тревожить наши сердца. Но в итоге всё завершилось благополучно и потому ты достоин похвалы.

Беленир молчал, но не потому, что был груб и невежественен, а потому, что на его светлое лицо пала угрюмость вкупе с сомнением. Такое с ним редко случалось и случилось сейчас, ибо он ужаснулся, поняв, что их предприятие может стоить им всем жизни даже если они не помогут родной земле. Но вскоре мрак сошёл с лица Беленира, ибо решил он, что, если отступить, жизнь их на отчизне будет в тягость, а возможно и вовсе не будет никакой отчизны. И затем он тоже поблагодарил коня за спасение.

Космач же, выслушав всех, заключил:

— Теперь нам предстоит путь на юг; не то, чтобы долгий, но и не слишком короткий. Нам надо будет взобраться на предгорья, потому будьте готовы к приключениям — опасным и дивным.

Путники кивнули головами и уселись на коня.

Глава 9. Три стези

Конь неторопливо зашагал вперёд. Путь лежал по неторным тропкам, поросшим травой да мхами. Припекало солнце. Не прошло и двух дней, как вдаль завиднелся камень указательный, серый и большой, поросший бородастым лишайником. Вскоре путники приблизились к нему, миновав неглубокие лощины, и увидели, что надписи на нём сильно поистерлись, а сам валун зарос травами да мхами. «Видать, стоит здесь уже очень долго — столетие, если не тысячу лет» — подумал Беленир, слез с коня богатырского и попытался расчистить камень от трав, чтобы хоть что-то понять. Но травы пустили корни вглубь валуна, потому, когда витязь выдернул их, вместе с ними вывалились и куски камня, на которых и были написаны указательные письма.

— И что нам теперь делать, если мы не знаем, какая дорога куда ведёт? — спросил Всесвятлир.

— Даже если бы камень был цел и не зарос травой, — отвечал Беленир, — мы бы всё равно не разобрали письма, начертанные на нём. Такого языка мы не знаем.

Витязи понурили головы.

— Я помню эти письма! — изронил вдруг конь премудрый. — Знайте: все дороги ведут в одно место, только разными путями и тропами! Но я не помню, какая тропа через какие земли ведёт...

— Но откуда тебе это знать? — задал вопрос Всесвятлир. — Ты сидел в заточении тысячи лет, неужто дороги не изменились за столь долгое время?

— Здесь никто не живёт, кто изменит путь тропы? — заржал в ответ конь бородастый. — Кто будет просто так протаптывать тропу там, где её нет и где он не ходит?

— Раз здесь не ходят, — продолжал неугомонный Всесвятлир, — кто тогда протаптывает тропы на старом месте? Отчего они не заросли?

— Должно быть, кому-то они нужны, — согласился конь. — Иго-го! Должно быть, Земнородные здесь ещё не повывелись: они, наверное, и расчищают тропы. Хотя не знаю. Надо бы спросить у кого-нибудь дорогу, да никого нету.

— По какой тропе тогда пойдём? — спросил Беленир.

— Выберем какую-нибудь, — сказал Брисинор.

Вдруг над головами путников каркнул кто-то. А буде уж кто-то каркнул над головою, то это точно не синица, а ворон или ворона. Путники взгляделись в небо, заволоченное мглистыми облаками, и увидели ворона толстого, иссиня-черного. Он летел к востоку, широко расправив по поднебесью свои угольные крылья. Но тут каркун закружил над витязями и удивлённым конём в стремительном, но плавном хороводе и опустил пониже. Он приземлился на тот камень дорожный, поросший мхом да травой и, расправив свои крили длинные, каркнул во всё горло.

— Ты почто каркаешь здесь, птица чёрная? — воскликнул Беленир. — Лети да каркай в другое место, итак настроения нет.

И тут неожиданно даже для коня, ворон не только каркнул, но ещё и добавил:

— За что бранишь воронов добрых? Ужели мы тебе, витязь, чем навредили, что ты гневаешься на нас?

Изумлённый Беленир вначале не мог и рта открыть, но затем вымолвил:

— Неужели и вороны говорят? Я такого не помню

— Ты не помнишь? — каркнул важно ворон и взмахнул крыльями, показывая тем самым свою важность. — Мало ли что ты не помнишь — другие зато помнят. Давненько, наверное, ты, витязь, не выбирался за пределы собственной деревни, ежели не знаешь даже, что ворон тебе не ворона глупая. Ворон и говорить может, ежели очень стар и мудр, как я вот.

— И что ты здесь делаешь, ворон? — вмешался в разговор Брисинор, подумав, что Беленир ничего толкового у ворона не спросит. — И каково твоё имя?

— Что я делаю здесь? — поразился каркун. — А я вот и делаю то, что сижу нынче на камне сером и глагольствую с вами. А зовут меня Ведан, так что обращайтесь ко мне по имени.

— Что ж, Ведан, так зачем же ты явился сюда? — вновь спросил Брисинор.

— Явился я сюда не просто так, но и не очень важно было моё появление, ибо прилетел я сюда, дабы сесть на камень сей серый, издавна мхом покрытый! — ответил гордо ворон, пощёлкивая своим клювом длинным.

— Да что ж, Ведан, ответь уже, зачем ты прилетел? — продолжал Брисинор.

— А затем и прилетел, чтобы потом улететь! — рёк ворон премудрый. — Это не ваши дела, но мои. Се! — пусть рече мне верховодец, кто вы сами такие и на что сюда явились, иначе не укажу я вам дорогу верную. А её я знаю, ибо издревле лежит этот край под моими крыльями чернопёрыми, с тех самых пор, как горы поднялись, а затем стали разрушаться, углубляясь в свои корни... Не томите меня, иначе край Дрогуин станет для вас землёй последнего приюта, ибо тогда я не приложу своё крыло к вашему делу, дабы помочь вам.

Тут Беленир, сменив Брисинора в беседе с вороном, поведал тому всё: цель похода, все приключения, случившиеся с ними в пути и имена своих спутников, а также своё имя. Ворон покаркал по-тихому в знак согласия, а затем, задрав кверху свою большую голову, каркнул уже во всё горло, заявляя тем самым, что он им верит. Пока же путники вели беседу, облака сгрудились в кучу огромную и, столпившись на заходе, уже грозились раздаться молнией.

— Что ж, внемлите мне, путешественники! — рёк ворон, с тревогою глядя вдаль, туда, где появились сизогрудые тучи с золочёными окоёмами, жаждающая скорее пролить дождь витязям на головы. — Пока мы говорили, гроза назрела, так что должно вам выбирать один из трёх путей.

— И чем они отличаются? — спросил Беленир.

— По первому пути поедешь — коня потеряешь, по второму поедешь — сам можешь погибнуть, по третьему — с голоду помрёшь.

— Но почему именно так? — спросил Всесвятлир.

— А потому вот! — держал ответ Ведан. — Первый путь идёт ближе к холодным тундрам Эровиата: он проведёт вас дорогою окольною, но безопасною, правда холодною. Кроме того, вам придётся снова пересечь реку. На этом пути обычно конидохнут, — Космач, услышав это, недовольно тряхнул гривой. — Второй ведёт срединной тропою, он идёт через обиталище зверя-оборотня ужасного, Волка Серого. Мне известно, что этс Гвиулис страшный, огромный донельзя; так что, коли вы с ними встретитесь, то, скорее всего, расстанетесь с жизнями.

— И кто этот Гвиулис? — воскликнули удалыцы. — Что за Серый Волк?

— Некогда, говорят, он был колдуном могучим, но как-то обернулся волчищем, да вот им и остался.

— А что третий путь? — спросил Беленир.

— Третий путь очень долог. Он труднее и дольше, чем первый и опаснее, чем второй, потому на нём обычно просто-напросто кончается еда. А там её нету. Еда, она не лежит на серых камнях да на почве, неприютной для трав!

Все замолчали.

— Какую стезю изберём, друзья? — начал совет Беленир, желая выслушать мнения всех.

— Коню умереть не должно! — возгласил Космач. — Без меня вам не убить Идогурна, змея поганого, значит, решайте, какой из других двух путей выбирать. А коли выберете первый, то я сброшу вас со спины. Но будет плохо, если вы расшибётесь о камни.

— Да, коня потерять мы не можем, — согласился Всесвятлир, — да и времени у нас нет, чтобы идти по долгой дороге, на которой к тому же можно и с голоду помереть.

— Надо идти по срединной дороге, по прямоезжей стезе! — заявил Брисинор.

— Что ж, я согласен! — молвил ему Беленир, а затем обратился к коню богатырскому:

— Но почему ты, добрый Космач, не сможешь вынести первую дорогу и не можешь быстро пробежать по третьей?

— А то и не могу, что очень уж велик путь! — ответил Космач. — Я, конечно, конь богатырский, но никак не конь быстрееший на свете — сила моя не в быстроте, хоть и быстр я очень, но в упорстве, величине и удали, а также в мудрости великой. И хотя я быстрее многих других коней, я не собираюсь загонять себя до смерти.

Путники, выслушав ответ коня и согласившись с ним, отправились пешком по срединной дороге. Космач пошёл рядом с ними, ибо устал, а ворон чернопёрый проводил их прозорливым взглядом. Даже тогда, когда они его уже не видели, когда камень серый, валун указательный, скрылся вдалеке, окутанный сумерками, премудрая птица всё ещё глядела им в спины. Вдруг меж тучами грозными сверкнула стрелою молния, на мгновение озарив всё вокруг яркой лазурью. Послышался раскат громовой. Полил дождь очень сильный, и путники едва могли видеть под ногами дорогу. Вода ведь пребывала, а дорога лежала меж холмов, так что её всю залило. Тогда Беленир решил, что надо взобраться на холм и рассестся пониже его плоской вершины, чтобы их головы трезвые были ниже, чем само взгорье.

— Иначе не избежать нам смерти от копий маланьи, — сказал он. — А если не вступим на холм, тогда вымочим ноги и Волк Серый, Гвиулис огромный застигнет нас врасплох!

Все согласились с решением витязя достойного и взобрались на холм, что располагался справа от тропы. Слева же от тропы начинали простираться яруги, укрытые травой, и с дороги в них потоками бешеными стекала дождевая вода. Но она не могла стечь в них вся, ибо дорога была ограждена от оврагов насыпью вышиною ровно в один локоть. Так что — делать нечего — путники приютились на холме и окольцевали его тонким обручем. Они держали оружие наготове, так как опасались Гвиулиса. Разговаривать они не хотели, потому что все промокли, а костёр развести не могли, да и поблизости, наверное, бродил Серый Волк и они не хотели привлекать его внимание.

— Небось этот волчище, прохвост огромный, шарит где-нибудь неподалёку и выжидает часа, чтобы напасть! — заметил Брисинор, первым начав разговор.

— Сомневаюсь, что даже столь огромные и чудовищные волки бродят в такой дождь, — рассмеялся Всесвятлир. — Он, наверно, спит сейчас в свое конуре и даже носа из неё не высовывает.

И вдруг вдалеке пронёсся оглушительный волчий вой, перебивший даже раскат грома. По этому вою можно было смело судить о том, кто издал его, посему витязи съёжились и

крепче сжали в руках своё оружие. Когда вой стих и стало слышно, как падают на землю сырую дождевые капли, Брисинор сказал:

— Мы можем не справиться с волком. Это его земля. Он чудовищен — один вой чего только стоит! — и вдруг вой раздался вновь, оглушив всех своей силою. На этот раз он был ещё громче и страшнее: видать, волк приблизился к путникам в поисках пищи.

— Что же ты предлагаешь? — промолвили Всесвятлир с Белениром в одно горло.

— Надо схорониться в яруге, — воскликнул восторженно Брисинор, мня себя спасителем всех витязей и даже коня, — надо лечь туда, где она уже заполнена водою. Волк туда точно не полезет и подумает, что это всего лишь озерцо! А в другом месте, может статься, отыщет он нас, ведь у таких волков острый нюх.

— Но как мы будем дышать? — спросил Всесвятлир.

— Соломинками! — придумал тотчас Беленир.

Всё было решено, и молодцы нарвали стебли трав, кое-как пригодных вместо соломинок. Они спустились вниз с холма и вышли на прежнюю дорогу. Перейдя бурлящий поток грязной воды, они оказались на самом краю оврага, огражденного от дороги невысокой насыпью. Вода всё время преодолевала её и текла вниз — в яр глубокий, потому все склоны этого яра были размыты. Беленир, а вслед за ним и все остальные перешагнули насыпь и тотчас, не успев опомниться, покатались вниз по мокрым склонам. Даже конь не устоял и, поскользнувшись, ухнул в яругу. На ноги все поднялись лишь тогда, когда уже оказались по пояс в озерце, что покоилось в том крутояре.

— Нырять? — подшутил Всесвятлир и, вставив прутик в рот, погрузился в воду. Вслед за ним погрузились и все остальные, включая коня, который мудрено каким образом смог засунуть прутик в рот, а потом ещё и залечь, словно какая-то рыба, на дно того болотца.

Лёжа в воде, которая была даже немного тёплой, и дыша через стебли, путники слышали, как вновь, в третий раз, взвыл неистово Серый Волк. На этот раз он подошёл ближе, чем в прошлый раз. И даже вода заколыхалась и задрожала в той луже, где они лежали. Все подивились этому и, скрепив сердца, залегли поглубже. Но вскоре витязи услышали топот огромных лап и дрожь, идущую по земле. Волк приблизился прямо к озерку и стал нюхать вокруг себя, засасывая воздух своим огромным носом. Но был дождь, и всякий запах тотчас улетал от зверя то вниз, то вверх, а иногда даже вправо и влево, потому он ничего не смог понять. Путники не видели волка из-под воды: водица была грязной, и они не смели не то что распахнуть сомкнутые вежды, но и открыть рта. Но и волк их не видел. Он и подумать не мог, что там мог быть кто-то.

Однако волк долго стоял близ озерца и тщательно внюхивался: улавливал каждый запах. Скоро он, наконец, учуял дух коня и наших витязей. Но учуял он его на холме, где они были прежде и потому тотчас понёсся на взгорье да так быстро, что вмиг оказался там. Увидев, что там никого нет, оборотень проклятый перепрыгнул с того холма сразу в яр и приземлился прямо около лужицы-болотца, где прятались путники. От такого прыжка даже земля сырая содрогнулась и вода заколебалась, а воины испугались так, что у них аж сердца вздёрнулись. Конь ретивый же от ярости чуть не шевельнул хвостом и не потряс гривой. Как никак он был боевой конь и уже хотел ринуться в битву. Но он успокоился и не выдал путников.

Тем временем дождь уже кончился, и последние капли крупенистые с тяжестью пали на взмокшую почву. Тучи разошлись и среди серых облаков появились прорехи, полные голубевшего неба. С востока подул слабый ветерок, и серая шерсть волка чудовищного

заколыхалась, что ковыль в степи. Оборотень тому очень обрадовался и присел подле того озера — лужи великой, решив испытать из неё воды, несмотря на то что она была грязной. Но стоило ему только пустить язык в воду, как он вдруг учуял непонятный привкус. «Грязь, наверно», — подумал Гвиулис. Но вскоре он уже различил привкус людей и коня богатырского, которые засели в луже. А лужа, она-то была глубокой, примерно пять локтей глубиной, посему там схоронился даже конь.

Вдруг Серый Волк зарычал яростно. Путники, услышав его страшный рык, поняли, что их ожидает либо смерть, либо снятая с оборотня добротная серая шкура. Тотчас прямо под водой Всесвятлир обнажил меч, а Беленир засапожник. Вдвоём они выскочили из лужи, чая сразить волчище, и нанесли ему несколько ударов. Вслед за ними выпрыгнул Брисинор и сразу же метнул в Гвиулиса свой топор, но волк оказался очень ловким и увернулся от него. Тогда из лужи выпрыгнул конь богатырский и стал разить зверя лесного своим копытом. И так сильно и быстро бил волка конь, что серый оцетинил холку высокую и стал отступать, кое-как отбиваясь ударами лап. Не помогло Гвиулису и то, что он был больше Космача и сильнее, ибо так стремительны и быстры были удары скакуна, что хищник только и успевал защищаться.

Но се! — зверь ударил коня лапою и вмиг повалил наземь. Тогда все трое включились в битву и стали отгонять волка назад. Да только случилась беда: Гвиулис схватил в пасть Брисинора, у которого не было топора, и выбил из его руки короткий меч. Он непременно разодрал бы его, а коли и не разодрал, то сомкнул бы на нём челюсти мёртвою хваткою. Беленир и Всесвятлир уже собирались идти другу на выручку, как вдруг откуда ни возьмись прилетела стрела калёная и впиалась волку в нижнюю челюсть, высвободив Брисинора. Витязь с громыханьем и стоном свалился вниз. Вслед за первой стрелой появилась и вторая. Она угодила Серому Волку прямо в переднюю лапу. Гвиулис обернулся и отошёл от витязей, боясь, что в него вопьётся и третья стрела. Все застыли: и путники, и волчище — никто не знал, с кем предстоит столкнуться. И даже конь не ведал, на чьей стороне этот лучник. Пока же волк не приближался к удалцам, а те к нему, никто не стрелял. Но когда через некоторое время Гвиулис чуть-чуть приблизился, в его шкуру, просвистев в воздухе, вошла третья стрела. Волк отчаянно взвыл, а путники подивились: «Кто бы это мог так умело и точно палить?»

Но вскоре зоркий Беленир увидел на горизонте чёрные очертания какого-то человека — кто это был, нельзя было понять, но шёл он с запада, минуя холмы и взгорья. А шагал он статно и уверенно, будто никого не боясь, потому даже оборотень его испугался. Но затем волк страшно взвыл и, оставив в покое путников, рванул прямо к стрелку. Одни только пятки засверкали.

Беленир и Всесвятлир подошли к Брисинору и осмотрели его раны. Раны были не серьёзными, потому Беленир сел на коня и, взяв у друга меч, поскакал за серохвостым, оставив с раненым витязем Всесвятлира. К слову, тот был этим крайне недоволен. И вот Беленир верхом на коне богатырском наперевес с крепким мечом помчался стрелку на помощь. Копыта доброго скакуна были быстрее волчьих лап, потому вскоре расстояние между Белениром и зверем уменьшилось. Ведь Космач был невероятно быстр: одним прыжком он перепрыгивал целые яруги и лощины и в два прыжка перескакивал с холма на холм — одни только вмятины на высях оставлял. Беленир уже почти нагнал Гвиулиса и в тот миг увидел, что лучник, помогавший им, был берегином. На вид он был молод, и его подбородок покрывала светлая борода. Волосы его спускались аж по самые плечи и были

растрёпаны и кустисты. Лук меткого стрелка был нацелен зверю мохнатому прямо в морду. И прежде, чем Беленир нагнал волчище, лучник выстрелил. Оборотень увернулся. Стрела угодила прямо в Беленира, в плечо могучее. Удалец пал с коня и стукнулся головой о камень. Всё в его мозгу помутилось, и его очи светлые облекла кромешная тьма. Между тем конь нагнал волка и, ударив того копытом по серой голове, повалил наземь.

Вскоре Беленир очнулся. Но когда он открыл глаза, то увидел, что небо уже темно, и на нём блещут огоньками высокие звёзды. Он сел и удивился, что почти невредим: видно, стрела не пробила его броню, пусть плечо и сильно болело. Подле Беленира уже потрескивал костерок, бросая в прохладный воздух искры, и пламень того костра хорошо грел продрогшие кости. Затем витязь заметил, что лежит без доспехов, в чистой рубахе из белейшего сукна да ещё и с узорным воротником, вышитым золотой нитью, и что на ногах у него штаны широкие, новые, которые были гораздо лучше, нежели его старые штаны. Вскоре Беленир также увидел, что находится на склоне холма, а подле костра спит Брисинор. Окликнуть кого-нибудь витязь побоялся, а разбудить раненого не посмел, ибо кто знает, с каким трудом он заснул. Когда очи Беленира привыкли к темноте, он увидел вдалеке, на одном из холмов, чёрные очертания двух людей, которые вели связанного зверя, затем он разглядел позади и коня богатырского. «Кто же тот лучник?» — подумал воин хоробрый и отвернулся к костру жаркому, желая подождать Всесвятлира, того стрелка и коня.

И вдруг откуда ни возьмись за пламенем сверкнули блеском золотым щели мудрых очей, а затем разнеслось зычно: «Кар!». После сидящий за огнём и вовсе повёл разговор:

— Здравствуй, Беленир! Я Ведан Провозвещающий или, как рекут меня иные, Ворон Мудрый Клюв. Видел я, как горы поднялись из земли, как затем камни пали с них ниц, а после явились из-под земли ужасные твари, змии поганые, крылатые. Видел я и как небеса вокруг земли закрубились и облекли её семью слоями, видел, как до того огонь царил повсюду — всё я видел, ибо я Ведан Провозвещающий.

— Но зачем ты явился вновь? — спросил Беленир, не понимая, зачем прилетел сюда каркун, которого они недавно встретили на дорожном камне.

— А для того-то вот я и явился, чтобы крылья свои чёрные у костра просушить, — каркнул важно ворон. — Неужели ты думал я буду летать с мокрыми крильями? Я тут летаю потому, что мне вздумалось тут полетать, а сел здесь потому, что захотелось мне сесть и мудрости это моей не перечит, а я делаю всё, что не перечит ей.

— Хватит мне лить в голову квасу недоговорок, — воскликнул Беленир. — Хватит мять один и тот же мякиш! Скажи уж правду, зачем ты сюда явился?

— Правда так сложна и долга, что твои уши отсохнут, — рёк ворон премудрый, — если ты захочешь услышать её всю. Ведь мне тогда придётся начать рассказ с самых древних времён, тогда я буду говорить до тех пор, пока костёр этот не погаснет, а этот холм не сравняется с землею, а горы не низвергнут все оставшиеся на них камни вниз, а на месте равнин прежних не вздымнутся кручи!

— Тогда скажи не всю правду, а лишь ответь, почему ты здесь! — сказал в нетерпении Беленир. — И не надо издеваться надо мною.

— Я и не издеваюсь, ежели б я издевался, то говорил бы с тобой до седых волос, но это перечит моей мудрости! — каркнул ещё более важно ворон и встряхнул крыльями чернопёрыми так, что на них заиграли отблески от жаркого огня. — Я здесь потому, что темень закрубилась над вашими головами. Собираются тучи, и тучи не грозвые, но тучи иные, которые готовы разразиться над вами смертью. Ибо Дед-Пасечник не одолел Кошевита, побудившего Идогурна напасть на твою родину.

— Неужели погиб славный медовар? — ужаснулся Беленир и замолчал.

— Нет, не погиб! — прокаркал надменно вран чернопёрый, вновь встряхивая своими крыльями, показывая тем самым, что он здесь главный рассказчик. — Разняли их, и бежал Коцевит. Подоспели берегины и прогнали поганого прочь и выручили Деда-Пасечника. Хотя, впрочем, неясно было, кто победит — али дед али же его супротивник, также неясно, как туман моих речей да как мгла моих словес. Посему я усомнился в силе Коцевита. Думаю, он теперь опасается пчельника седого.

— И что же, Коцевит бежал прочь и теперь не будет мешать нам? — спросил Беленир. — Не знаю почему, но я сомневаюсь, что он так просто оставит своё дело.

— А он его и не оставит! — молвила птица вещая. — Да и зачем это ему? Он продолжит своё дело и, быть может, доведёт его до конца, прежде чем вы доберётесь до Каукиса из Вутирна, а затем на родину, дабы убить Идогурна проклятого, огненного змея.

— Но каково его дело? — воскликнул витязь, ожидая услышать понятный ответ. — И как Идогурн связан с Коцевитом?

— Идогурн, змей смертоносный, связан с Коцевитом многочисленными нитями, пряжою коварной, — рек каркун. — Эту пряжу напярл зачинатель ков всяких и страшных дел — сам Коцевит. Знай, что это он разбудил Идогурна и приказал склонить твою отчизну перед своей волей — затем, когда змей наберётся больших сил после долгого сна, он направит его в Брегокрай. А пока идите, куда идёте, и остерегайтесь Коцевита, ибо он сделает многое, чтобы защитит от вас змея. Опасайтесь всяких козней. Наверняка, вам предстоит их испытать на себе. И знай, живёт здесь коварная ведьма, скорее всего Коцевит уже в сговоре с нею, потому опасайтесь: по ночам разводите костры. Да и за волком нужен глаз да глаз. А теперь прощай, друже, должен я уйти в даль необъятную! — и ворон, расправив свои крылья чёрные, вознёсся в воздух и вскоре скрылся во тьме, каркнув пару раз над головою Беленира.

Вскоре пришли, наконец, Всесвятлир, берегин и конь, притащив к костру Гвиулиса серого, связанного добротной берегиновой вервью. И Волк Серый был так надёжно скручен, что не мог даже пошевелить лапой. Лишь рычал он временами, хотя и обмотали ему пасть. Наверное, его лапы уже затекли и онемели, и он их вряд ли чувствовал. Беленир оглядел берегина еще раз. Лик его был величественен и грозен: очи были зелены и очень глубоки, а волосы длинные и растрепаны, но лежали грозно и красиво. Борода же его была пусть и не по колению, ибо такая у берегинов не вырастает, но покрывала щеки и подбородок. На нём были штаны, носил он также и рубаху узорную, поверх которой была надета серебристая кольчуга, звенящая, словно тысячи колокольчиков. На голове же у берегина был шлем злачёный с дивным наносником в виде змеи и рисунками белокрылых лебедей. В руках он держал короткий меч, откованный из железа крепкого и блестящий в свете костра, будто молния в чёрных облаках; в красивом туле у него лежал лук составной, а за спиною, в колчане, виднелись стрелы калёные. И рёк берегин:

— Здравствуй, Беленир! Извини, что угодил в тебя стрелою, не чаял я, что она попадёт в тебя. Уж больно хитёр-мудёр оказался волчище, изворотлив больно.

— И тебе привет, берегин! — отвечал Беленир, поняв по гордой осанке самого берегина и по его манере держать себя, что он происходит из высокородных мужей. — Но как твоё имя? Видно, моё имя тебе уже назвал Всесвятлир, а твоё мне не сказали. Я хочу знать, кто помог нам одолеть грозного зверя, волка лесного. В конце концов, поймать Серого Волка — самый настоящий подвиг.

— Зовут-кличат меня Волнозор и я служу Гелену верою и правдою и своим оружием! —

ответил берегин. — Меня послали по совету Фрерина вам в подспорье — недавно на мою заставу, что находится на юге Брегокрая около Синегривки, прилетела птица вестовая и принесла приказ выследить вас и примкнуть к вашей компании. Но не только ваш край я помогаю спасти, но уберегаю и свои земли — Фрерин полагает, что главная цель Идогурна — Брегокрай. Ибо ночная тень, сокрыв один край, погасит день и в другом месте.

— Так значит тебя прислали по совету медовода, ох и мудр этот дед! — воскликнул Беленир. — Что ж! Раз он так присоветовал, то мы примем тебя к себе, будь же тоже спасителем нашего славного края.

— Ох и не славен ваш край сейчас! — молвил Волнозор с печалью. — Междоусобицы раздирают его на части, а державец сидит сложа руки. Один князь Митрапирн сохранил прежнюю мудрость.

— Что-то мы такое слышали, да только без разницы нам на тех, кто правит, главное, чтоб правили хорошо, — сказал Беленир.

— Да в том дело и худо, что ваш государь не в силах удержать в руках тяжесть своей короны, — молвил Волнозор. — Для этого нужна великая мудрость и сильная воля, коих ему и недостаёт. Его власть слабеет, и ему уготована ужасная участь, коли усобицы продолжатся. Ты должен что-то сделать с этим!

— Ну уж нет! — заявил Беленир. — С меня и змея хватит. Мне и этот поход в тягость, а ты мне предлагаешь другой!

— Но если бы ты не пошёл в этот поход, то пошёл бы другой вместо тебя и, быть может, не справился бы, — молвил берегин.

— Ладно, мне нелегко сейчас думать такие туманные думы. В общем, отныне ты в нашем братстве и будь ему верен! — на это берегин отвесил поклон и в благодарность дал Белениру склянку чиста хрустала, исписанную узорами дивными, вьющимися самым удивительным образом. Склянка была очень красива и потому пришлась Белениру по душе.

— Это скляница с живой водою из древнего истока, в который опустилась с небес молния самой Маланьицы! — сказал с важностью Волнозор. — Выпей из нее и твои раны исцелятся быстрее в несколько раз, а из сердца исчезнут былые обиды и с души улетит прочь постылая печаль. Ведь эта водица чиста, что горный хрусталь, и прозрачна, как слеза единорога.

Тут же Беленир осушил скляницу и впрямь почувствовал себя лучше, и всякая тоска улетучилась у него из груди, перестав давить на него тучною ношею.

— А больше у тебя нету такой воды? — спросил витязь у Волнозора.

— Исток этой воды криничной тих и струиться по камням тонкой нитью, — ответил Волнозор. — В нём сложно наполнить скляницу. Никто и вовсе бы не знал о том роднике, ежели бы я не заметил, как с высоких небес из рук Маланьицы пало копьё серебристое — многоветвистая молния.

— Да, чудеса добывать сложно и увидеть их непросто, — согласился Беленир, потупив очи к земле.

— Ты ошибаешься, — молвил ему на то Волнозор — В мире много чудес и ты глупец, если думаешь, что всё видел и слышал. Вот завтра увидишь ещё одно чудо, когда твои раны позалечатся. Да и разве этот волчище не чудо? — и Волнозор легонько толкнул ногой Серого Волка, что лежал подле них, крепко-накрепко связанный.

— Не видел ты настоящее чудо, — усмехнулся Беленир, — Горб Мосальный, что победили мы в рыбацкой деревне. А теперь я посплю! — и на этих словах витязь сонный

отвернулся и задремал.

На дозоре встал Всесвятлир, а Волнозор, дав Брисинору живой воды, тоже лён отдохнуть.

Всю ночь Беленир чуял на себе чей-то коварный взгляд и оттого все время ворочался и вглядывался в темноту. Среди ночи ему и вовсе казалось, а может и нет, что невдалеке от привала страшным огнём светились два ярых ока. Но вот уж занялась заря: над грудью земли взошло солнце жаркое, бросив на небо красный румянец. Роса предрассветная и невысохшие капли дождя алмазными россыпями заблестали в траве-мураве, и холодные туманы струистыми волнами потянулись вокруг холма. К тому времени на дозоре стоял Беленир, чья очередь была последней, и дышал морозным воздухом. Он уже не беспокоился о том, что увидел ночью, ведь вместе с утром пришёл свет, а вместе с ним развеялись все ночные страхи. И развеялись зря. Но вот дневное светило зашло за тучи, не успев даже взойти в полную силу, и длинные тени от всех деревьев и даже от травы высокой исчезли, будто их и вовсе не бывало. Погода обещала быть пасмурной, по-осеннему мрачной.

Витязь разбудил своих спутников. Поднявшись, они подкинули веток в костёр и стали готовить еду. А едой той был заяц сероухий, которого поймал Волнозор в пору своего дозора, разглядев среди травы. И вскоре под умелой рукой берегина зверёк превратился в чудесное яство, приправленное травами и солью. Даже Серый Волк, что связанным лежал поодаль, стал принимать, учуяв вкусный завтрак. Когда же заяц был приготовлен, путники расселись вокруг костра и стали есть, разрезая мясо ножами и говоря меж собой. А начался их разговор с вопроса, который задал Брисинор:

— Рана моя немного залечилась, и я чувствую себя лучше, друзья мои, но что же нам делать с тем, кто нанёс мне это ранение?

— С Гвиулисом? — усмехнулся Всесвятлир. — Порешим его здесь, шкуру снимем на шубы, не будет больше беспокоить путников проезжих.

— Нет! — воскликнул Волнозор, взглянув на серого зверя. — Он создание древнее: таких мало осталось. Нельзя брать на себя такое преступление, как убийство. Быть может, этот оборотень один такой остался. В конце концов, он может дать нам клятву.

— Он же волк, он зверь, пусть и был когда-то человеком! — рассмеялись Беленир и Всесвятлир, но Брисинор молчал, догадываясь, что Серый Волк не так прост, как о нём все думают.

— Говорят, всякий оборотень может говорить, — рёк Волнозор, — просто его надо понять. А этот волк, ходит молва, способен сказывать прямо как человек. Ваш конь тоже, вон, глагольствует: волшебные звери ещё не перевелись на свете, значит и оборотни говорить не разучились. Быть может, повести с волком речь премудрую, растолковать ему в чём дело?

Тут Всесвятлир освободил волку пасть и все обратились к зверю, а он устремил на них свой взор, опасаясь, что они затеяли что-то недоброе:

— Ну что, умеешь ты говорить, зверь лесной, али нет? — Гвиулис молчал, а потом взвыл, чая обмануть витязей.

— Что ж! — сказал Всесвятлир. — Раз он не умеет говорить и клятвы нам не даёт, так давайте снимем с него шкуру! — все одобрительно покачали головой, несмотря на порицания Волнозора, который настаивал на том, чтобы отпустить зверя.

— Не надо убивать меня, сгложусь я ещё вам! — провыл испуганно волк хриплым и осипшим голосом, силясь порвать верёвки.

— Говорит, он говорит! — воскликнул Беленир. Вмиг все окружили Гвиулиса, а Беленир спросил:

— Зачем же ты пытаешься убежать? Верёвки зачем хочешь порвать? Ведь, как ты сказал, ты нам сгодишься!

— Обманщик! — завопил Всесвятлир, намереваясь получить с оборотня добрую шубу.

— Нет, давайте вначале выслушаем, чем он нам сгодится! — посоветовал Волнозор. — Быть может, нам и впрямь нужна его помощь.

Все послушались мудрого совета, и даже Всесвятлир вскоре утих и дал вставить слово Гвиулису. И заговорил зверь серохвостый, и голос его был груб и страшен:

— Живу здесь не я один: поблизости можно встретить Егу — колдунью коварную, ужасную видом и мыслью! — все ахнули и удивлённо посмотрели на волка. — Да, да, ведьма эта проклятая обитает совсем близко и, наверняка, появится, ежели я опутан вервями. Меня одного она только и побаивается, а все остальные ей не страшны. Коли вы не развяжете меня, вам грозит гибель! Ночью она уже наблюдала за вами.

— Вот чего удумал! — рассмеялся Всесвятлир. — Чтобы мы его развязали! Может ему ещё и зайца поймать, а потом в рот положить?

— Пусть говорит: этой ночью я видел, как два глаза светились во тьме, а до этого, пока вас не было, прилетал Ведан — ворон с дорожного камня и тоже сказал что-то про ведьму, — промолвил Беленир, и все вновь наострили уши и принялись внимать волку, и даже конь, который не раз видывал говорящих зверей и сам таковым и являлся, подивился речам Гвиулиса.

— Могу я поклясться, что не буду против вас пакостить! — рёк зверь, Беленир кивнул головой в знак согласия, и оборотень вымолвил золотое слово клятвы:

— Клянусь я Солнцем и Луною да своею головою, хвостом серым и шерстью доброй, что не учиню никакого зла, направленного против вас, пусть даже не будет у меня иного выхода спасти собственную шкуру.

— А теперь скажи против кого, вас?! — заржал конь, заметивший лукавство в словах Гвиулиса. — А то, быть может, ты имеешь в виду только двуногих.

— Противу вас всех! — взвыл тоскливо волк. — Неужто не понятно?

— А ты поклянись опять и именно против кого ты делать ничего не будешь, конь прав, больно уж ты хитёр! — воскликнул Всесвятлир. — А то по моему хотенью снимем с тебя шкуру, чтоб не рывкал.

— Хорошо, согласен! — обречённо взвизгнул Гвиулис, помахивая серым хвостом, который выпутался из верёвок. — Клянусь я Солнцем да Луною и своею головою, что не буду творить всякое зло против вас: коня богатырского, благородных витязей да берегина мудрого, иначе вылезет с меня вся шерсть и ни единого волоса на мне не останется, а хвост, тот вообще отвалится да скрутится, словно невесть что.

— Вот теперь другое дело, — заявил Беленир. — Вот клятва, так клятва! И без всяких недоговорок, и для слуха красива, а самое главное: она сдержит тебя от всяких глупостей.

Витязи доверились волку и разрезали узы, что связывали его, и Гвиулис оказался на воле. Он вздохнул полной грудью и тотчас оглушительно взвыл, немало испугав доброго коня. Да так взвыл, что Космач аж подскочил, а стоявшие поблизости Всесвятлир и Брисинор вздрогнули.

— Что ж, теперь я должен идти с вами, а то Ега подколотная вылезет откуда-нибудь и вам будет несдобровать! — прорычал волк, размяв лапы после долгого лежания. — Берёте ли

вы меня с собой? Но знайте, я зверь дикий, потому могу и наворотить чего-нибудь, и злости во мне много, и лишь клятва будет её сдерживать. Но удержать меня от того, чего в клятве не оговорено вы не сможете, так что думайте. Это очень доброе предложение с моей стороны, ибо без меня вас истерзает подколотая Ега, а она очень зла и коварна. Она умеет навести колдовство, от которого будут бессильны мечи и не защитят щиты и броня!

— Не знаю, как можно ему доверять! — первым вскрикнул Всесвятлир, ткнув в оборотня пальцем. — На одни его глаза разбойничьи посмотрите. Посмотрите на них — в них только злоба и ярость!

— У нас нет лучшего выбора, кроме как взять его с собой, иначе не миновать страшной напасти. Без него нас подкараулит старая ведьма и заманит в свои тенета! — заключил Беленир, не дав всем высказаться, ибо времени было не особо много.

— А знаешь ли ты, где живёт Каукис? — спросил волка Брисинор.

— Знаваю такого, — ответил волк. — Не очень-то и далеко его жилище, могу проводить вас немного.

Путники кивнули оборотню головами и отправились в дорогу, взвалив поклажу на плечи, а большую её часть на коня, чем тот остался недоволен.

— Лишь моё благородство мешает мне отказаться от этого недостойного груза, — возговорил громко Космач. — Я богатырский конь, а не осёл для носки тюков!

Когда же все спустились с холма, оказалось, что прежде огромные лужи обмелели: вода впиталась в почву. И оттого земля так набухла и взмокла, что ноги проваливались в неё, словно в топь болотную. Чтобы не тратить силы на поднятие и спуск, путники пошли меж холмов. Из-за этого вскоре их ноги промокли, мяся земляную жижицу. Пусть это никого и не обрадовало, но небо светлое над головою давало духу сил, и потому Беленир вместе со своими спутниками не жаловался на горькую судьбу.

Дороги совсем не было видно: её разбирал Гвиулис, шедший впереди и ведший за собой всех. То и дело он внюхивался и всматривался в холмы да овраги, небрежно размётанные вокруг, и с осторожностью выбирал верный путь. Беленир угрюмо следовал за волком и следил за тем, ту ли дорогу он выбирает, и смотрел, не хитрит ли серый. Скоро местность стала постепенно повышаться и чем выше она становилась, тем глубже делались овраги. Некоторые яры были вовсе завалены камнями-валунами, поросшими пожухлыми травами. Через несколько дней пути даже эти яруги каменистые совсем исчезли, а вместо них появились неглубокие лоцины меж холмиков, выраставших из земли приземистыми коленами. На таких взгорьях всюду лежали валуны, какие большие, все обросшие мхом, словно волосами или бородою, какие мелкие, усыпавшие верхи холмов. Так что дорога улучшилась и стала походить на брусчатку. Но все ночи тёмные Беленир чувствовал, что за ним и его друзьями следят. Волнозор зоркоокий один раз видел кого-то невдалеке, на холме, и Всесвятлир после этого всё время боялся спать, думая, что его прикончат во сне, но всё равно не мог побороть себя и дремал.

Одним туманным днём путники, как обычно, брели по нагим камням. И вдруг туман клоками белесыми развеялся по морозному воздуху и сквозь прорехи в мгlistом одеянии заголубели грозные черты гор. Все остановились.

— Вот они, великие Смарагдовые Горы! — воскликнул Беленир, обводя рукою видневшиеся горные кряжи, разбросанные невдалеке, и высокие скалистые горбы, чьи вершины были усыпаны блестящим на солнце, словно роса, снегом. — Наконец-то они показали нам во всей своей красе и во всём величии...

— Нет! — прервал Беленира Волнозор, дивившийся вершинами, что врезались своими верхушками сиявшими, как сталь копий, в небо, где-то укутанное облаками, а где-то синее-синее что сапфир. — Это ещё не вся красота Смарагдовых Гор. Увидеть их отсюда — не значит познать их величие. Вот когда вы побываете там, если представится случай, тогда-то вот и поймёте, какова их природа и как чисты озёра под нависшими скалистыми склонами.

— Но вряд ли такая возможность нам представится! — вмешался Всесвятлир. — Потому что мы должны думать о Каукисе из Вутирна и как быстрее до него добраться, а не о красе горных вершин! Если бы мы так останавливались над каждым красивым местом, то добрались бы до Каукиса, когда поседали бы наши бороды.

— Ты прав! — подтвердил Волнозор. — Мы задержались.

Все вновь продолжили путь-дорогу. На резвых ногах захлюпали промокшие сапоги. Чтобы отвлечься от невзгод, добры витязи думали о славных пирах, а не о здешних холмах, на которых невзрачной на вид пеленой расстилался зыбкий туман. С каждым шагом нарастало недоверие к Гвиулису, ибо тот шёл молча и даже не гавкал. «Небось заодно с Егой, — думали путники. — Хочет привести нас к ней в лапы». Когда сгустилась темнота, и стало не видно ни зги, Беленир решил остановиться и разбить лагерь на плоской вершине одного холма, неподалёку от небольшого елового леса. Там стояли неизвестного происхождения камни-истуканы, образующие круг, словно застывшие в хороводе. Как пояснил конь, их возвели волоты древние — Земнородные сыны. В этом кругу каменном путники и расположились на ночь. «Надо разжечь костёр, пока не нагрянули какие-нибудь дикие звери!» — сказал Беленир, и все с ним согласились. Вскоре уже развели из припасённых веток огонь меж двух кусков расколотого надвое валуна, упавшего посреди холма, и он полосой яркой взметнулся над серыми камнями. На тех камнях заколыхались отблески дикие, а по земле суетливо забегали длинные тени воинов, коня и волка. Сами путники, рассевшись вокруг огня да глядя на трепещущие язычки, с треском лизавшие сухие ветки, уже рассказывали разные байки и сушили обувь. А конь разумный, опасаясь коварной Еги, с опаской всматривался во тьму, которую не мог осветить костёр.

И вдруг просвистело что-то в воздухе, да так, что Беленир подскочил, а иные и вовсе припали к сырой земле. Этот свист был оглушителен и ужасен, он колебал сердца и дёргал души, потому путники испугались не на шутку и тотчас надели обувь. Вслед за тем Беленир поднял своих друзей и, оглядевшись, крикнул вдаль гордой речью, намереваясь отбить у неведомого врага охоту нападать:

— Кто таков там свистит, пугает честных людей, будто карга древняя каркает? А то смотри, сейчас брюхо вспорем тебе своими мечами!

— Ты уверен, что мы осилим? — спросил шепотом Всесвятлир, боясь, что неприятель узнает о сомнениях среди них.

— Нет! — ответил ему на то Беленир с ощутимой дрожью в голосе, ибо до слуха его донёсся непонятный шёпот, будто лес злоумышлял против них. — Но, если придётся, надо биться до конца, ибо сдаться на смерть глупо.

И вдруг с холма ближнего сошла какая-то тень, перебежав от чёрных косм кудлатой ели к блещущим от огня кустарникам. Так она, сокрытая тьмою, оказалась у самого подножия холма, где стояли Беленир и его друзья. Удальцы тотчас разглядели старуху высокую, чьи непонятного цвета глаза с гневом сияли подобно двум уголькам, горящим в печи, и чьи длинные чёрные с проседью волосы, выпачканные невесть в чём, развевались на легком ветерке. Брисинор даже заметил, что в волосах этих висела словно в оцепенении летучая

мышь, пригревшаяся в спутанных космах. Неимоверно большой нос явившейся бабки спускался чуть ли не к губам и заканчивался острым концом, прямо как у вороны. Одета же старуха была в дрянные одежонки да изъеденную молью безрукавку из зайца, накинутую поверх засаленного платья. Пахло от неё болотом словно она носила в одежде гнилушки, найденные в топях. Полы платья бабки были опалены и потому нынче чуть-чуть коротки для неё, кроме того, один лапоть у нее был длиннее другого. Сама она была ростом выше всех витязей в полтора раза, но на спине у неё был горб. Не сразу путники заметили ее приспешников: один за другим из лесу вышли вслед за старухой ужасные кривобокие карлики с морщинистыми лицами. У кого-то из них на лице была явная печать вырождения, все они были столь уродливы, что один их вид мог лишить человека дара речи. Кроме того, шли карлики, переваливаясь с ноги на ногу нелепыми неуклюжими шагами.

— Ега! — взвыл Гвиулис.

— Повелительница леса, — раздался хриплый и грубый голос Еги, и раздался он громко и гордо, но с натугой, будто старуха привыкла всегда кричать и теперь не удержалась от этого; карлики же молча внимали словам хозяйки и сверкали из мрака подслеповатыми глазами. — Государыня еловых зарослей Темнобора, хозяйка мухоморов и паучих и подруга медведиц.

— Явилась, старая карга со своим сбродом! — прорычал Серый Волк уже с большей уверенностью, увидав, как сверкает обнаженное оружие воинов, и услышав, что лук Волнозора уже поскрипывает за его спиной.

— А ты, волчонок, думал я не явлюсь? — прошипела старуха. — А я — опа! — и явилась, на беду появилась. Ха-ха!

Тут Гвиулис взвыл, не зная, что ответить, а Беленир с робостью в голосе от вида той бабки задал вопрос:

— Что тебе надо, старуха? — более ничего не смог он произнести, ибо тотчас последовал ответ:

— То мне и надо, птенец, что забрать вас всех! Понятно тебе, глуздырь? Ясно ли? Ха-ха! Ясно ли? — тут лицо Еги словно окаменело, а глаза заволокло пеленой белёсой как молоко, и губы ее зашевелились, говоря непонятные слова.

— Что? — возмутился тут же Всесвятлир, раскрыв рот. — Вот этого пройдоху-волчище забирай, — добавил он уже с испугом, увидав рожу старухи, — а нас не трогай, а тронешь — биться будем! — оборотню эти речи совсем не понравились, и он покосился на Всесвятлира.

— От тебя прок, как медведю от бобровой хатки! — крикнул на него Всесвятлир. — То есть — никакого! Ты гавкал, что способен ей противостоять, а сам поджал свой серый хвост и заскулил от страха.

— Тихо, глупцы! — прервал Беленир. Воцарилось молчание, и лишь затем заговорила Ега, распахнув гнилозубый рот:

— Вы висите на волоске от гибели и притом ещё и спорите и обзываете друг друга. И обзываетесь подходящими именами! — и старая ведьма рассмеялась густым протяжным смехом, что пронизал всех до костей. — Людишки, ха-ха, как вы мелочны, даже перед смертью, оскорбляете не то что себя, ещё и зверюшек.

— Ега! — возгласил тогда Брисинор до поры молчавший, ждавший, когда вставить своё слово. — Не думай, что все люди одинаковы, да и эти не столь уж горды, как может показаться с первого взгляда. Мы не желаем тебе зла, если ты не желаешь его нам.

— А если желаешь, то мы изрежем тебя на мелкие кусочки! — вставил Всесвятлир,

Беленир же, пытавшийся его остановить, не успел заткнуть ему рот.

Услыхав такие речи дерзкие, Ега вобрала в себя воздух и дунула с такой силою, что костёр задрожал, а затем и вовсе затух, оставив после себя струиться в воздухе тонкую полоску дыма. Путников аж отнесло назад от такого дуновения студёного: у Беленира даже руки чуть не закаменели, а Всесвятлиру повеяло в лицо таким холодом, что он с трудом открыл глаза. Брисинор же откатился в сторону, а Волнозор чуть не свалился с холма. Воцарилась тьма. Не успели витязи понять, в чём дело, как на них с неистовым гортанным криком набросились три карлика с какими-то кривыми кинжалами в руках. Одного тотчас пнул ногой Всесвятлир, и едва карла поднялся на ноги, витязь разрубил его напополам от головы до пояса. И тут сквозь хлынувший фонтан крови на Всесвятлира прыгнул другой карлик, занеся свой кривой кинжал в руке. «Скотина!» — крикнул в порыве гнева и испуга воин и отсек карле руку. Рука вместе с кинжалом упала на землю, а карлик с безобразной мордой вцепился в витязя, чая перегрызть тому горло своими гнилыми зубищами. Начал он лязгать челюстью, брыжжа слюной; с трудом уже сдерживал его Всесвятлир, как вдруг сзади уродца схватил Гвиулис. Карла истошно взвыл и тотчас был поглощён Серым Волком. Третий карлик куда-то исчез: всего их было трое. Витязи тем временем нащупали друг друга в непроглядной темноте и, опомнившись, глянули туда, где стояла прежде старуха: там её и в помине не было. «Куда она делась?» — удивился Беленир, дрожа от холода и ветра, учинённого ведьмой. «Неужто ушла?» — задались все вопросом, и даже конь зашевелил ушами. «Сгинула во тьме, чтобы вернуться!» — недоверчиво зашептали Брисинор и Волнозор.

И вдруг откуда ни возьмись возникла старуха: словно выпрыгнула из-под земли! А появилась прямо перед Белениром. И глаза у неё были, что огонь подземный, сама вся в ярости, с всколоченными волосами. Из рук у неё торчал посох высоченный, выше неё, упиравшийся будто бы в небо чёрное, безвёздное, а пальцы на её руках костлявых были бледны как у мертвеца и на них росли грязные одеревенелые ногти. Беленир аж вскрикнул от страха, когда увидел ведьму подлую и её горящие злобные очи прямо перед собой. И тут же он махнул ножом, чая убить старуху проклятую, но только та была не так-то проста: отскочила старая и давай своим посохом длинным во все стороны размахивать. Не успел Беленир ещё и разобраться во всём, как Всесвятлир и Брисинор сзади схватили его под руки и оттащили назад на несколько шагов, потому посох Еги ни разу не попал по витязю. И тут же на ведьму коварную налетел в прыжке Серый Волк, желая её то ли раздавить, то ли растерзать. Но поскольку ведьма полуседая была очень даже ловка, то оборотень приземлился не на неё, но на голые камни, ушибив себе лапы. Тут-то старуха древняя, растолкав витязей, и набросилась на него со всей яростью и злобою и побила своим длиннющим посохом. Затем Ега и вовсе набормотала что-то себе в нос и пыхнула невесть откуда жарким огнём. Вмиг лица путников осветило красным заревом, а в глазах у всех заблестали алые искры. И огонь тот, что наколдовала ведьма, поджарил волку его хвост, да так, что вся шерсть на нём обуглилась, а конец хвоста и вовсе оголился. С трудом затушил себя зверь, едва совсем не сгорел. Когда же все путники увидели, что Гвиулис уже не может противостоять Еге, то кинулись на неё, выставив вперед своё оружие острое.

Но Беленир вместе с конём остались стоять на месте, ибо прикрывали Волнозора, который стрелял по ведьме из лука. Между тем старуха схватила какую-то склянку и, раздавив её своими длинными жилистыми пальцами, бросила её себе под ноги. Оттуда повалил дым смрадный и укутал Егу в серое облако. Всесвятлир и Брисинор, не успевшие

даже поднять на старуху меча или топора, без чувств повалились на землю стылую, на каменистую россыпь. А Ега, скрывшись в дыму и полумраке от некоторых стрел Волнозора, а от каких вёртко уклонившись, схватила под одну руку одного воина, а под другую — другого, и показавшись Белениру, крикнула:

— Намечается сегодня хороший ужин! — и злобная старуха вместе с Всесвятлиром и Брисинором исчезла в облаке вонючего дыма. Беленир с горечью внял сим словам и безнадёжно повесил голову. Ведь он не мог бежать вдогонку, ибо дым бы усыпил и его. Волнозор же ещё долго всматривался вслед коварной ведьме, силясь её разглядеть сквозь марево едкое и ночную темень. Но он не увидел её: старуха проклятая сгнула за холмом, что неммым богатырём вздымался из земли уже долгие века.

— Не стоит отчаиваться, не надо вешать голову! — провыл немного тоскливо волк. — Оплошал я нынче, но в следующий раз справлюсь я с ведьмой.

— Куда ж тебе с ней совладать, когда ты только что опозорился в бою? — спросил Волнозор. — Готов поспорить, что даже если мы поможем тебе, ты все равно не победишь её. А тех двоих она съест непременно.

— Те двое — мои друзья и добрые воины! — вставил Беленир, оторвав свой взгляд от земли. — И я не позволю ей так просто с ними расправиться.

— Этот поход будет бесславным и подлым, коли мы бросим их там, а сами уйдём, воспользовавшись тем временем, пока их жрёт бабка древняя, Ега жилистая! — заржал конь, решив произнести и своё слово, дабы вспомнили все о его мудрости и велеречии да прислушались к его верному совету.

Тогда Беленир, смекнув, свистнул волку:

— Беги сюда и подставляй мне свою спину вместо седла: погонимся мы за Егою! — Гвиулис неохотно подошёл к витязю и дал взобратся тому на себя. Когда Беленир устроился поудобнее, Волк Серый, разнюхивая следы ведьмы, поплёлся вперёд по холмам крутым да по каменистым кручам, а вслед за ним поскакал на коне богатырском Волнозор. Из-за облаков, наконец, проглянула луна, осветив им дорогу. Путь лежал на запад, так что витязи, миновав небольшой лесок, заметно отклонились от дороги в дом Каукиса. Несколько часов они неслись под луною, взбираясь на взгорья и спускаясь, и, перейдя ручей, вошли в ельник.

— Это земля Еги — лес Темнобор! — рёк Гвиулис. — Далее её владенья, они начинаются за Чёрным Ручьём!

Колючие ветви хвойных деревьев тотчас вцепились витязям в головы, словно пытаясь помешать, а мухоморы покраснели внизу, точно маня к себе. Навстречу путникам, из глубины старого леса, выполз туман. И вдруг послышался громкий крик и хруст. А потом кто-то мерзко завизжал и тотчас перестал. Беленир и Волнозор глянули вниз: это Космач придавил случайно карлика уродливого, третьего слугу Еги, сломав тому копытом позвоночник и шею. Наверно, карлик стерёг здесь витязей и должен был незаметно их пырнуть ножом. Но, как видно, он заснул на дозоре, и конь его раздавил. И теперь подлец лежал бездыханным под каким-то кустом.

— Вот и третий готов! — сказал Беленир, а Волнозор лишь усмехнулся. — Пойдём дальше, нет времени смотреть на уродца.

Пройдя немного по тому ельнику, путники остановились: невдалеке, среди густых еловых зарослей, в сущей темноте, забрезжил огонь. Первым его заметил Волнозор, ибо имел острое зрение и был внимательнее Беленира:

— Огонь, — молвил он шепотом, нагибаясь под сырими ветвями. — Это либо горит

лучина, либо топится очаг.

Тогда двое витязей тотчас слезли один с волка дикого, чему тот был очень доволен, другой с коня доброго, да пошли впригину в сторону огня, стараясь не шуметь. Вскоре они, пройдя неглубокую сырую лощину, оказались на её краю и оттуда увидели в нескольких сажнях ветхую хижину, избёнку малую, укрытую в ночной мрак, а поодаль от неё покосившуюся сараюшку. Изба эта была огорожена невысоким белым тыном, и лишь потом путники заметили, что он был сложен из обглоданных человеческих костей и черепов. Стояла избушка на четырёх дубовых подпорках, словно бы на ножках. В одну-единственную дверь вела лестница, а сама дверь была обита человеческими костями, и вместо ручки у неё была прогнившая человечесья ладонь. Покосившиеся стены избы были сложены из толстых и добротных дубовых брёвен, поросших мхом да лишайником, а по четырём сторонам глядели небольшие и узкие окошки. На каждом окошке слабо горела лучина, освещая маленький дворик и, видно, приманивая путников. Одно из окон было открыто, и оттуда всюду валил чёрный и смолистый дым: дом топился по-чёрному, так как в крыше не было трубы. А кровля этой избушки была сделана невесть из чего: то ли из соломы, то ли из мха, и вся была тёмная и страшная, а кое-где на ней выросла берёза белая, спустив свои прекрасные кудри вниз — единственное украшение уродливого и кособокого дома, такого же старого и мерзкого, как и сама Ега.

— Вот она изба Еги! — промолвил Волнозор, стараясь не показать свой страх. — Избушка на курьих ножках, что раз в три года, три месяца и три дня вертится кругом по старому присловью да по древнему сказанью. А погляди-ка на забор, — уже едва скрывая ужас продолжил берегин и утёр со лба пот. — Он из костей построен! И все обглоданные! Небось и наших братьев берегинов немало пошло на такой тын. Вон и черепа даже. О-о-х. Свою бы голову уберечь, а то мне рановато ещё помирать.

— Свои головы уберезём, — ответил Беленир твёрдо. — Главное освободить моих друзей и ведьмину голову на кол насадить! И не таких побеждали. Я морское чудище убил, не то что какую-то людоедицу.

Пока же Беленир и Волнозор лежали на краю лощины, из окон избушки стали доноситься крики злобного и грубого голоса, по всей видимости, голоса Еги и крики о помощи двух витязей. Ега то напевала в нос какие-то старинные песни, то говорила стихами, которых никто и никогда кроме разве её жертв не слышал. Но вскоре она смолкла и стала расхаживать по скрипучему полу, мерзко посвистывая при этом. И вдруг она выскочила из избёнки и опроретью кинулась к сараю, что приютился поодаль от дома.

— Иди освободи наших спутников, а я постою на дозоре и, если надо, задержу ведьму вместе с Серым Волком и Космачом! — сказал Волнозор. — Зрение у меня острое, в ночи я и мух разгляжу. Чуть что, подай знак или крикни, тогда я приду к тебе на помощь.

У Беленира не было времени пререкаться с берегином, потому он пошёл один. Ползком он добрался с края лощины до тына и остановился. Черепа глядели на него пустыми глазницами, и ему казалось, что это навь смотрит ему в душу и хочет затащить в самое пекло. Но он успокоился и, несмотря на мерзкий скрип костей, перелез через тот ужасный тын. Добравшись до лестницы и взобравшись по ней, Беленир приотворил дверь. Не будь у него достаточно мужества, он и дверь бы эту не открыл, так как её ручка была из сгнившей человеческой кисти. К тому же по обе стороны от входа сидели как безмолвные стражи тщательно высушенные вороны с ужасными глазами. Между тем Беленир как можно тише протиснулся внутрь. В избе, среди горницы, стоял крытый скатертью дубовый стол;

напротив него, на другом конце комнаты грозно кипел медный котёл, а слева от него скрученные крепко-накрепко с заткнутыми ртами лежали, беспомощно мыча и барахтаясь, Всесвятлир и Брисинор. Беленир тут же сообразил и достал свой нож, чтобы развязать друзьям руки, но тут же он услышал за дверью злобное кряхтение Еги и от страха и опаски выронил клинок из дрожащих рук. Не зная, что делать, витязь спрятался под столом, залезши под скатерть. Ножки стола были затянуты толстым многолетним полотном паутины, да и лавки затянуты седой сетью. На сундуке же в самом углу комнаты сидел старый чёрный как сажа кот, слепой на один глаз, и лениво посматривал на ползающих из угла в угол крыс, не желая их ловить, ведь кормила его хозяйка сытно. И вот в избу зашла Ега и, закрыв дверь, стала принюхиваться. Вволю нанюхавшись да пошмыгав своим горбатым носом, она сказала хрипло:

— Чую я, кто-то наведалься ко мне, пахнет духом человеческим, знакомым запашком тянет! — но, услышав кипение воды, она побежала снимать котёл с огня. Сняв его, ведьма молвила ещё более грубым и отвратительным голосом: — Кого первым мне разделать и изжарить на этой сковородке? — и она показала пленникам огромную грязную сковородку, ни разу не чищенную и не скобленную, и поставила котёл на стол, под которым прятался Беленир. — Одного я сварю, а другого пожарю, так что давайте думайте, кто полезет на сковороду, а кто в котелок.

Беленир аж содрогнулся от страха, когда услышал такие слова. Но он совладал с собой. И тогда, когда он хотел уже выскочить из-под стола, в дверь вдруг ворвался Волнозор, прихрамывая на левую ногу. Берегин подвернул её, когда выбирался с края ложины, пытаясь остановить Егу. Его лук был натянут. Но берегин не успел спустить стрелу, а Беленир вырваться из-под стола на помощь. Ведь старуха-ведьма не растерялась и бросила в Волнозора той самой сковородой, попав тому прямо в лицо, и берегин тотчас рухнул без сознания. Ега закрыла дверь.

— Вот и ещё один готов! Его я буду свежевать первым! — Беленир с трудом сдержал свой страх и не закричал, ведь Ега могла всех разделать на мясо, ибо была очень сильна: сильнее всякого воина. «Где же Гвиулис и конь богатырский? Не съел ли подлец Серый Волк моего коня?», — думал витязь, сидя под столом. Он хотел убежать из избы и позвать их на помощь, но тут вспомнил, что дверь в дом была уже закрыта. Связав бесчувственного Волнозора по рукам и ногам, проклятая ведьма отволокла его к остальным путникам — Всесвятлиру и Брисинору, которые перепуганные до смерти лежали близ очага, боясь даже пошевелиться. Лишь затем Ега заметила лук тетивчатый, что выпал из рук берегина и, подобрав его, сломала об колено да бросила в огонь.

Сделав это подлое дело, Ега села за стол и решила отдохнуть. Да не тут-то было, Беленир собрался с духом и, упершись хорошенько в пол ногами сильными, опрокинул стол прямо на злобную ведьму. Ега, застонав, полетела вместе со стулом прямо в пламя, и её длинные волосы тотчас загорелись. Пока коварная ведьма, крича и причитая, тщила вылезти из огня, на неё рухнул котёл с водою горячеей, который она поставила на стол, и её ошпарило. Раздался дикий надрывный вопль, и даже печь содрогнулась. Беленир же, пока людоедица ворочалась в огне, извиваясь от боли и силясь выбраться, отворил на всю дверь и свистнул, чтобы Гвиулис спешил на помощь. Тут же Серый Волк ворвался в маленькую избушку и, громко взвывая, ухватил только-только выбравшуюся старуху за шиворот, а затем заключил её голову себе в пасть, остановив острые исполинские клыки на шее.

— Хорош! — закаркала озлобленно Ега, кряхтя и отдуваясь в пасти у волка. — Ха-ха-ха!

Не ожидала, что ты меня одолеешь. Ишь, сдюжил! Ха-ха-ха! — Гвиулис ничего не смог ответить, а только надменно ухмыльнулся.

Беленир, тем временем, развязал Всесвятлира, Брисинора и Волнозора, и те с негодованием поднялись на ноги и своими же путами крепко-накрепко связали Егу, пока её голова находилась в волчьей пасти. Когда же Ега была связана, Гвиулис с неохотой высвободил голову старой колдуньи. Всесвятлир и Брисинор вскоре нашли своё оружие, а Всесвятлир даже начал потешаться над связанной ведьмой, называя её очень подходящими кличками.

— Легко смеяться, пока змей далече! — рассмеялся Беленир. — А то, смотри, ещё перегрызёт верёвки, и тогда первой её жертвой будешь ты.

Глава 11. Совет дедов

Путники решили привязать Егу к дереву — воронам на поклеванье и отправиться в путь, оставив подлую одну посреди еловых зарослей. Как решили, так и сделали. С трудом привязали они злобную ведьму к высокой ели и пустились в дорогу, не желая ни на миг задерживаться в тёмном и подозрительном лесу, полном таких же тёмных и подозрительных обитателей. Беленир сел в седло, а все остальные поплелись вслед за ним, ибо конь не желал носить на своей спине сразу нескольких и тратить силы. Гвиулис же, объяснив путникам как выйти из леса, молвил:

— На этом я с вами прощусь, пора мне уходить, пока я не съел вашего коня, — и Серый Волк, вильнув трижды своим хвостом, скрылся в густых зарослях кустарника под низко нависшими ветвями елей. Никто даже не успел попрощаться с Гвиулисом: все только открыли рты, когда того и след простыл.

Но стезя продолжалась, Беленир с усердием вёл всех за собой, иногда спрашивая дорогу у Волнозора, который запомнил её получше. Наутро витязи вышли из того бора елового и вернулись на верный путь к Каукису. Всего через полторы недели, перейдя несколько широких бурливых ручьёв, стекавших с гор, они оказались у самого подножия Смарагдовых Гор, у самого крайнего их отрога. И близ того отрога вздымалась вверх терраса отвесная, одним боком примыкавшая к скале, а другим обрывающаяся в гибельную пропасть. Как сказал конь богатырский, это и была дорога к дому Каукиса, который жил на вышине ста сорока саженьей. Путники, хорошо отдохнув, ступили на опасную террасу и скоро поднялись по ней так высоко, что внизу остались лишь мрачные очертания предгорий да съезжившихся древес, сухими сучьями торчавших из бедной почвы. Под вечер терраса повернула влево, скрывшись за скалою и путники, выйдя из-за поворота, увидели терем добрый, что возвышался там, сливаясь с серыми камнями. Дом был сложен из брёвен сосновых, которые нынче посерели и закоптились от дыма. В нём было три этажа и неведомо было, какой умелец смог построить его на такой высоте.

Беленир, ведя под уздцы коня богатырского, приблизился к твёрдодубовой двери. Она сидела на крепких железных петлях и над ней возвышался добрый и прочный деревянный свод. Беленир постучал в дверь и окликнул хозяина:

— Выходи, кузнец добрый, накорми уставших путников, напои их богатырского коня и дай молвить слово золотое!

За дверью слышались глухие шаги, некто снял засов, и петли тревожно скрипнули. Витязи замерли в ожидании. Все представляли, что сейчас явится перед ними старичок ветхий, с два локотка, как вдруг, распахнув дверь нараспашку, явил себя Дед-Пасечник. Беленир даже вздрогнул от неожиданности: дед стоит и улыбается, оголяет свои зубы белые, поглаживает бороду длинную, седовласую. Но и это был не конец удивления, ибо из-за спины Деда Пасечника показался, посмеиваясь себе в бороду белую да притопывая ногами по полу, Всевед.

— Кого там принесло? — раздался приглушённый голос откуда-то из терема, слышался торопливый бег и на пороге вместе с Дедом Пасечником и Всеведом оказался Мал-стар Дедок, буйный лесной старчище.

— Здравствуйте вовеки веков, древние деды! — воскликнул от удивления Беленир, поприветствовав тем самым сыновей Земли и Солнца. — Как же вы все оказались здесь, как

покинули свои родные места?

— И тебе привет, Беленир, давненько не виделась! — рассмеялся Дед-Пасечник. — Надо бы нам вначале отпить моего славного мёду вместе с Каукисом, а там уж и расскажу тебе всю историю да отвечу на все вопросы.

Тогда Беленир, оставив коня снаружи, вместе со всеми витязями прошёл внутрь. Хоромы Каукиса оказались довольно обширными. Весь первый этаж занимала горница, посреди которой располагался большой круглый стол из сосны. Вокруг того стола, словно замерев в хороводе, стояли дубовые стулья с высокими спинками. В стенах же горницы виднелись камни длинные. Они служили подпорками второму этажу и, по всей видимости, справлялись с этим уже не одну сотню лет. В горницу из двух окон на лицевой стороне проникал солнечный свет и отражался тремя начищенными зеркалами, расставленными вдоль стен, в тёмные углы.

Все в ожидании Каукиса сели за стол. Дед-Пасечник сразу невесть откуда достал бутылку своего добротного мёду и разлил его в деревянные стаканы. Своим же родичам — Всеведу и Мал-стар Дедку он налил из другого бутылка. В том бутылке был самый крепкий, дюжий мёд, с которого простые люди валились с ног, а от запаху могли захмелеть. Но на Земнородных он действовал благотворно, придавая им трезвость рассудка и весёлость.

— Так как же вы ушли со своих насиженных мест? — вновь спросил Беленир. — Обычно Земнородные сыны не покидают своего отечества.

— Как закончилось наше противостояние с Кощевитом, — начал Дед-Пасечник, опрокинув тяжкий стакан крепкого мёда, — я решил, что пришла пора вам помочь. Лишь вместе можно противостоять ужасу, что готов расползтись по земле. И тогда я принял решение собрать сынов Земли, дабы сорвать замыслы Кощевита. И мне повезло, ибо никто не ожидал такого, а Кощевит ослабел и растерял союзников, кроме одного только Идогурна и асилков. Они — его последняя надежда подчинить Заповедье и Брегокрай. Причем Идогурн — главная ударная сила. Змей проклятый — самый сильный из слуг его, да ещё и облачён в непробиваемый панцирь. Если мы помешаем змею, то Кощевиту придётся плести козни заново, а тем временем мы расквитаемся с ним, во всяком случае, прогоним прочь с этого края.

— Но как ты опередил нас? — спросил Брисинор. — И что с Кощевитом стало?

— Вместе с подоспевшими берегинами мы окружили Кощевита: завидев это, враг коварный применил тёмное колдовство и призвал мышей летучих. Они заслонили его, напали на берегинов, но благодаря моим пчёлам боевым с мышами мы разобрались, но Кощевит к тому времени уже скрылся с поля боя. Тогда-то я попросил послать вам на помощь своего давнего друга Волнозора, а сам вместе со своей секирой грозной, — и дед показал на острую секиру, что стояла в углу, — отправился в землю людей, на вашу родину. В Заповедном Крае, кстати, дела стали до того плохи, что, как говорят, коровы от ужаса перестали давать молоко или вовсе доятся молоком чернее золы! А курицы, говорили мне селяне, несут никуда не годные растрескавшиеся яйца. Но вскоре я набрёл на Лес Стоячий и нашёл там Всеведа.

— Как же ты его отыскал? — задал вопрос Всесвятлир.

— А отыскал я его по скорлупкам орехов, которые он после себя оставлял. Побеседовали мы с ним, вспомнили времена давние, многими забытые, и я уговорил его присоединиться ко мне. Не обошлось, конечно же, без моего мёда добротного и обойтись никак не могло. Когда же взошло красно солнце, мы двинулись в путь и дошли скорым

шагом до пределов Дикого Леса, где обитал Мал-стар Дедок. Без Всеведа идти к нему я не хотел — мало ли не признал бы ещё! Как сказали нам селяне, буйства дедка лешего прекратились и вскоре мы отыскивали в глуши таёжной его хибару.

— Не хибару, а избу! — с важностью заметил Мал-стар Дедок, поглаживая свою бороду встрёпанную и проводя рукою по кудлатым усам. — Да и не отыскиали вы её!

— Хорошо, — согласился Дед-Пасечник. — Мы не отыскиали его хибару, вернее, избу, а сыскали самого Мал-стар Дедка. Он сидел посреди чащи да ковырял при луне лапоть! Он-то и привёл нас к своей избе.

— Это не вы меня сыскали, хочу заметить! — добавил Мал-стар Дедок. — Я сам вам показался, зная, что вы пожаловали ко мне в гости.

— Так откуда ж ты узнал, что мы пришли в Дикий Лес? — удивился Всевед. — Неужто тебе белки нашептали?

— У меня в лесу есть свои глаза и уши, о которых вы не знаете, друзья мои, — рассмеялся хитро Мал-стар Дедок. — Да и почему сразу белки, там ведь и тетерева водятся и даже глухари!

— Чувствую я своей бородой, что неспроста обмолвился ты о тетеревах, — догадливо заметил Всевед. — Видел я одного в твоём лесу — он нас тебе и сдал. Меня не проведёшь...

— Тихо! — прервал всех возмущенно Дед-Пасечник, тем не менее с веселостью в глазах. — Я ещё не договорил свою речь, как вы начинаете свою! Так вот, найдя Мал-стар Дедка, вернее, когда Мал-стар Дедок нас нашёл, мы, попив вволю моего мёда и медовухи янтарной, отправились в путь. Мал-стар Дедок всю дорогу напевал какие-то то ли птичьи, то ли звериные напевы, а Всевед раздумывал о природе вод текучих и солнечных лучей. Я же, само собой разумеется...

— Говорил о мёде! — угрюмо подшутил подоспевший вдруг Каукис — низкий, приземистый, похожий на карлу, кузнец с длинной закопченной бородою, лысой головой и бесноватыми глазами. — Иного просто быть не могло, чтобы пчёлник не побеседовал в свободное время о мёде.

— Как раз-таки и не так! — заметил Дед-Пасечник. — Не о мёде я беседовал да и не беседовал я вовсе. Я размышлял о делах важных, думал я, где бы встретить витязей. И хорошо, что в своё времечко я о них позаботился, послав им на выручку Волнозора, — все устремили на него взоры. — Волнозор присылал мне письма как мог, и я почти сразу узнал, что вы идёте к Каукису старому, доброму кузнецу, что живёт в Вутирне. Тогда-то я вместе со своими родичами-дедами и отправился сюда дожидаться вашего прихода. Очень волновали меня письма Волнозора о Еге подлой, она та ещё прохвостка, небось сильно вам помешала и как-нибудь да напроказила. А о Гвиулисе я не беспокоился — он пусть снаружи сер, но зато внутри у него доброе сердце.

— А как вы пересылали письма? — спросил Беленир, глядя на Волнозора, который был не очень-то и разговорчив и вряд ли бы ответил ему на этот вопрос. — Неужели ты, Волнозор, стрелял так далеко, что твои стрелы острые долетали аж до Заповедного Края?

За Волнозора тут же ответил Дед-Пасечник, встрепенувшись от интересного для него вопроса:

— Прежде чем решить, как держать с моим другом старым связь, я долго думал. Но мои решения были никчёмны. Я бы, наверное, и по сию пору ломал бы себе буйну голову, ежели бы не Ведан.

— А он-то как замешан? — со смехом спросил Всесвятлир. — Неужто ворон ваша

домашняя птица? Неужто он доставлял по вашему велению письма?

— Нет, конечно! — засмеялся Дед-Пасечник, и вместе с ним Всевед и Мал-стар Дедок а Каукис лишь ухмыльнулся. — Ты очень мало знаешь о Ведане. Он стар и имеет немалую власть над птицами, особенно над воронами, галками и грачами, а чуть ли не каждый ворон — его подданный. Его было сложно уговорить, и Волнозор, прежде чем встретить вас, наткнулся на распутье трёх дорог на Ведана. Тот сидел на камне указательном и чистил перья. Берегин долго его упрашивал, — Волнозор кивнул головою. — В конце концов, Ведан согласился и дал мне во власть своих птиц чернокрылых. Благодаря ним мои очи прозрели, а уши слышали, и я не только смог держать связь с Волнозором и узнавать о вас, но и понял, что Коцевит не оставил свои козни и уговорил Егу помочь ему. Старая ведьма согласилась убить вас всего-навсего за новый котелок!

— Хах! — деревянным голосом усмехнулся Каукис. — А за новую поварёшку она бы с вас шкуры заживо спустила!

— Но, — возразил Брисинор Деду-Пасечнику, — зачем ты всё скрывал от нас, пчеловод, и зачем ты, Волнозор, держал всё втайне?

— Хм, хм, хм, — пробормотал тихо дед, покручивая свой ус седовласый. — Чем меньше ушей слышит, тем меньше языков молвит. Я вам доверяю, но ненароком вы могли бы проговориться кому-нибудь. А ведь за вами всё это время следили вражьи соглядатаи: это Ега явила себя, а другие остались в тени...

— Достаточно уже разговоров об этом, — прервал пасечника Всевед. — Надобно решать будущее, ибо змеев вой уже раздаётся по людским землям и даже бляения тучных стад, несущихся от него прочь не могут его заглушить. Пастухи с тревогой смотрят на юг, ожидая нового нападения. Ведь Идогурн уже прошёлся по южным княжествам Заповедного Края и оставил после себя пустоши, залитые кровью, на коих нет ни скота, ни людей, а лишь только кровь гнилая, которая уже не впитывается даже в чернозём! И где же конь богатырский? Ведь я советовал вам добыть его и вы, насколько я знаю, добыли его. Где же он?

— Здесь конь, — ответил Беленир, не желавший более слушать ужасы, которые рассказывал Всевед. — На улице он стоит.

Все деды были возмущены, что коня не привели сюда сразу, а оставили за дверью, будто он какое-то там безмозглое животное. Беленир поспешно отворотил дверь и завёл скакуна доброго прямо в храмину. Тот благодушно встряхнул своим пышным хвостом и радостно стукнул копытом.

— Ну, здравствуй, Космач! — поприветствовал коня Дед-Пасечник, а Мал-стар Дедок, тот и вовсе отвесил ему поклон, коснувшись лбом самого пола.

— Давненько мы тебя не видывали! — промолвил Каукис, отирая пот со лба и хлопая удивлёнными глазами цвета бледной зелени. — И не ожидали вовсе увидеть.

И тогда конь богатырский важно заржал, и его борода седоволосая затрепетала на сквозняке, что дул в приоткрытую дверь:

— Привет вам, многомудрые деды, сыновья Земнородные, Солнышком ясным порождённые. Я тоже не думал встретить старых знакомых. И тому я рад.

Пока все деды восторженно улыбались, пчеловод вышел из их числа и с вниманием оглядел Космача. «Хорош! — протянул он, дотронувшись до своей бороды. — Ничуть не состарился с тех самых пор... Воистину богатырский конь!».

— Теперь же самое время поведать витязям да и Космачу об Алкуне, — молвил

Всевед. — Все мы хотим побольше поговорить с Космачем о былых деяниях, но время не ждёт. Каукис, расскажи им об истории брони Идогурна!

Каукис шмыгнул носом и, поудобнее усевшись на стуле, задрав одну ногу на другую, неспешно начал:

— Рассказать я постараюсь попроще да покороче, ведь время не ждёт, так что слушайте. Давным-давно был у меня ученик, тоже Земнородный сын, именем Алкун. Обучил я его своему мастерству и с ним делали мы чудесные вещи. И однажды небеса послали нам металл. Пал он звездой на землю, и для нас это был великий дар, ибо по крепости и всем прочим качествам этот металл превосходил сталь! Он не ржавел, был прочен, а мечи из него получались лучше, чем из самого качественного булата. Но о том прознал Кошевит. Он подстерёг Алкуна в пустошах и уговорил украсть у меня все изделия из этого металла небесного и тот необработанный кусок, что ещё оставался. Пока меня не было в кузнице, мой подлый ученик похитил всё это и утащил в своё жилище, от меня сокрытое. Там он, очевидно, решил оставить всё себе и не отдавать Кошевиту чудесные вещи. Поняв это, Кошевит отправил своих соглядатаев искать Алкуна и, когда те отыскали его, Кошевит вместе со своими воинами явился к нему в жилище. Но Алкун был не так прост и каким-то образом скрылся от них — наверно, через запасной ход. Вместе с собой прихватил он необработанный кусок небесного металла, всё остальное же осталось в его доме.

— Вот глупец! — вставил с усмешкой Всесвятлир, а Мал-стар Дедок хихикнул.

— Алкун поспешил ко мне, сюда, — продолжал Каукис, — ибо надеялся на помощь и защиту. Поблизости от этих мест Кошевит с воинами его выследил и преградил ему дорогу. Алкун сразился с Кошевитом, но хозяин Чёрного Крома вооружился мечом из небесного металла, что отыскал в жилище Алкуна, и потому вместе со своими гридями одолел моего глупого ученика. Наверно, с легкостью. Все изделия мои Кошевит переплавил на броню для Идогурна. Создал он поистине чудовищное творение — закрыл он змею все уязвимые места и сделал почти неуязвимым. И лишь оружие из небесного металла может пробить эту броню. Витагор тоже обладал мечом из звезды, но его меч уже заполучил Каменноголовый Волот и с ним ушёл далеко на восток. Потому должны мы отковать новое оружие, которое пробьёт броню Идогурна да и его кожу — мало ли как она затвердела за века!

— Но из чего? — спросил Беленир, нахмурившись.

— А теперь самое главное! — улыбнулся Каукис. — Тот необработанный кусок металла, что Алкун унёс из своего дома, так и не достался Кошевиту.

— Перед тем как уснуть, — рёк Дед-Пасечник, — Космач сказал Берёзе, что когда пасся на лугах, видел, куда Алкун схоронил необработанный кусок металла! Он велел передать всё Каукису. Но он так и не успел договорить и уснул...

— Да, так и было, — заржал конь. — Я видел, куда Алкун спрятал этот металл.

— Куда же он его дел? — воскликнул с нетерпением Каукис. — Скажи же нам!

Тут Мал-стар Дедок нахмурился и встал. Затем он подошёл к окну и с подозрением поглядел в него, а после и вовсе закрыл ставни. Всевед и Дед-Пасечник сделали тоже самое с другими окнами.

— Алкун выбросил тот кусок в колодец, что недалеко отсюда! — ответил Космач. Стоит к северу от подъёма к твоему жилищу!

— К ночи все вместе мы отправимся за ним, — тотчас решительно выпалил Всевед. — А теперь расскажи-ка, Космач, про Идогурна получше.

— Как я говорил этим витязям доброславным, — и конь копытом указал на Беленира и

его друзей, — Идогурн очень ленив.

Тут послышалось перешептывание среди дедов, и заговорил Мал-стар Дедок:

— Что же это значит? Ха! Неужели он вылёживается на выжженных пустошах больше, чем палит другие земли? Али же коварный змей любит понежиться в своей любимой пещере да поглазеть на восход или закат подле обглоданной косточки съеденной бурёнки?

— Считай, что так, — отвечивал тут же конь, тряхнув гривой. — Идогурн наверняка так тяжёл и ленив, что передвигается медленно, отягощает его и броня из небесного металла. К тому же сколько коров да овец уже пропало в его ненасытном брюхе за последние дни. В этом и есть его сила — в крепкой броне, в этом и есть его слабость — в лени и тяжести. Чтобы одолеть этого змея поганого надо использовать его силу против него, а слабость превратить в бессилие. Откуй же, славный Каукис из Вутирна, этим витязям лучшее оружие из металла, который мы отыщем, и они победят его, потопят в красной кровушке. Не заботься о том, какие хитрости нужны для победы над змеем, просто сделай лучшее оружие, чтобы пробило оно броню змееву или хотя бы места, прежде бывшие уязвимыми и для обычного клинка!

— Хорошо! — молвил низким голосом кузнец, сложив руки. — Сделаю я вам такое оружие, но это будет непростое дело и мне понадобится время. Да и металл надобно ещё отыскать. Кроме того, древнее кузнечное искусство требует внимательности и наблюдательности. Пока я буду занят, витязи пусть отдохнут и наберутся сил перед грядущим поединком, перед боем со змеем. Усталых воинов он одолеет даже с моим оружием. Но прежде, чем вы пойдёте отдыхать, а мы уйдём за металлом, скажите, какое оружие изготовить? Быть может меч искромечущий? Или копьё, подобное по мощи столетнему дубу?

— Нет, дубину добрую, окованную небесным металлом! — воскликнул внезапно Мал-стар Дедок.

— А может быть сделать булаву, такую, чтоб своим весом промяла змея и придавила его? — добавил Дед-Пасечник.

— Или же лук меткий, такой, чтобы натянуть его им втроём с натугою да выстрелить в Идогурна так, чтобы стрела вошла в голову, а вышла бы из хвоста! — предложил довольно странную мысль Всевед.

— Погодите! — сказал тогда Беленир. — Если я и мои друзья будем биться со змеищем, то мы не сможем поднять ни дубину огромную, ни железную булаву, не говоря уже о натяжении исполинского лука. Мы ведь не асилки!

— Но на что же мы тогда нужны, кроме как не помогать вам? — промолвил Мал-стар Дедок и улыбнулся.

— Тогда мы зачем нужны — мешаться у вас под ногами? — сказал на то Беленир.

— Мы вообще-то должны расправиться с асилками и вряд ли успеем помочь витязям, — добавил Всевед. — Так что они должны сами выбрать оружие.

— Мы собрались не для того, чтобы спорить, — молвил Дед-Пасечник. — И ты, Всевед прав и ты, Беленир, тоже. И вам, добрые молодцы, для боя нужна сила — всё остальное: честь, отвага и любовь к своей земле у вас уже есть. Силу, конечно, сложно получить. Но не тогда, когда ты знаешь великогомучего Деда-Пасечника. Сейчас я приготовлю вам четверым добрый мёд, и он даст вам силу, нальёт ваши жилы мощью, и руки от него отвердеют. Но не следует им злоупотреблять, иначе они и вовсе окаменеют, и не сможете даже мизинца поднять!

— А сила придёт навсегда? — спросил Всесвятлир, поглаживая недлинную бороду.

— К счастью, нет! — воскликнул Дед-Пасечник. — Я бы никому не доверил такую силу навсегда. Ведь, когда ты доверяешь её хорошему человеку, то, может статься, через много лет он изменится. А меняются люди быстрее, чем мы. И чаще всего не в лучшую сторону.

Всесвятлир на то ничего не сказал, поняв, что если сила придёт не навсегда, то это действительно к лучшему.

— Каукис, неси котёл чугунный! — крикнул вдруг Дед-Пасечник громко и зычно. — Не медный, а чугунный, а то прогорит. Мал-стар Дедок, сходи за редькой и морковью да принеси побольше, не скупись и не ешь её, а то не хватит. Всевед принеси тех трав, о которых я тебе говорил, да не бойся их трогать, пальцы от них не каменеют.

Тут все деды разбежались по храмине, кто куда. Да так быстро, что Беленир даже не успел приметить, какой дед в какой двери скрылся или за каким углом промелькнул. К тому же Земнородные сыны ещё и переговаривались друг с другом, и из разных светлиц доносились их громкие голоса. Но витязи ничего не поняли, ибо говорили деды на непонятном языке. Вскоре послышались гром и скрежет, оказалось, это старый Каукис вытащил чугунный котёл и поволок его в горницу; вслед за ним появился Всевед, неся в руках серый мешочек с травами, а завершили это шествие Мал-стар Дедок с редькой да морковкой и сам пчельник вместе с бочонком мёда янтарного, напиток сахарного.

Когда все деды собрались наконец в горнице, глядя на то, как Дед-Пасечник открывает бочку мёда, Всевед молвил:

— Хм. Видно пришла та пора, какую я уже давно жду, — Дед-Пасечник тем временем откупорил мёд и влил его в котёл, поставил котёл на огонь и начал приготавливать свой напиток.

— Думается мне, — продолжал Всевед, — что самое время пустить под облака песню, устремить заговор в выси неба! — и тут премудрый старец, громко запел, чётко расставляя ударения:

Пришла пора слово молвить,
Словушко золотое произнести зычно,
О мудрости нажитой речь,
Да пустить её по разуменью
В высь поднебесную и на твердь земную,
Соколом отправить в небо лазоревое,
Орлом послать под облако ходячее,
Карпом бросить на дно озера,
Сельдью в океан-море безбрежное,
Сёмгою в реки прозрачные закинуть.
Разлетится моё слово вещее
По просторам мира обширным
И возвестит свету белому
Великую мудрость дедов земнородных.
Знайте же люди внемлющие,
Что всего три опоры,
Три столпа, сделанных мудрыми,
Есть у дедов земнородных:
Мудрость, мера и мужество,

Немногие витязи, богатыри великогомогучие,
Давным-давно их переняли с охотой,
На опоры сами опёрлись,
Взгромоздились надёжно на ценности дедов.
Также четыре вещи помогут вам.
То случай, внезапность, готовность
И сила, в венах текущая.
Не брага, пьянящая разум,
Не пиво, вспененное хмелем,
Не вино зелёное на пирах,
Но сила великая жил,
Рукам могучим силу дающая,
Ногам резвым мощь приносящая.
Так пусть же вольётся
Вам в руки сила великая
Вместе с мёдом животворно-пьянящим!

Тем временем Дед-Пасечник уже вовсю готовил свой напиток хвалёный, мёд тягучий янтарного цвета, вливающий в жилы мощь и силу. Котёл уже кипел, отдуваясь сладким на запах паром, а пар этот вязкими комьями клубился вокруг собравшихся, овеивая их цепью длинных, широких колец непонятного цвета. В конце концов, славный медовар размешал свой мёд кипучий поварёшкой и глотнул немного на пробу. Скорчившись и поведив языком во рту, старец благотворно изрёк, словно бы мяукнув:

— Хорош! — и улыбка дугою протянулась у него на лице.

— Дай попробовать! — воскликнул с нетерпением Мал-стар Дедок.

— Ты итак Земнородный сын, тебе ни к чему эта сила! — отрезал ему резко Дед-Пасечник. — Будет время, и я пришлю тебе этого мёду прямо в Дикий Лес, а сейчас его должны испить наши соратники, чтобы биться с Идогурном. Ах! Забыл! — и тут пчельник достал из кармана ещё один ингредиент — прополис пчелы-златогорки и бросил его в кипящий котёл. — Теперь точно готово! — заявил старец.

Котёл сняли с огня и, когда варево немного остыло, седовласый старец повернулся к Белениру, который стоял в растерянности, потупивши взор. Видать, витязь был очень удивлён мёдом, дающим силу.

— Пей! — велел ему властелин пчёл, и Беленир без слов опустил поварёшку в котёл и испил чудесного напитка. Особо ничего он не почувствовал, за исключением того, что мёд тот оказался невероятно крепок, а на вкус был то ли сладкий, то ли горький — не пойми какой.

— Больше! — возгласили с пылом деда за исключением Всеведа, но витязь, разведя руками и скорчившись от крепости мёда, сказал:

— Я выпью столько, сколько положено и не ложкой больше. Всевед пел, что всегда надо помнить о мере, мудрости и мужестве! Так что не говорите пить мне больше али же меньше, — на эти слова сам мудрец Всевед улыбнулся и рёк:

— Всегда помни об этом, ты усвоил урок и никогда его не забывай, даже Дед-Пасечник может привести тебя к плохому, если ты будешь его беспрекословно слушать. На всё надо иметь своё мнение, пусть оно во многих случаях и будет совпадать с мнениями других. Да, сладок и вкусен кубок мёда мудрости, ежели выпьешь его до дна. Ты скоро поймёшь, о чём я

толкую.

Вслед за этим все витязи добрые да и сам Беленир зачерпнули чудесного мёда и выпили ровно по крепкой кружке и не больше, иначе вверглись бы в пьянство. А Всевед вновь изронил с важностью:

— Даже в дни празднеств и для получения мощи нельзя пивать мёда, браги или волшебных напитков без всякой меры. Ведь мудрый удерживает свои ноги от неверных путей, дабы не отемнить своё сердце.

Хотели или нет, мёд допили деды и ни капли не оставили. Они решили, что добру пропадать нельзя, так что и к ним в руки перетекло немало силы, а в голову хмеля. Опьянение было побочным действием этого напитка. Более в этот вечер ничего важного не случилось. Однако, это не значит, что ночь была также скучна! Как раз-таки много интересного произошло тогда, когда за окнами косящатыми незаметно сгустилась темнота, а зажжённые свечи уже с трудом отгоняли подступавший мрак. Завидев эту тьму ночную, удалыцы встрепенулись:

— Так какое оружие лучше избрать? — спросил Всесвятлир у друзей.

— Я думаю, копьё! — ответил Брисинор. — Его можно будет прямо на скаку всадить в змееву грудь.

— Нет! — рёк Беленир. — Лучше меч. Древко копья может сломаться или сгореть, так что лучше отковать меч наилучший и его всадить змею в сердце.

Каукис покачал головой, и витязи ушли в спальни на третьем этаже. Всесвятлир, Брисинор и Волнозор вскоре отошли ко сну.

Но сами деды, не смущаясь ночи глубокой и темени за оконцами, вместе с конём ушли за пропавшим металлом. Через несколько часов они уже вернулись и слышно было, как с натугой несёт кто-то нечто тяжелое. После этого Земнородные ещё долго сидели на втором этаже, где была кузня, и вспоминали былые годы, когда они были точно такими же дедами, но вокруг них крутились иные события. То были годы их молодости, проведённые в седине.

Беленир же не мог заснуть. Ведь чудодейственный мёд прогнал прочь сон и, воодушевив дух, словно бы зажёг в груди неведомый огонь. Стоило Белениру вздохнуть, как внутри поднималось такое жаркое пламя, что сердце готово было вырваться наружу, проломив рёбра. От того ему иногда даже хотелось то ли стонать, то ли кричать, но он сдерживал себя. Когда же ему стало совсем нестерпимо лежать на кровати, в жажде что-то сделать, он встал.

Одевшись, витязь стал спускаться на второй этаж, и с каждой новой ступенькой он всё отчётливее слышал хохот Деда Пасечника и немного гнусавый голос Всеведа. Тут он спустился и вошёл в кузницу Каукиса, где собрались нынче все Земнородные сыновья. Она была очень просторной: в углу стоял пышущий горн, неподалёку от него железная наковальня, и она блистала золотом от яркого света. Больше ничего, кроме длинного нетёсанного стола, на котором лежали молотки и клещи, и мехов для поддувания огня в кузнице не было. Все деды сидели в полумраке на четырёх стульях, принесённых с горницы, и мирно беседовали друг с другом. Но Беленир, почувствовав нужду что-либо вставить в мудрые речь, прервал их:

— Добрые деды! — воскликнул благодатно он. — Долго ли будете вы только лишь говорить, а не дело делать?

— Эх, Беленир! — рече ему на то Дед-Пасечник. — Видно не очень хорошо подействовал на тебя мой славный медок. Но, раз уж пришёл, так садись и молви, что должно нам сделать по твоему разумению.

Беленир сел на свободный стул и изрёк, подбочась:

— Пора бы вам уже отковать оружие — меч великий, не терпится моей руке приноровиться к нему и пройти им по вражьей голове — постоять за свою землю... Больно затянулись мои скитания.

— Да, ежели оружие боевое так и просится в руку, значит родная земля зовёт тебя на помощь, изнывая от огня и дыма! — изронил Всевед. — Откуём же тогда меч добротный, чтобы витязь добрый умиротворился, наконец, и защитил свою землю, а она умерила свой зов. Быть может, ещё рано, но приступим.

— Никогда не рано приступить к столь важной работе! — вставил Каукис, глядя в окно. — Как раз ночь — моё излюбленное время: звёзды светят мне и их мерцания пробуждают во мне неведомую страсть и усердие.

И тут Беленира вместе с Дедом Пасечником и Мал-стар Дедком просто-напросто выпихнули из кузни, в которой остался только Каукис и Всевед. Как ни хотел молодой витязь посмотреть на труды старого кузнеца, и каким бы ни было его рвение, его не пустили, ибо Каукис предпочитал работать один или с помощником в редких случаях.

— Этот кузнец куёт судьбу, друг мой: не стоит ему мешать! — молвил Всевед, закрывая дверь перед носом Беленира. К тому времени наш добрый молодец оправился от мёда чудесного и пошёл спать, запомнив эти слова.

В кузне тем временем вовсю кипела работа. Уже плавил чудесный самородок, рождённый небесным сводом в звёздных далях, и превращали его в прекрасный меч. Работали меха, и яркие искры носились по кузнице. Вот застучал молот, и в терему Каукиса звонко запела сталь. Старый кузнец уже придавал будущему мечу вид. И раз за разом его рука могучая, держащая молот кузнечный, опускалась на горячий клинок. Вверх взмывали огненные искры. Коваль глянул в окно: бледный месяц светил с вышины, и звёзды хороводили в небесах. Каукис стиснул зубы и продолжил работу: сталь заговорила ещё звонче, а молот стал подниматься ещё выше.

Глава 12. Тихое озеро

Наутро, когда лёгкая дымка поднялась от земли, а в горах за клубились густые туманы, Беленир проснулся и тут же увидел перед собой длиннющие бороды дедов, притом всех сразу, и их щерящиеся в улыбке лица. Впереди всех стоял с гордым видом Каукис, приземистый карла-кузнец. Он был выпачкан в копоти, и его волосы были засалены. Зато его прежде угрюмые глаза выражали радость и напоминали озеро, которое вот-вот растаяло и в котором вновь заструилась водица, блеща и играя солнечными зайчиками, и закружились водоверти, — так оживила престарелого мастера его вчерашняя работа.

— Сделал! — воскликнул он тотчас, не боясь разбудить всех остальных витязей, и его усы словно бы взмыли вверх от счастья. — Готово!

— Что готово? — счудовался спросонья Беленир, не поняв вначале о чём толкует Каукис.

— Меч! — заключил коваль, поглаживая окладистую, выпачканную за работой, бороду. — Пошли, испробуем его на деле!

Тут же деды сами подняли Беленира и, вручив ему в руки одёжи, вышли из комнаты, кто, весело напевая что-то себе в бороду седую, а кто и приплясывая. Витязь облачился в свой наряд и спустился в горницу, разбудив Всесвятлира, Брисинора и Волнозора — как видно, они не проснулись от возгласов Каукиса и дедов. Оттуда он уже, не дожидаясь своих товарищей, вышел за дверь, на расписное крыльцо. Там уже собрались всей кучею деды, озарённые рассветным багрецом, и беседовали о своём, на темы, известные им и порой странные для людей. И в своём разговоре они словно бы не замечали Беленира.

Тем временем, яро-солнце всходило над горами всё выше и выше, и лишь тогда, когда лучи светила в полной силе пали на дедов, Беленир увидел, что Каукис держал в руках дивной красоты меч, сиявший заревом огненным и пускавший в глаза отблески. И лезвие того меча переливалось чудесными звёздными узорами, а рукоять была сработана самым искуснейшим образом и украшена плетёными рисунками в виде зверей волшебных. И глядя на своё творение, Каукис промолвил:

— Борода моя закопчённая перенесла ветры суровые и даже бури морские, но прежде никогда не видывал я оружие такой красоты, а ты, Беленир, тем боле! Так что налюбуйся вволю этим мечом, ибо не вечно ему быть в твоих руках. После тебя появится новый ратоборец, и он сожмёт его в своих крепких ладонях.

— Я только рад, что моя рука возьмёт такой меч — заявил вдумчиво Беленир. — Но, быть может, кто-то из нас сильнее, например, Всесвятлир...

— С чего это? — удивился Всесвятлир, как раз подоспевший вместе с Брисинором и Волнозором.

— Прежде ты побеждал меня на руках, — ответил Беленир, а его товарищи тем временем встали на деревянном крыльце, подбочась. — Возможно, ты с большим успехом победишь змея. Конечно, я не отнекиваюсь от подвигов. Просто сейчас, я так поразмыслил, надо думать не о своем хотенье, а о том, что лучше для победы.

Тут Дед-Пасечник взял невесть откуда (все уже привыкли, что у него вдруг появляются какие-то вещи под рукой, хотя их прежде не замечали) здоровенную палицу в десять пудов, и даже деды удивились находчивости своего родича. Осмотрев палицу, Земнородные сыны предложили витязям подбросить её в небо.

— У кого выше, того и меч! — заключил Дед-Пасечник.

Первым к палице подступился Всесвятлир. Ухватился он за неё, поднял с небольшой натугою в руке и бросил со всех сил ввысь. На целую сажень подлетела палица, а затем пала наземь и примяла каменистую почву. Вторым приступился Брисинор. Он точно также ухватил палицу, бросил её и тоже где-то на сажень, быть может чуть-чуть побольше или поменьше. Третьим подошёл Беленир. Взял палицу в руки, покрутил её в ладонях и подкинул в небо на две сажени. Дедам даже показалось, что под самое ходячее облако, но они в том, верно, ошиблись. Волнозор от состязания, ясное дело отказался, и Беленир окончательно удостоверился, что должен взять меч и окончательно взвалил тем самым на свои плечи огромное бремя — битву со змием поганым, чешуйчатым. Но не успели все ещё и разойтись, как Дед-Пасечник молвил:

— Что ж! Теперь, когда мы знаем, кому достанется этот меч, способный пробить броню Идогурна, пора бы и в путь снаряжаться, — и это прозвучало крайне неожиданно для путников, намеревавшихся хотя бы до завтра отдохнуть в тереме Каукиса в Вутирне. Все думали, что пчельник скажет что-то вроде: «Оставайтесь: ещё не время для дороги!».

— Мы спешим, — пояснил Всевед. — От птиц Ведана мы узнали, что асилки близко... И теперь мы не сможем больше полагаться на помощь пернатых. Слуги Коцевита устроили охоту на тех птиц, что нам помогают.

Тут Каукис привёл из своего стойла трёх коней для Всесвятлира, Брисинора и Волнозора и, погрузив на них необходимые в дороге вещи, в том числе и свёрнутый шатёр, сказал путникам:

— Езжайте на запад, доберитесь до озера Эндрильн, вы готовы уже биться со змеем ярокрылым!

— А что же вы? Вы не поедете вместе с нами? — удивился Беленир. — Вы что бросаете нас?

Трое дедов мягко улыбнулись, а Каукис вымолвил мрачно за всех своих родичей:

— Куда же они пойдут? На то я отковал вам меч, чтобы вы сами со змеем справились. Но мы вас не бросаем. Я откую всем мечи булатные да копья долгомерные, щиты сердцевидные и кольчуги крепкие, а там уж деды пойдут биться с Коцевитом и его асилками на Тёмном перевале. Стало известно, как мы и говорили, что исполины встали на его сторону и идут разорять вашу землю — с ними они и будут биться! А вы ступайте, пусть дорога вам будет скатертью белой, а солнце да луна катятся шаром над вами и озаряют вам путь.

— До встречи, друзья! — воскликнул Дед-Пасечник. — Ещё, может, свидимся. И вот вам напоследок лепёшки мои, — и он протянул Белениру мешочек с лепёшками, — они очень вкусны и одновременно сытны, по вкусу напоминают разные оттенки мёда, а по запаху цветы луговые. Кроме того, они сдобрены моим напитком чудесным... И чуть не забыл — вот новый лук для Волнозора! — и пчеловод вручил берегину прекрасной работы лук. — Ждите нас у озера Эндрильн и смотрите не плавайте в нём, даже если вас будет туда тянуть неведомой силой. Еще раз говорю: не поддавайтесь его чарам, следите друг за другом... Как доберетесь до озера, если мы не явимся за три дня после этого, то отправляйтесь на свою родину и сразите змея.

— Но зачем вас ждать? — спросил Беленир.

— Этим вечером я откую всем оружие, — ответил Каукис, — этой ночью я сплету всем кольчуги, на рассвете я сделаю вам щиты, а днём мои родичи пойдут в бой, и свершится

долгая битва. Когда она закончится, думается мне, вы как раз придёте к озеру, и коли деда победят, то через три дня после боя явятся к вам. Буде же победят асилки, то не бойтесь, у озера они вас не найдут, даже если уже знают про вас — великаны считают это место проклятым, поэтому там вам пока и надо ждать. Но если мои родичи и впрямь сложат головы в сражении и не явятся к озеру, то спешите: вы должны будете убить Идогурна до того, как на вашу землю нападут великаны. Иначе вы окажетесь между молотом и наковальней. Я кузнец и знаю это!

Вслед за тем деды попрощались с витязями и отправили их в путь далёкий по той же дороге, по какой они и пришли. Совершив спуск с отрогов да перейдя ручьи горные, бурливые, путники двинулись на запад. Терем кузнеца остался далеко позади, а всем так хотелось вновь оказаться там. Но эти мечты были пусты, и воины шли, не оборачиваясь, чтобы не навясть знакомыми видами дразнящие грёзы. По левую руку у них возвышались горы, а по правую виднелся Темнобор еловый, темный и мрачный как ночь, тот самый лес в котором они привязали прежде злобную Егу. Впереди же, была пустошь, облечённая в таинственную синеву.

Свистал ветер, возвещая о начале ранней осени, было довольно холодно, и Всесвятлир негодовал на дедов, за то, что те их так быстро проводили в путь-дорогу. Но Беленир не разделял негодование своего друга, ибо понимал, что надо спешить, иначе они могут оказаться не дома, а на пепелище. Так путники прошли пять дней, но, поскольку их кони были ретивы и быстры, то на исходе пятого, когда вечер уже сгущал тьму над их головами, они оказались у озера Эндрильн.

Воины застали его в самое прекрасное время, когда на его берегах каменных, обрызганных водицей, играли золотые блики солнца, а хляби озёрные, иногда колеблемые порывами ветра, отражали небо, разноцветное как куча драгоценных камней. Всё было мертво вокруг этого озера: лишь оно само, словно живое, двигалось, светилось и шумело, наполняя сердца бодростью и гоня прочь всякую тоску. И потому Беленир, глянув в зеркало вод, был заморожен ими. Но вскоре он почувствовал, как стискивается его грудь и темнеет в глазах, а ноги так и просятся войти в воду. Одержав верх над собой, он отошёл в сторону и отдышался.

— Это опасное место, оно мне не нравится! — сказал Всесвятлир, подойдя к Белениру, который, согнувшись, стоял поодаль от берега.

— Я думаю озеро здесь не при чём, — сказал на то немного испуганный Беленир, прислонившись спиной к коню богатырскому, а Космач и сам поглядывал в сторону озера опасливо, будто что-то видел там. — Страшно не оно, а то, что мы устали и хотим искупаться, а на его дне что-то затаилось. Вот что опасно. Быть может, там какая колдовская сила, пчельник говорил что-то такое, и теперь эта сила, быть может, хочет заманить нас.

— Надо убираться отсюда! — вставил Брисинор. — Иначе эта ночёвка плохо для нас обернётся.

— Мы останемся здесь ровно три дня, как сказали деды, не больше и не меньше! — заключил Беленир. — Они мудры и не посоветуют плохого.

— Знай, Беленир, не всегда мудрецы правы! — заржал на то конь, встряхнув пышной гривой. — И лучше бы ты, выслушивая советы дедов, поступал так, как считаешь нужным сам, а не как считают нужным советчики.

Этим вечером особо больше не говорили, потому что все были заняты сбором веток для костра и устройением лагеря. В итоге, его разбили на западном берегу озера, в неглубокой

лощине, окружённой дубами молодыми да кустарником коренастым. Это было уютное место и надёжное укрытие от ветра. Ведь ветер уже всюду свирепствовал и завывал точно зверь. К северу и югу от той лощины привольно росли дубовы мрачные. И старые дубы, бывшие там, устремляли в небо цепкие и скрюченные пальцы своих нагих ветвей и тем пугали путников. К востоку же широкая каменная площадка, поросшая мохом, обрывалась в тихие студёные воды Эндрильна, сиявшие под круглолицей луною. Так вот, в той-то лощине путники расчистили почву и развели костёр, обложив его круглыми камнями. Вспыхнуло пламя и с яростью бросило под звёзды искры, а затем, успокоившись, тихо затрещало. Возле огня на просушенном и чистом месте витязи устроили ночлег. Когда всё было готово и в лощине возвысился шатёр небольшой, все собрались вокруг костра, а конь прилёг поодаль.

Посидев да подумав, витязи решили отправить кого-нибудь на разведку, чтобы посмотреть, что ждёт их впереди да пострелять всякую дичь. На это вызвался Волнозор и, когда он удалился, оставив своего коня, и путники остались втроём, начался делёж запасов. С горем пополам удалось разделить лакомые кусочки дедовских яств и остатки своих. А там уже Беленир и его товарищи начали есть да пить и старались не отвлекаться на разговоры, ибо не любили говорить за едою, особенно вкусной. Но вдруг, пока воины вкушали яства, а конь уже было задремал, раздался плеск, как будто кто-то плюхнулся в воду. Беленир, только услышал это, чуть не подавился хлебом. Вытаращив с испуга глаза, он обвёл взглядом своих друзей и лишь тогда увидел, что с ними нет Всесвятлира. Вместе с Брисинором он выскочил из шатра и, подбежав к краю берега, увидел, как по воде протянулись полосы.

— Всесвятлир! — окликнул своего друга Беленир, но лишь эхо отозвалось ему пронзительным печальным словом, безжизненным и мёртвым. Раздалась тишина, от которой зазвенело в ушах. Всё в эти мгновения пугало Беленира своим молчанием, безответностью. Но вот взвыл ветер грозный и в его порыве витязь услышал вопль о помощи, приглушённый всплесками воды:

— На помощь! — невдалеке кричал во всё горло Всесвятлир. Вновь послышались всплески и неведомый рёв. Беленир и Брисинор пригнулись к земле и глянули за край берега, откуда доносился крик. Но они увидели лишь пену белую, смешанную с кровью. От того они немало ужаснулись: дрожь пробежала по их коленям, а дыхание стало прерывистым. У Беленира даже сердце стиснулось в груди, когда он увидел кровь, приняв её за кровь своего друга.

— Вытащите меня! — вдруг вскрикнул голос внизу, и тут Беленир увидел Всесвятлира, который уцепившись за выступ каменного берега, пытался выбраться из воды. Тотчас Беленир подал ему руку и кое-как вытянул его из озера. И, если бы Брисинор вовремя не схватил Беленира за ноги, то тот, верно, тоже свалился бы в воду. Когда Всесвятлир оказался на берегу, Беленир, поглядев на него, вскрикнул:

— Ты что дурак? Тебе сказано было не купаться в этом озере, что ж ты полез в него?

На то витязь гордо ответил:

— Да что ж нельзя мне ноги омочить в озерце? Я не плавал в нём, я просто опустил в него ноги! Проверить решил, какова вода — тепла или холодна... Проклятье! Потерял свой бутыль с чудесной медовухой.

— Чья кровь? — перевёл разговор Брисинор, понимая, что сейчас лучше не ссориться.

— Не моя! — отвечив бойко Всесвятлир. — Это подводного чуда!

— Что? — изумился Беленир, выставив широко глаза. Дрожащей рукой он обнажил клинок и более ничего не сказал. Ведь ужаснее всего — это столкнуться с чудом, так как это

невесть что и непонятно даже, каково оно навид. Вот и испугался Беленир, ибо понимал, что нынче предстоит им сойтись лицом к лицу с ужасным уродищем, полным ненависти и ярости, чей облик неведом.

— Что, что! — возмутился Всесвятлир, отвечая на вопрос Беленира. — Подводное чудище какое-то, не разглядел я его, кое-как выбрался из его цепких объятий — не было у меня времени рассматривать его личико! И впрямь этот совет дедов не больно хорош — ждать у озера! Недаром его асилки обходят стороной.

— Хватит спорить! — оборвал Брисинор яро. — Бежим в шатёр, там же конь богатырский, а вокруг него пасутся наши кони, надо защитить их, а то ещё сожрёт их чудище водное! Там, наверно, будет и защищаться легче.

Все согласились и пустились к шатру, защищать коней. Путникам повезло: скакуны резвые оказались целы и невредимы, а огонь не потух. Они вошли внутрь шатра белотканного и усадили Всесвятлира к костру, чтобы тот просох. Тем временем Брисинор привёл всех коней к палатке и оставил их поодаль от огня, вместе со скакуном богатырским.

И вдруг, пока воины добрые готовились к бою да думали, что будут делать, явись сюда гостем незваным чудо из озера, послышался плюх. Плюх был не просто плюх, а такой, будто из вод выпрыгнула пустая бочка. Но все, конечно же, знали, что это вовсе не бочка и даже не бочонок. Как день было ясно, что это вынырнул бес озёрный, проклятый уродец. И вдруг он зарычал по-звериному да пустил шип по-змеиному: не очень и громок был его рык, и не очень грозно было шипение, но издать их могло только чудище подводное — мерзкое и до ужаса отвратительное. И несмотря на то, что Беленир ожидал этот рёв, он прозвучал неожиданно даже для него. Ведь он был пронзителен и в то же время приглушён, страшен и смешон, ибо походил на вопль безумного.

Воины спинами прижались друг к другу и выставили перед собою мечи, а Брисинор сжал в руке топор, остриё которого было смертью для многих врагов. Стуки сердец слились в одно звучанье и ужаснули даже самих воинов. И вдруг прямо в костёр трескучий влетел огромный мокрый валун, поросший серым мхом, и в мгновенье ока его потушил. Потемнело так, что хоть глаз выколи. Беленир и его спутники вообще ничего не видели, кроме собственных рук и мечей, пока не привыкли ко тьме. Они чуяли лишь холод озера.

И тут в шатёр, злобно дыша, вошло нечто с искрящимися как звёзды очами. То было чудище в две сажени, с ручищами длинными о четырёх пальцах с перепонками и с бородою зелёной по самый пояс. Борода эта ко всему прочему походила на тину морскую или на рыболовную сеть и была ужасна на вид и спутана. Казалось, будто в ней, да и в волосах мерзкой твари шевелятся змеи водные. Также существо имело очень длинный горбатый, что гора, нос величиною с сапог. Им оно неистово втягивало в себя воздух, а выдыхало уже вонючие испарения.

— Это зыбочник! — вскрикнул громко Всесвятлир, испугавшись злобного чудища; давным-давно витязь слышал старые песни о страшных зыбочниках, что появлялись в ночи на берегах рек и озёр и утаскивали всех под воду.

Тут само чудище гаркнуло, что-то забулькало у него во рту, и оно с трудом произнесло низким хриплым голосом, наводящим жуть:

— Не люблю, когда меня называют так! — и вслед за тем оно, заорав во всю плотку гортанным бешеным рёвом, накинулось на витязей, разинув пасть с острыми зубами, но было отброшено ударом наточенного топора Брисинора.

— Ах ты мерзкая тварь! Сгинь в свой омут! — вскрикнул тогда Всесвятлир. — Не

любишь, когда тебя называют зыбочником? Тогда я буду называть тебя мразью!

Услыхав такие речи, зыбочник так разъярился, что его глаза словно бы вспыхнули пламенем, и он, обливав кровь горючую от своих ран, вновь с ужасающей силой бросился на витязей. Испугавшись напора мерзкого уродища, путники отпрянули назад, выставив вперёд оружие. Но тут Беленир подвернул ногу и, вовремя убрав меч в ножны, чтобы не наткнуться на него, свалился, ударившись в темноте головой о чью-то ногу. Зыбочник поганый же, увидев, что один из его недругов не на ногах, схватил его за руки и по животу поволок прочь из шатра. Он тащил его к озеру, лежащему в тиши и мире под мрачным ночным небосводом. Но вот Беленир закричал в страхе, и зыбочник стиснул его руки в своих ладонях да с такой силой, что кости затрещали и боль сковала жилы. Когда же Беленир, сомкнув зубы и собрав все силы, попытался вырваться из железной хватки, упёршись ногами в землю, коварный водяник отпустил его руки. И воин, приложивший все силы, чтоб выскользнуть, опрокинулся на спину, крепко ударившись о камни головой. Боль охватила всё его тело, сжала все жилы и скрутила спину. Бравый воин, лёжа лицом в небо, увидел звёздные россыпи и, восхитившись ими, потерял сознание.

А водяник снова схватил его и поволок в своё озеро многоводное. Всесвятлир и Брисинор, поздно понявшие в чём дело и не вовремя выскочившие из шатра, увидели лишь, как злобный зыбочник вместе с их другом прыгает во студёную воду. Но ратники не оставили Беленира в беде и понеслись вслед за похитителем. Добежав до берега и увидев, как волны уже идут по воде, они нырнули прямо в холодную воду. И довольно долго они плавали, тщетно пытаясь найти зыбочника, но подлый сгинул вместе с Белениром.

— Надо возвращаться! — молвил наконец Всесвятлир. Брисинор на то ему ничего не ответил, а скупом промолчал: он не мог настаивать на продолжении поисков. Ведь у него уже сводило ноги, пальцы скручивались от холода, а по всему телу шла дрожь. Брисинор вздохнул и вмиг почувствовал как внутри разгорается злоба, раззадоренная горечью. Он поплыл к берегу. Для него даже вся природа в эти мгновения закручинилась, погрузилась в печаль-тоску крепкую, а ветви деревьев на ветру застонали от грусти. Когда же Брисинор и Всесвятлир выбрались на берег каменный, то, переведя дыханье, почувствовали, словно бы остались одиноки или какая-то часть мира исчезла навсегда. Они уже почитали Беленира мёртвым и горевали, вспоминая дни, когда он был жив и весел. Но, как это ни было ужасно, вместе с Белениром пропал и меч Каукиса, так что витязи горевали не только по нём, но и по своей земле, думая, что теперь их край обречён на верную гибель.

Да только Беленир вовсе не погиб, как думали его друзья. Вскоре он уже очнулся в сыром и тёмном месте от того, что сверху на его лицо капали холодные капли. Вокруг него была только кромешная темень: ни луны белоокой, ни деревьев ветвистых, ни даже вольного ветра, ставшего таким привычным. Ощупав всё вокруг да посмотрев наверх, Беленир убедился, что находится не под открытым небом. «Значит капли капали не с неба, где же я тогда, если звёзды здесь не светят и ветер не дует?» — подумал он про себя и почесал затылок. Только тогда витязь понял, что набил на голове огромную шишку величиной с кулак. «Как я здесь оказался?» — задал он себе вопрос и, встав во весь рост, пошёл, куда глаза глядят, хотя толком они ничего и не видели. Но, не сделав и трёх шагов, он уткнулся носом прямо в стену холодную, а его резвые ноги наступили на что-то хрустящее. Воин нагнулся и пошарил по полу руками. Чем-то хрустящим оказались кости рыбы, позвонки карася, небрежно разбросанные у стены. «Это логово зыбочника!» — понял тут же Беленир, хотя можно было бы догадаться и раньше, но, видно, он сильно ударился головой.

Действительно, это было обиталище водяника. Ведь водяники, или зыбочники, любят поесть рыбы и частенько на неё охотятся, а поймав едят в своих жилищах. Порой вместо рыбёшки они едят даже гусей или лебедей белоснежных, хватая их прямо на воде и затаскивая к себе. Вообще зыбочники съедают всё живьём и испытывают от того немереное удовольствие, и об этом знают все. «Потому я ещё и жив, что он хочет съесть меня живым! Да, раз я в его логове, значит он хочет сожрать меня!» — сказал на этот раз вслух Беленир и ужаснулся до того, что дух захватило. Ведь быть пережёванным живьём, да ещё и зубами столь отвратительного создания для всякого страшно, не исключая и доблестных воителей.

Пока же витязь думал, куда делся хозяин пещеры, послышались булькающие напевные звуки. То явился сам зыбочник, вынырнув из воды. Услыхав всплески, Беленир сразу понял, что находится в подводной пещере, где и устроил обиталище водяник.

— Лянд пришёл в своё жилище, поесть пришёл мяса сырого! — злобно пропел водяной, пришлёпывая по полу своей плоской лапой, похожей на ласту. И очи его блистали во тьме, а порой вспыхивали зелёным блеском и наводили на Беленира ужас. Витязь судорожно потянулся к мечу, но лишь тогда понял, что он не при оружии. А тем временем зыбочник стал неспешно подкрадываться всё ближе и ближе, издавая притом звуки мерзкие, которые сложно описать да и не стоит пытаться. Но Беленир не поддался страху, а, глубоко вздохнув и выдохнув, вмиг выпустил из себя всю боязнь. Затем он схватил длинную рыбью кость и с криком понёсся на врага. Не ожидавший отпора зыбочник дико взревел, и его отвратительная пасть покрылась пеной. Смертоносной грядой заблестели острые оскаленные зубы. Да только не уstraшился водяника Беленир, ведь он думал, что идёт в последний бой и оттого его сердце пропиталось храбростью, а рука стала тверда как гранит.

И тут удалец со всей своей богатырской силы вонзил острую рыбью кость прямо в брюхо мерзкому уродищу. Зыбочник забурчал, ещё пуще разозлился и с гневом выдернул кость из пуза. Беленир отпрянул назад.

— Слабак! Не те уже богатыри пошли! — взревел яро водяной, ударив кулаком себя в грудь, и его светящиеся зелёные очи вспыхнули в темноте. Вслед за тем зыбочник бросился на бедного Беленира и одним мощным ударом свалил того с ног. Витязь упал обратно в кучу рыбьих костей и порезался. Учувя запах крови, водяник стал безумно подвизгивать и пускать слюни, предвкушая сытный ужин. Слюни капали прямо на пол, а сам водяной шёл прямо по ним, пошлёпывая плоскими лапами по голым камням.

Беленир был совершенно растерян, потому что не знал, как противостоять своему врагу. Зато он знал, что будет биться до последней капли крови и, если надо, сложит голову в этом бою. И тут рука Беленира случайно натолкнулась на что-то холодное: то были ножны от его меча. Искать сам меч времени не было, потому Беленир схватил ножны и, вскочив на ноги резвые, стал ножнами охаживать своего противника. Первый удар пришёлся тому прямо по морде, а другие градом обрушились на брюхо отвисшее да по корявым ручищам. Чудище взвыло и согнулось от боли: очень сильны были удары Беленира и приходились по мягким местам. Устрашившись силы витязя, зыбочник уполз во мрак и забился в одну из нор меж камней. Нор таких было там немало и лишь обитатель этой пещеры знал их все. И пока уродище подводное, спрятавшись, ныло и дрожало, витязь отпрянул назад и, касаясь одной рукой стены стыллой, побежал прочь. Не глядя, он бросился к какой-то широкой пробойне меж камней, что серела внизу на фоне черноты, и протиснулся в неё. Вместе с льющимся вниз потоком он упал в соседнюю пещеру и помчался дальше. Вскоре вокруг немного посветлело и его ноги коснулись холодной воды, а по всему телу пробежала дрожь. Беленир

хотел уже нырнуть и выплыть из этой мерзкой пещеры, раз и навсегда покинув её тёмные закоулки и ходы, но вдруг с ужасом вспомнил: «Я забыл меч!» Тут витязь развернулся и в нерешительности остановился, думая, что же делать дальше. Стоял он долго, незыблемый как дуб вековой посреди зелёной поляны, и наконец сорвался с места, да так быстро, словно в него ударило молнией. «Надо было уплывать! — думал Беленир, идя в темноте пещеры. — Я ещё пожалею, что пошёл за этим мечом!». Но воин не развернулся и не бросил здесь клинок, работу великого умельца и спасение своей земли.

Вдруг впереди что-то сверкнуло, ослепив на мгновение несчастного витязя. Затем повсюду снова воцарилась темнота. Беленир замер и попытался разглядеть впереди себя хоть что-нибудь, как вдруг, издав вопль гортанный, на него вылетел из мрака туннеля зыбочник, держа в своих руках длинный меч, откованный Каукисом. Беленир аж подскочил с испуга, а затем и вовсе отпрянул назад. Ещё чуть-чуть и витязь мог бы погибнуть от этого смертоносного оружия. Но водяник ужасный в безмерной ярости прыгнул вслед за ним, и меч искрометный вывалился из его ручищ перепончатых и упал рукоятью между камней, лезвием прямо вверх. Ясное дело, коварный Лянд, как называл себя зыбочник, напоролся прямо на остриё. Одно мгновение — и уродливый обитатель вод, извиваясь в предсмертной судороге подобно змею и издавая страшные булькающие звуки, уже лежал, нанизанный на справедливый клинок.

— Чудеса случаются! — воскликнул с восторгом Беленир, а затем засмеялся, и его глаза наполнились слезами радости и благодарности. — Спасибо вам, меч и Мать-Земля!

С трудом Беленир снял зыбочника с меча, притом весь измазался в крови, в гущине противной. Пока витязь замешкался от мерзости, уродец вдруг ожил и в агонии схватил его своей ледяной рукой за волосы и стал тянуть к себе, раскрыв рот и задвигая страшными челюстями. Воин упирался как мог, но смерть становилась всё ближе. Из пасти водяника послышался гортанный смех, очевидно, последний в его жизни. «Нет!» — крикнул витязь, и что было мочи стал бить зыбочника по морде, отчего людоед перестал смеяться и уже захрипел. Меж тем воин бил так отчаянно и сильно, позабыв о том, что враг может его укусить, что выбил ему глаз. И зыбочник отпустил его и испустил дух. Не мешкая, Беленир вытащил с довольством клинок, рукоятью застрявший между двух камней и, очистив его от крови-руды мерзкой, вложил в ножны и повернул к воде. Вскоре он набрёл на студёную водицу и нырнул. Витязь проплыл под высоким арочным сводом и покинул пещеру, полагаясь на свет луны, что пробивался сверху. Вскоре его голова поднялась над зеркальной гладью тихого озера и он с жадностью вдохнул в себя такой же морозный, как и вода, воздух. Подул ветер, луна улыбнулась в вышине, и звёзды ясные подмигнули витязю, ещё недавно думавшему, что его ждёт смерть.

Глава 13. Кража

Вскоре Беленир выбрался на берег, снял с себя одежду и растёр тело, чтобы не замёрзнуть. Он не стал искать лагерь, потому что на это ушло бы много времени — ведь костёр трескучий давным-давно потух. Посему витязь призывно крикнул:

— Всесвятлир! Брисинор! — и эхо пронеслось над спокойной водою.

Спустя несколько мгновений послышался ответ:

— Беленир, где ты?

Витязь вновь откликнулся. Всесвятлир и Брисинор вскоре подбежали и с радостью молвили:

— Мы уж думали, что нам тебя ввек не видать, думали, что съел тебя водяник проклятый, а ты, гляди-ка выбрался!

— Да, выбрался, — изронил Беленир. — А зыбочник сам себя и прикончил этим вот мечом! — и он достал из ножен дивный меч Каукиса, и он блеснул под луной. — Пусть теперь называется он Самосек.

Неохотно беседуя, путники отправились в свой шатёр — сушить одежду да отдыхать после страшной ночи. Уже светало, когда они, наконец, по стежке неторной, огибавшей берега озера, добрались до лагеря. К тому времени восход протянул по небосклону полосы багровые, и даже кромки облаков белоснежных окрасились в кровь. Но озеро осталось таким же тихим, и даже игривое течение и ветер буйный не нарушили его покоя. Даже когда на глади водной заиграли золотые отсветы небес, оно осталось лежать в прежней неге, в незыблемой безмятежности, радуя взоры путников.

Воины проверили, целы ли кони — они оказались целы, ибо за ними присматривал Космач, развесили одежду у костра, который по-быстрому развёл Всесвятлир, и вошли в шатёр. Беленир сразу без раздумий повалился спать и не побеспокоился даже, кто будет дежурить. Вслед за ним заснули Всесвятлир и Брисинор, поручив стоять на дозоре коню богатырскому.

Долго спал Беленир, уже наступил вечер, а он ещё не отомкнул глаз. По шатру приятно стучал дождь. Снилось витязю, будто был у него воз зерна, как вдруг тьма курей набежала и всё зерно склевала: ничего не оставила, ни единого зёрнышка. А затем и вовсе приснилось, что росло у него во дворе дерево ветвистое, старый-престарый дуб, но прибежали нежданно-негаданно дровосеки и посекали тот дуб на дрова. Тут он проснулся и подумал: «Что за сны такие бестолковые снятся?» — и потом опять заснул. Больше ему ничего не снилось, но неведомое беспокойство охватило его разум. Пот холодный полился с него ручьем: страшные образы то и дело возникали перед его очами. Иногда и вовсе он вскрикивал от испуга, когда сердце дёргалось в страхе от загадочного виденья. Тогда витязь кое-как проснулся и с негодованием воскликнул: «Хоть и вовсе не спи!». И тут его рука скользнула по ножнам, и он почувствовал, что в них нет Самосека.

— Где мой меч? — вскрикнул, испугавшись, витязь. И только потом он увидел, что посреди шатра белотканного стоял, ухмыляясь, карла длиннородый, ростом в четыре локтя, с горбом уродливым, одетый в чёрный воровской плащ да в коричневые штаны. Но ухмылка тотчас сошла с его лица, и он напряжённым взглядом своих глубоких хитроватых чёрных очей уставился в Беленира. По его лицу протянулась искажённая улыбка, и он стиснул с натугой свои грязные зубы. В руках карла коварный с трудом держал меч, а через

плечо у него была перекинута верёвка, которой он хотел связывать Беленира. Пот лился с него ручьём и руки его тряслись от напряжения, ибо оружие удалцов было слишком тяжело для него, и потому он испугался, что витязь его просто прибьёт.

— Положи на место! — взревел от ярости Беленир и лишь тогда заметил, что ноги его были связаны. Кроме того его тело было измождено и все мышцы болели, словно по ним били палками, так что вряд ли бы он смог противостоять даже этому карле.

— А не то что? — рассмеялся тут же коренастый вор со злобою в глазах. — Я вижу, ты устал, и твои ноги тебя не слушаются! — и тут он мерзко рассмеялся. — А, коли будешь умничать, я отсеку тебе голову одним ударом!

— Друзья, вставайте, очнитесь! — крикнул тогда Беленир, и Всесвятлир с Брисинором очнулись, но почувствовали на себе путы, связывавшие их по рукам и ногам.

— Ты думаешь, что я не позаботился о них? — язвительно молвил карла, погладив легонько свою рыжую невытую бороду и нахмутив густые брови прямо на глаза.

— Ах ты, стервец! Урод! — воскликнул витязь с негодованием, пытаясь понять, как этот неведомый карлик выследил их так просто и застал врасплох. — Ты ещё заплатишься за это. Я тебя сыщу, и перед смертью ты будешь на коленях просить пощады.

— Заткнись! — дерзко прикрикнул карла, и его очи бешеные с быстротой забегали по глазницам. — Да, да, закрой рот! Иначе я прикончу тебя и твоих друзей прямо здесь, дурень безмозглый, никчёмный дурак.

Беленир на то ничего не ответил, но не потому, что испугался столь мелкого врага, а потому что не хотел бесславно погибнуть в собственном шатре от рук какого-то жалкого вора.

— Молчишь? — продолжил тогда карла, почёсывая свой наполовину лысый затылок, блестящий на свету. — Молчи, молчи, это тебе пойдёт на пользу. Может быть, научишься держать язык за зубами. Слово — серебро, а молчанье — золото! А теперь мне пора, а то я задержался. Больно долго болтал с тобой, растрчивая своё драгоценное времечко. И пусть это будет позором для тебя — глядеть в глаза дедам Земнородным, чьё доверие ты предал. Презирай себя, презирай свои ошибки, презирай своё сердце и бесись от злобы да собственного гнева. Пусть он сожжёт тебя изнутри! — и карла развернулся, намереваясь выйти из шатра.

— Я найду тебя! — молвил ему вслед Беленир, и его грудь защемило от негодования на самого себя и ярости, что переполнила сердце до краёв. Да, умел карла испортить настроение! В эти мгновения витязь так возненавидел его, что готов был наброситься на него и убить даже ценою собственной жизни, но благоразумие сдержало его, и он начал развязывать свои ноги: хорошо, что он знал как распутывать самые изошрённые узлы.

— Прощай и научись жить со своим стыдом, потому что я оставляю тебе жизнь! — рассмеялся карла гнилозубый, не скрывая самодовольства, и тотчас съел одну из лепёшек, что получили витязи в дар от Деда-Пасечника: как видно, и их он отыскал и эта уже была последней, ибо все остальные он точно также проглотил, запив чудесной медовухой, найденной у Брисинора.

Беленир не стерпел и крикнул злобно:

— Ты не в силах оставить мне жизнь, ты не можешь её даже забрать своими-то хилыми ручонками! Что б ты подавился, собака!

Но карла не хотел ничего слышать и ушёл из шатра, высоко задрав наполовину лысую голову да посмеиваясь себе в огненно-рыжую бороду. Беленир тем временем развязал ноги и

поковылял вслед за ним до выхода и увидел, как гордо и надменно он шествует по тропе да как торжественно развеивается на ветру осеннем его бурная борода. Витязь аж ахнул, и даже дубровы нагие, окружавшие лагерь с востока и запада, тяжело простонали.

— Освободи нас! — вскрикнул Всесвятлир. — Ещё есть время, мы можем догнать проклятого карлика.

Беленир тотчас опомнился и развязал своих друзей. Ему удалось это с трудом, так как карла уродливый был очень уж умел в плетении узлов и работе с верёвкой. Втроём воины выскочили из шатра под проливной дождь. Но тут же они увидели, что коварный карлик, мало того, никуда не ушёл, так ещё и сидит на коне богатырском, приставив тому к шее Самосек, и угрожает ему расправою, если тот не будет его слушаться и не повезёт куда ему надо. Его ноги короткие едва обхватывали спину Космача, руки с трудом удерживали меч, с него ручьём катил пот, а лысина взмокла от усердия, однако карлик всё равно щерил на своём некрасивом лице самодовольную и язвительную улыбку и тихо смеялся. Это было безобразное зрелище: оскал зубов гнилых, ехидная ухмылка, протянувшаяся по обвислым щекам, и нос, вздёрнувшийся оттого к бровям.

И тут в воздухе пронёсся невиданной силы свист, подобный пisku зверя неведомого, и, казалось, даже дубы закачались от его мощи, а шатёр и вовсе чуть не сорвало. Скакуны витязей с испуга разбежались кто куда, и только их хвосты замелькали по разным сторонам. Воины растерялись и лишь потом поняли, что это свистнул карла злокозненный, чтобы распугать коней. Тем временем сам он, пришпорив Космача, пустился на восток и по стежке, окаймлённой лысыми кустарниками, скрылся в дуброве густой. И, пока Беленир и его друзья с бессилием смотрели на то, как от них уходит горбун окаянный, похитивший коня богатырского и чудесный меч, явился Волнозор. Он вышел из рощицы дубовой, что была на востоке, с кроликами и ланью на плечах, и, запрокинув лук, сразу пустил две стрелы одну за другой карле вслед. Послышался пищащий крик, а затем грохот и плеск. Удальцы, поняв, что негодяй свалился с коня в какую-то лужу, пустились вдогонку. Волнозор перед тем оставил подстреленную дичь в шатре и тоже побежал вслед за соратниками.

Скоро они оказались в дубраве и, когда дубы сомкнули над ними свои цепкие ветви и мрак покрыл их лица, Беленир увидел лежащего и стонущего карлу. Тот, забившись в узкую щель между двух корней корявых, лежал в грязной лужице, а конь неподалёку, стуча копытом о камни, ржал во всё горло, потряхивая своей бородой седовласой, выражая тем самым торжество.

— Где меч, уродец? — вскрикнул в ярости Всесвятлир. — Отдавай его!

— Тише, тише! — сказал ему Беленир. — Он всё равно отдаст его нам — ему некуда идти, он в засаде и истекает кровью. Он или умрёт здесь, и мы сами возьмём у него клинок, или же вернёт нам его подобру-поздорову и, быть может, останется жив.

— Я скорее выпью всю свою горячую кровь, чем отдам вам клинок! — проревел из корней злобный карла, отчищая свою бороду, измочившуюся в луже и уходя всё дальше в щель меж корней — там его не могли достать даже стрелы Волнозора. — Скорее луна окрасится багрецом да рухнет на землю, чем вы вновь сожмёте рукоять сего меча!

Тут подошёл Волнозор и, удивлённо взглянув на витязей, спросил:

— Вы ужасно выглядите! Неужели на вас такие вот карлики всю ночь плясали?

— Все это зыбочник уродливый, а не карлики! — ответил на то Беленир. — Чуть не погубил меня проклятый, да только напоролся на мой меч, взяв его в свои неуклюжие лапы.

— Ещё и зыбочник, — продолжал Волнозор. — Стоит мне уйти, как случается что-то

ужасное! Может мне вообще тогда не уходить?

— Хватит пререкаться! — сказал тогда молчаливый Брисинор, до поры стоявший в стороне. — Нас чуть не убил злобный водяник, ограбил карла, а ты ещё и разводишь ссору. Спасибо, что помог нам, но сейчас не время для шуток или споров.

— Давайте-ка лучше вытравим загнанного карлу! — вставил Всесвятлир.

— Давай, залазь вместе со своей глупой головой прямо ко мне! — донеслось из-под корней узловатых, где прятался коварный карлик. Всесвятлир нагнулся и заглянул туда, где прятался карла. Оказалось, там была целая нора, и была она глубока и темна, а очи уродца бегали впотьмах злобными огоньками и наводили ужас.

— Он смотрит на нас! — с испугом промолвил Всесвятлир, выпрямившись. — Он хитёр, и в глазах у него блестит злоба. Я ни за что не полезу к нему. Ещё нос мне откусит!

— Бросим в него огонь! — придумал Беленир.

— Дождь хлещет сильнее некуда! — отрезал Волнозор. — Здесь слишком сыро. Хватит дум, давайте просто сидеть здесь и ждать, пока он помрёт, а там сами вытащим его вместе с мечом.

— Но скоро могут прийти деды, — изрёк Беленир, — как мы будем смотреть им в глаза после того, как проворонили меч и упустили карлу, укравшего его? И сколько этот уродец будет умирать?

— Полдня, может день, а может и два, коли крепок! — ответил Волнозор. — Но если кровь будет сочиться тем же потоком, то дух выйдет из него через часов пять.

— Ну так пристрели его! — заявил Брисинор, и лишь тогда витязи заметили, что колчан Волнозора был пуст.

— К сожалению, те две стрелы были последними, — пожал плечами Волнозор, — другие утрачены на охоте.

— Значит подождём! — заключил Беленир. — Что ж, будем сидеть здесь.

Вскоре они под другим деревом развели костёр из сухих веток, припасённых в шатре. Чтобы дождь не потушил огня, пришлось соорудить навес из дорожного плаща. Затем витязи притащили из шатра белого брагу и дедова мёда и, рассевшись кольцом вокруг дуба старого, стали распивать хмельные напитки из деревянных кружек. Карла оказался в окружении, а витязи повели беседы до самой ночи, пока не проглянули звёзды ясные. Они обсудили много важного за это время и успели даже спеть пару песен, долгих и напевных. Но, как стало совсем темно, тревога закралась в их сердца. Стон тёмных ветвей на ветру и мерзкий хрип карлы, валявшегося в корнях, в глубокой норе, слились в один уродливый звук, полный боли и ненависти. Где-то вверху ухал филин. Всё это наводило на витязей беспокойство. Тогда Беленир с натугой улыбнулся и подбросил дров в огонь.

Тут, когда пламя вспыхнуло с новой силой, все услышали, что хрип стих. Лишь ветер одиноко посвистывал в ночи меж толстых стволов. Тогда стихли и разговоры, а всякие беседы прекратились, дав место скупому молчанию. Ночь становилась всё темнее, и вскоре даже звёзд не стало видно из-за нагрянувших туч.

— Гроза близится! — заметил Волнозор.

— Надо лезть за мечом, пока эту нору не залило водой! — молвил Беленир. — Коли зальёт, так придётся ещё целый день ждать, пока вода сойдёт.

— Он прав, — рече Всесвятлир. — Давайте лезть. Пусть и ночь сейчас, зато карла уже или сдох или совсем потерял силы.

Тут бы разгорелись споры о том, кому следует доставать меч богатырский и, по

возможности, горбатого карлу, но Беленир, понимая, что клинок был вручен ему, взвалил на себя это бремя, молвив:

— Друзья, я сделаю это! — он принял эту ношу на себя по праву и по справедливости.

Витязь взял длинный острый нож и нагнулся, чтобы залезть под корни. Перед глазами у него была сплошь темень, и он толком ничего не видел, кроме сверкавшего в деснице клинка. Но зато какой огонь разгорался у него в груди! Там бушевал вихрь огненный, ибо, с одной стороны, витязь испытывал страх перед этой норой и забившимся в неё карлой, с другой стороны, его сердце, стучавшее молотом в груди, излучало и великое воодушевление и решимость. Но руки всё равно чуть-чуть дрожали, а дыхание было прерывисто. Никто из друзей Беленира не заметил, что он боится, ведь не показал воин и вида, что ему страшно.

Когда же Беленир, наконец, просунул свою голову в ту нору под корнями узловатыми, дубовыми, то понял, что она гораздо просторнее, чем он думал. Он забрался в неё полностью и, держа перед собой острый нож, поначалу блиставший в темноте, пополз вперёд. Витязь ничего не видел перед собою, кроме мрака, так что не буду утомлять всех его описаниями. Между тем Беленир полз и чтобы не заблудиться касался рукою земляной стены. «Вдруг нора окажется разветвлённой», — думал он и не ошибся. Как видно, под деревом когда-то вырыл своё жилище неизвестный зверь, а потом его забросил либо умер. Пару раз витязь завернул и наткнулся на тупики, так что ему пришлось повернуть назад и идти в другие ходы. Меча нигде не было видно. Поняв, наконец, что нора очень велика и её сложно будет обходить всю, витязь добрый вскрикнул, собрав всю смелость в сердце:

— Выходи, подлый карла, на честный бой или ты трусишь? — несколько мгновений стояла тишина, но вот раздался хриплый ответ:

— Сам иди ко мне, авось и сразимся!

Беленир вслушался, откуда донёсся голос и пополз в том направлении, стараясь не отпускать левую руку от земляной стены. И вдруг впереди него, в беспросветной тьме засверкали очи яростные, налитые кровью, красные, что утренний рассвет. Беленир замер, выставив вперёд нож. Глаза воина сошлись с глазами карлы. Витязь удивился, отчего же так горят очи подлеца. И когда Беленир собирался уже броситься на своего врага и поразить его ножом под рёбра, карла приземистый засвистел свистом соловьиным, зарычал звериным рыком, и тот ужасный звук как стрела пронзил уши Беленира. Воин свалился на земляной пол, а карла-лиходея, насвистывая уже потише, стал подбираться к нему, волоча по земле меч богатырский, желая им расправиться с бедным витязем.

— Хотел победить Гаркунца? — рассмеялся злобно карлик, покручивая бороду. — А вышло, что Гаркунец победил тебя!

— Не хвастай рыбой, пока не выловил! — ответил ему на то Беленир, приподнимаясь и держа наготове нож.

— Мелкой рыбёшкой и хвастать не стоит! — сказал Гаркунец, почёсывая плешивый затылок.

— Смотри, как бы она не выросла! — молвил Беленир и, собрав все силы, бросился на карлу. Карлик не ожидал, что у витязя хватит мочи подняться после страшного свиста: до того ни один человек не вставал после него. Видно, добрую службу сослужил чудесный напиток Земнородных. Тем временем Беленир запросто свалил врага с коротких ног.

— Ты не так прост, как кажешься! — взвизгнул карлик, пытаясь поднять меч богатырский, но его усилия были тщетны, потому что Беленир навалился на него и уже приставил к его горлу нож.

— Ладно, сдаюсь! — прошептал язвительно Гаркунец, хлопая глазами. — Победил немощного карлу да к тому же ещё и раненного проклятыми стрелами берегина, — и вдруг, когда Беленир уже было расслабился, карлик схватил своими зубами гнилыми нож, приставленный ему к горлу, и вырвался из хватки.

— Ты немощный? — поразился Беленир, нащупав в темноте норы богатырский меч, оставленный второпях Гаркунцом. — Скажешь это моему мечу, когда он вспорет тебе брюхо!

На эти слова карлик лишь едко и гортанно рассмеялся будто сошёл с ума и, перебросив нож из одной руки в другую, бросился на витязя. Но Беленир выставил вперёд Самосек, и карла напоролся на его остриё. Да только на этом он не успокоился. Желая убить Беленира, Гаркунец стал нанизывать самого себя на лезвие, подступая всё ближе и ближе к витязю и намереваясь перерезать ему горло острым ножом. С криками боли и ненависти с языка горбуна плешивого сорвались слова:

— Твоя земля уже лежит в пепле, в пепле, в прахе и головёшках! — и ужасный смех вырвался из уст лукавого страшили.

Беленир схватил его за глотку жилистую, чтобы он более не приближался, но карлик укусил его, порезал ножом и продолжил скользить по лезвию меча навстречу испуганному воину. Тогда Беленир кое-как выставил вперед ноги и оттолкнул ими карлу злостного назад. Горбун слетел с меча и скрылся во тьме. Витязь без промедления попятился назад и пополз к выходу из норы, поспешая по мере сил. Несколько раз он ошибся в выборе пути, но вскоре напал на верный и через некоторое время уже высунул голову и руки из норы. Сердце Беленира замерло от радости. Тут его подхватили под руки Всесвятлир и Брисинор и хотели уже вытащить из норы проклятой, как вдруг кто-то схватил его за ноги, ещё остававшиеся между дубовых корней. То был Гаркунец.

— Решил так просто уйти? От меня ты не уйдёшь! — то ли просвистел, то ли прокряхтел карлик, оскалив свои зубы гнилые. — От меня не сбежишь, может, уползёшь, когда я откушу тебе пятки!

Не успел Беленир вылезти, как карла всадил зубы ему прямо в правую ногу. Но воин даже не вскрикнул, ибо очень устал. Вскипев от ярости и негодования, он схватил карлу за бороду длинную, тот разжал челюсти, и витязь вытащил его из норы одной рукой. Тут-то уродца скрутили Всесвятлир и Брисинор, а Волнозор побежал в шатёр за верёвкой, чтобы связать поганца. Беленир выбрался из норы и встал на ноги несмотря на то, что правая сильно болела и из неё после укуса сочилась кровь.

— Попался, Гаркунец, — вымолвил он, глядя на то, как карла тщетно пытается вырваться из крепкой хватки Всесвятлира и, как Брисинор стоит наготове, на всякий случай, если карлик учудит что-нибудь нехорошее. — Чьих будешь? Кто тебя послал или ты сам по своей прихоти украл мой меч и хотел похитить Космача?

— Ха, ха, ха! — высоким голосом расхохотался карлик и щёлкнул гнилыми зубами. — Прям я вам так и сказал всё! Даже пытки вам не помогут!

— Тогда не будем напрасно марать рук! — вставил Всесвятлир. — Свяжем его и выбросим в озеро, пусть помоеся, а то от него знатно смрадит!

— Бросай! — заявил карла и высморкался Всесвятлиру прямо на кольчугу. — Я перегрызу все ваши верёвки, придушу вас ими и повешу в жертву старому дубу! Удавлю! А затем я отрежу хвосты вашим коням и засуну их вам в глотки! Ха-ха-ха!

— Закрой рот, вымесок! — вскрикнул Всесвятлир и плюнул карле в лицо.

— Смерть вам всем! — завопил горбун во всю глотку. — Смерть! Смерть!

Тут прибежал Волнозор, держа в руках крепкую вервь. Лицо его было измученным, так как он не спал уже целый день. Берегин подбежал к витязям и отдал верёвку Брисинору, тот быстро взял её и тотчас связал карле руки и ноги надёжным узлом. Вслед за тем он обкрутил карлика верёвкой да так, что тот не смог даже пошевелиться, и, когда уродец перестал дёргаться, все заметили, что раны его несерьёзны: стрелы он уже вытащил, а меч угодил ему в мясо.

— Так он точно не сбежит! — подшутил Всесвятлир, отпустив карлу из своей хватки. Связанный карлик повалился наземь и злобно закричал что-то себе в бороду на непонятном языке — грубом, как гранит необтёсанный, и обрывистом, словно горные пропасти. Казалось, что он бормотал какие-то проклятья или заговоры, забытые всеми, или напускал порчу. Тогда ему завязали и рот, на всякий случай.

— И что будем делать с ним теперь? — спросил Брисинор, понимая, что нельзя просто оставить карлу, иначе его найдут и освободят. — Его голос слишком громок и его призыв могут услышать его сообщники, если он призовет их. Они же могут его и спасти, ведь раны его не смертельны.

— Давайте выбросим уродца в озеро, я уже предлагал это! — рече важно Всесвятлир. — Таких как он жалеть нельзя, а если возьмём его с собой, он как-нибудь освободится и перережет нам ночью глотки! — Беленир и Брисинор колебались и, возможно, согласились бы с Всесвятлиром, но тут возгласил Волнозор:

— Кое в чём ты прав, мой друг Всесвятлир! Но нельзя его взять и просто убить. Это ведь нехорошо, ибо хотя и враг он, но уже поверженный.

— Он прав! — согласился Беленир. — Не стоит его убивать, давайте бросим его обратно в нору и завалим её. Вряд ли он быстро выберется из нее, но, если мы ослабим узлы, вряд ли и погибнет.

Все одобрили это решение. Всесвятлир и Брисинор развязали карлу, ослабили узлы и бросили злодея живучего в нору между дубовых корней. Затем витязи стали думать да гадать, чем бы завалить выход. Гаркунец тем временем, хрипя да гаркая, силился выбраться из узлов. Но тут Всесвятлир отыскал неподалёку валун серый, мохом покрытый, и путники все вместе, однако всё равно с великим трудом и усердием, подкатали его к дубу и завалили им нору.

— Готово дело! — молвил Брисинор. — Карла получил по заслугам!

— Пусть теперь пыжиться, — добавил Всесвятлир, — пусть грызёт узлы.

— Пошлите лучше спать! — заключил Волнозор. — Давненько я уже не спал.

Витязи затушили костёр и, выйдя из рожицы дубовой, вместе с конём направились в свой лагерь по извилистой стежке между краем берега и тихими пустырями. Вскоре они уже спустились в лощину уютную и вошли в свой богатырский шатёр. Всесвятлир тотчас решил пожарить зайцев, пойманных Волнозором. Вместе с берегином они их и приготовили. Зайцы получились на славу и вскоре от них остались только косточки. Плотно поев, все рухнули спать, за исключением Брисинора: он остался на дозоре, потому что не хотел вновь попасть в какую-нибудь передрагу.

А тем временем взошло солнце ярое и осветило все тёмные закоулки этих мест. Ветры к тому времени уже пропахали небо вдоль и поперек и расчистили его от туч и облаков. А кони добрые, увидев, что карла исчез, вернулись к шатру, к своим хозяевам.

Глава 14. Невод и рыбы

К счастью, пока все спали, ничего плохого не произошло. Витязи по очереди стояли на дозоре и караулили друг друга. Когда же все, наконец, выпались и встали на ноги, уже был день.

Беленир протёр глаза и вышел из шатра, встав на краю лощины. Было холодно, но свежо. С озера тихого дул стылый ветер, насквозь продувавший всякую одежду. Рощи дубовые стояли как прежде: тускло и хмуро, навевая мрак на всю округу. И несмотря на то, что вовсю светило красно солнце, всюду было серо и угрюмо, будто жизнь покинула эти берега.

— Пора в путь! — решительно молвил Беленир. — Промедление будет смертью для нас.

— Но сейчас холодновато, мы промёрзнем и, чего доброго, умрём от болезней! — изрёк Всесвятлир, выглянув из шатра и кашлянув. — Надо ждать дедов, они нам помогут.

— Они и так нам всё время помогают! — прервал его Беленир. — Надо идти в Заповедный Край самим. Если мы будем дальше беспомощно ждать дедов, то наша родина будет стёрта с лица земли, а нас найдут соглядатаи Кощевита и прикончат. Готов поспорить, Гаркунец крал не по своей прихоти, он — слуга и у него есть могучий хозяин. И скоро могут появиться его собратья или сам хозяин. Здесь нам и так не везёт, чтобы оставаться ещё.

— Тогда пора собираться! — заключил Брисинор, высунув голову из шатра и толкнув Всесвятлира. — Не бойся, ты не околеешь!

— Да, не так-то и холодно, — заметил Волнозор. — В наших краях бывало и похолоднее. К тому же скоро авось согреемся. Как никак, мы идём охотиться на змея, а змей этот пышет огнём! Это вам не за ведем гоняться.

Всесвятлир с неохотой согласился, и путники стали собираться в поход. Они сложили шатёр богатырский, собрали всё в мешки, уложили мешки на коней и пустились в путь. Дорога вела их вдоль южного берега озера на запад. Пройдя несколько рощиц дубовых, серых и унылых, в которых Волнозор случайно нашёл одну из своих стрел, утраченных на охоте, воины вышли к неширокой реке, что прозывалась в народе Легкотечной и впадала в озеро Эндрильн. По ту сторону Легкотечной Реки начинался обширный Заповедный Край. В туманах путникам виднелся Стоячий Лес.

Витязи спешили и по валунам округлым да высоким камням, валявшимся неподалёку друг от друга, перешли Легкотечную Реку. Перевести коней через её потоки пенные оказалось невероятно сложно, так как те боялись и упрямылись изо всех сил. Витязи провозились с ними целый час, если не два, и в итоге стараниями Космача жеребцы ярые оказались на том берегу.

Беленир и его соратники облегчённо вздохнули и присели на родную землю. Вокруг них всё было тихо и угрюмо, по-осеннему: ни рыка звериного, ни писка птичьего — только шум ветра. Деревья, росшие на этом берегу пологом, желтоватые и скучные, обступали реку широкой полосой и подходили к воде почти на сажень. Иные дубы и каштаны невольно свешивали в русло свои корни, а облетевшие листья, гнилые и мокрые, бросались с ветром по бурному течению. Но всё это было родным, и в сердцах воинов было светло, хотя вдалеке уже виднелся дым — очевидно, то горели деревни или дома, подождённые змеем.

И вдруг Беленир зоркий, глянув в густые заросли деревьев, увидел что-то блестящее. Оно сверкало, словно горный самоцвет, и манило к себе, тянуло неведомой силой. И с каждым

мгновением сияние становилось всё ярче и ярче, будто разгоралось. Беленир безмолвно указал туда пальцем, и все воины, столпившись около толстого дуба и прижавшись к нему, стали рассматривать блиставшую вдали вещь.

— Может, это огонь змия поганого? — спросил Брисинор. — Может, им он заманивает нас к себе в лапы.

— Нет, поганец-змея полыхает обычным пламенем! — ответил Беленир. — А это и не огонь вовсе. Это ответ.

— С чего ты взял? — спросил Всесвятлир. — Огонь тоже такой бывает.

— Сам погляди, — молвил Беленир. — Как только солнце скрывается за облаком, свет угасает.

— Погляжу!

Тут солнце красное скрылось за большим серым облаком, и сияние вправду прекратилось. Путники, прищурив очи молодецкие, глянули сквозь полчища дубов и высоких каштанов и воочию убедились, что света нет.

— Да, это ответ, — согласился Всесвятлир. — Но всё равно давайте проверим.

Витязи взяли коней под уздцы и пошли вперёд. Первым пошёл Волнозор, после него шли, обгоняя друг друга Всесвятлир и Брисинор, а замыкал цепочку Беленир, ведя богатырского коня. Космач, собственно говоря, был недоволен и открыто выражал недовольство в своих речах:

— Подумаешь, светится там что-то! Неужто надо сразу посмотреть? Лучше вернёмся на прежний путь, — и конь борзый заржал по своему обыкновению, встряхнув гордо своей длинной пышной гривой. Но беда была в том, что его никто не слушал, кроме Беленира, тогда как говорил он разумные речи. Но даже Беленир был словно бы опьянён тем дивным ответом, его будто заворожило.

— А вдруг это золото? — предположил Всесвятлир, и его глаза загорелись каким-то алчным блеском, ненасытным и глубоким. — Давненько я хотел себе новые хоромы, а будь это золото, они, верно, у меня появятся.

— Да и мне давно пора выстроить новое жилище! — отозвался Брисинор. — Не жить же вечно в одной избе. А золотце бы изрядно помогло.

— Да вряд ли это золото! — рассмеялся Беленир. — Не разевайте на него рты, пока егс даже не видывали! И к тому же Митрапирн и так посулил каждому сундучок золота и ларец серебра за коня Космача, — витязь уже стряхнул с себя ворожбу жадности.

— Но мне ничего такого не обещали, — заявил Волнозор. — И было бы неплохо поразжиться немного.

— Ясное дело, не обещали, — продолжал Беленир. — Но Митрапирн щедр и обязательно вознаградит тебя, да и твой государь наверняка не скуп.

— И всё равно охота что-нибудь добыть и самому, — ответил Волнозор и кашлянул.

Витязи продолжили путь и, хотел или не хотел, Беленир пошёл с ними. Вскоре из-за облака выглянуло солнце, и вновь вещь неведомая засияла словно перо жар-птицы. Витязи ускорили шаг, и вскоре, пройдя около тридцати сажен мимо толстенных дубовых стволов и высоченных каштанов, они различили очертания сверкавшей вещицы: то был топор. Да, да топор, секира золочёная. А вы думали, там будет что-нибудь волшебное или чудесное? Но это был просто топор.

Витязи приблизились к нему и увидели, что он был воткнут в серый ствол огромного дуба, который возвышался над головами путников подобно древнему идолу. Оглядев секиру,

все обомлели: никогда они не видывали оружие так хорошо украшенное насечкой и чернью и с такими дивными узорами и чудными рисунками на топорище. И, едва Беленир увидел его, на него вновь точно нашла какая-то волшебба. Глаза его заблестели, и он захотел им обладать. «Будет моим!» — подумал он и поглядел на своих друзей: каждый из них наверняка думал также.

— Чего ему попусту пропадать? — сказал Беленир, потянув руку к золочёной секире. — Возьмём, авось и сгодится. Топор — вещь полезная. Без него и пропасть можно.

Тут он дотронулся до топорища, и ему показалось, что оно было покрыто росой. Воин напряг руки и попытался вытащить секиру из дуба, но у него не вышло. И как ни старался он вытянуть желанный топор, лезвие острое словно бы всё глубже и глубже впивалось в древесину. Беленир совсем выбился из сил, он даже пробовал упираться ногами в ствол и тянуть секиру, но и это не помогало.

— Да что за проклятие такое? — сетовал витязь. — Кто мог вонзить этот топор сюда, если только не асилк?

— Верно, асилк! — покачал головой Всесвятлир. — Они если вонзят, так там и самые дюжие силачи не вытянут.

— Пошлите дальше, нечего тратить время на эту проклятую секиру! — заржал конь. — Беленир сильнее вас и, если он не смог, тогда и вы не сдюжите!

И, хотя никто не хотел отказываться от секиры, все одобрительно покачали головами, ибо правда была очевидна. Огорчённые путники понурили головы и хотели уже возвращаться на прежний путь. Да не тут-то было. Беленир прилип к топорищу обеими руками и не мог отойти от дерева. Отклеиться он тоже не мог, ибо наверняка содрал бы всю кожу со своих ладоней.

— Друзья! — сказал он, и сердце его вздрогнуло, так как он понял, что все они попали в ловушку. — Я приклеился к топору! — затем он понизил голос и молвил шёпотом: — И, думаю, неспроста. Готовьтесь к бою.

Всесвятлир обнажил клинок верный, Брисинор достал свой топор боевой, а Волнозор схватился за меткий лук и натянул тетиву. Наступила тишина гробовая, изредка её прерывал порыв ветра буйного и треск ветвей над головами. Но вскоре до ушей путников донёсся шум воды. Ведь тем временем в десяти сажнях от них, журча и извиваясь в своём русле, текла река Легкотечная. Текла она так же, как и прежде, услаждая взор и слух, и деревья также нерушимо стояли вдоль её потока, простираясь к северу аж на полверсты. Природа осталась прежней, только для Беленира она была иной. Ведь в его глазах от реки и деревьев исходила опасность. Он ожидал, беспомощно стоя у дерева, что вот-вот случится что-нибудь ужасное. Но витязь не очень боялся, ибо слишком многое претерпел в походе, чтобы бояться какой-то ловушки. Он больше злился и больше на себя, ибо попался как рыба в сети и так же, как и рыбаца, не мог наказать рыбака.

Страх остальных путников был тоже невелик, потому что они были на родной земле и при оружии. Волнозор не боялся тем более, ибо готов был спустить стрелу, едва увидит врага.

И тут вдруг из-за дерева столетнего в нескольких шагах от путников показался высоченный человек с длинной бородою. Его борода курчавилась подобно бараньему руно и была черна, что ночь, и лишь кое-где в ней была видна проседь. Человек был ростом в две сажени и его спину покрывала одежда из медвежьей шерсти, через плечи у него были переброшены медвежьи лапы. Голова его была что пивной котел и имел он всего-навсего

один глаз, око ясное, а другой был давным-давно выколот, и глазница пустая была объята темнотой. Ноги у того человека были что столбы, в могучих руках он держал поводок, и на нём, оскалив зубы острые, крутился подле его ног огромный волк с серо-бурой шкурой и яростными злобными глазами.

— Попались! — проговорил человек густым басом, потирая руки и поправляя длиннющие чёрные волосы, развевавшиеся по ветру. — Не сносить вам более своей головы! — тут он достал из-за пазухи исполинский топор с зазубринами. — Как говорится, моя воля — ваша голова в поле!

— Что тебе надо? — спросил Волнозор. — Говори, пока последний глаз ещё цел!

— Меня нельзя пристрелить, глупец! — расхохотался высоченный человек, поглаживая своими толстыми пальцами бороду чернявую. Волнозор спустил тетиву, и стрела калёная направилась тому человеку прямо в сердце. Но она не пробила его, а, вонзившись в кольчугу, видно, сработанную карлами и надетую под дрянные одёжи, треснула и упала наземь. Тут человек спустил с поводка волка серого и сам понесся на витязей. Одним могучим ударом он сразу вырубил Волнозора, а затем топором попал по Всесвятлиру, но на том был шлем, так что витязь не погиб, но потерял сознание. Брисинор, оттолкнув волка, попытался повалить врага наземь, прыгнув на него. Но человек от этого даже не шелохнулся, а Брисинор просто ударился об него и сам упал с ног. Тут злобному врагу не надо было прилагать и усилий. Он просто наступил ногой тяжкой на Брисинора, а затем дал ему кулаком прямо в лицо. Да так ударил, что у витязя едва глаза не вылетели через затылок.

— Кто ты? — спросил Беленир, не в силах противостоять врагу, глядя ему в черную глазницу. — Что тебе нужно от нас?

— Я Верлиока! — ответил человек, покручивая длинные курчавые усы. — Что мне нужно? Ха, ха! Что нужно мне? А нужно мне вас всех прибить! — и он уже замахнулся топором, чтобы срубить Брисинору голову, но Беленир вскрикнул:

— Подожди, подожди! Зачем, зачем? Неужто мы тебе сделали что-то плохое или оскорбили тебя? — витязь пытался тянуть время до тех пор, пока в его голове не появятся дельные мысли. Но и они никак не приходили.

— Хм! — промолвил Верлиока, почёсывая подбородок и сделав такой вид, будто он решает судьбу целого мира. — А ты в чём-то прав! Вы ведь мне ещё ничего не сделали, — и он замолчал на несколько мгновений, а Беленир вспомнил про медовуху живую, дающую силу великую. Как видно даже недавний волшебный напиток не сделал витязя сильнее Верлиоки, раз тот так глубоко воткнул топор.

— Но вам не поможет ваша правота! — продолжал Верлиока. — Не зря же я на вас ставил ловушку, клей крепкий готовил, топор в дерево втыкал? Вот, вот, не зря. И, кстати, не думай отклеить секиру от ладоней, иначе только всё мясо сдерёшь. Да, хорош невод, не правда ли? Да, рыбёшка? — и тут человек глянул на Космача. — А конёк по мне будет: высок, широк, ноги как брёвна и звезда во лбу, а по бокам частые звёзды! Ах! Где такого достали?

— Хочешь, и тебе достанем, — ответил Беленир. — Я знаю, где такие водятся.

— Я уже достал себе, — буркнул Верлиока. — Вот он, мой конь, — и он указал на Космача. — Как побежит он, так позади горячие головёшки полетят, а ваша кобыла побежит, так сзади труха посыплется.

— У нас нет кобылы, — молвил Беленир смущённо.

— Есть, — заметил Верлиока. — Она бледная и костлявая, не видывали такую? А

волосы из её гривы вываливаются прямо на ходу. Её копыта сгнили, а очи высохли. И я даже знаю, как её звать. А звать её смерть!

Тут к Белениру приблизился волк серохвостый и сел подле него, словно ожидая от него чего-то нехорошего, как показалось витязю. Но на самом деле зверь лишь ждал приказа хозяина, чтоб растерзать его. Наш витязь, тем временем, заметив также, что волк был хром на одну ногу, ртом стал открывать под грудью карман, чтобы достать оттуда бутылку с медовухой. Вскоре он кое-как открыл пуговицу, но вдруг волчище зарычал, оскалив свои зубы острые. Видно было, что зверь умный понял какие-то хитрые намерения витязя.

— А ты случайно не знаком с Серым Волком? — спросил Беленир Верлиоку, пытаясь отвлечь внимание своего врага, пока достаёт медовуху. Сам Верлиока же, не слушая своего собеседника, достал верёвку и стал привязывать всех путников, лежащих без сознания, стоймя к дереву. «Пусть волк выест им кишки» — заявил злодей. И вскоре Всесвятлир, Брисинор и Волнозор стояли плечо к плечу вокруг старого дуба неподалёку от Беленира. Между тем витязь с величайшим усердием и трудом схватил зубами горлышко бутылки и достал его из кармана. Тут уж ему ничего не стоило опрокинуть его и выпить до дна. Так он и сделал. И злобный Верлиока того не заметил, ибо проверял, надёжно ли привязал остальных путников.

Но вдруг бутылка выскользнула у Беленира и разбилась о землю. Злодей повернулся и, верно, убил бы Беленира, коли его не отвлек бы конь богатырский.

— Стой, иначе мы пронзим тебя дюжиной стрел и копий! — проржал Космач голосом человеческим.

— Кто там? — удивился Верлиока, выпучив глаз, будто увидел гуся, несущего самоцветы.

— Верная дружина! — отозвался конь, но Верлиока не заметил этого. — Брось топор и развяжи наших князей, а то не ходить тебе по лесам на своих двоих.

Верлиока послушался, положил оружие и, отвязав витязей от дерева, но оставив путы на руках и ногах, даже поднял руки. Но как ни силился он разглядеть в лесу дружину, как ни старался увидеть воинов, никак не мог и оттого ему стало страшно. Не осмелившись противиться, он, держа руки над головой, спросил:

— Где вы и кто вы? — голос его был удивлённым и странным.

— Мы прячемся! — ответил конь. — А кто мы — тебе лучше не знать!

На этот раз Верлиока заметил это и, снова выпучив глаз, сказал:

— Мой конь говорит! Где это таких коней разводят? Где вы его нашли?

Пока Космач дурил Верлиоку, Беленир почувствовал в себе силы меренно-немеренно и тотчас вытащил секиру золочёную из дерева. Одним махом витязь зарубил волка хромого, а вторым чуть не пришиб самого Верлиоку. Но тот оказался ловок и успел отскочить, схватив с земли свой топор. Между Белениром и ворогом проклятым завязалась схватка. Воин вскочил на Космача и стал одолевать противника. Но затем враг оттеснил витязя на несколько шагов и оборону пришлось держать коню. Космач двинул копытом Верлиоке в лоб, и тот, чуть не свалившись с ног, отступил. Видать, в глазу у него уже полетели звёзды. Всесвятлир и Брисинор к тому времени очнулись от ударов дюжих и стали кричать своему другу:

— Бей по коленям, бей по коленям!

— Нет, в голову бей!

— Секи по руке!

— Лучше по ноге!

Белениру, как ни странно, это подсобило, и он не без помощи Космача потеснил Верлиоку. Наконец, он ухитрился и секирой златозарной выколол врагу глаз, оставив к тому же на его лице глубокий шрам. Верлиока взвыл и в порыве отчаянной ярости, схватил Беленира и сбросил с коня. Витязь добрый свалился наземь, да только прежде, чем свалиться махнул секирою златою и убил своего врага, перерезав ему шею. Беленир и сам не ожидал такого поворота событий и потому, когда прикончил супостата, остался лежать на прежнем месте. Лицо его было радостно, и на нём виднелась странная улыбка. Верлиока рухнул на колени, а затем пал на сырую землю, и кровь алая засочилась из его мощного тела. Пару раз тело вздрагивало и даже переворачивалось, и все это время был слышен гортанный вопль.

Новоявленный победитель не стал зевать и тотчас освободил своих друзей, обрубив верёвки, что их связывали. Когда же все оказались на свободе, а Верлиока в последний раз махнул рукой и, скорее всего, умер, Всесвятлир спросил:

— Кто он? И что он хотел от нас? И с чего бы ему нападать на нас и откуда у него золочёная секира?

— И откуда он её взял? — добавил Брисинор, почёсывая подбородок.

— И вообще откуда он? — вставил Волнозор, и все стали пристально глядеть на Беленира, ожидая от него ответов.

— Его зовут Верлиока, — ответил Беленир. — Ясное дело, он хотел нас убить. Остального я не знаю. Может быть, его заслал Кощевит.

— Пф! — воскликнул Всесвятлир. — Это ясно как белый день! Кому же ещё надо убивать нас? Конечно Кощевиту, ведь только мы можем остановить бесчинства Идогурна и спасти свою землю.

— Не только из-за этого нас могут убить! — ответил на то Беленир, догадываясь, что Кощевит здесь не при чём. — Бывают иные безобразия, когда люди поднимаются на борьбу без особой цели, а порою даже без причины, стирая грани между разумным и глупым. Они видят врагов в любом, кто не с ними, и видят друзей во всех, кто за них. И горе, коли вы окажетесь на любой из этих сторон. По-моему, этот человек не был на стороне Кощевита, но просто мы были не на его стороне.

Витязи, обсудив случившееся, погребли Верлиоку. Ведь не могли они оставить человека, словно какого-то пса, на поклеванье воронам да на съеденье хищным волкам. На могиле своего недавнего врага удальцы сложили небольшой каменный курган, высотой в три вершка и на одном из камней написали: «Здесь покоится достойный враг, Верлиока, почти одолевший четырёх воинов и коня богатырского». Могила эта долго еще не сравнивалась с землёй и сподвигла многих гусяров-сказителей сложить об этом диком человеке песнь, и в песне этой приукрашенной дикарю приписали силу ста человек. Похоронив Верлиоку, путники отправились в дорогу. Белениру так и не удалось отклеить от своих ладоней секиру золотистую, потому он пошёл прямо с ней в руках. Витязи проделали полверсты, держа добрых коней под уздцы, затем лес кончился, они сели в сёдла и пустились вперёд. Перед ними пораскинулось-пораздвинулось широкое поле, разлеглись луга, и скакали они до тех пор, пока на юге не завиднелись рощи укромные и леса, покрытые завесой белых туманов. Но от этих дубров и сосняков исходил дым едкий: деревья были черны, словно уголь, и всюду стоял запах гари, а на земле как борозды проложились следы змея хвоста.

Глава 15. Пламень и железо

— Надо спешить! — сказал Беленир. — Змеище уже побывало здесь и наверняка прошло и подальше. Нам повезёт, если оно не добралось до княжества Митрапирна, иначе мы лишимся нашего дома.

Тут вдруг над головами витязей, глядевших в необъятную даль, пролетела птица и прочирикала что-то непонятное.

— Смотрите, это — воробей! — воскликнул Брисинор, указав на него пальцем и приняв довольно мрачный вид. — Предвестник грозы близкой, провозвещающий вовсе не небесную бурю, но бурю мечей, вихрь копий и буран железа!

— Красиво сказано! — заметил Всесвятлир. — Но я не верю приметам.

— Всякие бывают приметы, — сказал Брисинор, — иные и правдивы.

Все стали наблюдать за воробьём. Птица направилась вперёд и вскоре скрылась с глаз долой, сначала став маленькой чёрной точкой, а затем и вовсе исчезнув из виду. Брисинор слегка погладил бороду, а затем с деловитостью вымолвил:

— Воробей летел вперёд и ни разу не отклонился, значит, неизбежна битва! — как видно, он верил в такие приметы.

Всадники продолжили путь. Перед ними расстилалась выжженная змием равнина, безжизненная и печальная: всякое деревце было спалено, даже совсем маленькое или молодое; некоторые рощи благодатные и дубровы тенистые были выкорчеваны вовсе; ничто не выжило, повсюду стояли мерзостный запах гари и гробовая тишина. Над чёрными пашнями поднимался пар. По нескольким сторонам взметались густые и высокие клубы дыма — то еще чадили сожжённые до головней избы и целые деревни. Среди полей лежали обгоревшие кости людей, коров и лошадей. На горизонте не было ничего видно: стояли туманы и дымились подождённые к северу рощи и леса. И путники с трудом разбирали тропу, сплошь усыпанную пеплом. Вскоре натолкнулись они на борозду широкую, которую оставило проклятое змеище своим хвостом. Это был верный путь, чтобы отыскать чудище.

— Если найдем его, — сказал Беленир, — то биться придётся кому-то из вас. Я не смогу взять в руки меч.

Таким вот нехорошим путём они проехали ровно пять дней. За это время они приблизились к дымящимся на юге рощам и улицезрели в полной мере змиевы бесчинства: спаленные деревни и хоромы, обугрённые кровью, и всюду останки людей и скота. Как-то всадники наткнулись даже на обгорелые кости матери, в чьих руках был сожжённый младенец. «Он поплатится за это, — думал Беленир. — Я с ним расквитаюсь!».

— Видать, змей очень силён, — изронил Волнозор, которого напугали картины запустения и смерти. — Не знаю даже, справимся ли мы с ним, если еле-еле управились с каким-то Верлиокой!

— Справимся, — сквозь зубы промолвил Беленир. — Мы убили морское чудовище, выиграли поединок с великаном, мы укротили Серого Волка и одолели Егу, а с этим уродищем совладаем без труда!

Подойдя к одной из дымящихся рощ, путники вдруг слышали храп невероятной силы, раздававшийся над всей округой точно гром и пугавший коней. Они спешили и оглядели местность. Перед ними на холме стояла роща обширная, вернее то, что от неё осталось: деревья столетние были выворочены с корнями, не очень старые просто сожжены, а

молодняк обращён в пепел. На возвышенность вела узкая извилистая стежка, обегавшая несколько валунов, лежащих на пологом склоне.

Воины оставили коней добрых под присмотром Брисинора и Космача и стали пробираться на холм, ибо храп слышался с другой его стороны. Первым пополз Беленир, держа в руках секиру, которую не мог от них отклеить, вслед за ним Всесвятлир, а потом уж Волнозор, держа наготове верный лук. Они перебрались по тропинке от одного камня к другому, и вскоре прошли в рощу, испоганенную змием. Затем молодцы удалые, проползши мимо нескольких выкорчеванных и поваленных деревьев с обугленной корой и с сожжёнными ветвями, оказались на самой вершине холма и глянули вниз. Они увидели, что холм обрывается в овраг, а оттуда клубами чёрными подымается дым. Впадина была очень глубока и потому из-за чада ни Беленир, ни даже зоркоглазый Волнозор не смогли различить что или кто в ней находится. Но храп исходил оттуда.

— Там спит Идогурн, — сказал шёпотом Беленир. — Вряд ли это какой-нибудь великан решил прикорнуть в овраге подле дымящихся деревьев, вырыв такую глубокую котловину.

— Надо прикончить змея, пока он спит! — посоветовал Всесвятлир. — Деды сказали, что он очень ленив, значит, вряд ли проснётся.

— Ленив, но не глух, — сказал Волнозор, с опаской глядя в овраг. — Надо спуститься как можно тише и перерезать ему глотку. Но как можно тише! Беленир, возьми меч Каукиса и прикончи эту тварь.

— Да как я возьму меч, когда у меня ладони прилипли к секире? — удивился витязь, показывая берегину свои руки, приклеенные к длинному топорищу золотистой секиры.

— Проклятье — промолвил Волнозор. — Совсем забыл про это.

Тогда Всесвятлир сказал:

— Дайте мне меч, и я сам убью змеище. Только не шумите, а то он проснётся.

Волнозор вынул у Беленира из ножен клинок и дал его Всесвятлиру, затем взял он рог Государя Волн — вещь эта обладала чудесной силой и могла пригодиться. Беленир подозвал Космача, и конь богатырский тотчас явился.

— Я пойду убивать змея, — сказал коню Всесвятлир, на что конь кивнул головой. — На всякий случай со мной будет и Волнозор. Пошли вниз, попробуем одолеть чудище.

Всесвятлир и Брисинор вместе с конём стали спускаться вниз, в овраг, навстречу чёрному дыму. Шли они крайне тихо, стараясь совершенно не шуметь. Даже стука конских копыт было не слышно. И тут, не успели воины спуститься, как ветер задул с севера, и весь дым и смрад повалили на них, окутали их чёрной пеленой. Они скрылись из виду, отчего Беленир затревожился и стал внимательнее вглядываться в черноту чадной завесы. У Всесвятлира тем временем от дыма, зловония ядовитого и невероятной духоты закружилась голова. «Проклятье!» — едва слышно сказал он, и ноги его подкосились, и он стал падать. Волнозор едва успел подхватить его и, взяв из его рук меч, посадил воина в седло и сам сел следом. Он тоже почувствовал, что вот-вот силы покинут его и он упадёт в обморок. «Выведи нас прочь отсюда» — сказал он Космачу шёпотом, и конь богатырский развернулся и пошёл обратно на холм. Волнозор даже не заметил того, как рог Государя Волн сорвался у него с пояса и упал где-то в овраге. Вскоре конь вынес воинов на своей спине из дымной пелены и, только оказался он подле удивлённого Беленира, Волнозор и Всесвятлир рухнули на землю.

— Что случилось? — спросил Беленир. — Что с ними?

— Смрад змеиный одолел обоих, — ответил конь. — Как видно, не только мощь

Идогурна опасна, но и все, что он исторгает из себя. Не думал я, что так опасен стал змей.

— Они очнутся?

— Да, скоро должны прийти в себя. Но находиться тут в таком состоянии опасно, змей может пробудиться в любое мгновение.

— Где рог Государя Волн? — воскликнул Беленир. — Он был у Волнозора. Можно дунуть и пробудить их.

— Но так мы пробудим и змея, — заметил конь.

— Его сон нам все равно не на руку, раз подобраться к нему нельзя, — пояснил Беленир.

И вдруг затрубили горны множества воинов, раздались кличи боевые, топот копыт и грохот колёс. Тут же очнулись и Всесвятлир с Волнозором. Но мысли их путались, а головы раскалывались от боли: где рог Государя Волн они не знали, а он был единственным, что могло сейчас вернуть прежние силы. Беленир глянул сквозь дым, исходивший из оврага, и увидел доброе воинство, шедшее им навстречу, к холму. Прибежал Брисинор и тоже стал наблюдать за происходящим.

— Что случилось? — спросил он.

— Зловоние и дым не подпустили нас к змею, — ответил Всесвятлир. — Лишь благодаря Космачу спаслись.

— Хорошо, что меч не потеряли, — добавил Волнозор и вложил Белениру в ножны меч.

— Вот ведь бесовщина, — недовольно пробормотал Брисинор. — А что за войско? Митрапирн?

Во главе войска, что шло к оврагу, ехал на колеснице резной, запряжённой тройкой белых коней и впрямь сам князь Митрапирн. Его лик был суров и грозен, в глазах блестел огонь ярый, в деснице сверкал меч острый, на груди сияла златокованная кольчуга, а на голове вздымался яркой сверкавшей горою высокий шишак. Серые волосы князя удалого развевались по ветру, левой рукой он держал поводья. И было видно, что он говорит что-то, но его зычного голоса не было слышно. Вслед за Митрапирном на конях богатырских гарцевала его верная дружина, вооружённая копьями, мечами и булавами, а за ней неспешно шагало ополчение. Всё воинство остановилось в полуверсте от оврага и замерло в ожидании, растянувшись примерно на версту в длину и на двадцать сажений в ширину. Тут Митрапирн показал рукой всем воинам, чтобы они оставались на месте, а сам, взяв поводья, направил свою колесницу к оврагу, за которым возвышался холм. Приблизившись к той яруге, князь громоголосый крикнул зычно:

— Выходи на битву, проклятый зверь! Я всажу тебе меч богатырский в самую глотку, и неповадно будет тебе разорять мирные земли!

Тут над головами у всех сомкнулась тишина гробовая, казалось, что всё войско скорбело о чём-то. Но вдруг наши витязи стали кричать и махать руками.

— Уходите! Вам не победить его, чешуя у змия слишком крепка для ваших мечей! — призывал Беленир. — Митрапирн, беги отсюда.

Митрапирн услышал их и, глянув на холм, закричал им в ответ ещё громче прежнего, будто старость нисколько не убавила ему силы:

— Бежать? Это недостойно, это — позор! Я лучше сложу здесь голову, чем буду доживать с позором последние дни, зная, что мог победить своего врага! — и князь светлый улыбнулся, на его лице бороздами протянулись морщины старости. Но черты его лица, как и в далёкой туманной молодости, остались величественными и гордыми, как у первых вождей

древности.

Тут послышался ужасной силы рёв, и покачнулись опалённые дубы, а иные и вовсе пали наземь, издав страшный треск. Из оврага потянулся клубами огромными чёрный дым и в одночасье закрыл от Беленира и его соратников Митрапирна с его войском. Солнце яркое не смогло пробиться сквозь ужасную завесу и в бессилии осветило лишь самые верхние клубы. Земля дрогнула, и даже лошади едва устояли на ногах — многие из них, видно, хотели рвануть отсюда подальше, ибо чувствовали близкую гибель. Казалось, будто почва сейчас провалится в тартарары, а вместе с ней и всё войско.

Воины в рядах княжьего воинства зашептались. Витязи наши же прикинули к земле и укрылись от змея за поваленным деревом на самом гребне холма. Беленир тщетно пытался отодрать от своих рук секиру, чтобы взять меч Каукиса, но ничего не выходило. Всесвятлир в нерешительности то прижимался к земле, то немного распрямлялся, желая взять Самосек и биться с поганым ворогом, однако он боялся, что ему не хватит сил пробить вражью чешую и потому не решался — недавний обморок остудил его пыл. Брисинор же и вовсе не показывался из-за дерева, считая, что сейчас он и его друзья не в силах что-либо сделать, а Волнозор, слегка высунувшись из-за укрытия и ухватившись за какую-то корягу дрожащими руками, глядел на чёрный дым.

Но Митрапирн, несмотря ни на что, стоял гордо и ровно. Он даже не покачнулся, когда раздался этот рёв, а когда он окончился, светлый князь даже не обернулся — так отважен и велик он был. Он стоял недалеко от оврага на своей резной колеснице, волосы его развевались на суровом ветру, дым клубился вокруг мрачной завесой, и змий ужасный был где-то поблизости. Но в глазах доблестного князя, не скованного даже старостью, не было страха, там была лишь смелость. Даже Белениру было далеко сейчас до его смелости, а возможно даже и самому Турну, правителю стародавнему. Ведь Митрапирн не боялся смерти и не страшился никаких ран, зная, что скоро ему придёт пора умереть. «Лучше погибнуть на бранном поле, чем в своей постели, — думал он. — Пусть поглядят девы-лебедицы на мою храбрость, пусть напоят мертвеца живой росой и унесут на своих белых крыльях прямо в свои солнечные хоромы. Пусть!».

— Выходи на бой, чудище, пока я не спустился в твоё мерзкое логово и не прикончил тебя там! — воскликнул с гордостью Митрапирн, потрясая своим мечом светоблещущим.

И тут чудище отозвалось из оврага, прорычало оно из яра глубокого:

— Спускайся, если не страшно, а коли боишься — жди, пока я выползу, глупый князёк!

Идогурн умело играл на струнах души, но Митрапирн прожил уже долгую жизнь: то был не глупый мальчишка, но витязь, умудрённый годами. Потому он не поддался на змиевы слова, не спустился в овраг, хоть подлый червь и поддел его гордость. Но нет, Митрапирн не боялся: он знал, что идёт на смерть, но перед гибелью желал хотя бы отрубить врагу хвост, а лучше пронзить чёрное сердце. «Без песни не охота отдавать душу небесам», — подумал он. И, чтобы приободрить войско и порадовать себя, светлый князь запел, глянув в небо:

В тёмный час, когда темень всюду,

И нет просвета в небе чёрном,

Когда солнце дикие тучи крадут

От взора ясного, от всех существ,

Могучий Стриор, гордый владыка,

Под небесами почерневшими немо стоит.

Смотрит он вдаль, мудро взирает
На горы, на реки, на леса и поля.

И борода его рыжая дико колышется,
Длинная по колено ему, лик его страшен:
Брови косматы растут буйно и сильно,
Глаза словно кладезь золота яркого,

Пылают они, лик украшая,
Одежда его подобна кольчуге,
Копья серебряные, колья могучие,
На поясе его висят, пёстро сверкая.

Пел он ту самую песню, какую пел в своём чертоге тогда, когда ещё не ушли наши воины в поход за богатырским конём. Но сгнули те времена, исчезли надолго, скрывшись в тени времён. И даже песня эта звучала ныне по-иному, не так, как раньше. Прежде была она весёлой, теперь же она раздавалась мрачно и была полна грусти, но одновременно и воодушевления. Из этой песни попеременно с кручиною текла храбрость, но больше в ней было печали, ибо скорбел Митрапирн, что не увидит более красное солнце, облака ходячие и зелёные деревья, что не почувствует более ветра игривого, не ощутит дуновений весны и не услышит птичьих напевов.

— Трус! — рыкнул змей из оврага. И вдруг гром и свист, сопение и громыханье разнеслись вокруг. Но то не ветры светрились и не тучи стучились: выползал на брюхе чешуйчатом из яруги проклятый змей. Вот, перед Митрапирном показалась его огромная голова, увенчанная рогами, словно великой короной, и нависла над ним, испустив из ноздрей вонючий пар. И тотчас на князя ясного уставились из темноты дымных клубов два золотых ока, переливавшихся злобой и хитростью. То были глаза Идогурна. Вся княжья рать замерла в испуге, а змий коварный медленно сомкнул над Митрапирном свои крылья. Теперь правитель был спрятан от чужих взоров.

Беленир и его соратники видели лишь тёмные очертания змия, распростёршего над князем удалым ужасные крылья. Сам правитель доблестный был окутан маревом змеева дыма, и лишь его меч блистал среди тьмы. Страшно было это зрелище. Думали все, что не миновать Митрапирну смерти. Беленир хотел что-то предпринять и спасти князя, но не мог слепо ринуться в бой и погибнуть, не оправдав надежд дедов и своего народа. К тому же дым и зловоние ещё не рассеялись и отделяли витязей от князя и его войска. Тогда вместо него вызвался Брисинор:

— Теперь моя очередь попытать удачу! — сказал он. — Всесвятлир и Волнозор уже потеряли силы, а у тебя в руках эта проклятая секира, так что дайте мне меч.

И вот, когда Брисинор решил призвать коня богатырского и прыгнуть на нём прямо на Идогурна, затрубили рога воинские, и вся могучая рать Митрапирна-князя с кличем боевым понеслась на врага. Первыми поскакали отборные дружинники: все мощные, хорошо вооружённые, на конях добрых. Вслед за ними поспешили ополченцы, вооружённые топорами да вилами, иные и мечами дедовскими. И только лучники меткие и зоркие пращники остались на прежнем месте и пустили в Идогурна тьму стрел калёных да метательных шаров. И понеслись эти стрелы выше холмов, чуть ниже облаков и ужасным ливнем обрушились прямо на змея злобного. Иные едва не угодили в Беленира, пригвоздив

его плащ к земле: град из стрел помешал и Брисинору вступить в битву. Но те, что попали в змея поганого, отскочили от его чешуи непробиваемой и пали наземь подле князя Митрапирна.

Коварный змей разъярился не на шутку, по-звериному рассердился, а в его глазах загорелся огонь мести, хотя мстить ему было не за что. Митрапирн тем временем хлестнул белых коней и понёсся навстречу своему войску, дабы вести его затем на врага. Змей не стал осыпать князя жарким огнём, а, напротив, дал ему уйти из-под завесы дымных клубов и своих крыльев. Видать, лёгкая добыча была не интересна Идогурну. Между тем Митрапирн встретился со своей дружиною и повёл её в бой. К тому времени глубокий овраг, откуда выбрался змий поганый был от дружины уже в десяти сажнях, потому гриди вскоре встретились с ворогом лицом к лицу. Ведь змей выбрался из яра и сидел-поджидал их, посмеиваясь злорадным смехом.

— Свежее мясо! — зарычал он ужасным голосом, и сердца людей задрожали. — Будет из чего приготовить моё любимое жаркое!

Тут дружинники хотели броситься врассыпную, но князь сдержал их и, глянув в глаза змею, промолвил:

— С бранного поля есть дорога, но она не для тебя!

Сказав таковы слова, Митрапирн понёсся на врага и метнул в него копьё. Но змий был не прост. Хоть и был он три сажени в вышину и двадцать в длину и покрыт громоздкой броней, всё равно с легкостью увернулся от копья, а затем, взмахнув крыльями, взлетел в воздух и посыпал огнём всю дружину. Всадники бежали, а иные и вовсе погибли от ужасного пламени. Змей приземлился и ухмыльнулся. Но тут подоспели ополченцы и выручили Митрапирна, бросившись на врага с дубинами и палицами, а кто, как уже говорилось, с дедовскими мечами. Да только Идогурн всех их разбросал: кого в овраг закинул, кого на холм, других вообще спалил дотла. Оставшиеся ополченцы бежали от змея прочь. Один лишь Митрапирн остался подле него. Он взял новое копьё и вновь, во второй раз, бросил в чёрного врага. Оно попало в грудь змию и сломалось о его крепкую чешую из небесного металла, что переливалась на солнце. Храбр был Митрапирн, да только в помощь ли ему была храбрость? Помогла ли она ему против столь сильного врага?

А лучники тем временем всё палили по змию, да так, что путники не могли высунуться из-за поваленного дерева, а не то их бы пронзило сотней стрел. Так что теперь они никак не могли помочь своему князю, даже если бы отклеили от рук Беленира треклятую секиру.

Тем временем сам князь удалый обнажил клинок: меч его вырвался из ножен словно огненный всполох, отразив на своём лезвии огонь поганого змея. И, соскочив с уже горящей колесницы, отважный князь-витязь кинулся на змеище уродливое и стал биться с ним, коя и режа его лапы и грудь. Но так могуч был Идогурн, что меч княжеский не причинил ему и вреда, а только лишь затупился без толку. Князь, негодуя, поглядел на свой меч, а затем в лукавые глаза змия и понял, что тот с ним забавлялся. Теперь же, наигравшись вволю, Идогурн пыхнул на светлого князя своим жаром, огнём ужасным. Митрапирн увернулся и спрятался за ствол дуба, прикрывшись от стрел щитом. Борода его седовласая опалилась от змеява огня, который сжёг дотла колесницу. Кони же, заржав, в испуге убежали прочь, а князь остался почти один на один со своим врагом. Однако змей потерял его из виду, не заметив, где тот спрятался, ибо над полем волоком тянулся чёрный дым. Лишь стрелки помогали князю, стреляя издалека в уродливого змея.

«Надо хотя бы отрубить ему хвост», — думал Митрапирн. И вскоре среди чёрного дыма

он различил его. Хвост как раз шевелился подле исстрадавшегося от огня дерева, за которым прятался князь. Сжав в руках меч затупленный, храбрый правитель ударил по змеинному хвосту что было мочи. Треснула кость: хвост был разрублен, и кровь горячая обагрила землю ручьём. Но Идогурн рассмеялся, словно не почувствовав боли, и, свысока глянув на князя, испустил из себя такой силы пламя, что на этот раз князь не смог от него скрыться даже за деревом. Гордый и великий Митрапирн был испепелён. Так пал доблестный витязь в битве со змием лукавым. Узрев кончину своего правителя, стрелки бросились в бегство и вскоре исчезли, разбежавшись по неизвестным тропинкам.

Змий взревел, прилёг на земле и свернулся кольцами. Дым к тому времени развеялся, и витязи узрели Идогурна во всей красе и величии, если такие слова применимы к змиям. Его чешуя крепкая переливалась на солнце радужными цветами, а на голове чернела корона из многих рогов — величественная и ужасная. Глаза змея были цвета яра золота, а зрачки чернее тьмы. Вся морда чудища наводила жуть и отпугивала кого бы то ни было: из ноздрей столбом валил серый дым, вся пасть была усеяна зубищами ужасными, и на носу громоздились как скалы наросты роговые. Перепончатые змеевы крылья могли запросто укрыть его самого, но сейчас он их сложил и держал на чешуйчатой спине. И всего у чудища было четыре лапы: две спереди, две сзади, все они были покрыты чешуею и на каждом пальце было по смертоносному когтю. Хвост змея же был отрублен где-то посередине, и из него ручьём буйным сочилась поганая кровь. Но Идогурн словно бы и не замечал этого, продолжая привольно лежать. Видно, ранение хвоста, который не был защищён бронёй, не было смертельным.

— Надо прикончить его! — заметил Всесвятлир. — Иначе какой от нас прок. Митрапирн отрубил ему хвост. Так что уродец истечёт своей рудою и будет слаб! — и только лишь сказал это витязь храбрый, как вдруг змей тотчас подтянул хвост к голове, пыхнул на него огнём, и кровь остановилась.

— Хитёр, уродец! — сказал Брисинор, почёсывая затылок. — А что, если он слышит нас?

Тут все смолкли и ужаснулись, а Беленир смекнул и решил проверить, действительно ли это так.

— Что ж, тогда мы уйдём! — сказал он, мигнув глазом своим товарищам. — Пойдём на юг и будем жить там — здесь нет для нас жизни!

И путники, поняв замысел Беленира, встали и ушли с высоты, а затем и вовсе взобрались на коней. Но лишь только они сели, сразу же понеслись обратно на холм через ту сожжённую рощу. Взобравшись на него, путники увидели, что змий пополз на север.

— Решил нас обвести вокруг пальца! — рассмеялся Беленир. — Ан нет, мы его обвели. Теперь мы знаем, что он хорошо слышит и боится нас, раз не напал, пока мы были здесь. Видать, он чует запах Космача. Думаю, надо обогнать его и прибыть в чертог Митрапирна.

— Согласен! — сказал Всесвятлир. — Эта храмина — последний достойный оплот нашего княжества. Если падёт он, то вслед за ним падут и все другие княжества, а наш край будет спалён дотла.

— Сперва надо найти рог Государя Волн, — рёк Волнозор. — Мы где-то потеряли его. Наверняка в овраге. Нельзя оставлять такую ценную вещь там.

Брисинор тогда спустился в овраг и, поискав хорошенько, вскоре нашёл этот рог. «И то неплохо, что проклятый змей не заметил его, — подумал воин про себя. — А не то — уничтожил бы столь прекрасную вещь». Зловоние же все ещё оставалось внизу, но уже не

такой силы, да и дыма там не было, поэтому Брисинор не упал в обморок, в отличие от своих соратников, спускавшихся туда ранее.

— Погнали, — молвил витязь, поднявшись наверх, — рог у меня!

Брисинор вскочил на коня и все поскакали по травянистой равнине. Вскоре четверо воинов сравнялись и почти нагнали своего врага. Тут они свернули влево, на восток, и направились к небольшой дубраве, что была ещё нетронута огнём. Ведь не могли они обгонять змеище прямо перед его носом, иначе бы очень серьёзно за это поплатились. Вскоре путники оказались в той роще дубовой, и, как только ветви нагие старых деревьев нависли над их головами, они остановились ненадолго.

— Раз надо обогнать змея, — молвил Беленир, — пустим коней во весь опор и понесёмся вновь на север, а затем, как увидим чертог, поедем к нему напрямик.

— Хороший замысел! — согласился Волнозор, опасливо глядя на запад, туда, где как раз был змей.

— Давненько хотел размять свои копыта! — заржал Космач и встряхнул своей бородой.

Витязи припустили коней на северо-запад. Те понеслись во весь дух, и вскоре и холм невысокий, и дуброва прохладная, и даже сам змей скрылись из глаз далеко позади, на юге. Через несколько часов, в течении которых Белениру на Космаче постоянно приходилось останавливаться и ждать своих друзей, ибо богатырский конь был очень быстр, всадники оказались на обработанных полях, но затем поля сменились лесом сосновым и исчезли. Но некогда было нашим витязям славным любоваться красотами природы. Так что они пронеслись через бор, будто его совсем и не было, и, оставив его позади, въехали на широкие и приземистые холмы, окруженные еловыми зарослями. С ходу преодолев несколько высот, путники остановились.

— Смотрите, вон ваш чертог! — воскликнул Волнозор, взглядевшись на запад.

— Точно, он! — подтвердил Беленир, посмотрев на возвышавшиеся недалеко каменные хоромы с соломенной крышею.

Витязи вновь припустили коней. Спустившись с холма и взобравшись на другой через ельники тёмные, они увидели, что из окрестных деревень в чертог стекается меренно-немеренно народу и что туда же прискакали всадники, посланцы и князья из других княжеств, и несколько выживших в битве дружинников Митрапирна. Увидав это, витязи понеслись туда ещё быстрее и, проскакав через боры еловые, сырые, да через холмы приземистые да по пожухлой траве, они очутились перед тем зданием. Храмина была высока и сложена из камня серого в два этажа. В длину она была где-то тридцать сажень, не меньше. Двускатная крыша была крыта соломой и на ней высился конёк золотой с серебряной гривой. Двери в чертог были сделаны из дуба твёрдого и украшены затейливой резьбой. Над ними на каменных колоннах, исчерченных резями, нависал свод дубовый, образуя балкон, на котором стояли скамьи с красивыми узорами.

К тому времени весь народ, какой путники видели издалека, был уже в чертоге, так что на улице стояла тишина, и даже шум ветра не нарушал этот покой. Всадники спешили, и Беленир облегчённо вздохнул, ибо ему было неудобно ехать с секирой, приклеенной к рукам. Путники привязали коней к столбу подле дверей, кроме Космача, разумеется, и лишь потом заметили, что на балконе дубовом стоит какая-то тень. Беленир взгляделся и узнал, что это была княгиня гордая, жена Митрапирна. Она задумчиво стояла на самом краю балкона, держась одной рукой за оградку. Её седые волосы были убраны в толстую косу и спускались почти до земли, а в серых, что осенний вечер, глазах блистали вперемежку горечь и надежда.

Её лицо было также гордо и прекрасно, как и у её мужа: ровный нос, бледно-розовые щеки, тёмные брови, растянувшиеся неширокими дугами над глазами и сомкнутые в думах уста — всё было в жене князя тихо и надменно. Одета она была в княжьи одёжи. Её сарафан белый с серебристыми узорами был бледен, но подчеркивал её важность и статью, а золотистый кокошник был ярок как солнце и на нём были вышиты светлые лучи. И своей холодной и тонкой фигурой, поблекшими, но величественными чертами и глазами, полными мудрости, неизбывной тягости и печали, княгиня напоминала древнюю богиню скорби.

— Вы его видели? — спросила она витязей, даже не взглянув на них — её взор был устремлён вдаль, на юг, куда не столь давно ускакал её муж и откуда он уже не вернётся.

— Да, — ответил Беленир.

— Живым или мёртвым? — вновь спросила княгиня.

— Живым, — держал ответ Беленир, — мёртвым его никто не видел, ибо он пал в битве с Идогурном от огня.

Княгиня даже не шелохнулась, но из её глаз обильным ручьём потекли слёзы.

— Что ж, он пал достойно! — молвила, она, посмотрев на Беленира, и тут же узнала его. — А вы добыли коня богатырского? Говорят, в нём последняя надежда для нашего народа...

— Да, добыли! — сказал Беленир. — Вот он стоит.

— Так почему вы не убили змия, не спасли Митрапирна, своего князя, не пришли ему на помощь в беде, в тот тёмный час, когда более всего ему нужно было подспорье? — укорительно спросила княгиня и бросила на всех витязей ледяной взгляд негодования и ярости.

— Это долгий рассказ, лучше выслушай его в чертоге! — ответил Всесвятлир за Беленира, потому что у того словно отнялся язык от таких речей.

Глава 16. Великое вече

Переговорив немного у входа, воины отворили двери тяжкие и медленно и важно вошли в храмину Митрапирна. Перед ними распростёрлась гридница высокая в двадцать сажений длиною да где-то в четыре шириною, с потолком в две сажени. Но в ней не было пиршеств званых, и столы в гриднице не ломились под тяжестью яств. Всюду по углам да стенам стоял народ честной. Четыре стола были перевёрнуты на бок и ограждали место выступления в середине гридницы от толпы со всех сторон. В окна все ещё проникало солнце, потому свечки на стенах были не зажжены. Стоял невообразимый шум. Люди спорили, что делать со змеем ужасным или как от него спастись: рыбаки умелые вели речь с простыми селянами, витязи бывалые с молодыми воинами, лучники меткие с бравыми мечниками, а князья из других княжеств беседовали между собой, собравшись в небольшую кучку у противоположной от двери стены. И говорили все несдержанно и даже грубо и во время этого пили добрую брагу или мёд хмельной из огромных бочек, расставленных по углам гридницы. Никто даже не заметил, как в чертог вошли наши воины.

Беленир и его друзья не обиделись на это, а встали среди простого люда и стали слушать, что дельного скажут князья, пришедшие на совет. Но, что самое странное, правитель державный, что был старшим над всеми, не явился невесть по каким причинам. Собственно говоря, этот совет учредил Митрапирн, но он пал, и потому его жена, уже сидевшая со всеми князьями, сказала:

— Да начнётся совет великий! Вас всех, князья и посланцы дальних земель, созвал мой муж — Митрапирн. Но созвал он вас тогда, когда опасность ещё не была так близко к нам...

— Как близко? — загудели князья.

— Очень, — продолжала княгиня. — Змей проклятый уже в нескольких часах пути от этого чертога и ничто не может помешать ему на его пути, кроме человеческой отваги и силы. Потому и нет на совете моего мужа — он пошёл в поход на нашего врага. Как видно, он хотел если и не убить его, то хотя бы задержать, чтоб все на совете поняли, что пора выступить единой силой. Не пойдя он в битву, змей мог бы уже добраться до этих мест, а так он, очевидно, устал и вряд ли доберётся...

Из числа князей выступил один именем Аревлас, человек умный и бывалый, на челе его видны были морщины, пусть и был он не стар, о чём говорили его русые, совсем не седые волосы.

— Слушайте меня! — сказал он, подняв правую руку, и в его тёмных глазах блеснул огонь. — Думается мне, Митрапирн совершил роковую ошибку. Он вышел биться со змеем в открытом поле. В итоге его войско, скорее всего, пало либо разбежалось. Я предлагаю оставить эти земли и идти на север! Там мы можем занять выгодную позицию в Ущелье Белого Камня! Это ущелье — самый быстрый путь к северным княжествам, и я уверен, что змей изберёт именно его. Во всяком случае, мы не должны упускать возможность победить его там. Наши дружины уже стоят в этом ущелье, так что присоединяйтесь.

— Это решение держится на ниточке, — выкрикнул из толпы Всесвятлир. — Что если змей взлетит к тому времени, когда мы займём то ущелье? Тогда эта позиция будет не выгодной, а попросту убийственной! Пусть и слабы сейчас змеевы крылья, но мы не знаем, когда Идогурн усилит свои мышцы и будет готов к долгим полётам. Да и с этой позицией мы можем потерять все наши земли. Ведь мы оставим этот край ему на сожжение, а сами будем

сидеть в ущелье. Он ведь может избрать и другой путь! Тогда он сожжёт не только этот край, но и все другие, пока мы будем ждать его.

— Есть и другая причина, по которой мы не станем уводить все свои дружины на юг, — заявил Аревлас, нахмурившись. — Нам стало известно, что берегины измышляют против нас войну и, как только мы отправимся на юг на битву со змеем, они пересекут реку и разграбят наши дома. Поэтому мы не станем уходить далеко от наших княжеств!

— Это ложь! — крикнул тотчас возмущённый Волнозор. — Никогда мы не измышляли такого против дружественных народов. Это всё ложь Коцевита, это всё его козни!

— Мы не станем ставить под угрозу наши дома из-за заверений какого-то берегина, — ответил на то Аревлас.

Тут выступил какой-то правитель из княжества на северо-востоке. Он вышел на огражденное столами место в середине гридницы и стал ждать, пока утихнут споры. Выглядел северный князь, как ему и подобало: волосы его были длинны и неухожены, глаза голубы, а их взгляд суров. Ростом он превосходил всех собравшихся, и за спиной широкой у него был огромный двуручный меч, а в руках он держал крепко-сработанный шелом. Одет князь северный был в броню кольчатую, поверх неё была наброшена шуба тёплая из волчьих шкур, а на ногах у него были башмаки, подбитые мехом. Когда толпа смолкла, он молвил слово:

— Я Стрезибор! — разнеслось громозвучно по гриднице высокой. — Убивал я медведей косолапых, убивал волков серохвостых, так почему бы мне не сразить этого вашего Идогурна вместе с другими князьями и воинами? — это он сказал для красного словца, ибо был чересчур хвастливым, на самом же деле у него, несмотря на его воинственный вид, тряслись поджилки.

— Эх, добрый молодец! — проворчал какой-то дед седобородый, запачканный сажею, с печи, что была в углу гридницы. — Змий — тот ещё поганец. Это тебе не волк и даже не медведь.

— Молчи, дед! — бросил в ответ Стрезибор, вытащив из-за спины свой двуручный меч. — Неужто не видно, что этому клинку неважно какой череп сечь: медвежий или змеиный? — все воинственно закричали и подняли вверх кружки с мёдом да роги с брагой. — Если старик Митрапирн не одолел змея, так пусть молодые пойдут в бой!

Но тут из толпы послышался хриплый голос: это говорил Борим, староста, заведший некогда наших витязей к Мал-стар Дедку и бросивший их там:

— Стрезибор прав: ему надо идти на змея! Никто не придёт к нам на помощь. Тогда пусть Стрезибор, все удалые князья и их гриди идут биться с чудовищем, а мы пойдём в горы. А коли он и другие князья справятся, то потом как-нибудь окликнут нас!

Как бы то ни было странно, но Борим предложил довольно мудрый совет. Ведь не бывает такого, чтоб люди были совершенно плохи и не говорили ничего мудрого. Но тут Аревлас выкрикнул:

— Если Стрезибор хочет, пусть идёт биться сам!

Народ честной неодобрительно загудел, иные бесстрашные селяне, выпившие уже не одну кружку, пригрозили благородным правителям кулаками, за что их выкинула из чертога бдительная стража.

— Я и мой друг князь Вадир вместе со своими дружинами займём оборону в Ущелье Белого Камня — там уже стоят наши воинства, присоединяйтесь к нам! Нет никаких оснований полагать, что змей взлетит или изберёт другую дорогу.

— Ну так пусть Стрезибор попробует! — крикнул кто-то из толпы.

— Один Стрезибор не справится! — добавил тут же Борим. — Что ж, тогда надо отдать змию поганому кровавую дань. Собирайте стариков да негодных баб — отдадим ему ненужное! — тут Борим понял, что сказал нечто лишнее и даже ужасное. К нему подошли трое дюжих мужиков, подхватили его под руки и вытащили из грядницы вон, бросив около порога.

Между тем, все смолкли, и даже говорливый Стрезибор и князя сомкнули уста. Лишь кое-где была слышна пьяная речь и недовольные голоса. Совет, созданный Митрапирном, зашёл в тупик без своего учредителя, который сам не верил в то, что князя ему помогут, раз отправился на битву лишь со своим войском. Княгиня же, когда говорила вначале, просто сказала то, что надо было — в действительности её муж даже не надеялся, что совет решит что-то толковое и пошёл на змея, намереваясь убить его, а не задержать.

И вот появился Беленир: он перескочил через стол, вышел на место выступления и встал посреди грядницы, высоко вскинув голову. В эти часы он был величественен и могуч, словно древний государь, а речь его была полна мудрости и красоты. Почти никто даже не заметил, что к его рукам была приклеена золотая секира.

— Знатное вече устроил князь Митрапирн! — промолвил громко Беленир, обведя глазами толпу, собравшуюся вокруг. — Жаль, что нынче он не с нами, ибо пал в битве со змием лукавым, проклятым злодеем, защищая свою землю и свой народ. И я не смог ему помочь.

— Это же Беленир, сын Кресибора! — сказал какой-то витязь из толпы, взглядевшись. — Где же твой богатырский конь?

— Да, я Беленир! — ответил удалец. — И, если кто из вас помнит, я отправлялся на поиски богатырского коня, который знает слабости Идогурна, и будет подспорьем в борьбе с ним.

— Помним! — один за другим разнеслись крики на вече.

Но тут дед, что лежал на печи, встал подле неё и хлопнул в ладоши. Все обернулись и разглядели его. Был он с седовласой бородой, выпачканной сажеею да золой, с полулысой головой и с глазами, сиявшими прозорливо, в кафтане испачканном да в штанах не больно чистых. И вымолвил старик:

— А при тебе ли тот конь, Беленир?

— И не глупа ли была эта затея — искать коня? — добавил Стрезибор, посмеиваясь вместе с другими князьями.

— А не глупа ли затея идти на змея дураку? — сказал Беленир. — Ты хвастаешь тем, что убивал медведей да волков, а приходилось ли тебе биться с Медведем Железной Шкурой или Серым Волком? А может быть ты встречался лицом к лицу с Кощевитом или сражался с морским чудищем? А я и мои соратники прошли через всё это. Так что пусть этот князёк помолчит, пока я не научил его вежливости!

Тут Стрезибор вскочил и хотел уже начать с Белениром поединок, но его схватили за плечи Аревлас и Вадир

— Не к чести великих северных воинов ты появился на свет! — добавил Беленир.

Тем временем дед с печи с волосом белым как снег вновь спросил, поглаживая окладистую бороду:

— Так нашёл ли ты коня, юный Беленир? — весь народ поутих, и даже Стрезибор замолк.

— Да! — ответил Беленир, и за дверьми конь заржал так, что все ужаснулись. — Он стоит за воротами. Имя ему Космач и он знает все слабости змея. Но этого мало, чтобы победить нашего врага. Нужен ещё такой меч, какой сможет прорубить его твердокаменную чешую, подобную железному панцирю.

— Есть такой меч! — сказал Стрезибор зычно и подошёл к Белениру. — И это мой клинок!

И, пока толпа шумела, северный князь прошептал Белениру на ухо:

— Если будет надо, этот меч срубит голову не только змею, но и тебе.

— Покажи мне свой меч! — молвил на то Беленир, не обращая внимания на угрозы: Стрезибор вытащил свой огромный двуручный клинок и показал его Белениру.

— Нет, не сгодится твой клинок для битвы со змеем! — изрёк важно витязь, осмотрев меч. — Но он хорош, потому я не буду показывать перед народом, что мой Самосек может рассечь его как пруттик!

Тут надменный Стрезибор рассвирепел так, что аж посинел от злости. Он схватил Беленира за шиворот и хотел биться, но витязь, приставив к носу князя секиру, изронил:

— Ты воин и нам не к чему убивать друг друга: в грядущей битве будут нужны все! Но умерь свой пыл и злобу, иначе просльвёшь глупцом. Ты итак уже выставил себя крикуном и гордецом! — северный князь отворотился и, вздохнув, отошёл к другим князьям.

— Так что с мечом? — завопила толпа. — Есть ли такой меч, чтоб прорубил змееву бронь?

— Есть, — ответил Беленир. — И это мой меч. Зовётся он Самосек и откован самим Каукисом из Вутирна из небесного металла. Но в том и беда, что я не могу взять его в руки, ибо приклеена к моим рукам эта вот проклятая секира.

— Тогда отдай меч в руки другому богатырю! — сказал князь Вадир, и глаза Стрезибора загорелись: он уже захотел стать хозяином меча Каукиса.

— Наверняка здесь найдутся и посильнее тебя, — согласился другой князь.

— Вряд ли! — молвил им Беленир. — Ведь я испил чудесного мёда Деда-Пасечника что прибавил мне сил вдвое, если даже не втрое. У других удальцов не хватит сил, чтобы пробить змею чешую. Посему надо как-нибудь отклеить эту секиру от моих ладоней, иначе никто не победит врага.

— Дело проще некуда — разгадка как день ясна! — сказал седобородый дед, встав с печи. — Пошлите кого-нибудь за знахарем премудрым, что живёт в осиннике к северу отсюда. Тот знахарь готовит всякие отвары, а иногда и клей. Он сможет с лёгкостью отклеить секиру от твоих рук, Беленир.

— Спасибо тебе, мудрый дед, — изрёк радостно Беленир, глянув на старика и отвесив тому поклон, а Стрезибор скрипнул зубами. — Твой ларец со словесами полон мудрости, и я ввек не забуду твоей помощи — твоего совета, — тут витязь обратился к Брисинору и молвил таково слово: — Ступай за знахарем и приведи его сюда как можно скорее. Думаю, ты не собьёшься с пути, ибо это родная земля и ты знаешь её вдоль и поперёк.

— Хорошо! — ответствовал Брисинор и тотчас выскочил из гридницы, сел на коня да галопом пустился на север. Беленир же, сказав своё слово, ушёл с места для выступлений и встал вместе с Всесвятлиром и Волнозором. Тут хотел выйти говорить князь Вадир, как вдруг кто-то постучался в дверь.

— Кто там? — спросил Беленир в надежде, что это будут деды.

Двери открылись и на пороге показалось несколько воинов, одетых в лёгкие доспехи и

рванные плащи. На ногах у них были опалённые лапти, а в руках они держали луки и пращи. Лица воинов были уставшими и чёрными от дыма, а в глазах у многих блеснул страх. Все глянули на этих воинов и замерли в ожидании, и князя, почитая их за трусов, бежавших с поля боя, вперили в них свой гневный взор.

Когда ожидание стало нестерпимо, один из пришедших воинов, самый высокий лет двадцати пяти, у которого был вместо лука меч, вытер пот с высокого лба и выступил вперёд. Его волосы были русы и длинные, подбородок окаймляла борода, а из-под бровей, одна из которых была рассечена, смотрели два зелёных как малахит глаза. Редко доводилось Белениру видеть такие глаза: блистала в них доблесть и были они глубоки словно бездна. Лишь у берегинов можно было встретить такие глаза, а среди людей это было большой редкостью. Как зеркало они отражали мудрость и величие того витязя, его честь и храбрость. Но сам воин весь был чёрен от дыма, и сложно было разглядеть не только черты его благородного лица, но даже и одежду, в которой он был. И он промолвил громко:

— Змей убил Митрапирна! — в его голосе звучала горечь и лёгкая дрожь.

— Мы знаем, и это великое горе лишится доблестного правителя в тёмные времена! — сказал Волнозор, подойдя к тому воину. — Назови же своё имя.

Тут, не успев витязь и ответить, как вдруг князя зароптали, а Стрезибор вскочил и воскликнул:

— К чему нам знать его бестолковое имя, будто это как-то поможет, пусть говорит вести, что принёс сюда с бранного поля. Или он, выродец холопский, покинул битву раньше всех? Может, он бежал без оглядки, бросив своих друзей и князя? Отвечай, трус!

— Моё имя Хедор и впрямь, как сказал этот берегин — великое горе лишится правителя в лихие дни, но ещё хуже лишится отца! — произнёс витязь, и Беленир тотчас признал в нём сына Митрапирна и немало обрадовался, ибо увидел в нём благородство и величие, не связанное ни одним узлом с тщеславием. А именно таким благородством и величием обладали истинные князья прошлого, о которых до сей поры пели песни. Потому Беленир отвесил новому правителю поясной поклон и промолвил:

— Светлый княже! Ты — властелин этого чертога и тебе пристало навести в нём порядок.

— Да, здесь не хватает порядка! — возговорил громко Хедор сквозь общий шум, и все снова смолкли. — Сейчас не время сеять вражду и плести ковы. Время сейчас и без того злое, чтобы омрачать его своими распрями. Пусть Стрезибор принесёт извинения, и тогда можно будет продолжать это славное вече.

Стрезибор тотчас принёс свои извинения, потому что не хотел столкнуться с Хедором в бою, ибо был знаком с его отцом и наслышался об удали Митрапирнова сына. Прежний беспорядок прекратился, и собравшиеся признали Хедора новым князем этих земель. Тот, умывшись и выпив кружку мёда хмельного, начал свой рассказ:

— Начну я не с начала, иначе придётся долго слушать, а ваши уши и без того утомлены. Начну я с середины, так что слушайте. Месяц назад поднялась сильная буря, жестокая до остервенения, а буря — наказание за неправду. И воистину мы были неправы, когда не помогали южным княжествам в борьбе с чудищем, ожидая Беленира и премудрого коня. Тогда мой отец созвал вече, но, поняв, что бессмысленно уговаривать других князей помочь нам, собрал войнство и, не дождавшись Беленира, пошёл навстречу поганому змию, Идогурну! — имя змея новоявленный князь произнёс с ненавистью, сквозь зубы. — Будь трижды он проклят! Сколько бед это чудище навлекло на нас и нашу землю! — и Хедор с

силой бросил опорожнённую деревянную кружку на пол, и та разбилась в щепки. — Шли мы где-то день, мой отец Митрапирн вёл дружину, а я ополчение и стрелков. Тут мы увидели среди дымящихся роц и сожжённых полей овраг, из которого исходил чёрный, словно сама тьма, дым. Мой отец, хлестнув коней, понёсся туда на своей колеснице, и, стоя у края оврага, вызвал Идогурна на бой. В том, видно, была роковая ошибка. И, я думаю, она повлекла за собой его смерть и гибель почти всего воинства. Ведь вскоре из того оврага глубокого выбрался сам Идогурн, полный ненависти и невиданной ярости. Огонь его был как пламя недр, глаза сверкали будто угли, крылья были словно сама тьма, а когти на лапах были подобны мечам — очень ужасен был этот змий. Он одолел княжью дружину и убил моего отца. Я бежал к отцу на помощь, но не успел... Потому, не вдаваясь в отчаяние, я собрал тех воинов, каких смог и пустился с ними на север, к отчему чертогу, сюда. Идогурн пополз за нами и убил оставших одного за другим — кого палящим огнём, а кого растерзал как кролика. Но мы ничем не могли им помочь: наши стрелы и сулицы и даже железные мечи не могли ему повредить. Но скоро я заметил, что змей отстал. Видно, подлец устал ползти за нами и прилёг где-нибудь на полпути отсюда, примерно, в десяти верстах. Должно быть, приютился в укромной лощине. Значит, это место пока безопасно и мы можем продолжить вече.

— Но почему же Идогурн не взлетел, гонясь за вами? — удивился Аревлас, поглаживая бороду. — Я слышал, что его крылья не годны для долгих перелетов. Говорят, ещё слабы его мышцы после длительной спячки, но почему он не взлетел на пару минут, чтобы спалить вас всех. Неужто у него крылья уже совсем нерабочие?

Хедор молчал, ибо не знал, что ответить и всё это время даже не думал, отчего же змий не взлетел. Тогда вперёд выступил Беленир и заявил:

— Он не гнался за ними: он полз сюда!

— Что же это за змей такой, ежели не летает? — вновь спросил Стрезибор, приняв серьёзный вид.

— С чего ты взял, что он не летает? Да, нам известно, что его крыло было в давности покалечено и не годно на дальние перелёты, но взлететь он может. Ведь в битве с Митрапирном он взлетел. Кроме того, он никуда не спешит да и сил тратить не хочет!

— Может опасается богатырей? — донеслось из зала.

— Они здесь есть! — крикнул Стрезибор.

— Верно! — подтвердил Всесвятлир. — Мы опасны. Не нас ли испугался державный князь? А то его не видно среди собравшихся.

— Наш государь не явился, — ответил за него князь Вадир. — Захворал немного.

— И как же зовётся его хворь? — продолжал своё Всесвятлир. — Уж не трусость ли?

— Да как ты смеешь! — гавкнул Стрезибор. — Я с тобой охотился, а ты такое говоришь на нашего государя!

— Молчи, хвастун! — перебил князя Беленир. — Всесвятлир всё верно говорит. Державец бросил нас и свою державу.

Все князья с негодованием воззрились на Беленира и Всесвятлира и покачали головами. Зал загудел, одобряя слова двух воинов, и князья не смогли успокоить собравшихся. Все стали обсуждать верховного князя и то, что он не явился на помощь ни южным княжествам, ни княжеству Митрапирна. Так продлилось ещё какое-то время, Беленир же и Всесвятлир снова смешались с толпой.

И вдруг двери отворились и в гридницу засветили лучи солнца, озарив Хедора и

лучников. Все глянули, кто это пришёл, и ужаснулись: в дверях стоял медведь около двух саженой в высоту. Его бурая шкура трепетала на ветру, огромная голова вздымалась вверх, словно великая гора, а в лапе он держал посох ростом с него самого. Когда воины были уже готовы обнажить мечи верные и биться с медведем, тот вдруг, к удивлению честного народа, промолвил приятным низким голосом:

— Здравствуйте во веки веков, собравшиеся здесь!

— Оборотень! — зашептались в гриднице.

— Никакой я не оборотень, — ответил пришедший, и за спиной у него показался

Брисинор: на лице у него протянулась улыбка.

— Я привел знахаря, как ты и просил, Беленир! — сказал он и прошёл в гридницу, к своим друзьям. — Его было легко найти — из его жилища шёл дымок, по нему я и набрёл на его избушку.

Знахарь премудрый неторопливо прошёл в чертог, и его осветил свет, затейливыми струями лившийся из окон. Беленир посмотрел на гостя и увидел, что тот был одет в медвежью шкуру, которая, словно плащ покрывала его мощную спину. На ногах пришедший носил огромные кожаные башмаки. На голове знахаря, будто шлем, сидела голова медведя с развёрстой пастью. Лицо волхва же было смугло от загара и грозно: на лбу рвами глубокими пролегалo несколько морщин, из-под бровей косматых смотрели два слепых, бледных как хмара глаза, а нос длинный, словно вал, тянулся до самых усов, тёмных как дуб. Уста знахаря были сомкнуты, борода же русая с серебристой проседью вилась от самого подбородка до широкой груди.

— Я знахарь! — проговорил гость. — Вы называете меня Здравень за то, что я искусен в лечении. Настоящее моё имя Середогост! — тут знахарь по указанию Брисинора повернулся к князьям. — Поклоны отдавать я вам не стану, потому что вы мне не владыки и я не слышал, чтобы хоть один из вас свершил какой-нибудь богатырский подвиг. А отдам-ка я поклон Белениру и его соратникам, что отправились в путь ради спасения своей земли, ради славы и золота, а вернулись нам на подмогу! — и Середогост поклонился Белениру, Всесвятлиру и Брисинору, а они поклонились ему. А Волнозору знахарь отвесил особый поклон, ибо тот отправился в путь без всякой выгоды, но по доброй воле, чтобы спасти Заповедный Край и все северные земли от опустошения. О всём этом знахарь узнал от Брисинора: по пути тот вкратце всё рассказал, не упомянув только о Верлиоке. Про секиру же он сказал, что они нашли её в лесу и она приклеилась к рукам Беленира.

— А где тот дед, что посоветовал меня позвать? — спросил знахарь. Все оглянулись и посмотрели в угол, где стояла печь. Смотрят, а деда нету. Непонятно, как он ушёл, куда делся али где спрятался, но его там не было. Тогда знахарь, погладив свою бороду, возгласил, расширив свои незрячие тусклые глаза:

— Не простой это был дед! Должно быть, сам Кручина явился вам.

— Что ещё за Кручина? — удивились Беленир и витязи, растолкавшие всяких зевак и подошедшие ближе к знахарю. — Неужто родич Деда-Пасечника?

— Родич или не родич — я не знаю! — ответил знахарь, опустив свои кустистые брови на самые очи. — А знаю, что он сын сырой Земли, матери зверей, да красного Солнца. Оттого его и называли Кручиной, что он приходит в лихие времена, во дни кручинные да в неурочный час, чтобы своим советом помочь правому делу. Это добрый дед и коли бы не его совет, тогда все вы пали бы от змеевых лап и змеева огня.

— Куда же он делся? — спросили Беленир и весь народ, сгрудившийся вокруг него.

— Он любит исчезать! — ответил им на то знахарь. — А теперь, Беленир, пора отлепить от твоих ладоней ту негожую секиру.

Беленир протянул Середогосту свои руки, чтобы тот отклеил её, как вдруг знахарь, нащупав топор, воскликнул:

— Откуда у тебя эта секира? Это же секира моего родича!

— Значит твой родич сошёл с ума и словил нас на неё словно дичь! — ответил Беленир и рассказал о Верлиоке, на что Середогост рёк:

— Горько это слышать, особенно, в такое жестокое время. Но ничего не поделаешь, видно, мой братец поддался порче, что распространилась на многие вёрсты и, нарёкшись Верликой, стал вершить ужас. Наверное, его разум не выдержал.

Затем знахарь помазал руки Беленира какой-то мазью, и секира тотчас отклеилась от его ладоней, тогда как прежде её нельзя было отцепить, не содрав кусками кожу. Беленир отдал её Волнозору, чему тот был рад, выхватил меч Каукиса и сказал во всеуслышанье, снова пройдя на место для выступлений:

— Теперь мы готовы биться с недругом, собирайте войско, князя! — и отсветы факелов, которые уже зажгли и развесили по стенам, заплясали на лезвии его меча. — И спасибо тебе на добром деле, слепец-знахарь, не знаю я только, как тебя отблагодарить.

— Спасибо тебе за благодарности, однако лучшим даром для меня будет гибель змея от твоих рук! — ответил знахарь, хрустнув пальцами у себя за спиной. — А теперь прощай! — и ведун многомудрый удалился из чертога, захлопнув двери: путь домой он знал наизусть.

Гриди положили на врата засов и удалились. Тем временем Аревлас поднял вверх руку, и, когда толпа успокоилась, молвил:

— Беленир! Твоя храбрость и сила несомненны, но мы не можем пойти с тобой, если ты отправишься на бой со змеем сейчас. Иди с нами, мы займём оборону в Ущелье Белого Камня, там ты с ещё большим успехом сможешь сразить змея, когда мы загоним его в ловушку! Мы можем сбросить на него камни, устроить ему засаду и стрелять по нему из луков.

— Но тогда наше княжество будет уничтожено, — рёк Беленир. — Разве можем мы позволить, чтобы свершилось такое?

Аревлас тяжело вздохнул и заключил:

— В таком случае, ты будешь биться со змеем без нас и наших дружин, как бы мне не хотелось помочь. Мы не станем оставлять наши княжества без защиты — с севера могут напасть берегины. Кроме того, мы не станем лишать себя преимуществ в бою. Так что если змея не сразит твой меч, мы попробуем победить его в ущелье — завалим камнями...

И вдруг в двери застучали да так, что они заходили ходуном, засов треснул пополам, и они распахнулись. Солнце к тому времени было на закате и почти скрылось за деревьями, озарив их верхушки. Так что перед князьями светлыми, витязями благородными и селянами да рыбаками, в общем, перед всеми, кто собрался во гриднице высокой, предстали три загадочных тёмных, словно небо ночное, богатыря. Ни один лучик света не падал на них, а за их спинами могучими разгорался на небе пожар захода и стелились по земле холодные сумерки. Это были Земнородные. Один из дедов вековечных курил длинную трубку и пускал кольца, и его очи ярые горели, словно два уголька. Его длинная борода колыхалась на ветру, а в руках у него была старая добрая секира, которую он с лёгкостью держал одной левой. И весь вид того деда был очень внушителен и серьёзен. Тут он шагнул вперёд,

переступив порог, и промолвил:

— Здравствуйте, добрые люди! Неужто не нальёте вы мне кружку славного мёду или браги? — и только сказал дед слово «мёд», удальцы сразу поняли, что это был их старый знакомый — славный пчельник.

— И тебе привет, Дед-Пасечник! — воскликнул наконец Беленир.

— Дед-Пасечник! — рассмеялся Стрезибор. — С каких это пор глупые Земнородные дети вмешиваются в наши дела?

— С тех самых, как появились на свет, с тех вот пор мы и помогаем людям и вовсе не глупы! — возвестил Дед-Пасечник. — А глупцы вроде тебя получают свою горькую долю, и глупость не упадёт с их плеч даже в грядущие дни!

— А ты у нас мудрец, старче! — сказал язвительно Стрезибор и захохотал: он к тому времени уже изрядно напился браги и мёду и потому не заботился о том, что творит.

— Да, и как зверь ест изрыганную блевотину, так и глупец делает глупости снова и снова! — проговорил раздосадовано Дед-Пасечник, бросив на князя северного гневный взгляд, отчего тот даже попятился назад. — Завяжите ему рот, а то я сейчас не в духе — чего доброго ещё зубы ему выбью! — Стрезибор хотел что-то ответить, но Вадир и Аревлас принесли для него стул и насилу усадили.

Тут Дед-Пасечник вышел на свет, и все увидели, что выглядит он не так, как обычно: на нём блистала кольчуга золотистая, подпоясанная широким кушаком, а в руках сверкала секира добрая. Борода его была увита в три очень толстых косы, волосы же были заплетены в две косички, спускавшиеся за спиной до самого пояса. Вслед за Дедом-Пасечником прошли и его друзья. Всевед был облачён в кольчугу бранную, поверх кольчуги был надет нагрудник золотистый, наплечники, налокотники и наколенники. На голове у него, словно купол златой, вздымался шишак, на ногах сидели крепкие башмаки, а руки были в железных рукавицах: ими он сжимал свою булаву ратную. Лицо старца было испачкано, и борода длинная была обагрена кровью. Мал-стар Дедок же был ничем не защищён, ибо не любил ничем себя сковывать: сюда он явился в рубахе да в одних штанах. Зато была у него здоровая булатная палица — ею он собирался размозжить змею голову. И борода Мал-стар Дедка была растрёпана и словно бы стояла колом, и, как облака туманные заволакивают солнце, так его брови опустились на ярые очи.

Беленир оглядел дедов и тотчас заметил, что среди них нет Каукиса и что их оружие измазано в крови. Он присмотрелся и увидел, что кровь та уже давно высохла, значит, бились деды не сейчас, а день или несколько дней назад.

— Идите же и поведайте народу, что же приключилось, раз ваше оружие повидало бой! — изрёк Беленир и подошёл к своим друзьям, а деды вышли на место выступлений.

— Где же Митрапирн, светлый князь, правивший здесь столь долго своей твердой рукой и по мудрости? — спросил Всевед.

— Пал Митрапирн! — ответил Беленир.

— Но у нас нет времени рассказывать, как это произошло! — добавил Хедор.

— Жаль, что его нет с нами! — опечалился Всевед. — Но что ж! Потом будем кручиниться по его кончине, сейчас же мы должны сказать о Кощевите и об асилках, от которых мы защитили Заповедье и Брегокрай, а ещё об одном горбатом карле, который наверняка уже плетёт свои козни. Но я устал с дороги, потому говорить будут мои друзья, хотя иногда и я вставлю словцо для большей верности.

— Дети Земли и Солнца! — воскликнул вдруг какой-то селянин, одетый в серую

рубаху. — Защитники наших краев и блюстители древних порядков. Извините, что перебиваю, но есть у меня для вас дар от чистого сердца. Вот вам пирог, испечённый моей женою. Возьмите его и защитите нас от змеища проклятого, не отступите от борьбы ради нас, никчёмных и слабых дураков! Раз асилков-то победили, прогоните и беспощадного змея.

Мал-стар Дедок принял из рук селянина пирог красивый, на вершине которого красовался чёрный петух из глазури и, поблагодарив селянина от имени всех Земнородных, положил его в короб для еды. Тем временем Дед-Пасечник, начал речь и начал он с того, что поведал всем о ковке Самосека и оружия для самих себя, а потом перешёл уже к рассказу о Кощевите, асилках и злокозненном карле:

— Мы пошли в горы на Тёмный Перевал, чтобы там сразиться с асилками, которые собирались напасть на Брегокрай и Заповедье, и сдержать их продвижение. Каукис же остался в горах, ибо очень утомился, пока ковал нам оружие и доспехи. Мы шли быстро и ввечеру заметили, что к нам навстречу плетётся какая-то чёрная точка. Но то не точка была, был это Кощевит проклятый, уродец поганый, а вместе с ним асилки. Через день мы встретили этих подлецов лицом к лицу. Кощевит был чёрен как сама тьма, на лице у него сидела маска крепчайшая, а в руках у него было два меча — один из булата, другой из железа небесного — как видно, это был один из мечей, откованных встарь Каукисом. И я схватился с Кощевитом, а мои друзья, славные мои родичи, стали бить асилков. Сильны были те асилки — у всех головы, что бражные котлы, ноги как столбы, как деревья вековые, да меж глаз можно стрелу положить, а руки — те так вообще тверды как камень гранитный. Так вот. Я стал биться с поганым уродцем, стал его одолевая понемногу и с каждым моим ударом отступал Кощевит. И как коса косит траву, так косили мои родичи великанов, как сокол ясный летит на голубушек сизых, так летел Мал-стар Дедок на исполинов, поражая их своей дубиною булатной, как волк серый несётся на кудрявых овечек, точно также нёсся Всевед на своих врагов, колошматя их своею богатырской булавой. И как орёл хватает свою добычу когтями хваткими, так вот хватали они асилков да ломали им шеи! По сию пору лежат там кости великановы, долго будут там лежать и дубины их исполинские, — вся толпа тотчас захопала в ладоши, а ратники застучали древками копий и мечами о свои щиты, одобряя мощь да удаль дедов.

— Деды Земнородные, старые богатыри! — воскликнул кто-то. — Велика ваша мощь, и она не выветрилась со временем.

— Воистину так! — сказал Дед-Пасечник. — Со временем лишь умножилась наша мощь точно так же, как похорошела Земля и стало ярче Солнце. Но Кощевит оказался не так прост, как мне показалось. Когда бился я с ним, он вдруг достал невесть откуда кинжал и всадил его мне в спину.

— Неужели тебя можно убить каким-то кинжалом? — спросил Беленир. — Я думал, ты бессмертен.

— И я тоже думал, что вы бессмертны! — добавил Стрезибор пьяным голосом.

— Да, вы, воины, думали верно, — ответил Дед-Пасечник, тяжело вздохнув. — Мы бессмертны, но убить нас можно. Иначе бы, отчего мы ковали для себя доспехи? Но сразить Земнородного сына может лишь величайшая сила.

— И что же, кто может вас убить? — удивился Стрезибор.

— Разве что боги и божичи! — ответил дед удручённо. — Но им это незачем. Разве что если они не такие, как Кощевит.

— Так был ли опасен для тебя тот кинжал, что всадили тебе в спину? — спросил Беленир.

— Да, он оказался чуть ли не смертельным! И я тому немало удивился и ужаснулся! — держал ответ Дед-Пасечник. — Я впервые за всю свою долгую жизнь потерял сознание! С слов родичей я потом узнал-проведал, что им удалось прогнать окаянных асилков, а Кошевит просто-напросто взял и куда-то исчез: его они не встретили на поле боя. Меня же привёл к чувствам знатный отвар Всеведа.

— Но ты сказал, что убить Земнородных может лишь величайшая сила, — поразился Беленир, а его товарищи наострили уши, чтобы выслушать Деда-Пасечника, но тут вместо него ответил Всевед:

— Да, он так сказал! Видать, сила нечистая, проклятая стала сильнее, окрепла. Не знаю, Кошевит ли это стал таким могучим или этот кинжал отковал сам Мидир, главнейший и старейший из врагов мира, но Дед-Пасечник чуть не умер: я едва сумел его спасти, ибо он был уже за межою смерти. Коли бы я не постигал прежде врачевание, то мы бы навсегда потеряли доброго пчельника. И мир лишился бы защитника пчёл, а без него они, возможно, и вовсе могут исчезнуть и тогда без опыления многие растения погибнут, грозя голодом земле и людям.

— Это было бы страшно, — сказал Беленир, — но вы обещали рассказать и о горбатом карле.

— Обещать-то мы не обещали! — заметил Дед-Пасечник. — Обещание — это высоко сказано. Всевед лишь молвил, что о нём будет сказано. И я расскажу, ежели он так рёк. И прибавлю на будущее: не спешите давать клятвы, но ежели дали — исполните. А теперь про карлика. Прозвище его Гаркунец, а имени его никто уже не помнит, кроме его самого, да и то вряд ли. Его мы поймали на поле брани, скрутили и связали узлами крепкими. От него мы выпытали, что он воришка наёмный. Но, как ни бил его Мал-стар Дедок поленом осиновым, больше от него мы ничего не узнали. Готов поспорить, его нанял Кошевит, чтобы вас ограбить: украсть коня богатырского и меч булатный. Кошевит, подлец, о многом проведал — у него много слуг.

— А что с карлой случилось? — спросил Стрезибор.

— Ночью негодяй перегрыз верёвки, — ответил Мал-стар Дедок, — сгрыз полено, каким я его бил и украл нашего коня, какого нам подарил Каукис для ношения поклажи. Мы не следили за карлой, так как лечили Деда-Пасечника, и зря. Да, и как мы пустились в обратный путь, нашли того жеребца: он загнал его до смерти. Случайно карлик не украл у вас ничего?

Тут Беленир, Всесвятлир, Брисинор и Волнозор поведали всё, что знали: каждый дополнил рассказ о карле и воровстве своими замечаниями, молвив о своей роли и, сказать, чуточку её приукрасив. Когда же сказ долгий был окончен, и витязи перевели дыхание, а деды покачали головами, выслушав их, в одном окне, которое было ещё не закрыто ставнями дубовыми, показались тёмные очертания большой птицы. Затем кто-то заговорил:

— Заслышав печальные али недобрые вести, люди погружаются в глубокое озеро забот, но важно не погрузиться с головой, ибо тогда омут-водоверть завлечёт навсегда! — лишь потом все заметили, что говорила та птица, щёлкая клювом.

— Здравствуй, Ведан! — поприветствовал птицу Всевед, признав в ней вешего ворона.

— И вам всем привет! — сказал Ведан. — Недобрые новости принёс я вам, потому и сказал те речи. Кошевита видел я, и направлялся он к Идогурну. Видно, стоворятся они и

придумают какой коварный замысел.

— Что же нам делать, простым людям? — зароптал народ в гриднице.

— Великие духом совершают подвиги и ведут за собой рати, — закаркал ворон, и в его очах загорелся пламенный отсвет, — иные же взирают на них снизу вверх, пока не пробьёт час урочный их храбрости. Вот и смотрите на великих духом, а как отвага вошьётся в ваше сердце, так и бейтесь бок о бок с ними.

— Мы слушаем глупую птицу, до чего мы дожили! — промолвил Стрезибор и схватил свой тугой лук, стоявший подле него. С быстротой молнии он натянул его и нацелился на Ведана. Никто и глазом моргнуть не успел, как стрела сорвалась с тетивы крепкой и быстрее ветра понеслась прямо в премудрого ворона. Все думали, что пришёл ему конец и более не прокаркает он вещих речей. Когда же все глянули на Ведана, то увидели, что тот поймал стрелу своим клювом и стоит как ни в чём не бывало. Он перекусил её древко и гневно прокаркал:

— Порой кто удаляется от нечисти, бывает оскорбляем теми, кому сделать это сложнее! Я не глупая птица, я Ведан провозвещающий, говорящий будущее и смотрящий мудрым взглядом в прошлое, за моими крыльями века, в одном глазу — память, в другом — мысль.

Тут Беленир устремил ярый взгляд на Стрезибора и обнажил меч, желая вызвать того на бой. Как никак, северный князь чуть ли не убил великого ворона, который очень помог витязям и дедам. Но Ведан остановил Беленира, промолвив:

— Близится утро, не за горами рассвет, но ночь и по сию пору сгущается. Да не сгустится она здесь в ваших сердцах. Не сейте вражду! Я могу отбить хоть десять стрел за раз, так что эта стрела была не опасна для меня так же, как не опасен для меня прутик соломенный. Пусть и хотел меня убить этот дурак, — и ворон указал лапкой в сторону Стрезибора, — но он не заслуживает смерти. А теперь молвлю я об Идогурне. Набрал этот змий много сил — с ним так просто не совладать! — но тут двери распахнулись и в гридницу вбежал Космач.

— Ведан прав, очень силён Идогурн! — заржал он и тряхнул своей бородой. Стрезибор, увидев это, рухнул навзничь и потерял сознание то ли от удивления, то ли от ужаса. Видно, никогда не доводилось ему видеть говорящих коней в таком опьянении.

— Пробил час, и глупец споткнулся о свою глупость и упал в грязь лицом — народу честному на посмеяние! — прокаркал важно ворон, пока все в гриднице смеялись, даже князя. Конь борзый же вновь заржал и продолжал:

— Но Идогурн имеет слабости — он ленив, очень ленив и потому его легко победить, когда он спит или измотан в битве.

— Да, согласен, но, говорят, у того змия есть и другие слабости! — добавил ворон.

— Есть и другие слабости, да! — ответил конь громогласно. — Встарь один богатырь, мой хозяин Витагор, бился с Идогурном и пробил ему чешуйку в броне из металла небесного, какую сотворил для змея Кощевит. В итоге меч Витагора пронзил и змееву шкуру — ещё один удар в это место, и тогда Идогурн был бы побеждён. Но змий был хитёр и уполз в свою нору, убежав от битвы. Да только от той-то раны остался шрам да и броня в том месте наверняка так и не укреплена. Я знаю, где это уязвимое место, и покажу его тебе, Беленир, когда наступит битва! — витязь в ответ кивнул головой, а конь ушёл обратно на улицу.

Ведан вспорхнул, пролетел половину гридницы и приземлился рядом с Хедором и затем промолвил, взмахнув иссиня-чёрными крыльями:

— Помни, юный наследник Митрапирна, — как ворон понял, что Хедор — сын

Митрапирна неизвестно, но известно, что он знал очень многое, и почти ничто не ускользало от его мудрого взора, — беспечность может обратиться в лень. Так что, коли ты не умеешь ею пользоваться по назначению, не будь беспечен. Это моё первое наставление. А вот второе: ложь — мерзость для уст честного и благородного человека, так что не ври никому, только лишь врагу и то, если нет другого выхода. И, наконец, третье, самое главное наставление: часто перед гибелью человек испытывает гордыню, которая и приводит к смерти. Опасайся её — она тлетворна. Кар-р-р-р! Кар-р-р-р!

И ворон подлетел к Белениру, который всё это время стоял в стороне и слушал каждое его слово. Присев к витязю на плечо, он прокаркал:

— А ты помни, что переносит дух все немощи плоти, он только и может их победить. Теперь же мне пора лететь, до свидания, великогомучие богатыри и доброславные князья, деды Земнородные, славный Волнозор и селяне отважные! — и ворон, вспорхнув с плеча Беленира, вылетел в окно.

Между тем Стрезибор поднялся на ноги и под хохот князей уселся на стул.

— Раз и сыны Земнородные на стороне Беленира, то бояться нечего, — молвил Аревлас. — И без наших дружин может справиться витязь. Мы же будем удерживать Ущелье Белого Камня на случай неудачи Беленира и его соратников. Все равно войска против змея в открытом поле не сильны. Также я советую простому народу уходить на север через ущелье, чтобы не играть с судьбой. Мы прикроем отход людей и защитим их!

— Слушайте меня! — заявила, встав с престола княгиня, жена Митрапирна, и смех прекратился. — Будьте все благословенны в своих начинаниях. И таковы будут мои повеления: пусть Брисинор ведёт народ, собравшийся здесь, на север, собирая по пути женщин и детей, дедов и молодцев. Мы не можем быть уверены, что победим Идогурна, потому народ надо спасти, — голос княгини дрожал и готов был сорваться. — А все остальные могут быть свободны, я здесь никого не держу, и никто никого не принуждает биться со змием. Вече окончено! — и она, кашлянув, присела, опутив влажные очи.

Глава 17. Жаркий день

Вече вскоре разошлось. В гриднице остались небольшая дружина Стрезибора числом в пятьдесят храбрых воинов и сам Стрезибор. Также Аревлас и Вадир оставили под начальство Стрезибора по десятку своих воинов. Самому Стрезибору они велели написать распоряжение в свое княжество собрать воинов и отправить их в Ущелье Белого Камня.

Брисинор повёл селян: стариков, детей и женщин на север. Такое задание пришлось ему не по душе, но он понимал, что оно не менее важно и опасно, чем даже бой со змием. Длинной нестройной вереницей растянулся люд честной и потянулся к северу, шествуя меж ложбин уютных и высоких холмов. Замыкали вереницу Аревлас с Вадиром и их воины. Пройдя полверсты Брисинор обернулся и взглянул на чертог: на балконе стояли его друзья и соратники. Витязь с кручиною подумал о том, что это может последний раз, когда он их видит, и продолжил путь.

А Беленир, Всесвятлир и Волнозор вправду стояли на балконе, который выходил на север. Как раз под ним располагались двери задние, тесовые. И ветер свежий оведал лица витязей и крутил по воздуху их длинные волосы. Около входа на балкон стоял Хедор и наряжался в княжеские доспехи. Он уже обколыжужился и опоясался кушаком златым с дивными резами.

— Если мы убьём Идогурна, то мы поистине защитим наш народ, нашу родину! — сказал Хедор ободряюще. — Мы — последняя надежда.

— Это звучит хорошо! — воскликнул Всесвятлир. — Мы — последняя надежда. О нас сложат былины, а бахари будут распевать о нас в каждой деревне и в каждом хуторе и даже в иноземье! Так что давайте прикончим этого червяка.

— Да! — закричали все и даже подоспевший Дед-Пасечник.

Пораскинув мыслями, витязи решили идти на бой прямо сейчас, не ожидая пока змей пробудится или приползёт к храмину.

— Застанем его прямо в логове и снесём ему голову! — сказал Беленир. — Правда я очень хочу спать.

— Выспишься в седле, а мы тебя покараулим, чтоб не свалился, — ответил Дед-Пасечник.

— И нас тоже покараулите, — заметил Всесвятлир, указав рукой и на сонного Волнозора.

— Хорошо, — согласился Дед-Пасечник. — Как никак, перед битвой надо выспаться.

Между тем Хедор надел на голову шлем княжий, златоверхий и взял круглый как луна щит, обитый железом. Беленир же сменил свою расшатавшуюся кольчугу на более достойную и увенчал свою голову шишаком среброверхим с крепкой бармицей. Превжний шишак он снял, потому что тот был некрасив, а перед возможной смертью хотелось выглядеть былинным удальцом. Всесвятлир не сменил ничего, потому что в княжских закромах не нашлось доспехов надёжнее, чем те, что сидели на нём. Он лишь получше наточил свой меч. Волнозор тоже не стал ничего надевать, так как был вооружён весьма добротнo.

Беленир, Всесвятлир, Волнозор, Хедор и три деда Земнородных спустились в гридницу. Столы уже стояли на своих местах и за ними сидели воины и дружинники, распивая мёд да брагу. Стрезибор вскочил со стула и спросил их:

— Неужто вы уже собрались идти на змея?

— Нет, в лес по дрова! — рассмеялся Беленир. — Собирайся, иначе опоздаешь и вся слава достанется нам.

Тут Стрезибор кликнул свою дружину и был таков. И тотчас перед ним очутились молодцы добрые, до того мирно сидевшие за столами. Все они были в кольчугах по колено и были подпоясаны знатными кушаками. Было видно, что многие из них бывалые воины, но другие были ещё молоды и вряд ли даже сражались когда-либо. Осмотрев этих воинов, Хедор поглядел на своих дружинников, что спаслись с предыдущей битвы и нынче сидели за столами, и свистнул. Только лишь те гриди могучие услышали свист, тотчас встали и собрались около своего князя.

— Едем! — молвил Хедор, и все воины вышли на улицу, а вслед за ними наши удальцы и деды. В сумятице кто-то помял Всеведу бороду и отдал правую ногу Мал-стар Дедку. Пасечник же сумел кое-как протиснуться между толпой и пройти вперёд, чтобы не плестись позади.

Перед входом в чертог воины оседлали коней добрых и стали решать, кто поедет первым — Хедор или Стрезибор. Спор мог затянуться, но тут появился Беленир на скакуне богатырском, который возвышался над всеми другими, и сказал:

— Змий — моя забота, и я первым постараюсь решить её и первым её встречу, так что расступитесь и езжайте за мной.

— Это забота всех нас, ибо она обрушилась на всех, а не на тебя одного! — вставил Хедор. — Но ты прав — езжай первым.

Все с этим согласились, даже деды. Кстати, они шли пешком и нисколько не нуждались в конях, ибо их ноги были очень быстры. Путь вёл всех на юго-восток, но теплее от этого не становилось — морозы наступили уже осенью. Два знамени развевались по ветру, сопровождая витязей в походе — одно с ястребом в зелени, знамя Хедора, другое с белым вепрем — знамя Стрезибора. И куда бы путники ни бросали взгляд, лицезрели не дубравы красивые и не траву-мураву, а столбы дыма, исходившие из спалённых рощ и деревень, лежащих на юге — даже после захода чад этот был виден глазу. И куда бы они не воротили нос, всюду чувствовали не свежесть ночи и не благовония цветов, а запах гари мерзкой. Даже дорога расстилалась перед ними мрачно. По обеим сторонам от неё то и дело появлялись холмы али яры и вырастали унылые деревья да кустарники. Первым ехал Беленир, кивая носом в холку Космача. Почти что бок о бок с ним ехал Всесвятлир, за Всесвятлиром тихо и немногословно следовал Волнозор. За всеми тремя зорко следили деды. Ведь путники спали, и потому Земнородные не спускали с них глаз. Притом все думали, что старцы будут плестись в хвосте из-за того, что у них нет коней, но оказалось, что они на своих двоих куда быстрее, чем даже дружина княжья. И вслед за дедами быстроногими, замыкая цепь, ехали Стрезибор и Хедор вместе со своими знаменосцами.

Но вдруг целыми хлопьями посыпал снег и завесой молочною скрыл от глаз далёкие дали и даже ближние яры и холмы. В этом году холода наступили весьма скоро и впоследствии эту зиму, которая забрала добрую часть осени, называли Дикая Зима. Зато путники повеселели, ибо вокруг стало не так уныло, как прежде. И когда вся почва покрылась белизною зимнею и снег стал падать маленькими хрустальными снежинками, а не хлопьями крупными, путники, здорово притомившись, решили разбить лагерь под высокими звёздами да скоротать в нём остаток ночи. Тем более что, по словам Хедора, до лежбища змия было ещё идти и идти. В лощине широкой, слева от дороги, они устроили три

шатра: один белый что лунь — в нём поселились наши витязи и деды Земнородные, второй красный, что кровь — в нём остался ночевать Хедор и его воины, а третий жёлтый как золото и весь вычурный — в нём водрузился Стрезибор и его ратники.

Вскоре развели костры жаркие, трескучие и около них собрались дозорные. Беленир очень хотел спать и потому не стал ни над чем раздумывать и кручиниться из-за своей нелёгкой доли. Он просто лёг и уснул, даже ни с кем не обмолвившись. Таким же образом поступили и Всесвятлир с Волнозором. Деды же спать не стали — они за свою долгую жизнь уже выспались, и из своего шатра они могли видеть, как в другом — красном — при свете лучины тусклой сидит благородный Хедор и пускает кольца дымные из своей трубки. Он тоже не смыкал глаз.

Но вот беда: поспать Белениру и его друзьям не удалось. Внезапно, когда сон уже смежил их утомлённые веки, раздался ужасный писк. Писк этот исходил откуда-то сверху и пронизывал до самых костей. Все тотчас вскочили и схватились за оружие, ожидая самого плохого. Беленир как угорелый вылетел из шатра в руке с Самосеком и увидел, что в небе летала невесть какая птица, чёрная-чёрная, и только её клюв сверкал отблесками золотых костров и слепил очи. Со сна витязь принял птицу за змея, а её клюв — за пламень и хотел уже биться на смерть, как вдруг его схватил за плечо Всевед и сказал:

— Не бойся ты так! Это — не Идогурн. Просто какая-то пташка.

— Нет, это не пташка! — промолвил Дед-Пасечник. — Это уродина-ворона с железным клювом, слуга Кошевита. Это очень сильная и коварная птица, и она затеяла что-то недоброе.

Тут, стоило только Деду-Пасечнику сказать эти слова, ворона чёрная, дико каркнув и сложив крылья, понеслась прямо на шатёр белый, в котором недавно спали витязи. Не успели они и глазом моргнуть, как она снесла его, а затем устремилась на остальные и тоже их испортила. Но тут все воины-дружинники, очнувшиеся к тому времени, натянули луки тетивчатые и пустили в ворону кучу острых стрел. И полетели стрелы в небо тёмное и в снежные низины, какие и в зловонное болото угодили, да только не в чёрную птицу — все мимо неё пролетели.

— Не стреляйте, не стреляйте! — кричал Беленир, но его никто не слушал, и все продолжали палить из луков крепких: каждый хотел сбить ту проклятую ворону с железным клювом, чтобы искупаться в похвальбе. Но тут Хедор благородный опомнился и приказал:

— Не стреляйте, нам нужны стрелы!

Но, когда молодой князь это прокричал, почти все стрелы были пущены на ветер да на вольную волю, а ворона всё также беззаботно кружила над лагерем в своём безумном круговороте. К слову, луки у воинов были дальнобойные, очень тугие. Так что искать пущенные стрелы было бесполезно, а они были ой как нужны в бою с Идогурном.

— Что же нам делать, если не стрелять? — спросил один из воинов шутя. — Это дикое воронище тогда всех нас поклюёт!

— И коням бока выдолбит! — добавил другой вполне серьёзно.

— И глаза самые выклюет! — воскликнул третий.

— Делайте, что хотите, только не стреляйте! — бросил в ответ Хедор, и все замолчали.

А ворона коварная всё летала и летала над головами воинов, и те беспокойно озирались по сторонам, опасаясь, что она вдруг появится из темноты, сорвёт шлем с головы и клюнет своим железным клювом в самое темячко. С некоторыми именно так и происходило. Ворона проклятая внезапно налетала на них невесть откуда и неистово клевала. Всё, что они видели

— это лишь блещущие во мраке очи. У некоторых это воронище злобное даже выклёвывало куски мяса, так что не надо думать, будто этот ночной налёт был пустяком.

Сумятица, наверно, продлилась бы ещё долго, коли бы не пришла помощь. Конечно, ни Беленир доброславный, ни все остальные, кроме, быть может, дедов извечных не ожидали, что она появится. Откуда ни возьмись, прилетел Ведан. Махнув крыльями чернопёрыми, ворон премудрый внезапно обрушился на ту железноклювую ворону. В небе над лагерем завязалась яростная битва. Беленир и все воины, с тревогой глядя на то, как над их головами блистает клюв воронища и сияют гневом очи Ведана, стали кричать премудрой птице: «Бей её, бей! Не щади!». Ворон великий же клевал ворону с такой яростью и силой, что то и дело раздавалось карканье жалобное да непонятные гортанные звуки. Но и птица коварная тоже защищалась на славу, а порой ей даже удавалось ударить Ведана. И клювы двух противников сверкали с быстротой молнии. Опережая ветер, кружили враги над макушками витязей, а вниз летели кучи иссиня-чёрных перьев. Но вдруг послышалось дрожащее предсмертное карканье, и битва в небе замерла. Замерло в сомнении и сердце Беленира, потому что он не знал, кто же повержен — ворон вещей или злобное воронище. И вдруг прямо перед ним, извиваясь в судорогах предсмертных, упала наземь птица, чуть не задев его перьями за нос. Когда же наконец птица испустила дух и замерла навечно, Беленир нагнулся и оцупал её клюв: клюв был холоден что лёд и гладок. «Значит, железный!» — подумал он и, выпрямившись во весь рост, промолвил:

— Убито поганое воронище! Одолел его Ведан, — и воины радостно кивнули головами.

— Да, хорошо помог нам Ведан! — сказал Хедор, вглядываясь в небо и тщетно пытаясь разглядеть там ворона. — Без него мы, верно, бы не справились с этой крылатой напастью.

Тем временем Ведан приземлился рядом с Белениром, его соратниками и дедами и щёлкнул клювом. Он был весь потрёпан в бою и окровавлен, но всё равно высоко и важно держал голову. Помолчав немного, ворон неторопливо зашагал по стволу упавшего дерева, переваливаясь с боку набок, и прокаркал:

— Кар-р-р! Здравствуйте, светлые князья и прочие и прочие! У меня мало времени, так что я буду говорить быстро и откажусь от долгих приветствий и начну сразу! Я не сумел вас уберечь: вы растратили все стрелы и вам не собрать их более. Назад вам нет пути, иначе вы уже встретите не спящего змия, но бодрого и во всеоружии. Замысел Кошевита удался, так что вы теперь не столь опасны для Идогурна, ибо не сможете отвлекать его стрелами. Но что ж! Доброго пути вам, да не сгорите вы в разверстой пасти змия и да не накроет вас пелена забвения. И, ежели вы выживете в предстоящей борьбе, пусть не померкнет ваше счастье ни на миг.

— Ты улетаешь? — спросил Беленир и все скопившиеся вокруг воины, встревоженные появлением воронища железноклювого и битвой в небе, стали ждать ответа, будто это для них было важно. Хедор же, понимая, что ему уже ни к чему здесь стоять пошёл в свой шатер красный и продолжил курить трубку. Не то, чтобы он не уважал премудрого Ведана, но он просто устал. К тому же князь хотел выкурить немного табаку.

— Да, я улетаю! — каркнул ворон, ответив на вопрос Беленира. — У меня в землях далёких есть дела поважнее и боюсь, что мы уже не свидимся, а узнаю я о вашей победе или вашем поражении уже через слухи или молву невнятную. Прощайте! — все откланялись Ведану. И даже Хедор, выглянув из палатки, крикнул: «Доброго пути тебе, ворон!». Он не особенно любил долгие прощания и порою даже казался из-за того угрюмым, так что и в этот раз он не сказал лишних слов. А ворон вспорхнул в вышину поднебесную и улетел на

запад, распустив крылья чёрные под частыми звёздами. Никто не задался вопросам, куда он направился, так что и я не буду.

Когда же воины перестали смотреть в небо, провожая Ведана взглядами, Всесвятлир взял за хвост ту ворону с клювом железным, положил её в мешок и сказал шутливо: «Привяжу к седлу, авось сгодится. Будет что детям показать». Посмеявшись немного да починив шатёр, витязи легли спать. Беленир и его друзья погрузились в сон быстро. Ведь завтра они могли встретиться со змием подлым, а значит должны были быть бодрыми. К тому же Беленир очень устал в пути. Стоило ему лишь прилечь в шатре просторном, как его глаза сразу сомкнулись, и он забылся глубоким сном. И больше ничто этой ночью тёмной его не тревожило.

Наутро же Беленир проснулся раньше всех. Но и заснул он тоже первым. Сидя в шатре да перебирая в голове ночные видения, он невольно вспомнил о доме и опечалился. «Быть может, я более не увижу дома», — думал он. Но вскоре витязь откинул прочь такие мысли и вышел из шатра. Он поглядел на горизонт: на востоке занималась заря, и небо высокое там цвело бледно-розовыми тонами; к северу всё было мрачно и по-зимнему серо; на юге же, куда лежал их путь, в вышине стоял дым смрадный и в тиши гробовой вдали высились обожжённые деревья. Тут в голове Беленира скользнула мысль, что он может прямо сейчас уйти, сбежать и больше никогда не возвращаться, а жить себе мирно да радоваться. «Уйти навстречу восходу, — думал он. — Испить мёда на тризнице солнца, отдаться темноте и звёздному ковшу и быть свободным. Как было бы хорошо! Но нельзя, нельзя!». Да, как ни хотел витязь либо что-то внутри него уйти, его сдерживали слишком тяжкие узы, оковы чересчур мощные, чтобы их можно было бы преодолеть. А оковы эти были в нём самом и назывались мудрость и мужество. Это и есть силы железных душ, душ воинов и вождей, душ, которые перешагивают реки, перепрыгивают стремнины вопреки воплям всего низкого в себе, вопреки страху и разложению — навстречу величию, навстречу богам.

Очнувшись от дум, Беленир увидел, что он не один: около своего шатра в двух саженях от витязя сидел князь новоявленный, храбрый Хедор. Он всё курил свою трубку да пускал по ветру кольца серые, устремив взгляд своих очей изумрудных на восход. Левой рукой Хедор лепил снежок. Белениру даже показалось, что князь слишком спокоен, но тут он сжал снежок и бросил его в дерево, росшее на краю лощины.

— Будь проклят этот змий! — воскликнул Хедор яростно и отбросил трубку в сторону.

— Не стоит так переживать! — заметил Беленир. — Мы справимся, иначе, зачем я добывал коня быстрого, — и витязь указал на Космача, стоявшего около его шатра, — и этот меч?! — тут Беленир выхватил свой клинок искромётный и ещё раз любовался его красою. — Я прибью этого червя. Да! Ведь я первый среди добытчиков коней, и мне будет не страшно столкнуться с врагом.

— Думаешь? — пробормотал Хедор.

— Я убью змея и вусмерть искупаюсь в славе, — отвечал Беленир.

Хедор улыбнулся и сказал в ответ:

— Твой дух силён, друже! Но позволь я расскажу тебе одну историю!

Беленир кивнул головой, и князь молодой повёл сказ:

— Знавал я одного гордого воина. Не то чтобы он был уж чересчур надменный, нет! Но гордости ему было не занимать. Однажды он пошёл на охоту и поймал уйму тетеревов!

— Тетеревов? — удивился Беленир и чуть не рассмеялся, потому что для воина могучего ловить тетеревов было не лучшим занятием.

— Да, тетеревов! — подтвердил Хедор. — Я говорю чётко и не страдаю картавостью! Так что, пожалуйста, не перебивай меня.

— Да, хорошо! — согласился Беленир.

— Так вот, — продолжал князь. — Тот гордый воин поймал кучу тетеревов. С ним были его друзья, и он поднял тетеревов над головой и промолвил: «Никто не ловил так много тетеревов, я отныне первый среди охотников!» И тут вдруг один из тех тетеревов ожил и клюнул того воина прямо в висок. Воин пал без чувств, и свет навсегда померк в его очах. Но пусть он был и горд, но сказал правду, ибо никто с тех пор не смог поймать сразу стольких тетеревов.

— И что ты хочешь этим сказать? — спросил Беленир.

— А то, — молвил Хедор, — что будь ты хоть гордым воином, первым ловцом тетеревов, что, конечно, забавно само по себе, хоть первым богатырём из всех, какие есть и были на земле, ты не бессмертен и тебя может убить плод твоих же рук или же просто тетерев, как это произошло с моим знакомым. Ты — человек и не властен над смертью, а, значит, не властен и над будущим. Коли же ты не имеешь власти над будущим, то нечего говорить о том, что ты убьёшь Идогурна.

— Думаю, что ты в чём-то прав! — сказал Беленир. — Но в чём-то и не прав. Думается мне, что каждый в какой-то мере властен над смертью, а значит и над своим будущим. И я убью змея, вот увидишь!

— Посмотрим, — рёк Хедор. — Но тут наверняка не скажешь.

— Главное не сказать наверняка, я думаю, — продолжал Беленир. — А иметь волю исполнить сказанное или попытаться... И ещё я думаю, что нам пора выдвигаться.

На этом разговор окончился, и Хедор разбудил своих воинов, повелев им поднять всех остальных.

Когда всё было готово к продолжению пути, все воины вскочили на коней и пустились в дорогу в прежнем порядке, наравне с ними зашагали и деды Земнородные. Выбравшись из лощины, путники вышли обратно на дорогу да направились на юг мимо холмов да крутояров. Над их головами серым щитом сомкнулись облака ходячие, и солнца стало не видно. Стоял запах гари. Честно скажу, невесело было ехать Белениру и его друзьям, ожидавшим, что прямо сейчас может появиться змей огнедышащий и сжечь их дотла! Спустя же несколько унылых часов стезя широкая обогнула крутой холм, на котором росли дубы кряжовистые, нетронутые змием, и свернула на восток. Путники остановились и стали держать совет. Хедор, узнав холмы, указал за них рукой и сказал:

— Это — прямоезжая дорога до нашего врага! — и в его глазах пробежал холод странный. — Он там. За холмом.

— Что ж, тогда пришло время пустить железо в дело! — молвил Всесвятлир, улыбнувшись. — А то уже, небось, наши мечи запылились в ножнах. Надо бы стряхнуть с них пыль!

— Тише! Он же не глухой! — проворчал Дед-Пасечник. — Да и с чего вы взяли, что он там?

— Когда мы бежали от него, — отвечал взволнованно Хедор, утирая холодный пот со лба, — он исчез за этим холмом. Как видите, дубы на вершине стоят целые, не сожжённые. Значит, змей не продвинулся дальше.

— Что верно — то верно! — заметил Дед-Пасечник и глянул на Хедора: тот всё обливался ледяным потом.

— Ничего страшного! — сказал молодому князю Мал-стар Дедок, посмеиваясь в бороду. — Мёртвые лишь не потеют!

Хедор ничего не ответил, ни словца не выронил. Но по его виду было заметно, что он скорее не боялся, а переживал и сомневался. Ведь он должен был вот-вот встретиться лицом к лицу со своим врагом заклятым, убийцей его доблестного отца. Но князь молодой не мог так просто взять, взойти на холм и ринуться в бой — нужно было прежде всё обдумать да измыслить.

— Ладно, пускай Хедор пока посидит здесь, — промолвил, наконец, Волнозор, нарушив застоявшуюся тишину, — а я и Всесвятлир взберёмся на холм и глянем, там ли змей. Если же он проснулся, то погибнут хотя бы не все! — и Волнозор улыбнулся.

Говорил берегин уверенно. Он не боялся, даже не сомневался, но ему казалось, что он прошёл слишком долгий путь, чтобы сегодня всё закончилось, потому он не верил в то, что погибнет. Беленир не стал отговаривать своих товарищей, ибо подвиг на то и подвиг, что делается с риском, а лишь пожелал им удачи.

Стараясь не шуметь, Волнозор и Всесвятлир слезли с коней борзых и пошли вперёд. Под их ногами шуршал снег. Сзади на смельчаков с тревогой смотрели Беленир, деды, князья молодые и верные дружинники. Вскоре земля стала подниматься — здесь начинался холм крутой. Пришлось выше поднимать ноги, а иногда и ползти на четвереньках. Порой из-под пелены снега вздымался кустарник нагой или юное деревце. Скоро Волнозор и Всесвятлир оказались на гребне холма, и над их макушками вознеслись пять могучих раскидистых дубов, расправивших свои ветви лысые под самые облака. Витязи спрятались за стволом одного дуба кряжовистого и притихли. Оттуда они видели, как от змея исходит чёрный дым и летит к югу, подхваченный крыльями стылого ветра.

А что сам червь? Как вы уже догадались, он был на другом склоне холма, за теми деревьями. Свернувшись огромными кольцами и ухватившись передней лапой за один из дубов вековечных, змей мирно дремал. Витязи глянули на него, и увидели, что всё его туловище было покрыто крепкой чешуею, местами золотистой, местами красной что кровь. Из больших ноздрей змея вырывались струи пара и дым, глазища его были чуть-чуть приоткрыты и светились жёлтым заревом, а крылья были сложены, и он был прикрыт ими наполовину как одеялом. У Волнозора аж дух захватило от страха и удивления, едва он увидел чудище, ведь никогда прежде он не видал червя так близко. И все эти чувства смешались в нём, и он не смог вымолвить ни слова. Зато Всесвятлир прошептал:

— Вблизи он ещё красивее и величественнее!

— И ужаснее! — добавил Волнозор ещё тише.

А змей тем временем захрапел, и округу огласил звук, напоминавший скорее не храп, а рёв. Из ноздрей чудища повалил дым, и даже ветер северный не смог отогнать его от двоих витязей. Волнозора и Всесвятлира тотчас окружило чёрной-чёрной завесой, и они невольно стали кашлять. Вскоре они закрыли носы и прилегли к земле. И тут Волнозор заметил, что в том дыму едком, носившемся над их головами, стали мелькать искры огненные. С каждым мгновением их становилось всё больше и больше. И вдруг середь вихря искристых блесков, с страшной силой вспыхнули два огонька.

— А вот и гости пожаловали! — что гром гремучий разнеслись слова из дыма. Змей уже знал о приближении витязей и Земнородных сыновей от воронища проклятого, слуги Кошевита, и, очевидно, приготовился к встрече, притворившись спящим.

— Надо отходить, — прошептал Волнозор, прячась за дубом.

Но Всесвятлир не слушал своего друга. «Ишь, какой зоркий, — думал он. — Уже обнаружил нас. Зато дедов, наверное, не заметил — вон какой дым, куда ему сквозь него разглядеть их бороды. Надо позвать их на помощь, пока он нас не спалил».

— Проснулось уродище! — вскрикнул Всесвятлир громко, и Волнозор не успел заткнуть ему рот. — Бейте его!

К тому времени деды и остальные воины сами увидели, что змей проснулся. Как никак, он навис прямо над одним из дубов и расправил свои огромные крылья. Дружинники хотели вскинуть луки и пустить во врага стрелы, но колчаны были пусты. Лишь несколько стрел взмыли вверх и, едва долетев до змея, отскочили от его чешуи. «Что же нам делать?» — зашептались испуганно воины. Но все знали ответ: бежать Волнозору и Всесвятлиру на помощь, но никто не хотел этого делать, кроме дедов и Беленира. И тут, когда Беленир и старцы вековечные хотели броситься в бой, а у Деда-Пасечника борода седая затряслась от ярости, Идогурн обратил на них взор. Затем он заговорил:

— Только шевельнитесь, седые бороды, и я спалю этих двоих дотла! — и тут змей своими глазами разглядел знак в виде солнца на рукояти Самосека, который его создатель ставил на своих изделиях. — Вам, ничтожные вояки, не поможет даже меч Каукиса. Ведь сталь горячая что тесто, а жидкое железо как каша, а мой огонь ярче солнца и жарче недр. Он — дыхание ветров. Испепеляет он без пощады, карает без милости. Хотите с ним познакомиться? Неужели и впрямь хотите? — и змей рассмеялся самым бездушным и ужасным смехом, от которого внутри заколебалось сердце, а вокруг задрожали деревья.

Насмеявшись всласть, чудище продолжало:

— Как же вы хотите убить меня, как хотите одолеть вековечного змия? Каким-то мечом? Он же для меня как иголочка. Мне не страшны копья богов и стрелы Маланьницы, я не боюсь ничего, и вы захотели сразить меня этой иголочкой! Ха! Развейте пустые надежды, пустите их по вольному ветру, пусть летят себе подбитыми гусями куда им вздумается. Хуже несбывшихся надежд нет ничего, кроме отчаяния, — тут змей лукавый глянул на Стрезибора, лихорадочно теребившего рукоять своего меча. — Да, северный князёк, отчаяния, которое столь внезапно охватило твою ничтожную душонку.

Как это ни прискорбно, Идогурн говорил правду. Ведь Стрезибор, князь северный, не на шутку отчаялся в эти мгновения, особенно, когда представил себе бесславную кончину от змея пламени. И пусть этот воин с виду был силен и грозен, но в душе у него таились трусость и малодушие. Но в этом не было его вины: он всегда старался бороться с ними до последнего, и сейчас был ещё не до конца сломлен, хотя его очи ясные были уже переполнены страхом.

— Да, и пусть Хедор, — рывкнуло змеище и расправило свои крылья над воинами и дедами, — этот жалкий отпрыск Митрапирна, тень своего отца, не смеет даже подымать свой никчёмный меч! Иначе я утоплю его в море страданий и превращу в обугленную головёшку. Но не сразу. Пусть не надеется, что жажда мести поможет ему — она никому не помогала. Никогда! И знайте — у вас два пути: помочь своим друзьям мечами и оказаться в моём чреве бездонном, откуда уже нет выхода — можете спросить это у коров, людей и овец, которые исчезли в моем желудке, или уйти отсюда вместе с товарищами подбурпоздорову, но в уплату за свои жизни отдать мне тысячу человек. Тогда я уйду — хотите верьте, хотите нет, но я оставляю вашу неприятную землю, а людей добрых угоню в полон, а позже набью ими своё брюхо. Я ведь немного прошу, это Кошевит многое хочет. Дайте мне этих людей, и я сам разделаюсь с ним.

— Ты хочешь убить Кошевита? — спросил удивлённый Всесвятлир.

— Если вы дадите мне тысячу человек, я вам десяток Кошевитов убью, — ответил змей. — Кошевит не сдержал своих слов, и я ему больше не друг! Он обещал мне горы золота и серебра, сундуки самоцветов, а здесь одни хибары да ветхие избушки! Так что дайте мне тысячу человек, и я уйду и даже убью Кошевита. Сами подумайте, какое вам дело до этой тысячи человек? Все эти дети, все эти старухи и старики, все эти молодцы и молодницы — это же звери, это скотина. А скотина размножится снова, если вы будете хорошими пастухами!

— Такое нам не простят! — воскликнул Стрезибор.

— Дайте скотине хорошее пастбище, — молвил змей, — и она скоро позабудет, что вы скормили немного овец волку. А коли скотина начнёт кручиниться, устройте поминки, пусть нажрётся и успокоится! Главное налейте ей браги или пива. Или лучше медовухи да покрепче, вон Дед-Пасечник всё устроит. А что пастухи эти да крестьяне бы сделали, будь они на вашем месте?

— А что, если люди пойдут против нас? — вновь спросил Стрезибор.

— Тогда скажите, что были неправы и поведите их в бой, — сказал змей. — Они будут думать, что идут бить меня, а на самом деле будут идти ко мне в брюхо! Ха! Вы сами вершите свои судьбы, вы — зодчие своей жизни, так что решайте, что будете сейчас делать.

И, как ни странно, последние слова змея показались Белениру верными, в отличие от слов Хедора про будущее. «Мы — зодчие своей жизни, — сказал он не вслух, — мы творцы и нам не нужен господин, мы не покорны судьбе, мы сами прокладываем свой путь».

— И, прежде чем вы решите что-то, — добавил змей и ухмыльнулся, — хорошенько подумайте! Лучше даже трижды подумайте!

— Тогда отпусти наших товарищей! — крикнул Беленир. — Нам нужно посоветоваться с ними на счёт твоего предложения. Кошевит нам великий враг и он прежде всего повинен во всех разрушениях, но все равно мы должны выслушать все мнения, какие имеются у наших соратников.

— Так и быть, — рыкнул змей. — Пусть уходят. Даю вам час на раздумья!

Всесвятлир и Волнозор спустились с высоты к соратникам, и все вместе воины и Земнородные сыны стали отходить назад, прочь от холма. Удалившись на четверть версты, они остановились, ибо Космач сказал, что отсюда змею их будет не слышно, и все, кто хотел высказаться, встали в круг. Земнородные деды достали пирог, подаренный каким-то селянином ещё в чертоге на совете, и стали есть его, ибо у них прорезался аппетит.

— Врасплох мы его не застали! — начал первым Беленир. — Теперь надобно думать, что делать дальше.

— Какого чёрта ты устроил это совещание? — воскликнул Хедор. — Надо было начинать битву, а не разговоры.

— И потерять в этой битве двух лучших воинов! — вставил Всевед, доедая свой кусок пирога. — Неужто не понятно, что иного выбора спасти Всесвятлира и Волнозора, кроме как откликнуться на предложение змея и попросить о совещании, не было?

— Сглупили мы, — понурился голову, молвил Волнозор. — Следовало сразу начинать нападение, без разведки...

— Да, действительно, — поддержал Всесвятлир.

— Хватит разговоров про глупости! — прервал их Беленир. — Надо решать, что делать дальше, а не думать о совершённых поступках, ошибочны они или нет.

— Почему бы не отдать Идогурну тысячу человек на откуп? — спросил Стрезибор. — Это не так-то и много. Более того, мы можем собрать самый паршивый люд да его и отдать: преступников, больных, старых и негодных. Две беды сразу отпадёт: и змей уйдёт, и Кощеvit будет наказан за свои козни.

Некоторые воины одобрительно покачали головами, но Земнородные лишь усмехнулись.

— Неужто не понятно, зачем змей сделал это предложение? — воскликнул Дед-Пасечник, съев наконец остатки пирога вместе со своими родичами. — Он хочет, чтобы вы отдали ему этих людей, а часть он пощадит и отправит обратно, чтобы они рассказали всем остальным горькую правду. А уж как народ узнает, что вы дали целую тысячу людей змею на пропитание, да ещё и сговорились с ним, так вас самих и убьёт.

— Змей же продолжит свои бесчинства и уже без всякого труда станет властелином над этим краем, — пояснил Всевед. — А ежели у него такое в планах, то он нападет затем и на Брегокрай.

— Но зачем тогда змей сказал про Кощеvита? — продолжал Стрезибор. — Если он водит нас за нос, зачем ему предлагать убить своего союзника или даже хозяина? Наверняка, они на самом деле что-то не поделили и разумнее всего будет воспользоваться рознью наших врагов и принять предложение!

— И то верно! — молвили некоторые дружинники Стрезибора.

— Неверно! — рёк тут же Хедор. — Вас и правда, как дураков водят за нос. Естественно, что змей будет говорить, какой он хороший и какие славные дела для нас сделает: и землю нашу покинет, и Кощеvита убьёт. Да только всё это бред! Змей знает, что вы хотите услышать и говорит это!

— Полностью согласен! — вставил своё слово Мал-стар Дедок. — Змееныши — они такие. С ними один разговор — завязать хвост таким узлом, что ввек не развяжешь, отсечь голову да повесить над камином!

— Никогда не поверю, что Идогурн поссорился с Кощеvитом, — заметил Всевед. — Кощеvит отковал для него броню и всегда был с ним другом. Более того, у самого Кощеvита есть меч из небесного металла, и он им запросто может поставить змея на место, если тот взбунтуется, так что Идогурн для Кощеvита — ручной ящер. Хедор прав: коварное змеище пытается вас обхитрить.

— Стрезибор зря пытается искать выгоду в предложении змея, — добавил Космач, стукнув копытом. — На моей памяти ни одно предложение змеищ не обернулось для принявших их хорошо.

— Идём на битву! — заключил Беленир. — Всесвятлир, дай мне мешок с воронищем — пригодится.

— Идём, — согласился Стрезибор. — Но вы пожалеете, что не согласились со мной.

Скоро князя, воины и Земнородные сыны вернулись к холму, на котором сидело змеище, ожидая их и ответа, который они принесли. Беленир верхом на Космаче выступил вперёд, а Идогурн прищурил очи жёлтые и, взглянув на него, наткнулся на его грозный взор, отчего подозрение шевельнулось в душе ящера. Ведь до этого змей был уверен, что его ядовитые речи возымеют действие, и даже Земнородные поверят в его вражду с Кощеvитом и ухватятся за предложение, не имея иной возможности спасти людей.

— Что смотришь, чудище окаянное? — воскликнул Беленир. — Хочешь тысячу человек съесть? Вот, что я скажу тебе: было у нас в деревне большебрюхое коровище, как поело, так

и лопнуло! — и тут витязь вытащил из мешка, привязанного к седлу, мёртвую птицу и тотчас бросил её прямо в Идогурна.

Услыхав такие слова и увидав ворону дохлую, брошенную ему прямо в грудь, змей ужасно разъярился, ибо его предложение было отвержено. Его глаза вспыхнули, когти заскрежетали о дубы, и тотчас несколько деревьев вековых повалилось наземь. Крылья змеевы вознеслись чуть ли не до неба высокого и покрыли всех чернейшей тенью. И тут громко заржал Космач, тряхнул гривой и в два прыжка вскочил на крутогорбый холм. Беленир обнажил Самосек. «Смотри, змей! — вскрикнул он. — Вот железо, которое принесёт тебе смерть!»

Чудище ещё пуще разъярилось и, собрав к тому времени всю мочь, дыхнуло огнём прямо в витязя. Но конь резвый тотчас отскочил на гребень холма, и пламя не задело Беленира, а только растопило снег. С холма потекла вода талая, и всё снежное покрывало стало сползать вниз, а вместе с ним и змей, и всадник. Но Идогурн не успокоился, а продолжил сыпать огнём, тщетно пытаясь сжечь неуловимого коня и его хозяина. Из пасти его вырывались злачёные языки, вокруг метались туда-сюда искры яркие, а тот снег, что ещё не растаял, почернел как уголь. Беленир кое-как избегал огня. С трудом удавалось ему уворачиваться от него или закрывать рукой глаза от сыпавшихся всюду искр. В эти мгновения он выжил скорее благодаря коню богатырскому, а не своей ловкости, ибо не раз выручал его Космач, уворачиваясь от пламени. И никто, кроме коня, не мог подсобить Белениру, ибо стрел не было, а с холма скатывались глыбы снежные и лилась ручьём горячая вода.

Но что же Земнородные? Неужто испугались они горячей водицы? Неужто увязли они в талом снегу? Нет, но вдруг сделалось им плохо, чёрный туман окутал их разум, а руки стали слабы. Глаза их облекла тьма, и показалось им, что оказались они в ночи, непроницаемой как дым Идогурна. Каждый наедине с самим собой. И тут появился чёрный петух. Дед-Пасечник, увидев такое, тотчас понял, что это морока. Но вдруг петух проклятый вспорхнул ему на голову и стал бить по ней своим клювом. И как ни силился пчельник спастись от этой напасти, ничего не получалось, и птица ужасная, вся чёрная как кровь земли, всё терзала его и не было от нее никакого спасения. Та же беда приключилась и с родичами Деда-Пасечника. Ко всем пришёл беспощадный чёрный петух и стал бить в головы. На самом же деле, все деды упали в тридцати сажнях от холма и по виду их состояние походило на обморок, лишь глаза их были открыты и смотрели куда-то в даль. Многие воины подумали, что поддались Земнородные чарам змея, и оттого некоторые из них пришли в уныние.

Тем временем Идогурн не смог удержаться на холме и вскоре, влекомый лавиною снега и потоками горячими, опрокинулся на спину у подножия холма и скрылся с глаз в шипучем пару. Всё это произвело ужасный шум, и кони, перепугавшись до смерти, разбежались кто куда, унеся с собой и воинов. Лишь замелькали кругом их хвосты да копыта. Даже Волнозора конь унёс невесть куда, и, как ни силился берегин, скакун всё равно его не слушался. Стрезибор же, убоявшись змея лютого и его чар, ибо думал он, что колдовство ящера отправило Земнородных в обморок, выпучил со страху глаза и сам припустил своего жеребца, который был спокойней мёртвеца. Правда, потом трусливый вояка говорил, что конь сам понёс его, и он не смог его остановить. Как бы то ни было, вскоре Стрезибор, бросив остальных воинов в трудный час, скрылся за холмами на севере вместе со своей немалой дружиной, которая также поспешила за своим вождём. Беленир же, увидав это, вспомнил слова старого пчельника, что не всё с виду похожее, одинаково и изнутри: Хедор и

Стрезибор были могучими князьями, но внутри один был богатырём, а другой трусом.

В то же время, пока одних кони уносили, а другие по своей воле неслись на них прочь, Дед-Пасечник нашёл в себе силы и поборол мороку: схватил чёрного петуха за шею и переломил её. Тут же он очнулся, но сил у него едва хватило чтобы подняться на ноги. Благо, под рукой была своя медовуха, которая приносила новые силы, но даже она не вернула мощь в мышцы и не изгнала яд из крови, и ладони пчельника тряслись, а ноги подкашивались.

— Бей змея, Беленир! — вскрикнул он слабым голосом. — Мы не сможем тебе помочь!

— Вонзи меч ему в самое сердце! — советовал Хедор, пытаясь уговорить своего взбесившегося коня.

Космач спрыгнул вниз, к подножию холма, и Беленир, занеся меч чудесный над головою, хотел уже перерубить змею шею. Но коварный Идогурн отпрянул назад и ударил Беленира хвостом. Да, мощен и ужасен был этот удар. Никому не посчастливилось выжить после него, кроме нашего витязя. И, перевернувшись вместе с конём, Беленир упал в десяти сажнях от холма. Он, верно, погиб бы, коли Космач не принял бы почти весь удар.

Увидав, что Белениру грозит смерть, Дед-Пасечник из последних сил бросил ему флягу со своим чудесным медом. Удачей было, что витязь тотчас же поймал её.

— Ну что, старики! — рассмеялся Идогурн, увидев, что Дед-Пасечник поднялся и пытается разбудить своих родичей. — Ну что, плешивые головы! У вас часом нет другого змеборца, чтобы послать его на смерть? Если нет, то идите бейтесь сами! Да что-то вы не спешите вставать. Идите сюда и отведайте кипяточку! Приглашаю вас в свою баню!

Тем временем ратники Хедора взобрались на холм, и бросились на змея сверху, ибо снизу к нему было не подступиться. Но коварный Идогурн дыхнул огнём, и половина дружинников пала замертво, а остальные отроки разбежались кто куда. Беленир к тому времени почувствовал прилив сил, вскочил в седло и пустился в бой. И пусть верный Космач хромал после страшного удара, но силы не покинули его, и его копыта были также быстры. Вслед за Белениром пошли в битву Хедор и Всесвятлир, тоже оседлавший коня. Змий даже невольно испугался, увидев блеск в их глазах и сияние их оружия, но вскоре он опомнился и что было мочи дыхнул огнём. Струя пламени и клубы дыма, полные искр, вырвались из его пасти. Тут воины бы и сгорели, обратились костями да пеплом, но подоспевший Дед-Пасечник заслони их большим железным щитом и сам за ним укрылся — лишь на это у него сил и хватило. Идогурн уже думал, что избавился от своих врагов назойливых, и радовался, дивясь своей удали и силе своего огня, но вдруг на него бросились три славных воина, пчельник же остался сидеть со своим щитом, не в силах подняться от неведомого яда. На огромную спину чудовищу вскочил Космач, и Беленир, спрыгнув со скакуна, стал сечь ему хребет чудесным мечом.

— Проклятые мрази! — взревел змей. — Огня вам мало? — и он стал сыпать пламенем, но ни искорки не попало в его врагов.

— Маловато будет! — отозвался Всесвятлир.

— Так держи ещё! — рявкнул Идогурн и пустил огнём прямо в витязя. Всесвятлир спрыгнул с коня и увернулся от пламени, но коню пришлось не сладко: его совсем поджарило — одни только косточки остались. Да и витязь приземлился не удачно — ударился головой о камень и отключился. И, кроме того, огнём опалило бороду Деду-Пасечнику.

— А ты что, воронье мясо, спотыкаешься? — усмехнулся змей, увидав, что Космач хромает. — Беду небось чуешь. Так беда — это я!

— Бей под грудь! — заржал конь, не обращая внимания на змеевы слова и топча змия копытами. — Вон туда! — и Космач указал копытом куда надо бить.

Беленир услышал совет, изловчился и, пока змей тщился схватить его и всюду сыпал огнём, вонзил ему меч по самую рукоять прямо в уязвимое место, где броня была встарь пробита Витагором. Тут же чудовище издало невыразимый писк: то ли рык звериный, то ли свист соловьиный, и деревья качнулись, закрипели сучья, и корни дубовые треснули. Совладав с болью, чуя скорую смерть, змей схватил Беленира в лапы и захотел разорвать его в клочья. Но Хедор увидел это, припустил коня борзого и скакнул к чудищу на спину. Беленир бросил ему свой меч, князь словил его и трижды ударил по змеиной шее. Голова ящера качнулась и пала: она была отрублена. Беленир взобрался на змеиное тулово, чтобы не свариться в горячем озере, и утёр со лба пот. Князь молодой же поднял голову Идогурна и в порыве радости закричал что было силы:

— Убит! Убит! Мы убили его! — и он бросил поганую главу наземь.

Меж тем кровь ядовитая красными-красными потоками брызнула из глубоких змеевых ран, и ручьями окропила Беленира и Хедора, стоявших на спине змея. Оба витязя и даже их кони побагровели и стали похожи на подземельных бесов. Но скакуны сразу смекнули в чём дело и убежали кувыркаться в снегу — смывать проклятую кровищу.

— Что вы стоите? — заржал Космач. — Смывайте кровь, она ведь ядовитая!

— Быстрее смывайте! — крикнул очнувшийся Всевед. — Пока не поздно!

Воины успели умыть лица, на которые попало, к счастью, немного, но змеиная руда стала прожигать их кольчуги. Витязи скорчились от невыразимой боли. Беленир, едва только сбросил кольчугу, от жжения сильного оступился и полетел прямо в озеро кипятка, в котором возлегало змеёво тело. Сердца у всех замерли. В последний миг витязь ухватился за змеиный рог, торчавший из шеи, и повис на нём прямо над горячей водою, смешанной с ядовитой кровью. «Только бы не упасть, — думал он. — Только бы не упасть». Между тем Хедор полез выручать друга и подал ему руку.

— Держи! — воскликнул князь. — Хватайся!

Беленир хотел подать Хедору руку, но тот вдруг вскрикнул. Сзади в него кто-то всадил кинжал. Князь, закатив очи ясные, пал в беспамятстве. И тут Беленир увидел ухмылявшегося карлу.

— Ха, ха, ха! — засмеялся карлик горбатый, поглаживая вымазанную в невесть какой грязи бороду. То был Гаркунец. Уродец подлый вылез из своего заточения в норе, где завалили его витязи, через другой выход и, не смотря на свое ранение, выследил путников. Теперь Беленир не мог помешать ему, ибо висел над озером кипятка, а из Земнородных очнулись лишь Дед-Пасечник и Всевед, но и они с трудом могли ходить.

— Вот мы и снова встретились! — продолжал карлик, покручивая длинный седой ус. — Я ожидал такого, долго ожидал. Где твоя мощь и удаль, Беленир? Ух, как Кошевит будет доволен! И где твоя сила? Ответь! — и карла горбатый принялся бездушно хохотать, сплюнул, выхватил из сапога еще один кинжал и шагнул навстречу витязю: он хотел отрезать ему пальцы, чтобы тот свалился в кипяток. Но тут всё это увидел очнувшийся Всесвятлир и поспешил другу на выручку. Он вскочил на змеёву тушу, пробежал по ней от хвоста до самой грудины и, чуть не опрокинувшись в кипяток, со всей силы пнул уродца. Карла взлетел на целую сажень и с визгом канул в горячую воду. Вопя от боли и ужаса, Гаркунец, так и не сумев выбраться, сварился заживо. Всесвятлир тем временем дал Белениру руку и вытащил его на змеиную тушу.

Глава 18. Из грязи в князи

— Мы это сделали! — воскликнул Беленир, не скрывая радости. — Дайте воды! И снимите с Хедора эти проклятые доспехи.

Тут Всесвятлир и подоспевшие деды, опомнившиеся от проклятых чар, подняли Беленира и Хедора и положили их на землю. Затем они сняли с сына Митрапирна доспехи тяжкие и обмыли витязей ключевой водою. Змеева кровь нанесла Хедору сильные ожоги, а Белениру немного обожгла грудь. Им нужна была помощь лекаря, и хорошо, что рядом оказался Всевед — премудрый знахарь. Он смазал тела воинов особой мазью, помогавшей при ожогах, и Белениру немного полегчало, но Хедор так и не пришёл в сознание. Нож, торчавший из его спины, Всевед вытащить не решился. «Очень серьёзная рана! — сказал он. — Видно, уродец горбатый знал, что делает. Не знаю даже, выживет ли наш князь, али же отправится к своим предкам и к гордому отцу». И все с волнением посмотрели на князя молодого, лежавшего без сознания, а Беленир тяжело вздохнул. Казалось, воины и деды ожидали, что Хедор сейчас же или умрёт, или поправится. Но ни того, ни другого, ясное дело, не произошло.

Зато Беленир скоро почувствовал себя лучше и встал на ноги. Оглядевшись, он заметил, что Космач, на которого пришёлся сильный удар змеева хвоста, остался цел, а с севера по дороге, по какой они сюда добрались, к ним кто-то приближается. То был всадник. Когда он миновал версту, все увидели, что это был Волнозор. Берегин приблизился к дедам и витязям и, утерев пот со лба высокого, промолвил:

— Проклятый конь! Занёс меня невесть в какие края! Еле нашёл вас.

— Часом не встретил Стрезибора и его дружину? — спросил Беленир.

— Видел издалека! — отвечал Волнозор. — Меня конь к западу занёс, так что, едва он пришёл в себя, пришлось возвращаться на дорогу. И, пока я продирался сквозь бруснику да смородину, увидел Стрезибора с его дружиной. Они шли на север. Но за ними по пятам следовала тень. И это ой как нехорошо.

— Кощевит! — чуть ли не вскрикнул Дед-Пасечник. — Как же он набрёл на Стрезибора?

— Легко! — сказал Беленир. — Тут змей окаянный палил огнём направо да налево, лились потоки кипятка, сверкали искрами мечи. Видать, Кощевит пришёл посмотреть, кто сдюжит, а, пока мы все были поглощены битвой, он увидел отколовшегося от нас Стрезибора и последовал за ним.

— Но зачем Кощевиту идти на север? — спросил Всесвятлир. — Что он там забыл?

— Хм, — пробурчал Дед-Пасечник. — Сложно ответить на такой вопрос. Попробуй-ка представь, что там на уме у Кощевита! Но думаю, он хочет созвать вече от имени Стрезибора и на нём убить всех князей, стать князем державным и превратить эту землю в своё государство проклятое, а её обитателей — в своих невольников.

— Может он просто хочет убить Хедора, — добавил Мал-стар Дедок. — Новый князь велик и может помешать ему в его тёмных делах, коли выздоровеет.

— А мне думается, Кощевит отчаялся, — заметил Беленир, — и просто делает то, что может, лишь бы наворотить как можно больше бед, прежде чем уйдёт.

— Не думаю, — возразил Дед-Пасечник. — У Кощевита всегда припасено несколько планов, коварных замыслов, так что он, надо думать, исполняет один из них.

— В любом случае надо спешить в старый чертог! — заключил Всевед. — Козни Кощевита так же опасны, как и его дела, а коли он посеет ковы, то вы пожнёте ужас. Верьте или нет, но сейчас он куда опаснее, чем прежде. Он зол из-за своих неудач, он сердит и гневен и может много чего наворотить и задумать, коли мы его не остановим. А уж у нас сил на это хватит, пусть и сплеховали мы сейчас.

— Все дело в этом проклятом пироге! — воскликнул Мал-стар Дедок. — Подлый селянин подарил нам пирог с чёрным петухом, и тут, как я его съел да началась битва, этот чёртов чёрный петух начал клевать меня прямо в темя. Поистине, зловещая морока!

— Да, — согласился пчельник. — Дело очевидно: виной нашему обмороку пирог. Должно быть, это дело рук Кощевита, уж как мы сразу это не разгадали. Но теперь хватит разговоров, пора в путь.

Никто не стал спорить. Витязи даже не подумали отдыхать, а сразу соорудили для Хедора носилки и, вручив их дедам, пустились в обратный путь. Но Беленир взял с собой змееву голову, привязал её к коню богатырскому и, вырезав у чудища сердце, положил его в мешок. «Заработал!» — сказал он и взобрался в седло.

Путь был уныл и скучен: ничего особенного не происходило. Только за носилками капелька за капелькой тянулся след кровавой. Вначале он был не заметен, ибо снег был чёрен от змеева огня. Но затем снег стал чист как слеза горячая, и все заметили позади носилок ярко-багряный след. Но даже Всевед не мог ничего поделывать, ведь если бы он вытащил нож из спины Хедора, то кровь брызнула бы ручьями! Так и прошли весь день в тишине и кручине.

И вдруг из-за дерева старого навстречу путникам вышел какой-то человек в коричневой одежде с капюшоном. Вслед за ними откуда ни возьмись появилась ещё дюжина таких же, как он. У каждого в руке была дубина, топор или нож.

— Стой! — сказал первый вышедший. — Кто это едет?

— Добрые витязи! — ответил Беленир. — Едем со славной битвы.

— Как видно, — продолжал человек, — битва вас изрядно потрепала. Давайте нам ценное, иначе вас потреплют и волколаки вроде нас.

— Верно! — подтвердили люди за спиной у того человека. — Не стесняйтесь...

— Заткнись! — крикнул Беленир и достал голову змеища из мешка. — Мы срубили шею чудовищу, а ваши волчьи бошки покатаются с плеч как тыквы! — тут разбойники засуетились и стали отступать.

— Пошли лучше, — сказал кто-то из них. — Оно того не стоит.

И не успел Беленир молвить слово, как вся шайка разбежалась.

— Проклятые разбойники! — крикнул им вслед Всесвятлир. — Бегите, пока мы вас не перебили!

Больше победители змея не наткнулись на подобные засады. Когда же ночь укутала всё вокруг в морозную темень, а над головами замерцали звёзды, на чью красу никто не хотел глядеть, впереди меж двух невысоких холмов замаячил тусклый, почти незаметный огонёк. Беленир всмотрелся в чёрную даль и произнёс:

— Это чертог Митрапирна!

— Ясно, что не гумно и не хлев! — рассмеялся Всесвятлир, попытавшись развеселить своих угрюмых друзей, но никто из них даже не улыбнулся.

— Там, должно быть, уже сидит Кощевит и попивает винцо! — заметил негодуяще Волнозор. — Как бы дружина Стрезибора не присягнула ему после своей трусости.

Наверняка мало кто надеется на возвращение Хедора, а Кошевит умеет убеждать и не последнее из его оружий — коварные речи.

— Проклятый трус этот Стрезибор! — заключил Мал-стар Дедок.

— Что ж! — возгласил Беленир. — Не время болтать! Надо быть начеку, враг рыщет поблизости, и он, может, сейчас не попивает вино в том чертоге, а следит за нами.

Все с этим согласились и, опасливо озираясь по сторонам, продолжили путь к заветной храмине. Миновав несколько холмов пологих под холодным и неприятным ночным небом, они оказались на ровной, что ладонь поляне поблизости от чертога. Но, чтобы их не заметили из храмы глаза зоркие, путники прокрались за серый мшистый валун неподалёку от входа в здание и там притаились. Они стали слушать. Тем временем в ветвях деревьев свистал ветер буйный; взметая в темноте, колыхались бороды сынов Земли, а в глазах у всех горели отблески неба. Но как ни старались деды вековые и витязи услышать хоть словечко, ничего не слышали.

Тогда Беленир прокрался к одному окну и наострил уши. Какое-то время он ждал, глядя на блистание крохотных снежинок под ногами, и наконец разобрал голоса, говорившие в чертоге.

— Ты слышишь что-нибудь? — стали спрашивать деды наперебой друг другу.

— Стрезибор там? — добавил Всесвятлир, выглядывая из-за валуна.

— Подождите! — отрезал Беленир как можно тише. — Не всё сразу.

И Беленир стал внимать. Вскоре он услышал надменный голос Стрезибора:

— Это всё кони, мы не струсил! Это кони умчали нас с поля брани!

— Нет, ты — трус! — перебил Стрезибора хриловатый низкий голос. — Ты можешь убедить в обратном свою дружину, но не меня. Я многое повидал и знаю, что такое малодушие и трусость! — и тут послышался зверский смех, а затем голос продолжал:

— Ты знаешь, что тебя упрекнут в хилости духа. Змей-то мертв — я сам видел, а ты сбежал. Но я могу решить всё в твою пользу. Я могу убить всех твоих врагов взамен на княжество Митрапирна и твоё княжество.

— Ха! — усмехнулся Стрезибор. — Я лучше буду трусливым князем, чем лживым хабрецом с большой дороги!

— На что тебе княжество, ежели каждый день тебя будут упрекать в трусости и предательстве, а однажды свергнут с вышины престола? — спросил голос. — Чем выше забрался, тем страшнее лететь вниз, к тому же твоя слава дурная, выроет тебе яму — могилу. Упав в неё, ты уже не поднимешься.

— И что же? — спросил Стрезибор взволнованно. — Неужто ради себя, жалкого труса, каким ты меня выставляешь, я убью Беленира, Хедора и всех, кто пошёл в поход?

— Хм! — воскликнул низкий голос. — Нет. Их убью я. А Хедора уже наверняка убили. Но не знаю, хватит ли сил моих, чтобы убить всех Земнородных. Если не хватит, ты должен отправиться на север и перед всеми войсками в Ущелье Белого Камня и объявить этих мерзких дедов предателями, убившими Хедора и перешедшими на сторону Идогурна, а себя — победителем змея. В награду ты отдашь мне своё княжество и ещё княжество Митрапирна. С княгиней я расправлюсь, а там уж дело за тобой — ты ведь дальний родич Хедора и будешь наследником, потому будешь иметь право отдать власть мне.

— Нет! — ответил Стрезибор. — Своё княжество я сохраню за собой!

— Ладно, тогда ты отдашь мне княжество Митрапирна и все южные земли! — уступил голос.

Стрезибор колебался. Его мысли путались, руки тряслись, а голос дрожал. «Выбора нет!» — думал он. И вдруг неожиданно даже для себя он промолвил:

— Так и быть, по рукам! — и, как догадался Беленир, Стрезибор и обладатель того голоса пожали друг другу ладони.

Выслушав всё это, Беленир тише воды пробрался обратно к валуну, за которым сидели его друзья, и всё рассказал.

— Надо ворваться и скрутить поганца в дугу! — заявил Мал-стар Дедок, сгорая от ярости и нетерпения. Все деды это одобрили и, потрясая бородами длинными, выпрямились во весь рост и зашагали к дверям храмины. Беленир тоже был не против такой затеи и, обнажив клинок, обagrённый кровью змеевой, и прихватив с собой змеиную голову и сердце, побежал вслед за Земнородными старцами. Один лишь Всевед остался за валуном вместе с Хедором, ибо негоже было оставлять князя одного. Космач же вместе с конём Волнозора принялись ждать путников у порога. И вот Мал-стар Дедок вышиб двери дубовые мощной ногой и вошёл в гридницу. За ним последовали все остальные.

Внутри горели светочи, освещая стены тускловатым золотистым светом. Потолок был тёмнен как смола, всюду колыхались тени, а в дальнем конце гридни столовой на княжьем престоле восседал Кощевит. Он был облачён, как и прежде — в чёрные доспехи, но в руках он держал не два меча — клинки были спрятаны в ножны, а длинный-предлинный посох, увенчанный человеческим черепом. И глаза этого черепа светились красным светом, будто в его глазницах тлели два уголька. Также Беленир заметил у Кощевита колчан со стрелами: каждая в нём была с золотым оперением. На спинке престола сидела также чёрная-чёрная ворона, похожая на то железноклювое воронище, убитое Веданом. Неподдалёку от Кощевита стоял перепуганный Стрезибор. Воинов Аревласа и Вадира в чертоге не было — все или погибли, или бежали. Дружина Стрезибора сидела за столами, понутив буйны головы — они не были приспешниками Кощевита, но не смели ослушаться своего безвольного князя, ибо ротились перед ним в верности. Кроме того, Стрезибор не отдал Кощевиту своё и их княжество, потому они не видели в нем предателя.

— Гости пожаловали! — расхохотался внезапно Кощевит. — Жаль, что незваные. Но почтенному хозяину должно жаловать любого гостя. Так что входите.

Между тем из числа гостей нежданных вышел вперёд Беленир, правой рукой волоча по полу змееву голову, а левой сжимая поганое чёрное сердце. По половицам от самых дверей и до середины гридницы растянулся кровавый след. Беленир остановился и бросил сердце змеёво прямо к престолу, на котором восседал Кощевит. Обождав, он воскликнул:

— Вот, держи сердце того, на кого надеялся!

Кощевит молчал. Беленир тем временем поднял голову змия и швырнул её прямо в него. Но она не долетела и упала прямо у ног Кощевита.

— А вот тебе голова твоего друга и поборника, — продолжал Беленир, — который хотел убить тебя в обмен на тысячу человек.

Кощевит тяжело вздохнул и промолвил:

— Что ж, рухнули мои замыслы! — и он рассмеялся ещё более тяжело. — Но неужто вы думаете, это меня остановит? Пройдут года, пронесутся зимы, снега сменятся листвою — и появится новая напасть, и появиться она с моей помощью. И она будет гораздо хуже, чем Идогурн, а я в итоге стану вашим государём и обращу вас в рабов! А что до змея, он не собирался убивать меня в обмен на тысячу человек. Он просто устал и хотел поесть. Хах! А как съел бы их и набрался сил, снова налетел бы на вашу землю.

И тут каркнула ворона, сидевшая на спинке престола:

— Это был замысел великий чёрного князя! — голос вороны был совершенно мерзок. — Но он пропал, а вы, тупоголовые дурни, его даже не разгадали... Что ж, а теперь садитесь за скатерти браные да ешьте калачи, пока дают вам! Собакам! — последнее слово ворона проклятая сказала так громко и резко, что у Беленира аж дёрнулось сердце.

— Не нужны нам калачики крупчатые, — молвил вдруг Дед-Пасечник мягко и напевно, как видно, он уже приготовил целую речь. — Ведь мы прошли через кручи тёмные, обдуваемые сквозными ветрами, через тёмные леса стоячие да через луговые раздолья широкие! — и тут дед подбоченился: он любил выступать перед народом, а сейчас на него смотрела целая дружина. — Побывали мы и в ущельях глубоких, куда не заглядывает даже солнечный луч, а всё ради того, чтобы выдворить с этой земли тебя, Кощевит, пса смердящего, вместе с твоим огнедышащим другом. Так что не нужны нам калачи, не нужны нам и твои дерзкие речи! А эта земля не твоя и твоею не будет. И на другие края можешь не зариться, а коли позаришься — мы найдём твою смерть и дело с концом.

— Моя смерть далеко отсюда! — промолвил грозно Кощевит. — И вам в жизни её не сыскать.

«Значит, где-то близко! — подумал про себя Беленир. — Хочет, небось, отвести нам глаза!» Точно также подумал и Дед-Пасечник, знакомый с хитростью Кощевита.

— Сыщем, если захотим! — рёк Беленир. — Не зря же мы сюда явились.

— Так зачем же вы пожаловали? — продолжал изгаляться Кощевит. — Пчёлник говорит — меня выгнать, но я думаю вы хотите золотца за победу над Идогурном. Берите на здоровье: золото ещё никогда не вредило человеку! — и Кощевит опрокинул ногой огромный сундук с сокровищами Митрапирна, стоявший у престола. На пол со звоном, гроханьем и звяканьем посыпалось червлёное золото и чистое серебро: монеты, кувшины, наконечники стрел и копий, турьи рога, покрытые позолотой, чаши, корчаги и другие прекрасные вещи. У Беленира и Всесвятлира аж глаза запорошило от такого богатства — не каждый день увидишь такую кучу сокровищ. Но искушения у витязей не было — разве что глупец будет брать что-то из подачи Кощевита, но было сожаление, что таким богатством завладел враг.

— Это не твоё золото, — заметил пчеловод, — не тебе им и распоряжаться. Оно принадлежит арихейскому роду.

— А ты на него не глазей, — бросил в ответ Кощевит, — и не зарься! И вы тоже, бородачи, глаза прикройте, а то зависть съест.

— Ты заплатишься за свои слова! — вспыхнул Мал-стар Дедок, потрясая своими большими кулаками. Затем он взял свою палицу богатырскую, которая стояла у его ног, и понёсся на Кощевита. Никто из дедов не испугался за своего родича, ибо все думали, что с ним ничего не может произойти. Но всё-таки что-то произошло.

Не успел Мал-стар Дедок и подойти к Кощевиту, как коварный враг встал с престола и стукнул о пол своим посохом. Раздался звук глухой, в глазницах черепа, прикрепленного к концу посоха, тотчас вспыхнул ярый, неистовый огонь. До самого потолка взметнулся чёрный дым, и в нём покраснели яркие искры. На стенах заплясали дико тени. Кощевита скрыло в темноте дымовых клубов. И тут вдруг Мал-стар Дедок упал и рассыпался по половицам землею. Борода его обратилась в мох да лишайник, волосы длинные стали травой, глаза зоркие обернулись в серые камни, а из груди забил яркий-яркий свет. Так и пал Земнородный дед, любимый Землею и чтимый Солнцем.

Увидев такой ужас и одновременно красоту деда и витязи обомлели. Беленир и вовсе губою не смог пошевелить, а у Деда-Пасечника сжалось ретиво сердце. Он даже вскрикнул, но в общей суматохе, когда восклицали почти все, его крик никто не услышал. Стрезибор тем временем молча и боязливо прошмыгнул за двери и убежал из чертога, а вслед за ним и вся его дружина — уже не молча, но тоже боязливо.

— Бегите, бегите! — воскликнул рассержено Беленир и стиснул зубы.

— Они столкнулись с тем, что им не по плечу, — сказал хрипло Дед-Пасечник. — Даже Мал-стар Дедок не справился, куда уж им. Но Кошевит ответит за свои дела! — и тут гневные очи пчеловода под нависшими, как листва дуба, бровями устремились в дым, где таился коварный враг.

И вдруг из того дыма показались языки пламени. Огонь лизнул кровлю и побежал по ней красным кочетом. Беленир, Всесвятлир, Волнозор и деды ахнули и поняли, что сам Кошевит давно ушёл и к тому же поджёт чертог. Тем временем по стенам металась тень чёрная, а престол княжеский, объятый огнём, полыхал словно костёр. Трещало дерево, с грохотом рушились балки. Беленир и его друзья уже собирались бежать из гридницы, как вдруг наверху, в одной из светлиц, раздался женский крик.

— Это, наверно, княгиня! — молвил Беленир. — Надо её выручать.

— Это слишком опасно! — сказал на то Дед-Пасечник. — Я стал больно тяжёл — под мною пол провалится, а ты и вовсе можешь погибнуть.

— Но нельзя оставить её гореть заживо! — воскликнул Всесвятлир.

— Нельзя! — согласился Дед-Пасечник.

— Но её годы уже на исходе! — добавил Волнозор. — А вы ещё молоды — нельзя рисковать двумя молодыми жизнями ради одной старой. К тому же жизнями витязей! И что-то подсказывает мне, что это новая уловка!

— Эх! — изрёк Беленир. — Какие же мы тогда витязи, коли оставим в беде княгиню?

Всесвятлир согласился, кивнув головой, и вдвоём воины храбрые побежали к лестнице на второй этаж. Она была объята пламенем и трещала, словно дрова в печке, но удалцы не трусили и стали подниматься. Первым наверх взобрался Беленир, вслед за ним приспел Всесвятлир, а пчеловод и Волнозор тем временем выбежали на улицу проведать Хедора, Всеведа и коней.

— Где княжеская светлица? — спросил Беленир своего друга, но тот не знал, ибо ни черта не видел. Крика уже не доносилось. Тогда воины закрыли носы рукавами полотняными и, пригнувшись, стали пробираться к первой попавшейся двери. Над их головами клубился чёрный-чёрный дым, и в нём суетливо летали яркие искры. Смельчаки шли наугад и почти ничего не видели. И вдруг Беленир нащупал ручку дверную и отворил дверь. Туда сразу потянул дым, так что в светлице стало ничего не видно. Витязи вошли в комнату просторную и огляделись.

— Княгиня! — вскрикнул Беленир, убрав рукав от лица и тотчас закрыв нос обратно.

— Сюда! — послышался глухой звук.

— Она не здесь! — сказал Всесвятлир. — Она в соседней.

Тогда воины храбрые выползли из этой просторной светлицы и поползли дальше. В дыму чёрном среди язычков огня и пламенных взмахов они разглядели приоткрытую дверь. С трудом удалцы пробрались к той двери и вошли в княгинину светлицу. Там на полу они увидели жену Митрапирна: она была связана. Видать, её связал предатель Стрезибор, чтобы не убежала. Беленир тотчас разрезал путы, а Всесвятлир, прикрыв княгине нос какой-то

тряпкой, взвалил её себе на спину. Скоро они добрались до лестницы и остановились. Всесвятлир проверил, не плохо ли княгине. Но лишь ступили удальцы на лестницу, прямо перед ними, грохоча и треща, рухнула переводина белодубовая и сломала старые ступени. Вслед за нею обвалилась часть кровли, и в огонь трескучий полетела золотая солома и куча снега. Благо, что переводина уцепилась за другую балку и упёрлась в пол, а не рухнула сплошмя, так что Беленир и Всесвятлир, нёсший княгиню, взобрались по ней на крышу. Тотчас их обдуло ветром, морозным по-зимнему, и им стало очень холодно. «Ух, мороз какой — подумал Беленир. — Как рано пришёл». Оглядевшись, витязи спустились по скату крыши и свысока среди снежной белизны увидели камень мшистый. Подле того валуна лежал Хедор и стояли деда с берегином. Там же были и кони добрые, богатырские. Тут Беленир свистнул посвистом молодецким, старцы оглянулись и увидели его и Всесвятлира.

— Помогите нам! — вскрикнули воины. Деды в ответ ничего не сказали, а лишь молвили что-то Космачу. Тем временем огонь уже охватил саму крышу, и солома золотая вспыхнула словно змеево пламя, бросив в небеса ворох искристых блесков. Беленир и Всесвятлир спустились как можно ниже, но пламя уже лизало почти что всю кровлю, так что уйти было некуда — не прыгать же на землю с высоты! И тут, когда витязи уже думали помирать, к ним, одним прыжком преодолев несколько сажень, запрыгнул Космач.

— Что стоите да смотрите? — проязычился он и заржал по-кониному. — Прыгайте в седло, пока не сгорели!

Беленир и Всесвятлир вскочили коню на спину, не забыв и про княгиню, и конь сущий-вещий, громко заржав и тряхнув гривой, спрыгнул на землю. Спасатели были спасены. Тотчас они подбежали к Хедору и привели в чувства княгиню.

— Он жив? — спросил Всесвятлир Деда-Пасечника.

— Ещё да, — ответил тот.

— Ему осталось недолго, и я не в силах ему помочь, — добавил Всевед. — Нож карлы оказался отравленным, а с ядом я не могу совладать. Пришло время прощаться с достолавным витязем. В эту ночь мы потеряли двоих, и не будет предела нашей скорби.

Княгиня поняла, что её сын умирает и остолбенела. Затем она склонилась к нему и, взяв за похолодевшую руку, прошептала ему что-то на ухо. Он с трудом поднял зеницы и улыбнулся. Беленир заметил, что его лицо сильно посинело, а глаза впали. В них, казалось, уже не было жизни: одна только мука. Княгиня же прощалась долго, и слёзы горячие текли из её очей словно горный ручей — бурливый и чистый. Когда же она отошла, Беленир присел рядом с Хедором и рече:

— Прощай, великий княже! Никогда не доводилось мне видеть таких благородных людей.

— И ты прощай! — молвил в ответ Хедор. — Будь ты теперь князем. И знай: однажды в жизни выпадает случай совершить один единственный подвиг — великий и прекрасный, который кроет всё твоё зло. Мне он выпал. И тебе тоже, но ты жив, так что будь князем вместо меня и правь по мудрости, — и витязь закрыл ненадолго глаза. — Куда же уходит жизнь моя? Ты знаешь, Беленир? Может, она сизокрылым соколом улетает в поднебесье, под самое солнце? Нет, она сгинула за вековыми горами и не увидать её боле. Я уйду от вас, но уйду не к ясному солнцу, я чувствую холод, я иду в зимнюю темницу, там нет света. Ты чувствуешь холод?

— Да, мороз покрепчал, — ответил Беленир.

— Вот оно что, — продолжал Хедор, но его мысли уже путались. — Мороз покрепчал.

Что мне делать? Что я делал? Вот оно что, хм. Оставь меня. Нет, принеси мне трубку, я закурю в последний раз, — и тут Хедор, вздохнув в последний раз, умер, захлебнувшись кровью.

В воздухе нависла скорбь — тихая и бессловесная. Все молчали, позабыв о пожаре, о Стрезиборе и о Кошевите. И вдруг, когда никто того не ожидал, княгиня выхватила у Беленира меч Каукиса и пронзила себя насквозь прямо в ретиво сердце. Издав неистовый крик, она пала наземь.

Тем временем занималась заря, проливая кровь на небеса. Вокруг светлело, и забрызганный рудою снег загорелся краснее прежнего.

— Из грязи в князи! — сказал Беленир. — Нынче я стал князем, а былой князь умер, так и не успев искупаться в славе и почёте, а княгиня убила себя.

— Рисковали так ради нее, — молвил Всесвятлир. — Чуть сами не погибли в огне — зря она с жизнью рассталась, ибо дорогой ценой мы её отбили у смерти.

— Как бы то ни было, — подытожил Беленир, — воздадим им почести!

Все с этим согласились. Деды древние тотчас повалили несколько деревьев и рядом друг с другом сложили два погребальных костра. Из сараев, уцелевших во время пожара, принесли масла и сена. Вспыхнули два костра, и, говорят, души Хедора и его матери подхватили девы-птицы, сёстры солнца, и унесли в самый Вырий.

Глава 19. Пропавшее золото

Когда все почтили память Хедора и его матери, деды принялись разгребать чертог, заваленный обожжёнными балками, золою да пеплом. Управились они быстро, но останки Мал-стар Дедка так и не нашли.

— Почему он погиб? — спросил Беленир. — Неужто Кошевит стал так силён?

— Да, — ответил Дед-Пасечник. — Даже мы, Земнородные, не проведали о том, и столь неожиданным оказался сей удар... Дело в посохе, в нём сокрыта сила, которая сгубила Мал-стар Дедка. Как жаль, что он пал. Теперь придётся слать весть горькую его брату за море...

— Да, — согласился Всесвятлир. — Он был бодрый старик.

— Не миновать Кошевиту беды на свои бока! — сказал Всевед. — Пока вы были в чертоге горящем, прилетела птица с вестью от Явора. Славный воитель берегинов пишет, что уже приплыл в Заповедье и высадился за Крутыми Валами. Он сообщил, что ему стало известно о том, что к Русалочьему берегу причалил корабль, а с корабля высадился отряд с каким-то сундуком крепким. Отряд составляют наёмники из далёких земель, и они, судя по направлению их пути, идут к старой заброшенной башне. Явор считает, что этот отряд служит Кошевиту и идёт забирать его смерть. Потому берегины также направились к этой башне, чтобы перебить наёмников, когда те будут уходить оттуда, и забрать смерть Кошевита. Вам же надо послать кого-то к Брисинору, чтобы тот возвращал народ на обжитые места, обратно. Ведь змей убит: его кровь обагрила снега белые, сердце чёрное сгорело в пожаре, а его череп, — и дед взял в руки череп змеев, что нашёл около сгоревшего престола, — его череп уже никого не пугает. Также надо бы рассказать о предательстве Стрезибора. Кто пойдёт за Брисинором?

Тут вызвался Волнозор. Деды молвили ему напутствие мудрое и отправили в путь-дорогу — возвращать Брисинора, селян да рыбаков — весь народ честной. Нагнать уходивший люд было просто, ибо беженцы плелись пешком да к тому же со скарбом. Берегин сел на коня и молнией понёсся на север, вскоре скрывшись из виду. Все остальные остались на пепелище — искать казну княжью, ибо без неё нельзя было восстановить былую славу государства.

— Я думал, всё закончится с убийством змея, — промолвил немного огорчённо Беленир, — и что мы получим свою награду и заживём спокойно при старом князе.

— Мало ли что ты думал! — сказал Всевед. — Я тоже думал, что всё закончится после гибели змея. И что? Не слезы же лить с того. К тому же ты, Беленир, теперь князь, теперь у тебя будут новые заботы, так что привыкай. Ну а я теперь ничем не могу тебе помочь и мне пора! — и Всевед низко поклонился, выпачкав свою бороду длинную в золе. — Стоячий Лес уже заждался и влечёт меня к себе — там моё место, там меня ждёт много важной работы. Я бы рад остаться, но я появился на свет, чтобы приглядывать за этим лесом, а он сейчас беспризорен. Да, — и тут Всевед глянул на пчеловода, — и отомстите за Мал-стар Дедка! — и мудрец, ещё раз отвесив поклон, повернулся и ушёл своей дорогой — на север, в Стоячий Лес.

На пепелище остались только Беленир, Всесвятлир и Дед-Пасечник. Им было грустно видеть, как уходит Всевед, но у него и вправду были важные дела и, коли вы думаете, что он бросил своих друзей в трудное время, то вы ошибаетесь. Ведь с Белениром и Всесвятлиром

остался пчеловод, а на него можно было положиться. К тому же Всевед решил найти им ещё одного помощника.

— У тебя тоже есть дела? — спросил Беленир у Деда-Пасечника, думая, что и тот сейчас проститься с ними и уйдёт.

— Какие дела у медовара зимой, — удивился старец весёлый, — коли за пчёлами могут последить жёны? Разве что попить мёд у печи да есть калачи! Так что я вас не брошу, а советы мои глядишь и пригодятся.

— Пусть твоя борода взрастёт как гриб после дождя! — вымолвил Беленир обрадованно и улыбнулся.

— Рано ей ещё расти! — заявил старец. — Вначале найдём казну княжью, золото червлёное, тогда вот и будет нам слава, а моей бороде рост.

И воины вместе с дедом принялись искать золото — то самое, которое Кошевит небрежно рассыпал перед престолом. Но как ни силились они разыскать хоть что-нибудь, ни одна монетка не далась им в руки — только обугленные головёшки и горсти золы.

— Он украл, он похитил наше золото! — вскрикнул с негодованием и яростью Беленир.

— Наверное, хочет заманить нас нашим же золотом в какую-нибудь проклятую ловушку, — молвил Всесвятлир.

— Это не так, — изронил Дед-Пасечник, — Кошевит просто любит красно золотце и готов отдать за него многое. И он украл его из жадности, а не оттого, что хочет нас куда-то там заманить. Его жажда золота — его слабость, так что пока он не поборол её, надо раз и навсегда покончить с его кознями.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Беленир. — Неужто ты хочешь убить Кошевита бессмертного?

— Да! — ответил Дед-Пасечник. — Но бессмертен он потому, что никто не сыскал его смерти. Сейчас Кошевит потерпел поражение: он не убил вас, а нас не сможет уже оклеветать. Думаю, даже Стрезибор бросил его. Так что Кошевит уйдёт с этой земли и наверняка заберёт с собою свою постылую смерть. Явор считает, что она может быть спрятана в башне заброшенной, что стоит вдали от Русалочьего берега. Что ж, если это так, то тем лучше, и берегины сделают все за нас. Но что, если смерть Кошевита не там?

— Но где же? — удивился Всесвятлир. — И если не там, то как мы узнаем где?

— Мне почему-то кажется, что к ней может привести лишь сам Кошевит, — ответил пчельник. — Я думаю, враг проклятый никому бы не доверил свою смерть, тем более отряду наёмников. Но нельзя исключать и этого, потому пусть берегины этим и займутся. Ежели отряд с сундуком, который направляется к башне лишь уловка, чтобы отвлечь всех, то этот обман имеет смысл лишь в том случае, если надо отвести глаза от самого Кошевита, который сам и будет где-то забирать свою погибель. Поэтому надо выследить его и догнать!

— Как же мы его догоним? — спросил Беленир. — Он уже наверняка оторвался от нас.

— Он ведь идёт с золотом червлёным, — усмехнулся дед, — идёт медленно и шатко, так что пора в путь, вдогонку!

Беленир тотчас сел на Космача, Всесвятлир на коня, которого нашёл в княжских стойлах, а Дед-Пасечник на какого-то ишака сарайного — не нашлось ему коня под стать, так что старец нашёл в сарае осла. Витязи обогнули пожарище ужасное и наткнулись на следы Кошевита: след был от широкой ступни, шаг был длинный, торопливый, но притом нога порой подворачивалась. «Видать, Кошевит и вправду нёс на спине мешок со златом, — подумал Беленир, — тяжкий груз для его хребта». Следы уводили на запад, к морю. И

пасечник, смекнув в чём тут дело, оглянулся на своих соратников и промолвил:

— Действительно, он уходит к морю, к Русалочьему берегу. Может, там и запрятана-захоронена его смерть. Если нам повезёт, мы убьём его!

Витязи тотчас припустили коней, а Дед-Пасечник ишака. И, встречая по пути голые деревья, заваленные снегом, да кусты вереса, они проскакали так несколько дней. Иногда путники проводили в пути и ночи долгие, идя под звёздами да под ясным месяцем. Кошевит петлял и всячески пытался запутать преследователей, то отклоняясь к северу, то к югу, вода путников кругами. Один раз витязи и вовсе потеряли след — колдун хитроумный перешёл речку, а на другом берегу словно исчез или взлетел в небо. Благо, они встретили там же лесника, который, как видно, не боялся даже змея, раз не покинул этих мест после его приближения. Он вышел им навстречу из сторожки и отвесил поклон.

— Не видывал ли человека с мешком или чем-нибудь таким? — спросил его Беленир.

— Видывал, — отвечал лесник, почесывая русую бороду, и все заметили, что его лицо было изуродовано встарь ожогами. — Что это вы смотрите на меня так? Нравится моя рожа?

— Нет, — промолвил Всесвятлир и тотчас замолчал, поняв, что ответ его мог быть неверным.

— Не нравится, значит, — продолжал лесник. — Это в пожаре лесном заработал, на благо края нашего, а вы теперь смеетесь надо мной?

— Никто не смеется, — рёк Беленир. — Мы лишь хотим узнать, куда пошёл тот человек. Он похитил богатства нашего княжества, и хочет оставить наш край в разрухе.

— Ну раз такое дело, то скажу, — молвил лесник. — Благо, он меня не заметил, я в это время в сторожке сидел, а пошёл он к западу вон туда, — и лесник указал рукой.

— Благодарим! — отвечивал Беленир. — Вовек не забудем мы твоей помощи.

И путники продолжили погоню и скоро вышли на след. Через пару часов показался лесок небольшой, бор хвойный. Сосны в нём стояли как мечи, воткнутые в землю, и их кроны высокие, кое-где укрытые снегом, вспушивались под холодными лучами скупого солнца. И в том-то лесу меж стволов бурых Беленир заметил мелькание теней.

— Там кто-то есть! — вскрикнул он яро. — В лесу кто-то есть! Верно, Кошевит.

Все пригляделись, и вдруг послышались хлопанья в ладоши, а затем дикий заунывный крик. Казалось, это кричит чёрный зверь медведь или воет серый волк.

— Рано радуешься! — заключил Дед-Пасечник. — Это не Кошевит.

— Да, — подтвердил Всесвятлир, приглядываясь. — Это точно не Кошевит: там их несколько. Да и не станет Кошевит хлопать в ладоши и орать на весь лес словно резанный.

— Но кто это тогда, как не он? — удивился Беленир.

— Пойдём и узнаем, — заключил Дед-Пасечник.

Все согласились со старым пчельником и поскакали к тому лесу. И с каждым мигмом тени становились всё отчётливее и отчётливее, а деревья словно бы выше, но и следов становилось всё меньше, пока они, наконец, и вовсе не исчезли. Но тут конь под Белениром спотыкнулся и подвернул копыто.

— Что же ты спотыкаешься на ровном месте? — воскликнул Беленир.

— Ничего страшного, — заржал он. — Оступился.

Да только Дед-Пасечник приметил это за недобрый знак.

И вот между путниками и лесом осталось всего несколько сажен. И лишь Беленир глянул вглубь частокола деревьев, вглубь сосняка тихого, как увидел тех, кого принял за Кошевита. Среди лесной тишины на небольшом взгорье дрались трое леших, нанося друг

другу удары по голове да в грудь. Они дико размахивали длинными ручищами и издавали притом рык и странный свист. Сами они были полторы сажени в росте, в груди широки, и бороды у всех были разных цветов и мастей, но все с травяным отливом. Волосы же у леших были длиннющие и курчавые, как дубовая верхушка, и зелёные, что болотная муть, а глаза их сверкали как звёзды и напоминали по цвету изумруды. Дед-Пасечник пригляделся и узнал, что это были его старые знакомые.

Беленир и его друзья слезли с коней и по тропке каменистой поднялись на холм, где дрались лешие. Дед-Пасечник шёл впереди, позади него Беленир, а последним Всесвятлир. Воины опасались леших и не знали, как найти с ними общий язык, так что пропустили старца вперёд. Сами же лешие, завидев гостей, прекратили драку и изрядно поколоченные друг другом разошлись по сторонам. И тут Беленир увидел, что на самой вершине холма лежал огромный мешок с золотом червлёным и со всяким богатством. Это были их сокровища, и они блестили, и сверкали, и манили к себе какой-то волшебной силой. У витязей загорелись глаза, ведь они нашли то, что искали: княжье золото, без которого и князь не князь, а княжество — вовсе не княжество, а просто куча деревень да сёл, затерянных в лесной глуши.

Но тут, пока воины любовались на золото, вперёд выступил один из леших, приблизившись к путникам на полсажени. Он был повыше всех остальных и носил на ногах лапти лыковые, а на голове большую берестяную шляпу, покрытую мхом. Кроме того, он был одет в косоворотку, разорванную в драке, да подпоясан потёртым кушаком. И руки у лешего были корявые, как пень, а пальцы длиннющие словно ветки. И его большая тёмно-русая борода была переплетена с лишайником и ещё невесть с чем. Но примечательнее всего были его очи — зелёные-презелёные, словно два самоцвета, затерянных среди лесного захолустья. И весь леший был покрыт коротким бурым пушком — с ног до головы — даже шея была увита коричневыми кудряшками.

— А! — послышался гортанный звук из его уст. — Сам пчельник пожаловал, сам Дед-Пасечник, многопамятливый знаток славных преданий и хранитель древних обычаев! Привет тебе, старый знакомый! Не думал и не гадал тебя здесь встретить.

— И тебе привет, Берестень! — молвил в ответ Дед-Пасечник.

Берестень медленно поклонился и сказал:

— Знакомьтесь! Это Ходан! — и Берестень указал на лешего в широкой серой рубахе, тоже порванной, левая пола которой была застёгнута поверх правой. Бровей и ресниц у Ходана не было вовсе — только серо-зелёные глаза сияли из-под лба как огни на болотах.

Тем временем выступил третий леший:

— Гой еси тебе, Дед-Пасечник и тебе, человеце, и тебе, человеце! — поприветствовал он каждого на особицу. — Я Дубец! — откланявшись, заявил он. Беленир взглянул на него и увидел, что его зелёные как малахит очи горели ровно и красиво, а над ними нависали пушистые ресницы. Борода у Дубца была длинна и, переплетаясь с усами, доходила до самых колен, где завершалась тремя кончиками, расходившимися в разные стороны.

— Привет вам всем! — сказал Беленир. Всесвятлир же был так удивлён, что не смог вымолвить ни словечка. В ответ лешие ничего не сказали и лишь нацелили взоры своих очей на троих путников. Воцарилось задумчивое молчание.

— Как здесь оказалось наше золото? — наконец прервал тишину Беленир.

— А с чего это оно ваше? — спросил напористо Берестень, первый из леших и самый высокий.

— Да, с чего это оно ваше? — добавил не менее настойчиво Дубец.

— Но оно и не твоё! — вставил Ходан.

— И не твоё тоже! — взревел Берестень и ударил Ходана по голове своим кулаком, отчего тот тихо взвыл. Тут бы началась добротная драка, но Беленир повторил:

— Как здесь оказалось наше золото?

Лешие смолкли и с непонятными выражениями лиц уставились на удальца. Белениру стало даже как-то не по себе, и лишь спустя некоторое время он вновь вымолвил:

— Это золото — моё, а вернее моего княжества! Его у меня украли и, видно, бросили здесь, чтобы оторваться от нашей погони. Так что позвольте взять его! — и Беленир сделал шаг к куче полных богатства корчаг и чаш, и чеканных изделий. И все эти енды да кубки были полны монетами да золотыми безделушками и сияли для многих очаровательнее солнца и краше ночной луны. Но не успел он подойти, как лешие заслонили ему путь.

— Что упало — то пропало! — важно сказал, подбоченясь, Берестень и нахмурил брови так, что вовсе закрыл ими глаза.

— Мы забираем его себе! — добавил Дубец.

— Да зачем вам, лешим, сдалось такое богатство? — вмешался в разговор Дед-Пасечник.

— Да, — согласился Беленир. — Вам бы жить себе в лесу среди сосен да шишек, что вам ещё для счастья нужно?

— Золото ведь не про леших появилось! — добавил Всесвятлир.

Берестень выслушал всех и, утомив своих сородичей буйных, которые уже не на шутку разъярились, повёл речь как можно учтивее:

— Зачем нам богатство? А вы сами подумайте, пораскиньте мыслями. Ведь светел снег и белый лёд никогда не заменят серебра! Красив узор мороза, но серебро краше. Красив и иней, но он не жемчуг. Одуванчики в траве не подменяют собою золота, а блики в лужах не ярче самоцветов, и жить под солнцем без богатства холодно как на высокой горе. Вот зачем нам, лешим, сдалось какое-то богатство.

— Теперь ясно? — изронил Дубец. — Золотко душу греет!

— Берестень! — воскликнул, недоумевая, Дед-Пасечник. — Что стряслось с тобою, коли ты ставишь золото над красами природы?

— Ничего со мною не стряслось, — отвечал Берестень. — А только без золота холодно на свете живётся, и красота природы уже не так хороша, когда в кармане нет монеты.

— Что ж, — буркнул пчельник. — Если тебя не радует природа, так отведай моего медку. Мой мёд красивее янтаря, поярче золота, блестит как слеза да получше всякого самоцвета.

— Хах! — прервал усмешкой речь старца Ходан. — Мёд лучше самоцвета! Где это видано?

— Самоцветом ты не наешься и не напьёшься, — продолжал пасечник, — а моим медком и пресытишься, и вкусом его наладуешься!

— Помажь мёдом свой нос, пчельник! — рассмеялся язвительно Ходан. Берестень глянул на него с укором, но на Ходана это нисколько не подействовало.

— Замучил ты уже своим мёдом, — продолжал он. — Иди и ешь его, пока из ушей не полезет, а золото — наше, и для меня оно важнее мёда. Один ты такой дурак ставишь мёд превыше всего!

— Не смей оскорблять старца! — сказал Берестень. — Между прочим, вчера ты сам

попивал его мёд и был тому рад. Скажи пчёлнику спасибо, что он бесплатно всех им потчует.

— Огромнейшее спасибо, — с ухмылкой промолвил Ходан и отвесил пасечнику наигранный поклон.

— Но всё равно мёд, как бы ни был он хорош, не сравнится с золотом, — рёк Берестень, — а золото теперь наше.

— Моё, а не наше! — вскрикнул Дубец. — Это я нашёл его в дупле, а не вы. Я заглянул в дупло, а не вы. Даже это дупло моё, а не ваше!

— Смолкни! — заявил Берестень.

— Сам смолкни, — отозвался Дубец.

— Я сказал закрой рот! — взревел Берестень, и Дубец утих. — Решим потом, как поделить золото. Главное, что мы его не отдадим.

— Стойте! — изронил Всесвятлир. — Вы всё спорите, но что же вы будете делать с золотом в лесу?

— Выберемся из леса и прикупим что-нибудь! — ответил Ходан. — Какой же ты глупый. Сам же слышал, что мы говорим.

— Ладно! — воскликнул Беленир. — Раз вы не хотите отдать золото по-доброму, то давайте устроим состязание. Я пушу стрелу, а кто из вас её первым принесёт, тот и будет владеть золотом. Но если вы за час её не сыщете, тогда все богатства наши.

— Всего один час и такая куча богатств, — прошипел Ходан.

— Я согласен, — молвил Берестень.

— И я тоже! — сказал Дубец.

— Что ж, тогда и я приму такой вызов, — запинаясь, рёк Ходан.

Дед-Пасечник улыбнулся, а Беленир взял злачёный лук, лежавший в куче богатств на самой верхушке холма, и там же нашёл посеребренную стрелу. Всесвятлир чуть ли не рассмеялся. Ведь он понял, что найти серебристую стрелу среди снегов почти невозможно. Но лешие этого не смекнули.

— Коли никто из вас не успеет с этой стрелой сюда через час, — промолвил Беленир, — то она будет вам единственной наградой!

Витязь встал лицом к северу, и его затылок обдуло стылým ветром. Он натянул тетиву и пустил стрелу по поднебесью. Стрела, пролетев полверсты, скрылась за кромкой бора среди бесчисленного полчища стволов, и сей же миг лешие рванули вслед за нею, обегая сосны и пытаясь обогнать друг друга. Неслись они очень быстро и вскоре скрылись из виду.

— Надо уносить золото, пока они не вернулись! — сказал Всесвятлир. — Даже если они опоздают, всё равно заберут наши богатства под каким-нибудь предлогом.

— Неужто золото и тебя опьянило, Всесвятлир? — спросил Дед-Пасечник.

— Да! — ответил витязь. — Я хочу этого золота, и оно манит меня к себе. Но я никогда не возьму ничего из этих богатств себе без спросу. Это золото Митрапирна, и не для того он его копил на благо своего княжества и народа, чтобы его забрали в один прекрасный день какие-то лешие! Надо уносить золото.

— Уговор дороже денег! — прервал его Дед-Пасечник. — Не мельчайте так же, как эти лешие. Ежели выбрал путь по заповедным тропам, по древним стезям, которые заколодились и которые надобно расчистить, не сворачивай, не оглядывайся: свернёшь или посмотришь с тоскою назад — измельчаешь, так же как лешие, станешь карлой духа. Но для иных это, может, и неизбежность — многие звери измельчали и в облике, и в повадках; многие народы

измельчали и обрубали свой дух пониже...

Беленир стоял рядом в раздумьях, не зная, кого послушать — Всесвятлира или пчельника. «Дед-Пасечник всегда жил без золота и не знает ему цену, не знает, как оно важно для князя и для княжества, — рассуждал он про себя. — Но Всесвятлир всегда видел, как его преувеличивают, так что и он не лучший советчик. Уговор дороже денег, да».

Тут раздался голос Всесвятлира:

— Беленир! Тебе решать, ты — князь и это — твоё золото.

— Да, я князь! — ответил Беленир. — Но золото поставлено на кон, и, заметь, на кон поставлено только золото. А серебро, камни драгоценные, медные чаши и всё остальное, что там только есть — нет! Мы поспорили с лешими только на золото.

— Ха-ха! — рассмеялся Дед-Пасечник. — Беленир умён и хитрости ему не занимать. Уговор был про золото, вот и отдадите золото, буде они найдут стрелу. Так и сохранишь честь и уговор, и останешься в выигрыше в любом случае.

Всесвятлир с этим согласился, и путники стали рыться в сокровищах, отделяя золотые изделия от серебряных, медных и бронзовых. Выполнять такую работу витязям было не сложно. Через их руки проходили кубки, чаши, енды, ложки и ковши и в их очах беспрестанно блестело яро-золото да хладно серебро, и медь сверкала бок о бок с бронзой. В ушах у них стоял звон и тихий шорох. Наконец, всё золото было сложено отдельно. К тому времени уже прошёл час с лишним, а леших всё не было. Тогда Дед-Пасечник сказал:

— Время уже вышло, час прошёл! Можно забирать всё себе. Но помните, что золото опасно и никогда нельзя думать о нём, как о самом важном в своей жизни.

— Я так и не думаю! — отозвался Беленир. — Всё это богатство я беру не для себя, но для блага народа, для восстановления деревень, платы воинам и мореходам, для торговли — оно нужно как воздух. Не буду спорить, чуточка и нам перепадёт, ибо князь должен внушать величие, а не жалость, и жить в добротной храмине, в славном чертоге.

— В конце концов, если он будет жить в ветхой лачуге, то будет занят скорее чинкой жилища, а не опекой над народом! — пояснил Всесвятлир.

— Что ж! — рёк Дед-Пасечник. — В этом вы не совсем правы, ибо попадаются люди, для которых, что хибара, что терем — одно и то же. Но хватит болтать, лучше нагрузим золото на ишака.

Путники принялись сгребать золото, серебро и всё остальное в мешки. В итоге получилось десять забитых доверху мехов вместо одного огромного. Витязи спустили их с холма и восемь нагрузили на ишака, остальные два перекинул через плечи широкие Дед-Пасечник.

— Пчеловод! — воскликнул Беленир. — Мне некому доверить это золото, кроме тебя. Лишь ты можешь сохранить его. Так что ступай обратно к сгоревшему чертогу и там жди Брисинора и Волнозора. Передай золото им и, если хочешь, возвращайся в Брегокрай. Ты помог нам, как только мог и на том тебе огромное спасибо.

— Эх, Беленир! — ответил на это Дед-Пасечник, тяжело вздохнув. — Никогда б не подумал, что ты сам откажешься от моей помощи. Но, коли того требует это проклятое золото и без него не будет счастья народу арихейцев, я исполню твою просьбу. И подумайте, может и вам стоит пойти вместе со мной, ведь вы можете и не одолеть Кошевита, даже если найдёте его и его смерть.

— Нет! — рёк Беленир. — Нам пока нет пути назад.

— Ну тогда прощайте! — и медовар вековечный улыбнулся напоследок.

— И ты прощай, добродушный дед! — ответили Беленир и Всесвятлир и поклонились ему.

Больше никто не проронил ни слова. Дед-Пасечник развернулся и пошёл своей дорогою, и вместе с ним зашагал ишак, стуча копытами оземь. Но, когда старец ещё даже не скрылся из виду, Беленир почувствовал, как грусть накрывает его. Ведь он остался почти один на один со своим врагом, а всё из-за какого-то золота. Его разум охватили раздумья горькие, и грудь его стиснули сомнения, но их он тотчас отбросил.

Проводив Деда-Пасечника взглядом до рощи соседней да вволю насмотревшись на земли родные, Беленир и Всесвятлир поднялись обратно на крутобокий холм. Оказалось, что там уже стояли лешие и исподтишка наблюдали за витязями. Беленир, увидев хозяев лесных, повернулся лицом к своему другу, к лешим спиною, и сказал: «Глянь только, их очи горят жадностью, а их руки алчут золота, будь готов к бою!» — и тут его сзади схватили за плечо. Беленир обернулся и увидел Ходана: его зубы жёлтые были стиснуты и скрежетали как когти, руки были сжаты в кулаках, а глаза сверкали ужасной яростью. Позади него стояли Берестень и Дубец: такие же злые и страшные, все взъерошенные и мокрые с блестящими как угольки очами.

— Куда делось моё золото? — прошипел недовольно и рассержено Ходан.

— Где оно? — добавил Берестень злобно и яростно.

— Они солгали! — вставил огорчённо Дубец.

— Мы не солгали, это вы опоздали! — ответил всем троим Всесвятлир. — Уговор был таков, что вам даётся один час. А прошло уже гораздо больше. И где та стрела?

— Вот она! — зарычал Берестень и бросил серебряную стрелу в ноги Всесвятлиру.

— Не стоит бросать её вот так! — посоветовал Всесвятлир. — Ведь она — ваша награда, заслуженная и честная.

— Заткнись! — рыкнул Ходан. — Про честь будешь сказывать глупцам, а нам подавай золото! — и хозяин лесной стиснул плечо Беленира с такой силой, что витязю аж стало плохо, и он вскрикнул:

— Ах ты уродище злобесное! Сказали же тебе: прошло ваше время, а уговор дороже денег!

Ходан разозлился пуще прежнего и потянул к шее Беленира другую лапу. Он хотел задушить его, но витязь выхватил из ножен Самосек — клинок сверкнул как искра — и тотчас ударил окаянному по шее. Лохматая голова покатила с плеч долой и, скатившись по склону, упала у подножия холма, а тело Ходана, брызжа кровью, рухнуло наземь. Лешие ахнули и с тревогой посмотрели на мёртвого товарища.

— Впредь пусть это будет уроком тем, кто нарушает уговор! — сказал Беленир, но Берестень и Дубец не хотели его слышать.

— Как ты мог? — взревели они. — Он же Земнородный сын! Кто ты такой, ты что божич?

— Нет, я не божич, — отвечал им Беленир. — Но мой меч отковал сам Каукис, и сила его очень велика.

— Тогда убьём убийцу! — зарычали лешаки во всё горло, не желая слышать слов Беленира.

— Стойте! — молвил им Всесвятлир. — Ходан получил по заслугам!

Но лешие не хотели слушать и его. Они желали во что бы то ни стало расправиться с витязями. С их уст уже текла слюна, а в их глазах, налитых кровью, зрела ужасная ярость.

Кроме того, лешаки проклятые гневно сопели и пыхтели, пускали рык звериный и страшный свист. Они бы напали на витязей и неизвестно, кто бы остался жив, как вдруг Беленир рече:

— Будет вам золото! Не надо больше смертей! — он сам не ожидал, что скажет такие слова.

— Золото не окупит смерти друга! — ответил на то Дубец.

— Но и не помешает, — молвил Берестень и толкнул Дубца.

— Вот и славно! — сказал Беленир. — Золото заберёте у Русалочьего берега ровно через три дня.

Лешие покачали головами, и вся былая ярость тотчас с них спала, остуженная одними только словами о золоте.

— Смотри, человек! — молвил Берестень, важно и деловито поглаживая свою бороду да покручивая ус. — Пусть золото будет ровно в срок, иначе вам не поздоровится!

— Да, не поздоровится, — поддакнул Дубец. — Не будет золота, мы вам кишки выпустим!

— Помолчал бы ты лучше, — рёк ему Всесвятлир и сплюнул.

— Что? — вспыхнул Дубец, но Берестень успокоил его.

— Золото будет, — сказал им Беленир, и лешие, взяв с собой тело Ходана и его голову, ушли в чащу и вскоре скрылись под вой и непонятные причитания.

— Вот мы и попались! — рассмеялся Всесвятлир. — Надо было прикончить их всех.

— Нет, не надо было! — ответил Беленир — Мы возьмём золото у Кошевича, когда расправимся с ним, и отдадим его лешим.

— Но откуда у Кошевича золото? — поразился Всесвятлир. — У него и червонца не сыщешь, не то что ларцов с чеканным златом!

— Я так не думаю! — сказал Беленир. — Ведь он, скорее всего, уплывает отсюда и наверняка на его корабле есть кое-что. И это богатство мы отдадим лешим, если, конечно, такое там будет. А не будет, так уже там посмотрим, что станем делать. В конце концов, если ты хочешь их убить, что мешает сделать это потом?

— Все-таки надо было их прикончить, — гнул своё Всесвятлир. — Давай свистнем, пусть сбегутся, и всех порежем на куски.

— Я князь, и пусть наш край будет славен добрососедством с сынами Земли — они сильны, пусть и не так мудры, как пчельник. В годину бедствий они могут помочь нам в будущем.

— Так зачем ты срубил одному из них голову? — усмехнулся Всесвятлир.

— Теперь они видят нашу силу, а значит увидели наш кнут. Пряник будет потом, в будущем.

Глава 20. Ни под гору, ни в гору

Когда всё стихло, и даже гулкий вой леших, угрюмо отдававшийся по округе, замолк, молодцы вновь спустились с взгорья и сели по сёдлам. Космач тряхнул гривой, притопнул копытом, и кони богатырские пустились скакать по светлому сосняку, и что у них был ни скок, то сажень, что ни прыжок, то две. Направлялись они на запад — к морю синему, куда уходил окаянный Кошевит, и перед глазами путников, как столбы, маячили высокие сосны, а снег слепил их белизною.

— Смотри, след! — воскликнул Всесвятлир, заметив под копытами своего коня чьи-то следы. Беленир глянул — и впрямь! — след.

— Верно, Кошевит, — заметил он. — Кажись, его нога.

— Да, его, — согласился Всесвятлир. — И к западу идёт. Верно, он!

— В таком случае нам очень везёт, — продолжал Беленир. — Посмотрим, что будет впереди.

Путники припустили коней и пронеслись по следу несколько часов, пока не село яро солнце и скакуны не утомились. К тому времени они миновали бор сосновый и оказались на голой равнине, белой как скатерть, а над их головами зачернело ночное небо. Впереди, в нескольких вёрстах, лежало море. Но воины устали и потому устроили привал: развели костёр да поставили шатёр. Наевшись и напившись, они сели у огня погреться. Всесвятлир вскоре ушёл спать, а Беленир стал вглядываться вдаль, надеясь увидеть Кошевита или его корабль, на котором, как он думал, враг окаянный хотел сбежать с этих берегов. Но сколько витязь не скользил взором по небу, сколько не всматривался в хляби морские, ничего не разглядел, кроме густого морока, и скоро лёг спать, разбудив друга на дозор.

На следующий день витязи хоробрые проскакали ещё несколько вёрст, и под конец дня, когда солнце скрылось из вида, а закатная, красноглазая даль посерела, Беленир разглядел, как в небе летит ворона, а в ее сторону стрела с золотым оперением. Но стрела пролетела мимо, и птица продолжила полёт. Тотчас сверкнула ещё одна стрела, и уже убитая ворона пала наземь, и витязь понял: то стреляет Кошевит, ведь стрелы с золотым оперением видел он у него в колчане. Возможно, птицу эту послал Дед-Пасечник или ещё кто, чтобы следить за ним, и злодей это понял. Путники поспешили туда, где, как им показалось, находился стрелок, и, минув холм, тут же вдалеке, у самого берега, увидели ладью с парусами чернее ночи. Но Кошевита уже было не видать ни вблизи, ни вдали — где он схоронился, было неизвестно, и следов он не оставил. Потому искать его сейчас было бессмысленно.

— Наверное, он уже на ладье! — предположил огорчённо Беленир.

— Если так, то он бы уже уплыл! — утешил его Всесвятлир.

— Что верно, то верно, — согласился Беленир, сняв шелом да почесав затылок. — Тогда попозже поспешим к ладье и, может быть, перехватим его. Сейчас же придется отдохнуть, а то руки и ноги совсем замерзли.

Путники вновь устроили привал и просидели у костра-пламени горючего весь вечер. Кони доели остатки овса, который был припасён для них в мешке дорожном и порадовались, что сыты. На небе высыпали самородки-звёзды и забелела луна. Но Беленир не глядел на небосвод: отогревшись, он решил слепить снеговика. Да, да, снеговика! Что только не сделаешь со скуки или чтобы отвлечься от забот. Вот и решил Беленир слепить снеговика. Он накатал три снежных кома и под раскатистый смех Всесвятлира принялся строить из них

человека. Вскоре витязь уже сделал ему из веток руки и нос из сгоревшей головёшки.

— Ха-ха! — посмеивался Всесвятлир. — Мой друг впал в детство!

— Возвращение к истокам очень полезно! — ответил на то Беленир и улыбнулся. —

Оно прибавляет сил.

— Неужели? — продолжал посмеиваться Всесвятлир. — Может быть, начнешь ещё ползать на четвереньках или лепетать глупые сказки про зверей или про хитрых мужиков?

— А почему бы и нет? — взбодрился витязь. — Человек тогда теряет свою мудрость, когда начинает считать сказки глупыми, так что и это было бы неплохо!

Всесвятлир ничего не ответил, а только шмыгнул носом.

Тут, когда путники отогрелись и готовы были продолжить путь и искать Кощевита проклятого, принесло облака, задул ветер и начался снегопад. Затем и вовсе поднялась сильная метель. Искать кого-то в такую погоду было глупо, потому путники легли спать. Сон их был крепок несмотря на то, что наутро им предстояло разыскать Кощевита и, возможно, даже взойти на его корабль. На дозоре стоял Космач. Поглядывая на костёр, он задумчиво шевелил ушами и пытался понять, что же ожидает их завтра. Затем Космача сменил Беленир, а Беленира уже Всесвятлир.

Наутро удальцы вновь двинулись в путь. Метель стихла, но снегопад пошёл с новой силой, и корабль Кощевита исчез из виду, а коням пришлось идти наугад сквозь снежную завесу. Так прошло три часа, и на четвёртый послышался треск. Космач подскочил и заржал. Беленир глянул вниз и увидел, что конь наступил на лёд и проломил его.

— Вода! — вскрикнул он тотчас и обнажил свой меч.

— Студёная! — добавил Космач. — Видать, меня лёд не выдержит.

— Это точно, — согласился Беленир.

— Где же корабль? — спросил Всесвятлир. — Неужто мы опоздали?

— Не знаю! — прервал опасливо Беленир. — Если бы он уплыл, мы бы услышали. Посмотрим.

И тут вдруг где-то поблизости затрещал лёд, словно по нему кто-то шёл. «Хрусть-хрусть» — колот уши треск. Беленир и Всесвятлир приготовили к бою мечи и стали всматриваться вперёд. Вскоре показались чёрные очертания человека. И в руке десной у него был посох.

— Под кем лёд трещит, а под кем и ломится! — сказал человек грубым хриплым голосом. Беленир сразу узнал в том человеке Кощевита, и с его лба полился холодный пот.

— Рад вас видеть, деревенщины! — продолжал Кощевит, стоя на льду. — И всё-таки как далеко вы зашли. Странно, что червлёно золото вас не остановило. Чего же вы хотите? Власти? Славы? Нет! У тебя, Беленир и власть в руках, и слава гремит пред тобою, и сам сидишь в седле как светел князь. Да ты и есть князь, правда? Что же движет вами? Какой бич подгоняет тебя, коли и власть, и слава, и даже богатство — всё при тебе?

— Справедливость! — ответил Беленир.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся зловеще Кощевит. — Нет, не справедливость движет тобой и твоим другом, ибо тогда ты не срубил бы голову лешему и не отправил Деда-Пасечника прочь, как носильщика золота! Вами движут самолюбие и тщеславие, поклонение самим себе. Вы отослали пчельника прочь, чтобы самим насытиться победой, чтобы песни слагались только о вас, чтобы бахари сказывали лишь о ваших подвигах, а певцы-гусяры пели только о ваших походах. К чему вы обезглавили лешего? Чтобы не отдавать золото, напрашивается ответ. А когда другие лешие придут сюда за золотом, вы и их прикончите,

ибо вы щедушны.

— Откуда тебе известно, что лешие придут сюда? — удивился Беленир.

— Я о многом знаю и у меня много слуг! — ответил Кощевит. — А теперь мне пора уплывать с этих берегов, а вы, мужичины-деревенщины, оставайтесь здесь. Может быть, я вернусь, ведь я обрёл здесь друзей. Даже среди дворян и знатных имён есть те, кто будет ждать меня, дабы исполнить наш с ними договор.

— Ха! — воскликнул Беленир. — Трус! Беги без оглядки, и твой Стрезибор тебе не поможет. Боишься даже сразиться с нами напоследок!

Эти слова немало задели самолюбие Кощевита, и он гневно ответил:

— Мне неведом страх, смертный! И не бегу я от меча таких, как ты! Я отступаю так же, как солнце вечером отступает, чтобы наутро снова взойти во всей своей лучезарной красе. Так что заткнись, иначе мне придётся проучить тебя своим посохом. А с ним шутки не шути!

Беленир не знал, отчего же Кощевит не убьёт их своим посохом, как убил Мал-стар Дедка. «Быть может, ему нас жалко» — думал он, но ошибался, ибо жалость выветрилась из сердца Кощевита давным-давно, оставив после себя лишь глухую пустоту. В конце концов витязь решил, что посох врага не имеет более силы и, держа наготове меч, ступил на лёд и скоро скрылся в снежной завесе. Кощевит лишь ухмыльнулся, но Беленир всё равно пошёл ему навстречу. Всесвятлир же остался на берегу. Он боялся уйти под воду, ибо думал, что троих лёд не выдержит.

— Будь осторожнее! — бормотал Кощевит Белениру. — Лёд коварен и бывает, что многие ведутся на его обманчивую твёрдость.

Беленир не отвечал, а продолжал идти. Снег летел ему прямо в лицо, и он почти ничего не видел. Наконец витязь заслонился от снегопада рукой и пригляделся: в двух саженьях от него стоял Кощевит, держа в одной руке длинный посох. На шее Кощевита на цепи железной висел ларец кованый. Сам Кощевит был весь облачён в броню железную, и его белые как снег волосы развевались по ветру. Лёд почти не трещал под ним, тогда как под Белениром хрустел во всю силу. Сквозь прорези в шлеме горели очи Кощевита, полные зависти и гнева. Беленир сошёлся с ними взглядом и подумал: «Ну что, давай посмотрим, кто из нас сильнее, поглядим, кто ловчее и чья сталь крепче. Мне не страшно умереть, а ты боишься». Кощевит попятился назад.

— Бейся! — крикнул ему Беленир и, размахивая мечом, понёсся на недруга. Кощевит, вертя в руках посох, приготовился к схватке. Но тут, когда витязь славный уже замахнулся на него, Кощевит ударил по льду, и лёд треснул. Беленир с криком упал в образовавшуюся трещину, в самую полынью. Кощевит же, как оказалось, стоял на скале, что слегка поднималась из воды. Очень хитёр был коварный колдун. Вода тем временем облекла Беленира в студёные объятия, и холод пронизал все тело и сковал руки, словно надев на них тяжкие цепи. Кольчуга повлекла удальца на дно — в самое бучило. Неслыханный страх охватил воина, и он, извиваясь от ужаса и пытаясь уцепиться за что-нибудь, заглотнул немало воды.

— На бедного и шишки валяются! — промолвил Кощевит, глядя на то, как тонет Беленир, и пошёл своей дорогой — к ладье чёрной, стоявшей где-то к северу.

Всесвятлир тем временем стоял на берегу и, слыша крики Беленира, ждал, что сейчас по его душу придёт Кощевит да срубит ему голову с плеч долой. Как же он пожалел, что не пошёл вместе с Белениром навстречу врагу и бросил своего друга с ним один на один. Сожаление и горечь смешались у него в груди с яростью, и витязь задрожал. Он приготовил

меч и понёсся на подмогу. Вскоре его нога свалилась в трещину, и он всё понял. «Утопили!» — пробормотал Всесвятлир и сбросил с себя доспехи ратные, не опасаясь даже Кощевита. Набрав в грудь воздуху и совладав с неистовым страхом, который вызывало у него будущее погружение в воду, он нырнул.

Водица в море была очень холодна, но вскоре Всесвятлир свыкся. Открыв глаза, он увидел блеск железа и, погрузившись поглубже, нашёл Беленира — с мечом в руке и при кольчуге. Он лежал на самом дне и ещё барахтался, но дно было неглубокое, ибо залив здесь только начинался. Поднять Беленира было несложно, потому Всесвятлир с легкостью повлёк его наверх. Витязь не сопротивлялся. Казалось, осталось совсем немного, и лёгкие плотнут воздуха. Но вдруг кто-то схватил Всесвятлира за ногу. Вначале он подумал, что зацепился за что-то, но это было не так. Удальца крепко держали, и как ни силился он высвободиться из хватки железной — ничего не выходило. Тогда он посмотрел вниз и что же увидел? Извиваясь и бултыхая ногами, его держала русалка. Но то была не красавица-водяница, каких видели путники прежде, то было окаянное женочудище. И она была бледна как труп и холодна как рыба, волосы её были русы, очень длинные и плавали в толще воды как паутина, а глазища у неё были словно у сома — выпученные, уродливые. Пасть её была раскрыта, крива и полна полугнилых острых зубов. Длинными худыми руками она уцепилась Всесвятлиру за голень и, сжимая свои костлявые мертвенно-бледные пальцы, не пускала его из воды.

И тут, когда ошеломлённый витязь не знал, что и делать, русалка нечистая потащила его вместе с Белениром в глубину, алча сожрать на днище морском, в самой пучине. Очнувшись от ужаса, Всесвятлир потянулся к своему мечу, но тут же понял, что забыл его на льду. Благо, что Беленир намертво сжимал в ладони Самосек, чьё острое лезвие готово было рассечь любого врага. Тогда Всесвятлир схватил своего друга за руку и тремя мощными ударами отсёк уродине подводной кисть, которая тотчас разжалась и канула на дно. Это лишь разозлило тварь морскую, и она, пуще прежнего выпучив глаза, кинулась на Всесвятлира, но тут же напоролась на остриё меча, насадила нечистое сердце на лезвие, и, искупавшись в собственной крови, испустила дух. Всесвятлир выпустил из груди весь воздух и, ни о чём не думая, повлёк Беленира наверх — тот уже нахлебался воды.

Свет, проникавший кое-где сквозь лёд, становился всё ближе. Витязь уже стукнулся о твердь ледяную. Он случайно глянул вниз и увидел, как из бучила к нему плывут уже три русалки, желая отомстить за свою подругу. В их очах горел голод, а зубы были стиснуты. Всесвятлир тотчас схватил руку своего друга, пробил мечом лёд и, держа Беленира за запястье, кое-как выкарабкался на поверхность. Тут он хотел вытащить и своего товарища, но нечисть проклятая схватила того за ноги и стала тянуть со всей силы в воду.

— Пустите его, уродища! — вскрикнул яростно Всесвятлир. — Ах вы, нежить окаянная! Не видать вам моего друга, не есть вам его мясо! — и со всей мочи ратник смелый потянул удальца на себя. Беленир оказался на льду, но людоедицы голодные свою хватку не разжали и потому их головы высунулись из проруби. Всесвятлир, не теряя времени, вытащил из рук Беленира Самосек и выколол одной глаза.

— Мразь-с! — зашипело женочудище. — Я тебя проглочу! Проглочу! — и русалище полезло на лёд вслед за витязями, разинув свою мерзкую пасть. Но тут Всесвятлир не стал мешкать и снёс уродищу голову, которая полетела в воду. Остальные русалки тотчас скрылись, поняв, что эти двое им не по зубам.

Расправившись с женочудищами остервенелыми, Всесвятлир стал стучать Белениру по

груди. Как же он был испуган молчанием своего друга и его бледнотой. «Ты не умрёшь! — говорил он. — Куда тебе умирать от водички? Змея победил, а тут воды нахлебался. Не такая у тебя будет смерть!». Но вот Беленир очухался и выплюнул чуть ли не ведро воды. Всесвятлир перевёл дух.

— А! — вскрикнул Беленир, и с его носа сорвалась сосулька льда. — Где Кошевит, где ларец?

— Не знаю! — ответил Всесвятлир. — Нам бы костёр развести, а не за Кошевитом гоняться. Ты чуть не умер. Я уже думал всё...

— И я так думал, поверь, — молвил Беленир. — Всё уже было во тьме, я был во тьме... И она была во мне... Да, это страшно. Чуть не отдал душу небу!

— Чертовы русалки — страшные нечеловечьи рожи! Чуть и меня не затащили на дно!

— Спасибо, что вытащил! И извини, что подверг тебя такой опасности, не думал я, что все так выйдет...

— Да уж вышло как вышло, хорошо, что живы, а об остальном глупо беспокоиться. Ну разве что о морозе...

— Мороз стерпим! — дрожа и чихая вымолвил Беленир. — Не так-то и холодно.

— Себе скажи это, а не мне! — рассмеялся Всесвятлир, который пробыл под водой не так много времени.

— Прав был Дед-Пасечник! — молвил вдруг Беленир.

— В чем же прав?

— Тот отряд, что пошёл к башне с сундуком. Это уловка. И берегины зря потратили время. Если конечно, этот же самый отряд уже не перебил Явора и берегинов и не вернулся сюда с ларцом. Видел ларец в руках Кошевита? Это же наверняка ларец с его смертью. Думаю, он его где-то на побережье откопал.

— Глупо обо всём этом думать, — заключил Всесвятлир. — Если мы и найдём поганца, так он нас одной левой раздавит.

Беленир с этим согласился и успокоился. Снегопад тем временем прекратился, и небо поглубело — на нём осталось лишь несколько белесых облаков, плывших на запад. Теперь всё вокруг было видно, и витязи огляделись: невдалеке была первая трещина, а подле неё лежали доспехи Всесвятлира. На берегу стояли кони добрые, богатырские и тревожно мотали хвостами, дальше них и правда виднелась яма глубокая, очевидно, вырытая Кошевитом, чтобы достать оттуда свой сокровенный ларец; к северу же стояла ладья дубовая о чёрных парусах. И, как назло, дул восточный ветер, попутный для Кошевита.

Глава 21. За закраины мира

Ладея была очень велика. Её нос был увенчан головой дракона, на чёрных парусах была нарисована змея, скрученная кольцами, а по бортам были вырезаны из сосны крылья, из-под которых торчали железные вёсла — тяжкие и ржавые. Витязи, спрятавшись за скалой, торчавшей изо льда, восторженно глянули на этот корабль дивный и забыли даже про мороз и про озноб. Вскоре они заметили на нём Кошевита — он важно похаживал, высоко вздёрнув голову, да раздавал указы своим рабам и воинам из числа продажных людей, которых в те времена было не очень-то и много.

— Надо его прикончить! — сказал уверенно Беленир. — Или сейчас, или никогда.

— Пусть уплывает, проклятый бес! — ответил на это Всесвятлир. — Нам не справиться с такой кучей врагов да и зачем он нам сдался, коли уже потерял силы. Будет ещё на беса гром, не сомневайся, друже!

— Он вернётся, как же ты не понимаешь, — продолжал настойчиво Беленир. — И нашим потомкам придётся всё расхлёбывать за нас!

— Конечно! — рассмеялся Всесвятлир. — Им же надо будет хоть что-то дельное совершить.

— Возможно, ты прав, — рёк Беленир. — Но я хоть умру, но сделаю что хочу.

Беленир встал и, держа в руке меч булатный, зашагал к чёрной ладе. Каждый новый шаг давался ему с большим трудом, ибо его обдувало ветром студёным, и ноги тряслись от холода. Да и руки у витязя дрожали не меньше, но он лишь крепче и вернее сжимал рукоять своего меча. Вскоре удалец приблизился к ладе, а Всесвятлир надел доспехи ратные и нагнал своего друга.

— Неужто будем биться с ними? — спросил он. — Гляди, сколько там молодцов и все при оружии!

— Мой меч острее, а кольчуга крепче, — ответил Беленир. — Будем биться.

— Может не стоит, — продолжал Всесвятлир. — Меня-то хоть не губи.

— Я тебя не держу, можешь уходить!

— Меня дружба держит, а ты не смей в бой идти, а то оба поляжем как трава!

— Что ж! Значит, поляжем, зато Кошевита убьём.

— Что толку его убивать, если самим погибать? Наш край спасён, ты князь, что тебе ещё надо?

— Смерти Кошевита! — воскликнул Беленир и хотел было идти на бой — взбираться на корабль.

Тут бы и пришёл конец двум удалцам многосильным, и вдруг прозвучало что-то. Но это не ветер суровый свистел впопыхах и не чистая криница журчала. Что же это было? Нет, это не лёд узорный скрипел натужно, не снег шуршал под копытами добрых коней и даже не струилась в заливе морская водица. Это задорно и весело звучал звонкий рог. Но казалось, что это голосит вовсе не горн, а поёт суетливый ручей, сбегая с гористых склонов и сливаясь с шумом морского прибоя. Было в призыве этого рога какое-то колдовство: беззаботное и туманное, но в тоже время трогавшее самую душу и наполнявшее сердце бодростью, а грудь свежестью. Оно словно потоком бурливым вымыло всю тоску и горечь и дарило радость. И только-только зазвучал тот рог, всё встрепенулось. Но Кошевит бессмертный, беспокойно шагавший по чёрной ладе, с тревогою оглянулся и застыл как заворожённый. Вслед за

первым рогом прозвучал другой, словно бы насупившийся и недовольный, разнёсшийся гулко и злобно. В нём не было ворожбы — это был простой горн, но, услышав его, Кошевит немного успокоился. Встав на носу ладьи, словно изваяние каменное, он принялся смотреть на восток. Всесвятлир же тем временем оттащил Беленира обратно за скалу и вместе они обратили взор туда же, куда и их враг. Вскоре они увидели, что к ладье приближаются две большие дружины: одна с севера, а другая с востока. «Кто же это?» — подумал Беленир, всматриваясь вдаль, и вскоре разглядел над дружиной, шедшей с севера, знамя Брегокрая и рода Гелена — золотого единорога, а над другой, что гордо шествовала с востока через пустыри — стяг Стрезибора с белым вепрем.

— Это нам на подмогу! — воскликнул радостно Всесвятлир.

— Думаю, что не все идут помочь нам! — прервал его Беленир. — Стрезибор идёт на подмогу нашим врагам.

— Как вы угадали? — воскликнул Кошевит с носа ладьи, заметив Беленира и Всесвятлира, спрятавшихся за скалу, и услышав их речи. — Но мне пора! — тут он повернулся к своим рабам, вымазанным в грязи, и заорал: — Разбейте лёд, недоумки, и гребите! Гребите!

И тут витязи поняли, почему Кошевит никак не мог уплыть. Вода замёрзла, и никто из его слуг даже ломami и топорами не мог пробить её, хотя совсем недавно лёд был не так толст. Видно, сам Трескун постарался и, напустив мороз да изукрасив залив в дивные узоры, сорвал замыслы врага. Но было рано воздавать хвалу славному морозному кузнецу, ибо было ещё неведомо, помешает ли это Кошевиту бежать.

Две дружины тем временем спешили к кораблю, а их высоко поднятые стяги реяли на восточном ветру. Берегины вскоре приблизились к ладье и заняли взгорье высокое, устланное снегом, в двадцати сажнях от корабля. Место это было надёжно как для обороны, так и для нападения, и с него было удобно палить из луков да пращей по чёрному кораблю, так что берегины не просчитались с выбором. С востока тылы их дружины были прикрыты крутым яром, с запада обрывом отвесным в студёное море, а с севера подъём на холм, по которому и забрались берегины, был очень узок. Кроме того, берегины в любое время могли спуститься с высоты: южные склоны взгорья были пологи.

Пока же Беленир любовался, как блестят рыжим золотом их шлемы и мечи, как светятся белым серебром их щиты и как горды и суровы их лица, дружина Стрезибора тоже подошла к ладье чёрной и по приказу своего князя расположилась прямо в низине под носом корабля, дабы защитить Кошевита. Люди превосходили берегинов числом: их было пять сотен, берегинов же всего три. Но берегины были лучше вооружены: в их руках умелых сверкали мечи булатные и долгомерные копьа, все они были при кольчугах и при броне, на их головах как купола сидели шеломы островерхие, а у стрелков наготове были могучие луки, лучшие в своём роде. У ратников Стрезибора же не у всех были даже мечи: у иных были лишь короткие кинжалы, а у других палицы, копьа или дубины. И лишь отборные дружинники были закованы в доспехи пластинчатые, венчаны шеломами крепкими да прикрыты длинными червлёными щитами. Пока было неясно, на чьей стороне будет победа, но было очевидно, что дружину Стрезибора ждут большие потери.

Тут Беленир, чтобы их заметили берегины, дунул в рог Государя Волн, подаренный Явором, и по округе точно на крыльях лебединых понёсся приятный звук. Берегины глянули в сторону витязей и подняли копьа, удальцы тоже подняли мечи и вскрикнули: «Мы с вами, друзья!». Кошевит содрогнулся от их зычных голосов и снял маску, ибо она заледенела от

холода, а сам подумал так: «Жаль, что не убить их стрелами: больно хороши у них кольчуги и щиты. Надо было убить их раньше, да, надо было». Между тем молодцы удалые посмотрели на Кошевита и увидели его тощее лицо. На нём точно утёс суровый торчал длинный горбатый нос, похожий на вороний клюв, в глазницах глубоких горели два бледно-зелёных ока, и над ними тяжко нависали хмурые брови, а уста поганые, видные из-под седой кинжальной бороды, были скривлены в отвратительной ухмылке. Кожа на лице Кошевита была бледна, под очами беспокойными были видны тёмные пятна, лоб лиходея был испещрён морщинами, а впалые щёки напоминали два глубоких оврага. Кошевит посмотрел на Беленира, и витязь увидел в его взгляде презрение, переплетённое с гневом и злобой. Казалось, подлец смотрит на воина как на грязь или навоз: так пренебрежителен был его взор. Было видно, что Кошевит любит лишь себя одного и почитает себя за величайшего мужа, а всех других хочет видеть своими рабами.

Из дружины берегинов выступил Явор, славный охотник, встретившийся витязям давно и спасший их от Медведя Железной Шкуры, и встал на самый край холма. Беленир с радостью отвернулся от Кошевита и увидел, что чело Явора венчал золочёный шишак, а в деснице у него как молния блистал меч булатный, в левой же руке рдел щит, красный как кровь — знак полководца. И на том щиту была изображена птица чудесная: с головою красивой девицы с русой косой, при короне злачёной и в жемчужном ожерелье, с красивыми белыми крыльями и перьями на груди цвета морской лазури. И казалось, та птица со щита смотрит на врага, но не смеётся над ним, но жалеет его, жалеет, что он попусту растратил свои силы на подлости.

— Ты не убежишь, Кошевит, ибо я Явор, славный воевода, союзник правды и чести, враг подлости и козней и подданный самого Гелена! — произнёс гордо берегин, вздёрнув подбородок и воткнув свой червлёный щит полководителя в ледяную землю.

Кошевит тяжело вздохнул, похлопал в ладоши и произнёс со смехом:

— С каких таких пор Гелен посылает за мной никчёмного червя? — и лицо Кошевита сделалось совершенно мерзко. — Пусть твой хозяин перестанет слать всяких там шелудивых псов по мою душу, ибо моя душа гораздо ужаснее того, что он видел, скитаясь по морям да блюя в волны!

И тут же на нос корабля выступил карлик-горбун старый и, важно кашлянув, крикнул во всеуслышанье:

— Вы говорите с бессмертным владыкой Заморья, господином западных земель, хозяином Чёрного Крома, победителем берегинских войск и государств, пленителем древних вождей и царей, властителем железноклювых ворон, союзником ведьм и витязей, что остались верны земной пропасти, законным господином Заповедья! Склоните ваши головы, берегины! Ваши сородичи за морем служат Кошевиту, служите и вы! Взамен вы получите ту мощь, которую всегда хотели!

Берегины засуетились, многие из них испугались, что их родичи на западе за морем и правда попали под власть проклятого колдуна.

— Не заговаривай нам зубы! — воскликнул Явор, а карлик меж тем ушёл с носа корабля и скрылся. — Я вижу, что в твоих глазах, Кошевит, живёт не только злоба, но и трусость вкупе со страхом, так что не пытайся запугать меня ни своими речами, ни речами своих слуг-горбунов. Мой дух несокрушим, сердца моих воинов неколебимы, а наши щиты непробиваемы. Мы уже перебили твой отряд, который ты отправил к старой башне, чтобы выиграть время, сбив нас с толка. И также мы перебьём всех вас сейчас! Пришло время

расплатится за свои злодеяния.

— Расплата! — вскрикнул Кошевит язвительно. — Да, её мне и не хватало, все вы расплатитесь, когда я вновь приду сюда с великим войском на чёрных кораблях, — и тут он повернулся к Стрезибору, стоявшему во главе своей дружины, и крикнул: — Если ты не подпустишь их ко мне, я забуду про твой долг!

— Долг, — отозвался Стрезибор. — Лучше я не исполню его, чем буду врагом своих друзей.

— Ты ошибаешься, — каркнул Кошевит. — Уговор — золото, а друзья лишь твои рабы. Или хуже — господа. Убей берегинов!

— Неужто ты призвал меня сюда, чтобы я убил друзей нашего княжества? — удивился Стрезибор. — Я и моя дружина не будем участвовать в этом кровопролитии.

— Будете, иначе ты будешь до конца своих дней мучиться, вспоминая о невыполненном долге! — и Кошевит, взглянув в очи Стрезибора, наслал на него мороку. Тотчас князь удельный увидел, как он стариком лежит в постели и страдает оттого, что не сдержал уговора, сон не приходит к нему и по ночам он не находит себе покоя, а в груди сердце жжёт укор. Затем узрел он как умирает, но думает не о смерти, а о несдержанном обещании. Тут он видит свою кончину, вслед за тем видит и загробное царство, и девы там поят всех мёдом питным и винами, а его одного на особицу страшным ядом. И каждый день он корчится в страданиях за то, что не выполнил уговора. Едва Стрезибор увидел всё это, сердце его защемило и дыхание спёрло. Он испугался. Конечно, на самом деле, вряд ли бы он терзал себя до конца дней этим долгом, но Кошевит прекрасно умел насыпать мороку, так что Стрезибор поверил в то, что увидел.

— Хорошо! — чуть ли не взревел он. — Я сделаю то, что ты хочешь. Я не подпущу их к тебе.

Между тем Явор и берегины были готовы начать битву. Многие из них бы пали в ней, и вражья дружина бы сильно поредела, но тут Беленир и Всесвятлир, обежав с восточного края Стрезиборову рать, выскочили между берегинами и людьми. Явор уже давно узнал в них своих давних знакомых и потому улыбнулся и вымолвил:

— Рад вас видеть. Что же вы здесь делаете?

— Неужто не понятно? — поразился Всесвятлир.

— Пытаемся Кошевита убить! — добавил Беленир с важностью.

— Во имя Светобога, отойдите, иначе окажетесь между молотом и наковальней! — воскликнул Явор с негодованием.

— Мы уже слышали такое, — вскрикнул Беленир. — Стойте же! Ни к чему лишние жертвы. Достаточно того, что Кошевит наворотил уже на этой земле! Стрезибор — предатель, но он не стоит того, чтобы ради него умирала вся его дружина, а в ней есть и доблестные мужи.

— Но они будут биться за Кошевита, так что им уготована смерть! — ответил на то твёрдо Явор. — Или они сейчас же сложат оружие, или мы убьём их всех.

— Сложите оружие! — воскликнул Беленир, повернувшись к землякам. — Я, один из князей нашей земли, каким сделал меня павший в битве с Идогурном Хедор, сын Митрапирна, нарекаю предателями Стрезибора и тех, кто за ним последует. Стрезибор уже бросил нас в битве со змеем, поэтому он уже предатель и трус, но у вас есть выбор. Коли вы не хотите сложить оружие, мня это позором, тогда просто отойдите ко мне.

— С чего мы должны тебе верить? — раздались негодующие вопли дружинников, а

Кошевит хрустнул пальцами.

— Да! — взревел Стрезибор словно медведь, показав тем свою удаль и упорство. — Мы защищаем свою землю!

— Ты не можешь защитить свою землю предательством! — сказал ему Всесвятлир, и Кошевит щёлкнул зубами, и, казалось, лязгнули ворота из железа. — Ты предал себя, свой народ и этот край, так что не тяни за собой и других. Ты — раб Кошевита и ты продался ему и обещал ему южные земли и княжество Митрапирна! Ты пошёл на сговор с тем, кто натравил на наш край Идогурна! Это все сейчас могут видеть, и если вы не отступитесь, то все здесь до единого поляжете.

— Что за глупости! — молвил Стрезибор. — Да, я заключил союз с Кошевитом, но всё на благо нашей земли!

— Ты продал ему наши земли! — продолжал Всесвятлир. — А всё затем, чтобы он убил жену Митрапирна, его сына-наследника, Земнородных сыновей и нас, победителей Идогурна. Всех своих соперников. Ты хотел объявить себя победителем змея, хотя сам сбежал, поджав хвост!

Тут некоторые дружинники засуетились, стали беспокойно переглядываться и перешептываться, иные обернулись назад и, увидев Кошевита, думали уже, на чью сторону становиться. «Стоять на месте!» — кричал им надрывно Стрезибор и косился на Кошевита. Тем временем Беленир, Всесвятлир и Явор посматривали на ладью о чёрных парусах: там суетливо бегали рабы и воины, некоторые спустились на лёд и тщились пробить его. Но не тут-то было! Слишком сильны были зимние чары морозного кузнеца, не по силам топорам да ломам было колдовство Трескуна, и как ни старались воины и слуги Кошевита, ничего у них не выходило. Как видно, и правда зачарован был лёд. Ведь прежде он ломился под копытами коня и ударами посоха, а нынче не поддавался железу. Кошевит терял терпение, и страх всё более и более поглощал его: он видел, что Стрезиборовы ратники, даже те, что были со своим князем во время сговора, вот-вот покинут его, лишь бы не прослечь предателями своей земли и не погибнуть напрасно, и не знал, что делать. Лоб его нахмурился, брови надвинулись на очи бледные, а руки сомкнулись в замок, и персты тощие уже сами собой хрустели.

И вот дружина Стрезибора отворотилась от своего воеводы и перешла на сторону Беленира и Явора. Ни один воин не остался со своим князем, а сам князёк встал на лёд поближе к ладье и усмехнулся.

— Вы меня бросили! — взвизгнул Стрезибор, упрекая своих ратников, и на сей раз в его голосе не было силы и величия, но звучало лишь отчаяние, хотя он не хотел его показать. — Я ваш князь, вернитесь, пока не поздно.

Дружина молчала, лишь некоторые виновато понурили головы.

— Проклятые предатели, — орал Стрезибор, будьте вы прокляты, ничтожные твари! У вас даже нет духу сказать мне в лицо, что вы меня предали.

— Ты сам предал их! — воскликнул Беленир. — А они, напротив, поступили правильно. Ты сошёл с ума.

— Сам ты с ума сошёл, не я, а ты, — вымолвил Стрезибор. — И дорога тебе на смерть, а к тебе, Кошевит, — и князь в отчаянии обернулся к чародею проклятому, — смерть сама придёт. Уже близится час, когда она высвободится из своего заточения!

— Ты ещё можешь перейти на нашу сторону, Стрезибор! — сказал Беленир, но северный князь даже не повернулся к нему, а продолжал смотреть на Кошевита.

— Ты не выполнил уговор, — рёк ему Кощевит, стиснув зубы. — Теперь ты не нужен мне, жалкий червь!

— Будь ты проклят, крушитель жизни! — ответил на то Стрезибор, почувствовав, как в нём поднимаются силы богатырские. — В час сомнений и ужаса я поддался тебе и в том мой рок, но ты всё равно проиграл. Моя помощь отвернулась от тебя. И я рад. Сам бы я не смог отвернуться, но всё пошло к лучшему. Моя помощь сама отвернулась. Ты умрёшь! — и витязь, проснувшийся в Стрезиборе, плюнул в ладью о чёрных парусах.

— Замолкни! — сказал сверху Кощевит и, взяв свой посох, бросил его прямо в северного князя. Посох пронзил того в самое ретиво сердце и пригвоздил к узорчатому льду. Тотчас послышался страшный гортанный крик или визг, глаза Стрезибора окаменели, и он, скорчившись, испустил дух. На лёд хлынула кровь и вскоре окрасила его в багровый цвет. Витязи ужаснулись, иные закрыли лицо руками, и лишь только Явор неколебимо и твёрдо стоял, сжимая в ладони рукоять своего меча.

— В бой! — вдруг вскрикнул кто-то из дружины, увидав смерть своего бывшего князя. Все услышали воинственный призыв и рванули к ладье, размахивая мечами железными, острыми копьями да тяжелыми палицами. В первых рядах понеслись Беленир и Всесвятлир с ратоборцами Стрезибора, а вслед за ними Явор со своими берегинами. Но только-только дружины, грохоча кольчугами да бряцая мечами, двинулись с места в них понеслись стрелы калёные да отравленные сулицы — воины Кощевита не для красоты стояли на чёрной ладье. Пролилась свежая кровь, а в холодном воздухе разнеслись новые крики, однако ряды воинов поредели не намного.

Всесвятлир тем временем заметил, что воины Кощевита уже пробили во льду крепком брешь: проруби многие. Но их было мало, чтобы корабль двинулся с места. И вот несколько воинов Кощевита подбежали к скале, за которой недавно прятались Беленир и Всесвятлир, и стали бить в неё каким-то тараном. Между тем дружины хоробрые во главе с Белениром и Явором отогнали многих врагов на ладью, а других и вовсе сбросили в студёную воду — русалкам на пропитание. Но едва добрались берегины до тех негодяев, что били тараном в скалу, скала обрушилась с грохотом и разбила лёд. Под воду упали и сами воины Кощевита, и те берегины, которые пытались их остановить. Образовался разлом, и широкая трещина пролегла по льду до самого моря, открыв кораблю Кощевита путь и взяв его в кольцо. Теперь ладья была отделена от дружин студёной водой. Многие воины канули в образовавшиеся трещины и попали под льдины: одни по ужасной случайности, а другие, силясь в порыве ярости допрыгнуть до чёрного корабля. Немногих удалось вытащить. Иные сами нырнули спасать друзей, но тоже не всплыли. Лишь несколько самых могучих и отважных выбрались на лёд и вытащили товарищей. Больше среди людей и даже среди берегинов премудрых не сыскалось тех, кто погрузился бы в студёную водицу. «Не нырять!» — приказал Явор. Конечно, он хотел спасти тех, кто канул в морские зыби, но он знал, что в водах залива обитали русалки нечистые, кровожадные, а они любили мясо посвежее.

Вдруг Кощевит взревел радостно: «Лёд пробит, к вёслам!». На его лице протянулась ядовитая ухмылка. Тотчас рабы-невольники с силой налегли на вёсла. Ладья двинулась с места, идя по образовавшемуся разлому и пробивая кое-где лёд своим железным носом. И вёсла стальные, к тому же остро наточенные, разрубили всех, кто был в воде. Погибли даже многие русалки нечистые, слетевшиеся на пирушку. Вода превратилась в кровавое месиво, и на лицах берегинов и людей проскользнул ужас. Беленир, увидев всё это на голодный желудок, чуть не упал в обморок: у него закружилась голова и потемнело в глазах. И даже

некоторые берегины отворотились от такого ужасающего зрелища. «Столько страстей за один день — это уже слишком!» — подумал про себя Беленир.

— До встречи, жители Заповедья и Брегокрая! — донёлся замогильный голос Коцевита с ладьи. — Я еще вернусь к вам. А твоих потомков, Беленир, я найду после твоей смерти, и вся их жизнь станет сплошной мукой!

— Что нам делать? — воскликнул Явор. — Коцевит сейчас уплывёт!

— Надо остановить его, — промолвил Всесвятлир, стоявший рядом. — Просто надо додуматься как.

— Нам некогда думать, и поможет лишь чудо! — воскликнул разочарованно Беленир, и вдруг на лицо ему упало перо огромное. Витязь громко чихнул и взглянул в небо. Приглядевшись, он увидел, что в выси голубой кружился да водил хороводы, широко расправив крылья по потокам воздушным, сизый сокол. Невесть как он там оказался зимой, но было ясно, что неспроста.

— А вот нам и чудо, — улыбнулся Беленир, и Явор с Всесвятлиром тоже глянули в небо.

— Это же Ясный Сокол! — воскликнул восторженно Явор, едва завидев птицу дивную. — Он-то нам и поможет. Ведь он велик и силён, и его крылья — вихрь, когти — клинки, а клюв — копьё. К тому же очи его видят во тьме кромешной на много поприщ. Он отнесёт нас на ладью, и мы убьём Коцевита!

Тем временем сокол начал снижаться, а на витязей и берегинов от его крыльев стал дуть сильный ветер. Берегины кое-как удержались на ногах, и один лишь Явор слегка пошатнулся. Даже на ладье многие ратники Коцевита попадали от ветра, и только сам их властелин был непоколебим и твёрд, как гранитная скала. Но вот Ясный Сокол, приметив Беленира и Явора за главных, приземлился перед ними на лёд и сложил свои крылья огромные, чья сила была близка мощи смерча.

Путники с интересом посмотрели на прилетевшего хищника. Сокол оказался достаточно велик: крили в размахе были три сажени, сам он в высоту превосходил всех берегинов, людей и даже самого Коцевита. Цветом же он был как пепел, однако края перьев были сизые. Да и грудка его была бела что пух. На хвосте иногда встречалось серебристое перо в чёрную крапинку. И воистину клюв сокола цвета соломы — одного цвета с когтистыми лапами — был подобен копьё долгомерному, а очи, окаймлённые веками цвета суха золота, вправду видели сквозь морок, ночь и любую хмару. И полон гордости был взгляд Ясного Сокола, но в тоже время был это взор опасного хищника и охотника, без снисхождения убивавшего своих жертв.

Явор поклонился птице великой и промолвил:

— Вовеки здравствуй, Ясный Сокол! Как же ты оказался здесь в такую холодную и ненастную пору?

— И тебе привет! — провещил Ясный Сокол голосом человеческим, устремив на Явора свой пронизательный и мудрый взор. — Прилетел я сюда по делам важным — забрать пожитки со своего старого гнезда. А тут гляжу — суета какая-то подо мною. Пригляделся — берегины уходят в пучину, а вслед за ними и люди тонут, вот решил спуститься да помочь.

— Этим мужам помощь уже бесполезна, — сказал с грустью Явор, — они будут до конца мира лежать на дне морском, а их златослепящие шишаки будут манить к себе охотников до сокровищ... А вот нам твоя помощь понадобится! Мы ещё живы, а значит не избавились от трудностей. Надо остановить Коцевита — если он уплывет, то, как сказал, приведёт с собой целый флот.

— Хорошо, — с неохотой согласился Ясный Сокол. — Так уж и быть — помогу я вам. Но долго я задерживаться не буду: у меня и своих забот полон клюв, чтобы отвлекаться на чужие. Но, раз вы захотели остановить Кошевита, то я не могу вам отказать. Этого проходимца давно уже пора проучить! Его я заметил ещё в полёте.

— И как ты узнал его? — добавил Всесвятлир.

— Всё яснее неба! — воскликнул сокол, вновь расправив крылья. — Не первый век я летаю по поднебесью, не первый век знаю и Кошевита, а зрение моё острее солнечного луча. Как же я мог не узнать паршивца? Это было бы даже стыдно!

— Стыдоба хуже несварения! — подтвердил Явор. — Особенно для сокола.

— А коли уж недалеко от Кошевита есть удальцы сильные, — продолжал Ясный Сокол, — и сам Явор, то никаких сомнений нет, что они гонятся за ним.

— Что ж, тогда отнеси нас на ладью Кошевита! — вскрикнул от нетерпения Всесвятлир. — Корабль-то уходит, а мы стоим!

— Но сразу скажу: на этом моя помощь закончится, — заявил сокол. — Но и тому будьте рады! Помощь сокола, к тому же гордого, очень ценится.

— Да, — согласился Беленир. — Только отнеси скорее нас на ладью!

— Так и быть, — вымолвил важно сокол и вперил взгляд в чёрные паруса. — Но это будет сложно и, к тому же, опасно. Я не ручаюсь, что доставлю вас целыми и невредимыми. Но Кошевит и мой враг тоже, так что я постараюсь.

Беленир, Всесвятлир и Явор, велев дружинам ждать их на прежнем месте, вскочили соколу на спину и уцепились ему в перья. Когда они устроились поудобнее, Ясный Сокол взмахнул крыльями сизыми и взлетел в чистое небо. Как же сперва испугались удальцы, увидав далеко внизу землю, укутанную снегом, маленькие деревья и крохотных человечков! Но оттого они ещё крепче вцепились соколу в перья, и один лишь Явор остался спокоен и твёрд. Казалось, он несколько не боялся, так велика была его выдержка. Тем временем, всем в лица подул западный ветер, нёсший с собой свежесть и влагу моря. Златошелковые волосы берегина развилась по воздуху, а скомканые и грязные волосы витязей слегка заколыхались. Тут-то и почуяли Беленир и Всесвятлир всю прелесть полёта и свободу, которую он давал сердцу, сначала наливая его страхом, а затем превращая страх в бесстрашие — волю, способную сдвинуть горы. Так что вскоре путники не боялись даже озира́ться по сторонам и глядеть вниз с огромной высоты. Но они не успели вдоволь насладиться полётом — ясен сокол стал снижаться, и под его крыльями широкими ладья Кошевита становилась всё больше и больше. Вскоре в птицу грозную полетели калёные стрелы и короткие сулицы. Некоторые даже попали соколу в лапы, но от большинства он с лёгкостью увернулся.

— Высока высота поднебесная, но луна выше, — гордо воскликнул сокол, — глубока глубина океанская, но недра глубже! Да только острее соколиных когтей ничего нет! — и тут он с быстротой молнии налетел на ладью и, схватив в когти нескольких воинов, с силой бросил их вниз и размозжил об лёд. Затем сокол приземлился на ладью, и воины спрыгнули с его спины, а Явор успел пустить стрелу в рулевого, которую мало кто заметил, ибо она вонзилась тому в самую голову, и он безмолвно повис на руле.

— Удачи вам! — пискнула гордая птица.

— И тебе удачи, быстрый сокол! — откликнулся Беленир.

Хищник небесный взмахнул крильями и, тем самым сбросив всех с ног волной воздуха, взлетел ввысь. Он унёсся на восток, сопровождаемый тучей стрел, пущенных воинами

Кошевита. Более он ничем не мог помочь витязям, ибо сам кое-как спасся.

А Беленира, Всесвятлира и Явора тотчас окружили плотным кольцом. В их лица уставились яростные очи воинов и рабов и наконечники копий и стрел. Витязи и берегин встали спинами к борту и, выставив перед собой мечи верные, приготовились к бою. Честно сказать, они жалели, что оказались здесь. Да, жалеть было о чём: сейчас по одному велению Кошевита их могли расстрелять и тут бы ни щиты крепкие, ни даже бранные кольчуги не помогли бы.

— Где ты, подлец лукавый? — рассмеялся наигранно Беленир. — Неужто ты боишься показаться из-за спин своих слуг али прячешься от нас, страшаешься даже моего взгляда?

Эта речь сделала своё дело. Кошевит решил напоследок побеседовать со своими врагами и показать, кто здесь хозяин. Так сытый кот играет с мышью, прежде чем её съесть. Воины, облечённые в доспехи крепкие, расступились, и их надменный князь громкой поступью подошёл к витязям, пройдя от самого носа, к левому борту.

— Рад видеть вас гостями на моём корабле! — сказал неторопливо Кошевит бессмертный, погладив свою бороду, и его очи, светившиеся огоньками бледными, тотчас вспыхнули. — Жаль, что вы незваные гости. Но и это добавляет прелести, как для меня, так и для вас. Будь вы зваными, стояли бы в клетке, за железными прутьями, а так можно созерцать глупцов, выставивших вперёд мечи ржавые против тьмы метких стрел! Но в сторону все эти глупости. Зачем вы звали хозяина, вломившись в его дом?

— Ты не хозяин, а это не дом! — сказал Беленир. — А звали мы тебя, дабы вызвать на поединок, коли ты смел согласиться.

— Всегда надо видеть грань между смелостью и безумством, — промолвил на это Кошевит, увильнув от вызова. — Ты не видишь эту межу, проложенную встарь.

— Может быть и так! — изрёк на то Беленир, в то время как Всесвятлир и Явор опасливо молчали. — А, может быть, ты просто трус и боишься принять вызов.

— Хорошо, я принимаю его! — согласился Кошевит, повёл челюстью и хрустнул костями.

Явор с Всесвятлиром отошли подальше, чтобы их случайно не задело в поединке.

— Несчитанное количество раз я видел костры погребальные, — шмыгнув носом, продолжал Кошевит, — и похороны отважных витязей, коих я отправил к праотцам, и тризны печальные по их смерти. Порой видел я, как вороны чёрные пируют моими мёртвыми врагами, порой видел, как деда Земнородные обращаются в землю, порой видел, как божичи древние собираются войной на меня и как нежить проклятая тянет к живым свои пальцы. Много видел я. Так что мне не будет труда размоzzить твой череп своим мечом! — и Кошевит, обнажив длинный клинок и отдав ларец, до того висевший у него на шее, доверенному воину, тотчас набросился на Беленира. Кое-как витязь успел отскочить в сторону от меча, и удар пришёлся по палубе. Лезвие длинное застряло в доске. Беленир хитроумный не стал терять времени: взял да и разрубил меч пополам.

— Дайте мне палицу! — крикнул тогда Кошевит, увидев, что клинок его никуда не годится.

И, не успев Беленир ударить врага, как в руки тому забросили палицу огромную в тридцать пудов. Кошевит взял её в десницу и повертел ею как будто в ней и вовсе не было веса. Беленир глянул и увидел, что вся палица была усеяна кольями, как пасть щучья зубищами, и колья эти были не простые: все остры как бритва и на многих запёкшаяся кровь. Однако удалец не дрогнул и первым обрушился на Кошевита. Но ворог окаянный выдержал

все его удары: какие отбил, от каких увернулся, а другие ему и вреда не причинили. И тогда Кощевит принялся сам нападать на Беленира. Он не жалел своего супротивника, не миловал рьяного молодца и сражался так, будто сражается за свою жизнь. С трудом удалец отбил удары страшные и перевёл дух. Но успокоился он рано: негодяй коварный махнул своей палицей и сломал витязю левую ногу. Усмехнувшись и оскалив свои зубы, Кощевит пнул Беленира и повалил того на палубу. Нога у Беленира налилась болью, казалось, что она вот-вот отвалится. Сам витязь то ли кричал, то ли смеялся — ему было непонятно. К мозгу волнами горячими текла боль и хотелось закрыть глаза и забыться. Но тут Кощевит наступил на удальца своей тяжкой ногою и захотел задавить до смерти своими железными сапогами. Витязь очнулся и схватил проклятую ногу и стал удерживать что было сил.

— Разбейте его смерть! — крикнул он своим друзьям. Но как они могли разбить ларец кованный, где таилась смерть Кощевита, коли на них было нацелено множество луков? Так что Явор уже мысленно простался с жизнью и с гордостью думал, что он умирает как настоящий воин. Всесвятлир и вовсе хотел только того, чтобы всё поскорее закончилось.

Между тем лёд заметно истончал, и вёсла железные, опускаясь вниз, без труда его проламывали. Ладья о чёрных парусах прибавила скорости, и вдруг перед ней возникла скала невысокая. Корабль с мёртвым рулевым врезался в неё правой стороной носа, и все тотчас свалились с ног. Воины Кощевита упали друг на друга, и многих своих придавили насмерть, а кого проткнули стрелами калёными да длинными копьями. Кощевит тоже свалился с ног, и Беленир освободился.

— Ищите смерть! — вновь вскрикнул он. Пусть Кощевит упал и более не держал его, а валялся, придавленный кучей своих воинов, витязь потерял силы, и у него была сломана нога. Беленир глянул на неё и увидел, что из неё торчала кость переломанная и потоком лилась кровь. Сердце его захватило, по венам побежал холод, и боль накатила с новой силой. Он стиснул зубы. Всесвятлир и Явор принялись искать кованный ларец, сундучок старинный, в коем была схоронена смерть Кощевита. Он должен был быть у воина, которому Кощевит его отдал на время битвы, или же где-то рядом с ним. Беглым взглядом друзья Беленира стали осматривать недругов, которые все ещё валялись на палубе. «Где же он?» — думали в растерянности Всесвятлир и Явор. Тут они получше огляделись и заметили того самого воина. Явор тотчас его прикончил и забрал ларец.

— Будь он проклят! — воскликнул радостно Всесвятлир. — Надо скорее открыть его! — воин потянул к ларцу руки, и Явор случайно выронил его, и сундучок упал на палубу.

— А! — вскрикнул Кощевит, почувствовав звериный страх и жгучую боль под сердцем. — Схватите их и убейте! Убейте! Пристрелите, рассеките и сожгите! Убейте!

Воины Кощевита, прихрамывая, стали подниматься и искать свои луки и копья, кто-то наконец заменил рулевого. Пойти с витязями в рукопашную никто не осмелился. А Явор и Всесвятлир, пока к ним боялись подступиться, крепко сжали в ладонях свои мечи острые и со всей силы, со всей богатырской удали, стали бить по ларцу. Раз удар, два удар — с сундучка попадали искры, и Кощевиту показалось, будто по нему молотят кувалдами десятков кузнецов. Три удар, четыре удар, и негодяй подумал, что змей палит ему мозг страшным жаром, а маленькие змеи копошатся под кожей. Но ларец был крепок и Явор с Всесвятлиром не успели разбить его. Как никак воины оправались и, натянув луки тугие да нацелив стрелы на берегина, спустили тетиву. Стрелы просвистели в холодном воздухе. Те, что летели в голову, ловкий Явор сумел отбить мечом, другие просто отскочили от его брони, но другие вонзились ему в руки и ноги. Берегин с криком упал, а Беленир, беспомощно смотревший за

происходящим, бросил Всесвятлиру Самосек чудесный, крикнув:

— Рассеки им ларец!

Всесвятлир кое-как успел выбросить из рук свой меч и поймать грозное оружие Беленира. И, пока воины Кощевита не натянули сызнава свои тугие луки, он, занеся клинок над головою, ударил им по сундучку. Тут же искры заблистали на острие меча и разлетелись яркими брызгами в стороны. Из разбитого ларца повалил сизый дымок, похожий на пар. Сердца у всех замерли, а Кощевит схватился за голову: ноги не несли его, а мозг кипел. «Не стрелять!» — крикнул он, боясь, что какая-то стрела может задеть его смерть.

И вдруг из ларца выкатилось яйцо! Никто этого не ожидал, кроме, само собой разумеется, самого Кощевита. Яйцо то было не куриное и не перепелиное, да и не орлиное, а змеево и при том большое и очень старое. В нём-то и была смерть Кощевита — стоило раздавить его всмятку, думали витязи, и подлец тотчас бы умер, навсегда покинув сей мир — так говорили некоторые из мудрых, но и они в точности не знали всего. Но не так-то и просто было раздавить это яйцо заветное. Ведь сперва надо было поймать его, а оно выкатилось из ларца так быстро, что Всесвятлир не успел его схватить. Воины Кощевита же, подчиняясь приказу, опустили луки и даже не тронулись с места. А яйцо змеиное всё катилось да катилось, и взоры всех были устремлены на него. В конце концов, оно прикатилось Кощевиту прямо в руки, и Беленир с ужасом вздрогнул: теперь их ждала смерть. Кощевит, поражённый произошедшим, осторожно и трепетно взял яйцо, поднялся на ноги и прошептал:

— Бездна едва не поглотила меня, — и он посмотрел на яйцо, по которому пошла небольшая трещинка. Тут его лицо сделалось гневным, и он возвысил голос: — За содеянное вы будете уничтожены. Искали мою гибель, но найдёте свою! Смерть моя, сегодня ты меня не обретёшь.

— Ха! — усмехнулся Всесвятлир. — Чудак с яйцом разговаривает!

Кощевит же тем временем подозвал карлика-горбуна. Тот принёс ему новый ларец, и колдун положил в него яйцо змеево и затворил крепко-накрепко старинным ключом.

— А теперь все закройте рты! — крикнул карлик-горбун. — А ты, — и мерзкий уродец воззрился на Всесвятлира, — что ты можешь знать о яйцах, если у тебя нет ни одного?

— Врёшь! — отозвался Всесвятлир. — А ваше яйцо затухло, разбей и сам понюхай!

— Шутки шутками, — усмехнулся Кощевит, — но все ваши усилия оказались тщетны. Я непобедим, — и тут он многозначительно глянул на ларец. — Многое решает сила, стоящая на сторонах, и простой случай. А сегодня и сила, и случай оказались на моей стороне.

— Какая же сила на твоей стороне, коли ты подло сбежал с поля боя? — воскликнул громко Всесвятлир. — Какой же случай на твоей стороне, если мы чуть тебя не прикончили? Ты глупец!

— Нет! — прервал его Кощевит. — Это ты глупец, ибо яйцо именно по воле случая прикатилось мне в руки, а вас повергла моя сила!

И тут Кощевит выхватил у стоявшего рядом с ним воина копьё и с быстротой молнии бросил его в дерзкого Всесвятлира. Сулица устремилась воину прямо в грудь. Удальцу удалось увернуться, и копьё вошло ему в плечо. Если бы не ловкость, какой славился Всесвятлир, его пронзило бы насквозь в самое сердце.

И тут Кощевит хотел уже подать знак своим воинам, чтобы они убили витязей. Вот и настал бы конец удальцам, и горька была бы песня али сказание о них, а бахари, расхаживая по хуторам да городам, с печалью бы возвещали об их кончине. Но вдруг откуда ни возьмись

появился Белобород. В смысле, Трескун. Ну, в конце концов, он любил оба имени, так что я буду называть его и так, и так. Уж извините меня за то, что деды и так слишком часто мелькают в этом сказе и когда только не появляются тут их длинные бороды. Да только что поделать, если мир тогда был ими насыщен и сейчас появился Белобород? Не убрать же его из этой славной истории, навсегда проронив мимо уст часть сего сказа? И, пусть я возвещал уже о Всеведе, Деде-Пасечнике, Мал-стар Дедке, о Каукисе из Вутирна да о Кручине — добром советчике из-за печи, но пришло время появится ещё одному деду, и я с этим ничего не могу поделать. Быть может, многие хотели бы увидеть Маланьицу или ещё какую красавицу, но я не хочу врать, и придётся вам выслушать про ещё одного старца.

Так вот, откуда ни возмись, появился Белобород, которого называют также просто Белобором и Трескуном. Все Земнородные имеют несколько имён, однако Белобород в особенности. Но, об этом сейчас не столь важно знать. Белобород явился на ладью: он запрыгнул прямо на самый нос, да так, что весь корабль покачнулся под его тяжким весом. Витязи глянули и увидели, что он был одет в рубаху просторную, подпоясан толстым кушаком, а поверх плеч у него была накинута шуба зимняя, медвежья. Полы шубы достигали самых стоп и из-под них едва были видны тёплые валенки. На седой же, что снег, голове Трескуна сидела шапка боярская, с соболиным мехом, она была сдвинута набок. И белые брови старца были нахмурены, а очи синие чуть-чуть стиснуты веками. Щёки были румяны от холода, и по ним пролегало несколько неглубоких морщин, придававших Белобороду значимости. К тому же его длинная седая борода и усы развевались по ветру, и потому дед выглядел особенно грозно и сурово.

— Замрите! — крикнул повелительно Белобород, насупив большой пухлый нос. — Иначе я дуну так, что вы все обратитесь в ледышки! — воины и рабы Коцевита замерли, ведь они были трусливы и не хотели умирать в этот день.

— Ты кто? — сдивовался Всесвятлир, глянув на деда седобородого.

— Я тот кузнец, который сковывает воду! — отвечивал с гордостью старец. — Я творец узоров да снежинок дивных, повелитель холода да хозяин зимы, устроитель снегопадов и учинитель метелей суровых. Я — Белобород, друг и соратник Стриора.

— Ха! — усмехнулся Коцевит. — А теперь, когда ты представился, проваливай прочь, иначе окостенеешь как навь.

— Привет тебе, Коцевит, пусть меня ты и не жалуешь! — сказал дед и бросил на Коцевита пристальный взор, один из таких, под какими сложно устоять и какие пугают даже суровых воинов. Однако, Коцевит продолжал стоять как прежде — твёрдо и незыблемо.

— Твоя сила на исходе, — продолжал Белобород, — ибо ты растратил её на убийство Мал-стар Дедка, твой посох заколдованный больше не помощник тебе. Горькая новость о гибели друга уже дошла до меня — её донёс до моих ушей Всевед. И я пришёл отомстить за древнего лесовика.

— Ты выбрал неподходящее время: я сейчас занят! — сказал Коцевит. — Быть может, назначим другое время и схлестнёмся без помех?

Дед почесал бороду и задумался. Беленир к тому времени встал, с болью прихрамывая на одной ноге, и, забрав Самосек у Всесвятлира, опёрся на рукоять своего меча. Всесвятлир же несмотря на ранение взял свой прежний меч и поднял под руки Явора.

— А мы, пожалуй, пойдём! — сказали воины, обратившись к Белобороду.

— Идите на здоровье! — ответил дед добродушный. — И помните, что неудача — лишь

повод начать снова!

— Порой нет времени и сил, чтобы начать снова, — сказал на то Беленир.

— Тогда неудача — ещё и способ вернуться к лучшим временам! — добавил Белобород.

— Можете не радоваться! — сказал Кошевит. — Для вас путь назад закрыт! — и тут он вновь подал своим воинам знак, чтобы они убили витязей. Вмиг десятки стрел вылетели из тугих луков. Но тут же Белобород, грозно нахмурившись, дунул так, что щёки его посинели. Стрелы, летевшие прямо в путников, отнесло назад как спички, и многие из этих стрел убили самих стрелков. Когда же Белениру и его товарищам ничего не грозило, Белобород дунул во второй раз. И витязей потоком воздуха отнесло прочь с корабля о чёрных парусах прямо на лёд. А ладья черногрудая между тем уже миновала скалу и поплыла дальше по синему морю. Путь вперёд был почти свободен от льдов. Витязи же были спасены.

Так сидели трое славных мужей на льду и глядели, как Кошевит со своей смертью, а также и Белобородом уходят от них прочь на старом корабле и как ладья чёрная носом взрыхляет морские зыби. Им даже было слышно, как трещат льдины под её бортами и как ветер суровый надувает чёрный парус. Близилась заря вечерняя, кровавый заход. Ладья же, плывя навстречу поалевшим небесам скоро скрылась из виду за окраинами мира, исчезнув для Беленира и Всесвятлира навсегда. Вот уже зажглись звёзды, усыпав небосвод чудесными россыпями, и стали подмигивать нашим путникам, словно маня их пойти вслед за кораблем. Но витязи уже сделали своё дело — попытались убить Кошевита, хотя у них и не вышло. Борьба с врагом — тяжёлая борьба и не всегда в ней можно победить своего противника. В ней главное остаться живому и сохранить лицо благородным, а сердце честным — это тоже победа.

И Беленир понял это, томясь от страшной боли, озноба и голода, вдыхая холодный вечерний воздух да глядя вдаль, на рдяноглазый закат. Явор и Всесвятлир же, пострадавшие не меньше, не хотели более ни о чём думать.

Глава 22. Конец пути

Чтобы можно было быстрее идти, Всесвятлир обломал древко копья, что застряло у него в плече, и кое-как перевязал руку. Белениру привязали к ноге ножны от меча и повлекли вперёд, вернее назад, к берегу. Его руки могучие лежали на плечах у Всесвятлира и Явора, и он уже ничего не понимал. Только нога ныла, а боль, растекаясь по телу, сковывала мысли. Желудок был пуст. Скоро витязь забылся, почувствовав, как тело холодеет, а путники по льду под тихим ночным небом добрались до дружин, разбивших в ожидании у берега лагерь. Они вышли из тумана на холодные берега, и поначалу этого никто не заметил.

— Эх, вы, пьяницы окаянные! — упрекнул витязей первый заметивший их воин, когда те ещё не вошли в стан. — Напились вусмерть!

— Всё шатаетесь! — заключил другой с нарочитой важностью.

— Пора бы вам уже завязать с пивом, пока пузо до колен не опустилось, — подшутил первый и усмехнулся.

— Лучше бы вы посидели, пока не расквасили себе спьяну головы! — сказал ещё один ратник, услышав разговор о пьяницах. — И где вы только берёте бражку?

— Да замучили вы, невежды! — молвил, подошедши поближе Всесвятлир, иначе издалека его бы просто не услышали: голос его осип.

— Нисколько мы не пьяны и даже чарочки в рот не пролили, — подтвердил очнувшийся Беленир. — Вернулись мы с ладьи о чёрных парусах!

Все воины выпучили глаза и уставились на витязей, которых только что приняли за бражников. Тотчас они извинились и дотащили Беленира и Явора до лекаря, сопроводив к нему и Всесвятлира, который потерял меньше крови и более уверенно стоял на ногах. Ему они сообщили, что позаботились о конях. Правду сказать, никто ни о ком не заботился: Космач сам потребовал себе овса, и волей-неволей воины его накормили. «Это хорошо, что кони не голодали», — согласился Всесвятлир. Беленир же, прежде чем его принесли к лекарю, огляделся и заметил, что в стане рядами лежали ратники павшие, а их окровавленные доспехи блистали в дозорных огнях. «Сколько пало!» — воскликнул он и смолк. Но витязь не подумал, что ещё больше мертвецов покоится на дне морском и что русалки нечистые уже обгладывают их кости.

Скоро лекарь-берегин осмотрел Беленира и вправил ему кости. Сделав всё необходимое, он забинтовал ногу и привязал к лодыжке доску. И, чтобы удалец не мучился, врач искусный напоил его отваром, что снимал боль. Всесвятлиру лекарь вытащил из раны сулицу и всё надёжно обработал, вправил и перевязал. С Явором же врачеватель провозился больше. Он долго вынимал у того из рук стрелы, и они рвали мясо. Но Явор даже ни разу не вскрикнул и даже слезы не пустил. Так крепок был его дух.

Со всех троих сняли доспехи, одежды мокрые и дали тёплые меховые шубы. Не забыли, конечно же, и накормить отважных витязей. Наевшись, Всесвятлир отправился к костру и уселся подле огня. Вслед за ним, опираясь на посох, покинул лекаря и Беленир. Он тоже устроился у костра трескучего и стал слушать песни, что распевали воины Стрезибора. И тут Беленир вспомнил оду Стриору, которую пел дважды Митрапирн и захотел воочию увидеть могучего владыку ветров, гонителя облаков и пены морской. «Я видел Кошевиты, — подумал он, — видел дедов вековечных, а вот божичей видеть ещё не доводилось! Вот бы увидеть Стриора во всём величии!» — и он обернулся словно в надежде разглядеть его в темноте. И

вперив взор во мрак ночи, сонный витязь долго сидел и смотрел на восток, покуда в его очах не стали видны очертания холма крутого, что возвышался вдалеке над лесами, а в ушах не стал слышен жуткий вой ветра. Беленир хотел уже отвернуться, как вдруг увидел на самой верхушке холма человека тёмного с колыхавшейся на ветру длиннющей бородой и с сулицами на поясе. Луна бледнощёкая освещала его грозное лицо с косматыми бровями и рыжими усами, и в её туманном свете тот человек суровый был похож на чародея, а его огненные очи горели ясно как два светоча. «Не сон ли мне снится? — подумал воин. — Не кажется ли всё это моим уставшим очам?». И тут Беленир услышал смех, порывистый и суровый как ветер, громкий и заунывный как буря, свирепый как вихрь и неистовый будто смерч. Он прогремел как гром среди ясного неба, с быстротой ветра пронёсся над холмами древними и улетел под частые звёзды к самой луне. Но, когда Всесвятлир и другие воины обернулись, они не увидели самого Стриора, да и от взора Беленира он тоже скрылся. «Это был точно не сон!» — сказал про себя витязь и улыбнулся.

— Это был смех самого повелителя ветров! — сказал один берегин, сидевший у костра да гревший руки. — Его редко доводится слышать обычным людям, но сегодня Стриор, не скупясь, наполнил ваши уши своим хохотом, а сердца дивной музыкой ветра, а коли кто из вас видел его — значит тот этого достоин.

На эти речи ни Беленир, ни Всесвятлир ничего не ответили, а только лишь вяло кивнули головами. Они уже устали и хотели спать. Да и простудились они изрядно, плавая в водиче холодной и гоняясь на спине у сизогрудого сокола за ладьёй о чёрных парусах. Двое друзей легли поодаль друг от друга и накрылись тёплыми заячьими и овечьими шубами. Они уснули прямо под открытым небом, у ворчливого костра, и спали с лёгким сердцем, выбросив из головы Коцевита, откуда ни возьмись появившегося Белоборода и думы о будущем княжьем бремени. Всю ночь провели они, посапывая да похрапывая, и даже наутро они не поднялись на ноги, а всё дремали под тёплыми зимними шубами около потухших головёшек. Беленир даже позабыл о сломанной ноге. Всего провели они в лагере три дня, наутро четвёртого они встретили тех, кого не ожидали.

— Вставайте, лентяи! — вдруг сказал знакомый голос. Это был голос Брисинора.

— Поднимайтесь уже скорее! — добавил голос Волнозора.

Беленир высунул голову из-под воротника и, едва открыв веки, воскликнул:

— Здравствуйте, друзья! Давненько не виделись.

— И впрямь давно! — изрёк весело Брисинор и вместе с Волнозором присел около витязей. Удальцы посмотрели на них и увидели, что их друзья славные ничуть не изменились, даже их одежда и волосы не испачкались, тогда как сами Беленир и Всесвятлир все вымазались в грязи, а их волосы скомкались и были нечёсаны и спутаны. Но это им простили, ибо они пережили опасностей куда больше, чем даже многие былинные герои.

— По вашему велению Дед-Пасечник привёз мне золото княжье, — продолжал Брисинор, — и его нынче стерегут как зеницу ока.

— А золота там много, — молвил Волнозор. — И кроме золота много серебра и меди!

— Это хорошо, — согласился Беленир. — Вы одни прискакали?

— Пчельник сказал, что вы вдвоём отправились за Коцевитом, — отвечал улыбочиво Брисинор, — и встряли в какую-то переделку с лешими, так что я собрал дружину небольшую — всего дюжину удальцов и с ней сюда и явился. Хотя мы и пришли к Русалочьему берегу за короткий срок, ибо нас не водил кругами проклятый Коцевит, но всё равно опоздали. Это нехорошо.

— Это как посмотреть, — привстав, сказал Беленир, — в конце концов, ты мог погибнуть в этом сражении. Так что тебе повезло.

— Но я опоздал, и это не похвально! На битвы нельзя опаздывать.

— Там и битвы-то толковой не было, — проворчал Всесвятлир и тоже поднялся.

— Как так не было? — изумился Волнозор. — Все о ней только и говорят, а ты говоришь не было.

— Одно дело, — сказал Всесвятлир, — когда ратоборцы сшибаются щиты о щиты, когда рати идут друг на друга, а совсем другое, когда две дружины бегут беспорядочной кучей за ладьёй и тонут в воде, обстреливаемые из луков!

— Но и с такой битвы многие не вернулись, — изронил Беленир. — Бой с трусом часто бывает похуже схватки с самым смелым из воинов.

— Отчего же это? — вновь удивился Волнозор, увидев в Беленире перемену.

— Трус сбежит, а храбрец не отступится, — ответил ему Беленир и протёр глаза. — Кошевит как раз трус.

— Про него я уже слышал — уплыл старый бес, — рёк Брисинор, — но хотелось бы узнать, разделались ли вы с лешими?

— Одному я срубил голову с плеч! — сказал Беленир. — Другие два придут сюда за золотом. Я им обещал. Правда, они что-то запаздывают, да и это хорошо. Ведь золота у меня нет, а расплатиться я хотел сокровищами Кошевита. Да и были ли эти сокровища на этой проклятой ладье? Наверное, нет.

— Зато на дне их полно! — ухмыльнулся Всесвятлир. — Доспехи берегинов покрыты золотом да серебром, а какие даже драгоценными камнями. Вот и будет лешим золото. Правда, добыть его они не смогут.

— Хорошая мысль! — встрепенулся Беленир. — Так и уговор будет выполнен, правда, леших мы не задобрим... Но как-то нехорошо распорядиться чужими богатствами. Тем более их владельцы мертвы... Нет, мы не будем трогать золото берегинов.

— Мы, берегины, не очень-то и ценим золото! — сказал подошедший Явор, опираясь левой рукой на посох, потому что правая была перевязана и привязана к груди.

— Но вряд ли легко с ним расстанётесь, — добавил Беленир.

— И то верно, — согласился берегин, как видно, слышавший весь разговор витязей. — Но доспехи эти принадлежат не воинам, а нашему государю. Отвечать за их потерю мне, так что сулите это золото кому хотите, не боясь нисколько гнева мёртвых. Всё равно негодяи не доберутся до их кольчуг.

— Спасибо на том, — сказал Беленир. — Надеюсь, подлецы не полезут снимать с мертвых броню, ибо павшие воины того не достойны.

— Добрые слова! — восхитился берегин. — Но мне и моей дружине пора уходить с этой земли.

— И мне тоже! — добавил Волнозор. — И не томите себя доспехами, которые и так не попадут к лесным мерзавцам в руки. Исполните обещание, а, если им не понравится, головы им долой. Обрубите им шеи — и дело с концом!

На этом Беленир и его друзья расстались с Волнозором, Явором и его дружиной храброй, от всей души поблагодарив берегинов за помощь. Тут же стан покинули и воины Стрезибора. Они отправились восвояси и унесли с собой павших воинов, а Белениру и Всесвятлиру оставили их коней. Вернее, никого они не оставили: Космач сам остался и оставил с собой всесвятлирова коня. Когда на север неторопливо потянулись две дружины,

унося с собою по сугробам белым да молчаливым холмам погибших ратников, друзья, вооружились, обкольчужились и пустились в обратный путь. Беленир, Всесвятлир и Брисинор, а также двенадцать добрых всадников, выстроившись клином, пошли на восток.

Небо было хмуро и молчаливо, словно хранило скорбь по павшим в бою или с горестью наблюдало за их искалеченными телами. И солнце ясное как с утра спряталось за серые тучи, так более и не показывалось, будто стыдясь проронить злачёную слезу на бедную землю. Путь пролегал по знакомым краям, и каждый сугроб казался родным. Когда же путники приблизились к сосняку заснеженному, где жили лешие, перед ними вдруг возникли откуда ни возьмись Берестень и Дубец и преградили дорогу.

— И где золото? — прорычал злобно Берестень, нахмутив очи. — Вы нас обманули, не было там золота, а была только битва!

— Да! — пискнул Дубец. — Это был наглый обман!

— Нет же! — воскликнул важно Беленир. — Всё золото ждёт вас там, и я советую вам поспешить, иначе его приберёт к рукам кто-нибудь другой.

— Ты лжешь, — сказал недоверчиво Берестень. — Мы там были и там куча воинов! Егс уже прибрали.

— Да, совершенно верно! — заметил Дубец. — Так что ты врешь.

— Да не вру я! — заявил Беленир. — Идите к морю да нырните поглубже — там, на дне морском, золото и схоронено, конечно если его не растаскали русалки зубастые. И никаких воинов там уже нет — разошлись по своим сторонущкам.

— Ах ты, грязный обманщик, на дне золото, значит! — вскрикнул бешено Берестень и хотел уже наброситься на витязей, но тут Всесвятлир сказал:

— Уговор выполнен, а уговор дороже денег! На дне есть золото, а мы обещали, что оно будет у Русалочьего берега, так что мы вам не солгали.

— Да! — вставил Беленир.

Берестень остановился и, как было видно, немного поостыл и стал думать. Но в раздумьях его брови, словно две ветви дубовые, склонились на глаза, так что он стал грознее прежнего и многим внушил страх. Но вскоре в его очах просветлело, а брови резко вздёрнулись ко лбу.

— Хорошо! — молвил он медленно и напевно. — Я не буду вас убивать и удовольствуюсь златом на самом дне залива. Быть может, повезёт, и я вытяну его однажды.

Тут Белениру стало совсем не по себе, ведь Берестень согласился на эту уловку, надеясь вытянуть золото, но он не знал, что в это золото облечены мёртвые.

— Это золото к тому же не простое! — сказал тогда витязь, подумав, что негоже скрывать от леших правду.

— Какое же оно? Неужто особенное? — рассмеялся Берестень, а Дубец тихо хихикнул сзади.

— Это доспехи злачёные, в которые облечены павшие воины! — ответил Беленир, а вся дружина за его спиной с ужасом ахнула, ибо все поняли, что лешие сейчас осерчают. — Но они не принадлежат воинам, а принадлежат государю берегинов, а ответит за них славный Явор, так что, думаю, вы не навлечёте гнева мёртвых. Если вы в это верите, конечно...

— Зато вы навлечёте мой гнев! — вскипел Берестень, в ярости сжав кулаки и оскалив хищные жёлтые зубы. Тут бы он ударил Беленира своей рукой, огромной как дубина, и витязь вряд ли сумел бы заслониться, но вдруг руку лешего схватил кто-то сзади.

— Не сметь! — сказал неведомый заступник и тотчас показался витязям: то был Дед-

Пасечник. — Здравствуйте, добрые молодцы, и вы, хозяева лесные! Пришёл я разрешить ваши беды. Без меня — вы, видимо, никуда. Вот, принёс я золота!

Все тотчас застыли и переглянулись. Беленир подумал: «Неужто он взял моё золото и отдаст его этим негодьям?». Всесвятлир тем временем предположил: «Он что называет золотом свой мёд и дразнит леших?», а Берестень удивился про себя: «Что здесь делает этот проклятый дед?». Дубец же не успел даже ничего подумать.

— Вот, нате вам златце! — повторил старец, утирая со лба пот, и вручил в руки леших увесистый мешок — видно, он от воронов узнал, что произошло с витязями после его ухода. — Считайте это выкупом за смерть вашего глупого друга, хотя он сам виноват в своей гибели. А теперь убирайтесь прочь в лес, пока я не передумал и не похоронил вас в окрестных сугробах!

Берестень, не желая пререкаться с вековечным дедом, вместе со своим другом отошёл назад и вскоре скрылся в бору меж высоких сосен.

— Ты дал им настоящее золото? — удивился Всесвятлир.

— Да! — проворчал, насупившись, дед. — Мне оно ни к чему. Я не ставлю его ни во что.

— Где ж ты его добыл? — спросил Беленир.

— Откопал свой давний клад, что зарыл в Заповедном Крае давным-давно! — отвечивал дед. — Теперь, когда это золото больше не принадлежит мне, я словно сбросил с себя груз.

— Откуда ты узнал, что произошло с нами после твоего ухода? — продолжал засыпать пчельника вопросами Беленир.

— От ворон, — ответил тот. — Одна из них и за Кошевитом наблюдала, да только не вернулась потом с вестями.

— Подстрелил он ее, — молвил Всесвятлир.

Вскоре путники вместе с Дедом-Пасечником добрались до затерянного среди зимнего серебра пепелища. Некогда это был княжий чертог. На месте былых хором, в которых прежде светлый князь пировал со своей дружиною, поднимая скобкари да енды в над самыми макушками, остались лишь головни, усыпанные пеплом и снегом, да камни, чёрные от гари. Но всё равно от этой разрухи, лежавшей в немом и угрюмом молчании, веяло княжеским величием, а каждый почерневший камень был пропитан печалью старины и словно тосковал по стародавним дням, когда он гордо красовался в прочной храмине.

— Чертог разрушен, а его разрушитель не наказан! — сказал Беленир.

— Кошевит — это вам не мелкий воришка, укравший булочку в торговой лавке, — рассмеялся Дед-Пасечник. — Его не так-то просто наказать. И всё равно у вас это почти вышло.

— Если бы не Белобород, мы бы даже не покинули проклятую ладью, — молвил на то Беленир. — Но интересно, что же случилось дальше: бился ли Белобород с Кошевитом и победил ли, если бился.

— Это ты узнаешь разве что из уст самого Белоборода! — изрёк Дед-Пасечник.

На этом путники и вековечный старец простились, и дед зашагал на север, к себе домой. Увидав, что и пасечник уходит, Космач промолвил:

— Беленир! Я сослужил тебе службу верную, ратную, а теперь мне пришло время покинуть тебя. Вы уже сделали своё дело, но будут новые богатыри, и им я пригожусь больше. Прощайте, славные витязи, и пусть все дороги ведут вас домой! — и конь заржал,

тряхнул хвостом пышным и, подпрыгнув, понёсся прочь от своих прежних хозяев, пропуская под копытами поля обширные да ледяные речки, деревни скромные и заснеженные дубровы.

Так окончился славный поход Беленира и его товарищей верных. Сам Беленир, устав от забот, передал княжение Всесвятлиру. Первый пир в честь победы над змеем славный князь Всесвятлир велел устроить на зелёном холме, едва наступила весна. Затем он приказал заново выстроить разрушенный чертог, и вновь камень водрузился на камень, а гридница стала ещё краше прежнего. И всё в ней стало как на небосводе: на небе катится солнце красное — оно и в горнице покатывается, на небосклоне мерцают звёздочки — мигают они и под арками, в небе бледный месяц видится — он же и в потолке красуется, под облаками рыщут яро молнии — они и на стенах выбиты. И много чего ещё хорошего сделал светлый князь Всесвятлир и для дружины своей и для народа. И во многом помогал ему Беленир.

Когда наши витязи уже обзавелись женами светлокосыми и даже когда их сыны выросли под ласковым и приветным солнцем и стали посильнее своих отцов, закатали друзья пир. Явились на него воины храбрые и селяне дружные, старосты и рыбаки — много народу стеклось в гридницу княжью. И, когда все собрались за столами, зазвенели гуслицы яровчаты и заиграли златострунные арфы, наполнив чертог дивной музыкой. Этот пир вышел ничуть не хуже того пира, что устроил встарь Митрапирн. В этом пиrowанье было даже больше еды, а брага с пивом были в большем изобилии. И Всесвятлир восседал на престоле резном и попивал похмельное вино, а вокруг него сидели Беленир и Брисинор, глядя на пирующих да поглаживая бороды.

И тут вдруг отворились двери, и в храмину просторную вместе с холодным сквозняком вошёл сам Белобород. Он почти ничуть не изменился с тех самых пор, как его последний раз видели Беленир и Всесвятлир: он остался таким же суровым и могучим, только лишь борода его белоснежная стала длиннее и шире.

— Здравствуйте, все собравшиеся! — возгласил дед голосом, подобным завыванию зимней вьюги. — Пришёл я в гости к Белениру да к Всесвятлиру — проведать старых знакомых.

— Привет, Белобород! — сказал Беленир, а вслед за ним и все. — Долго нас мучила дума, что же случилось с Кощевитом, одолел ли ты его али он тебя. Присаживайся же к нам поближе и расскажи толком, что было после того, как мы свалились с ладьи в тот давний день.

Белобород неторопливо, с важной разухабистой походкой прошёл поближе к престолу Всесвятлира и, столкнув со стула какого-то зеваку, присел, поставив около стола резной посох.

— Что ж! — начал он зычно. — Это было уже так давно, что я чего-то, может, и не упомяну. За последнее время были и более памятные события, так что не вините меня в забывчивости.

— Ладно, давай, старец, говори свой рассказ! — молвил Всесвятлир от нетерпения и поправил на голове княжий венец.

— Так вот! — продолжал Белобород напевно. — Как сдул я вас с ладьи, Кощевит даже обрадовался. Но затем я подул на его воинов, и подул что было силы, так что все они тотчас обернулись ледышками. Кощевит, увидав это, бросился на меня, и мы бились так долго, пока ладья не оказалась так далеко от берега, что не стало видно даже синих берегов! И тут, пока мы обменивались ударами, над нашими горячими головами разыгралась буря страшная, неистовая. Ветер хлестнул по парусу, и парус чёрный порвало в мгновение ока. Грозил буря

утопить нас обоих в морской пучине, ибо даже валы и волны сражались друг против друга в те дни! Затем полил ливень, и тут я сумел отнять у Кошевита ларец с его жизнью.

— И ты убил его, ты сразил злодея? — спросил нетерпеливо Беленир: в его груди постаревшей уже поднялся прежний огонь, а очи вспыхнули.

— Слушай дальше! — вздохнув, возгласил Белобород. — Ладью в тот же миг накрыло волною, и она пошла ко дну. Как назло, я выронил из рук ларец, и его подхватил Кошевит. Когда я всплыл, я увидел лишь, как негодяй метнулся прочь на тени, подобной большой чёрной вороне, и исчез, захохотав.

— Зачем же ты пришёл, дед вековечный, коли принёс нам злые новости? — огорчился Всесвятлир.

— Всякие вести хороши, потому что развеивают неведение! — ответил на то Белобород. — И не кручиньтесь, что Кошевит выжил и что ни вы, ни я не смогли его одолеть. Видно, не пришло ещё время. Да и когда придёт, на место Кошевита встанет другой, ибо борьба — часть этого мира, так что она бессмертна и умрёт лишь когда умрёт сам мир.

— Но как ты смог спастись из морских волн? — задал вопрос Беленир.

— Я же Белобород! — воскликнул весело старец. — Так что мне это не стоило большого труда. А теперь прощайте, пришло время мне уйти от вас! — и Белобород развернулся и вышел из чертога, покручивая белый ус.

А пир продолжался, и шёл он, пока за окнами не смерклось. И я там был, мёд да пиво пил, по усам медовуха текла, по бороде брага струилась, а в рот ни капли не попало.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net